

3408

~~А 99~~

П. ЛЯЩЕНКО

5958

~~Ш. П. Э.~~

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Рабочее Издательство „ПРИБОЙ“
Ленинград 1924

8016 9408

5958 bis

[Handwritten scribble]

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Отдельные издания.

Мобилизация землевладения в России и его статистика. М. 1905. 48 стр.

Мукомольная промышленность России и иностранные потребительные рынки. 2-е изд. Спб. 1910. 131 стр.

Кооперативный кредит и его значение в реализации урожая. Птг. 1910.

Хлебные тарифы и жел.-дор. перевозки. Спб. 1910. 25 стр.

Последний секретный комитет по крестьянскому делу. По док. Арх. Гос. Сов. Спб. 1911. 56 стр.

Хлебная торговля на внутренних рынках Европ. России. Спб. 1912. XI+656 стр.

Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, ч. I. Спб. 1913. 724 стр.

Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии. Спб. 1915. 293 стр.

Экономические причины и условия современной войны. Томск. 1915.

Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, ч. II. Томск. 1917. 146 стр.

Юго-восточный статист. сборник. Рост. 1918. 94 стр.

Экономические районы Юго-Востока. Рост. 1918. 103 стр.

Кредитные кооперативы Ю.-В. Рост. 1920. 30 стр.

Промышленные предприятия Ю.-В. Рост. 1920. 28 стр.

Экономическое районирование Ю.-В. Сборник статей в Трудах Ю.-В. плановой комиссии. Рост. 1922.

А. Смит. Сокращ. перевод со вступительной статьей. Пет. 1923, изд. «Прибой».

Очерки аграрной эволюции в России, т. I. Ленинград. 1924, изд. «Прибой».

Оставшиеся в продаже экземпляры имеются на складе издательства «Прибой».

ОТ АВТОРА.

2007

Настоящий курс «Истории политической экономики и социализма» составился из университетских лекций, читанных автором в 1913—22 г.г., записанных и изданных в первом издании студентами. Хотя настоящее второе издание подвергнуто некоторой переработке, тем не менее курс сохраняет свое прежнее основное назначение в качестве пособия к лекциям. Этим объясняется характер и объем изложения, которое начинается лишь с новейшей эпохи меркантилизма и включает лишь главных представителей экономической науки, оставляя в стороне авторов, менее важных для развития экономической доктрины. В связи с этой же целью и указания литературы ограничиваются лишь самыми основными и доступными пособиями, которыми слушатели могли бы пополнить недостаточность изложения.

Тем не менее можно предполагать, что вследствие отсутствия у нас новейших руководств по истории политической экономики, предлагаемый курс мог бы явиться и начальным пособием для самообразования лиц, желающих систематически заняться изучением политической экономики.

П. Лященко.

ВВЕДЕНИЕ.

Среди предметов академического преподавания экономических наук обыкновенно выделяется и получает особое значение курс истории экономических учений. Поэтому, приступая к этому курсу, прежде всего необходимо выяснить, почему история экономических учений должна выделяться в особый курс, почему кроме теории политической экономии необходимо еще изучать и историю развития экономической мысли, историю экономических учений. Не следует, конечно, думать, что история политической экономии заключается в простом хронологическом отчете и обзоре авторов, писавших когда-либо по вопросам экономических наук. Если бы мы стали на такую точку зрения, то изучение истории экономических учений получило бы совершенно бесплодный характер. Мы получили бы нечто в роде сборника рецензий, которые не дали бы ничего для разрешения тех проблем, которыми занимается политическая экономия. История политической экономии и ее идей не может быть для нас самоцелью, а должна быть лишь средством познания теории экономии. Она является *историческим методом* разрешения основных проблем политической экономии, средством для выработки общего социально-экономического познания и мирозерцания.

Главной и конечной идеей политической экономии является социально-экономический вопрос и его разрешение. Поэтому ее история становится историей идей разрешения социально-экономического вопроса. Конечно, идеи в экономической науке не зарождаются самопроизвольно. Они представляются результатом того или иного экономического строя, и развитие их находится в тесной связи с экономической действительностью, с экономическим бытом, с теми экономическими отношениями, которые создаются в ту или иную эпоху в экономической жизни и в которых заключается сущность социального вопроса этой эпохи.

В чем же заключается сущность социального вопроса, как его ставит и разрешает политическая экономия? В конечном счете социальный вопрос заключается в *экономической борьбе классов*. В общем и целом, эта экономическая борьба классов проявляется во все эпохи, как борьба вообще экономически угнетенных общественных групп с их экономическими угнетателями. «Свободный и раб, патриций

и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, словом, угнетатель и угнетенный питали друг к другу вечную вражду и вели непрерывную войну... Но с дальнейшей дифференциацией общества и закреплением его классовой структуры, эта борьба получает особенно законченный и определенный чисто-классовый характер. При различных формах и стадиях экономического быта и развития производительных сил общества, эта классовая борьба происходит в различных формах. На протяжении истории мы встречаем различные виды расчленения общества на классы и историческую смену их. Первоначально мы видим класс духовенства и класс светской земельной аристократии; потом промышленный класс, буржуазию; и, наконец, на арену социальной борьбы выступает класс рабочих. Каждый класс, выступая на арену общественной жизни и вступая в войну с господствующим классом, стремится к тому, чтобы его интересы были сначала признаны обществом и общественным мирозерцанием, а затем уже, чтобы его интересы стали господствующими. Поэтому эта борьба общественных классов и заканчивается обыкновенно «либо коренным переустройством всего общества, либо гибелью обоих борющихся классов» (Маркс), в зависимости от того, насколько экономические условия и развитие производительных сил созрели для осуществления новых требований.

Понятно поэтому, что и самое содержание классовой борьбы представляется для различных эпох неодинаковым, так как каждый класс вносит в социальную историю свои особые интересы и свои идеалы устройства общества и общественных отношений. Первоначально, накануне зарождения современного буржуазного общества, эта борьба выражалась в борьбе за земельную собственность, которую ведет светская земельная аристократия за монопольное право распоряжения и обладания землей, как основной материальной базой производства и эксплуатации трудящегося. Затем выступает промышленный класс, буржуазия, который стремится воплотить в общественную жизнь и мирозерцание признание своих интересов — свободу промышленной конкуренции, свободу экономической жизни от опеки государства и формальную свободу экономических взаимоотношений работодателя-капиталиста и трудящегося. Наконец, выступает класс рабочих, который выдвигает новые условия и новые идеи социальной борьбы, напр., идею отрицания частной собственности на средства производства, идею о праве трудящегося на полный продукт труда и т. д. В зависимости от тех интересов, которые выдвигает и стремится осуществить тот или иной класс, складывается известная общественная идеология, складываются проекты разрешения социального вопроса, назревают и вырабатываются известные социальные отношения согласно духу эпохи.

Таким образом, история социального вопроса является историей социальной классовой борьбы, а история экономических учений изучает, каким образом социальный вопрос идеологически разрешался в известной экономической среде с точки зрения известных классовых

отношений, господствующих в какой-нибудь эпохе, т.-е. каким образом складывалась и создавалась известная общественная идеология и в каких материальных, экономических условиях существования общества она имела и находила источники своего возникновения.

С какого же момента мы должны начать изучение истории идей политической экономии? Казалось-бы, что мы должны начать это изучение с того времени, когда возник вообще социальный вопрос, т.-е. с момента разложения первобытного общества и возникновения классового общества. Но в действительности политическая экономия только в последнее время приобрела широкий социологический характер и значение особой теоретической науки, подводящей научный фундамент материального, экономического объяснения законов и хода общественного развития. Поэтому изучение истории политической экономии мы можем начать лишь с того времени, когда политическая экономия уже сформировалась в особую науку и задалась целью разрешения социального вопроса, как проблемы, в основе своей экономической.

Политическая экономия, как особая наука, выделилась с начала XVIII века, когда определился предмет и задача ее и выработался особый метод ее изучения. С этого же времени начинает особенно резко обнаруживаться и классовый состав общества и его экономическая база, особенно в связи с развитием капитализма. Традиционное деление систем политической экономии, которое выдвинул А. Смит, заключается в том, что первой экономической системой в науке о народном хозяйстве является система *меркантилизма*, затем система *физиократов* и, наконец, *промышленная* система, начало которой положил А. Смит. Это деление в настоящее время не может считаться полным, так как дальнейшее развитие экономической жизни и науки выдвинуло новые системы экономических учений. Так, прежде всего возникла «*национальная система* политической экономии», которая, в противовес универсальной промышленной системе, выдвинула особую национальную идею в экономической жизни каждого народа. Вместе с тем развитие экономической жизни и мысли выдвинуло новую экономическую научную систему—научного *социализма*. Каждая из этих систем различным образом разрешала социальный вопрос своего времени и всю вообще социальную проблему в целом.

Система меркантилизма кладет в разрешение социального вопроса ту идею, что это разрешение зависит от «народного богатства», которое, в свою очередь, зависит от денег и торговли. Такое разрешение социального вопроса с точки зрения достижения народного богатства путем накопления денег, развития торговли и путем денежной и торговой политики является основной чертой этой системы. Своим правилам и нормам меркантилизм придавал характер универсальности, так как, по его мнению, они одинаково приемлемы и необходимы для всех наций и равно способствуют разрешению социального благополучия во всех странах путем достижения богатства через накопление денег и организацию торговли. Вопросы производственного характера еще

не интересуют меркантилизм, и в условиях производства он еще не ищет корней социальной проблемы и ее разрешения.

Столь же универсальной является система физиократов, которая кладет в основу разрешения социального вопроса благосостояние, получаемое через земледельческий труд и земледелие. Этим физиократизм, как научная система, основанная на производственной идее, резко отличается от меркантилизма, как системы торговой. Но корни этих производственных условий, определяющих социальную проблему, физиократизм ищет только в условиях земледельческого производства.

Наконец, третья система политической экономии по классификации А. Смита, промышленная система является также универсальной и производственной системой. Но она считает источником благосостояния нации уже не только один земледельческий труд, а всякий труд вообще, почему выдвигает требования промышленной свободы, свободы труда, свободы конкуренции и предпринимательства.

Иное содержание кладется в основу системы национальной политической экономии. Эта система возникла под влиянием исторической школы в Германии и разрешает социальный вопрос применительно к тем или иным условиям: историческим, бытовым, национальным данной страны и эпохи. Эта система не является универсальной, и ее задачи практически отличаются от таковых в предыдущих системах, так как ее требования, предпосылки и выводы касаются только определенной страны и эпохи.

Все эти системы объединяются в том отношении, что разрешение социально-экономического вопроса и объяснение социальной проблемы они думают найти на почве существующих основных социальных отношений, без коренного изменения общественного строя, т.-е. прежде всего без уничтожения классового строения общества и без уничтожения экономической эксплуатации одного класса другим. Эти системы понимаются поэтому, как системы так наз. «уржуазной» политической экономии. За последнее время, впрочем, среди этих систем выдвигается новая система, так наз. «абстрактной» политической экономии. Исходя из некоторых универсальных, абстрактных идей (потребность, общее благо и т. п.), эта система пытается дать научные положения, представляющие, по ее мнению, абсолютные, чистые «экономические» идеи, применимые безотносительно во всякой среде и эпохе; научное признание их стоит вне и выше каких-либо практических проблем разрешения социального вопроса. Ниже мы увидим, насколько действительно экономическая мысль этой школы может достигнуть таких «абсолютных» истин. Но, во всяком случае, мы увидим также, что и эти «абсолютные» истины являются лишь теоретическим обоснованием разрешения социального вопроса в духе той же «буржуазной» экономии, как и в классической школе.

В противоположность этим системам и параллельно им, в развитии экономической мысли выдвигаются экономические системы *социализма*, как системы, основанные на универсальной же идее закономерности

социального развития и преобразования общества в смысле уничтожения его классово-структурной и классовых противоречий, основанных на особых условиях производства и его частно-хозяйственной организации. Являясь системой универсальной, система социализма является в то же время и системой исторической, синтезирующей в себе, таким образом, универсализм и производственный характер классической школы с историцизмом исторической школы. В основу своих воззрений на предлагаемое ею разрешение социального вопроса она кладет идею о неизбежности и закономерности такого развития общества, которое должно привести к коренному его преобразованию.

Правда, и в некоторых системах социализма мы встречаемся с учениями «утопическими», т.-е. такими, которые смотрят на разрешение социального вопроса не как на историческую проблему, а как на общую и абсолютную универсальность, могущую найти применение во всякую эпоху, в каждой стране, вне времени и пространства. Чисто же научные системы социализма синтетически объединяют эти две наиболее плодотворные идеи всего предшествующего развития экономической мысли—универсальную идею производственной базы социально-экономической проблемы и историческую идею закономерности общественного развития.

Литература: Общие руководства и пособия. Чупров. История политической экономии, 3 изд. 1908.—Туган-Барановский. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма, посм. издание.—Булгаков. Очерки по истории экономических учений, в. I—II 1913.—Святловский. Очерки по истории политической экономии. 1910.—Федорович. История политической экономии с древнейших времен до А. Смита. 1900.—Мякляшевский. История политической экономии. 1909.—Переводные:—Ш. Жид. История экономических учений. 1915.—Онкен. История политической экономии до А. Смита. 1908.—Л. Штейн. Социальный вопрос с философской точки зрения, 1899.—К. Маркс. Теория прибавочной ценности, в. 1—2.

ЧАСТЬ I

БУРЖУАЗНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Меркантилизм.

Рассмотрение систем политической экономии мы начнем с системы меркантилизма. Правда, меркантилизм, как экономическая система, еще не вполне возвысился до степени научной системы.

Он еще не задается разрешением общих вопросов экономического строя. Он еще не выясняет связи между экономическими явлениями, еще не обобщает экономические явления и не возводит рассмотрение их до степени науки. Поэтому положения меркантилизма сводятся большей частью к рецептуре, к указаниям практического характера, что нужно сделать в области экономики, чтобы достигнуть благосостояния нации. Поэтому система меркантилизма еще не может быть признана вполне научной системой.

Но вместе с тем она представляется уже системой, в которой подготовлены основные элементы будущей экономической науки.

По времени эта система возникает в позднюю эпоху средневековья, когда уже разложились основные черты предшествующего экономического строя, характеризовавшиеся господством натурального хозяйства в деревне и мелкого ремесленного хозяйства в городе. Система меркантилизма базируется уже на новых общественных образованиях — на союзе формирующейся крупной городской буржуазии, городского бюргерства, с центральной властью, с владетельными князьями. Меркантилизм является идеологической реакцией против господства феодального строя и направлен на борьбу против экономического и политического преобладания господствующего класса — феодальных земельных собственников.

Образование крупных государственных политических единиц под политическим руководством владетельных князей, вместо прежней феодальной разрозненности, создавало и возможность объединения разрозненных хозяйственных функций и мелких хозяйственных единиц в общем понятии государственного народного хозяйства. Стенительные формы феодального быта и феодальной регламентации разлагались. В городах, вместо дробной и мелкой цеховой организации, регулировавшей отношения хозяйственного строя каждого отдельного города, стали возникать новые хозяйственные формы, идеи

и потребности. Стала выдвигаться идея необходимости расширения рамок хозяйственной деятельности из пределов изолированного города и узких рамок мелкого ремесленного хозяйства до более широких размеров народного хозяйства и свободы частной предпринимчивости. Первоначально эта свобода понималась, однако, не как абсолютная свобода. Изменяется не столько сущность, сколько широта и объем регулирующей власти. Контроль над промышленной деятельностью попрежнему признается необходимым, но он переходит от прежних цехов к более широкой власти, к государству. Так как главные импульсы в признании необходимости расширения хозяйственной жизни были выдвинуты рынком и торговлей, то торговля и обращает на себя прежде всего внимание государства в его регламентирующей деятельности. Так возникает экономическая система, которая базируется на вмешательстве государства, ради государственных экономических интересов, в экономическую деятельность, в особенности в область торговли. Отсюда эта система получила название меркантильной, или системы меркантилизма.

Причины, почему торговля и ее вопросы явились центром внимания экономической науки и вместе с тем центром внимания государственной регулирующей деятельности—понятны. Торговля и широкий рынок, которые разрушили натуральный хозяйственный строй деревни и ремесленный строй городов, постепенно стали приобретать все большее значение в хозяйственной жизни вообще. Появляется и постепенно все большее социальное значение получает торговый капитал. Главное внимание экономической мысли и деятельности начинает привлекать к себе вопрос о достижении хозяйственного благополучия под влиянием торговых операций. Так как при рассмотрении вопроса о благосостоянии человека считалось, что оно зависит от денег, от количества драгоценных металлов, имеющихся у него, то отсюда выводили, что и благосостояние нации (которое рассматривали как сумму благосостояния отдельных лиц) сводится к тому, сколько данная нация имеет денег в своем распоряжении. Поэтому система меркантилизма приходит в качестве экономического рецепта к выводу, что вопрос о благосостоянии нации разрешается вопросом о деньгах и о наилучших способах их привлечения в нацию путем правильно проводимой торговли. Торговля является основным источником богатства и благосостояния нации, а деньги являются основной формой для выражения этого благосостояния—такое было идеологическое отражение экономического господства торгового капитала в эту эпоху.

Система меркантилизма получила наибольшее развитие в Англии, как передовой экономической и торговой стране. Политика Англии была основана на том, чтобы согласно идеям меркантилизма построить свою иностранную торговлю и денежные отношения так, чтобы иметь возможность обеспечить себе наибольший прилив в страну денежных богатств. Такое стремление удовлетворялось осо-

бой системой мероприятий, получивших в меркантилизме названия систем денежного и торгового баланса.

Система денежного баланса заключалась в том, что государство стремилось к возможно широкому приливу монеты в страну и к запрещению ее отлива из страны. Это достигалось рядом мероприятий практического характера. Сюда относится, во-первых, устройство «складочных мест», где производилась и велась иностранная торговля. Первоначально это были просто защищенные места, которые устраивались самими торговцами для склада своих товаров и производства торговых операций. Впоследствии эти места превратились в официально признанные пункты, где должна происходить торговля, например, в виде ярмарок. В этих складочных местах и сосредоточивался контроль государства над торговлей. Уже в XIV веке в Англии и на континенте Европы образуется ряд таких складочных мест, как напр., Антверпен, Брюгге, Кале и др. В этих местах сосредоточивалась вся иностранная торговля; здесь же велось и наблюдение над производством внешней торговли со стороны государства, в целях задержания отлива из страны денег и привлечения их, наоборот, из других стран. Здесь взимались разные пошлины за ввоз одних товаров в страну или за вывоз других товаров из страны, при чем пошлины взимались драгоценными металлами или иностранными деньгами. Эту иностранную монету предписывалось немедленно сдавать на монетный двор, где она перечекивалась в английскую монету.

Кроме системы складочных мест, к тем же мероприятиям, клонящимся к накоплению в стране денег, относились, так наз., «статуты истрачивания», по которым всякий иностранец, въехавший в страну, должен был при выезде истратить в ней все те деньги, которые он ввез в данную страну. Для наблюдения над исполнением этих статутов иностранцами и для наблюдения над их торговлей назначались особые лица. Каждый иностранец должен был избрать определенное лицо, хозяина, который должен был наблюдать, истратил ли иностранный купец все свои деньги и не вывез ли он монеты из страны. Эти же «хозяева» следили за всеми торговыми оборотами иностранцев и должны были два раза в год заносить результаты своих наблюдений в книги, которые представлялись в казначейство.

Другой прием меркантильной системы сводился к установлению системы торгового баланса, заключающейся в том, что правительство стремилось, по возможности, достичь благоприятного отношения между вывозом и ввозом, т.-е. стремилось к тому, чтобы вывоз превышал ввоз, так как благодаря этому также достигалась возможность обогащения страны драгоценными металлами. Система торгового баланса возникла тогда, когда предшествующая денежная система уже не могла удовлетворять поставленной ей цели. Действительно, когда торговля велась на наличные деньги, тогда можно было еще следить с помощью указанных мероприятий за вывозом и вво-

зом металлов. Но когда торговля стала употреблять другие средства обращения, в виде кредита и векселей, тогда система денежного баланса потеряла всякий смысл, ибо денежные средства исчезли из оборота и заменились векселями и другими бумагами. Пришлось прибегнуть к новой системе торгового баланса и построить целую систему практических мероприятий для достижения поставленной цели, — превышения вывоза над ввозом. Были установлены таможенные мероприятия, которыми государство стремилось покровительствовать вывозу и ограничить ввоз продуктов в страну. Вся промышленность и хозяйство ограждались такими таможенными тарифами, чтобы никакая другая страна не могла конкурировать с туземным производством. Сюда же относятся всевозможные премии за вывоз товаров, с помощью которых государство стремилось, наоборот, вывезти возможно большее количество продуктов из страны.

Общим принципом торгового баланса признавалось правило, что все то, что можно произвести в данной стране, должно в ней производиться, а не ввозиться из другой страны. Поэтому целый ряд предметов запрещался к ввозу. Особенно строго запрещался вывоз таких материалов, которые могли бы способствовать усилению промышленности в других странах, как, напр., вывоз машин. К достижению той же цели направлено было стремление привлечь в свою страну отдельных мастеров из других государств. В то же время, наоборот, запрещалась эмиграция опытных рабочих из страны, чтобы не дать возможности развиться промышленности в другой стране.

Вместе с тем государство прибегало для достижения своей цели к целому ряду мероприятий внутреннего характера, с помощью которых оно стремилось ограничить потребление иностранных товаров. Так, преследовалась роскошь не столько сама по себе, сколько в отношении тех товаров, которые ввозились; напр., запрещалось употреблять ткани иностранного происхождения и дорожие. Предписывалось, напр., чтобы прислуга носила чулки не дороже 14 пенсов, а ремесленник не мог носить платья из материи дороже 2-х шиллингов за ярд; обед должен состоять не больше как из двух блюд и т. д. Конечно, такие мероприятия едва ли могли достигнуть своей цели, и большей частью оставались лишь на бумаге, тем более, что самые нормы, которые ими устанавливались, были сравнительно высоки.

В тех же целях торгового баланса государство стремилось связать себя с колониями, которые должны находиться в непосредственном торговом единении с метрополией. Стремилась, чтобы ввоз сырья из колоний в данное государство не служил целям других государств. Появляются такие акты, как «навигационный акт» Кромвеля (1651 г.), которым предписывалось, что английские колонии должны непременно сбывать свое сырье в Англию и все суда перевозящие его должны быть английскими, все купцы должны быть английскими подданными и т. п.

Ясно, что такая система раз она применялась целым рядом государств, как Англия, Голландия, Франция и другие, вела к возникно-

вению ожесточенной экономической борьбы между ними, а таможенная борьба часто кончалась военными столкновениями. Во избежание трений и столкновений на почве запрета ввоза или вывоза, государства начинают отказываться от системы исключительных запретов и прибегать к системе торговых договоров, которыми разрешались вопросы о покровительстве местной промышленности, запрете вывоза товаров и т. д.

Таким образом, система меркантилизма представляет из себя систему мероприятий практической экономической политики. Она еще не ставит вопроса о сущности и принципах хозяйственной жизни вообще, а рассматривает отдельные экономические явления и разрешает их лишь с точки зрения тех или иных необходимых конкретных мероприятий. Внутренняя связь отдельных явлений еще мало обобщалась в умах представителей тогдашней экономической науки. Но тем не менее наблюдения некоторых отдельных явлений начинают наталкивать мыслителей того времени и на изучение внутренней связи между ними. Так была замечена связь между видимым народным благосостоянием и торговлей и т. д. В литературе намечается уже то или иное обобщение вопросов меркантильной системы и стремление научно обосновать практические ее мероприятия.

Первым научно-литературным произведением меркантилизма можно считать появившееся в 1581 году анонимное сочинение, носящее длинное название — «Краткое изложение некоторых жалоб наших соотечественников и т. д.» («A Compendious or Briefe Examination of certayne ordinary complaints of divers of our countrymen in these our dayes by W. S., Gentleman. 1581»). Авторские инициалы W. S. первоначально заставляли приписывать сочинение В. Шекспиру, впоследствии оно было приписано Вильяму Стаффорд, хотя и это авторство подвергается сомнению. Во всяком случае это сочинение, замечательное для того времени. По форме оно носит характер диалога на экономические темы между представителями разных классов общества, именно: между рыцарем, купцом, земледельцем и ученым (доктором богословия). Все эти лица жалуются на неблагоприятное экономическое положение, на падение благосостояния своего и нации. Рыцарь жалуется на падение ренты и доходов, земледелец — на невозможность вести, при изменившихся условиях, доходное хозяйство; купец — на неблагоприятные условия торговли и т. д. В результате беседы выясняется, что главной причиной всего этого является неправильная экономическая политика. Автор, влагая свои мысли в уста участников диалога, приходит к заключению, что единственным богатством нации являются деньги, и все меры экономической политики должны быть направлены на то, чтобы увеличить количество денег, имеющихся в распоряжении данной страны. Англия, наоборот, вывозит деньги; у ней нет правильной регламентации вывоза и ввоза денег. Средствами для достижения благоприятных результатов в этом направлении Стаффорд считает мероприятия, покровительствующие

туземной торговле, благодаря чему можно уменьшить ввоз иностранных товаров и вывоз денег из страны. Но не всякая промышленность достойна покровительства и не всякая промышленность способствует благу нации. Всех промышленников можно разделить на три класса. Одни удаляют деньги из страны, как например, торговцы колониальными товарами. Другая категория: мясники, булочники и т. д. все те, которые тратят полученные в стране деньги на свои товары безвозвратно. Наконец, третья категория — это фабриканты, которые ввозят сырье из-за границы, перерабатывают его и вывозят вновь за границу товар, чем привлекают деньги и сокровища из других стран. Эти промышленники должны заслуживать особого покровительства. Стаффорд является, таким образом, первым литературным представителем системы денежного баланса, пытавшимся научно выяснить и объяснить экономические проблемы современности.

Другой представитель, Томас Мен (Thomas Mun 1571 — 1641), является последователем идей меркантилизма, уже значительно более совершенных и развитых.

Томас Мен считается основателем учения о торговом балансе. Это учение он развил в своих сочинениях: «Рассуждение о торговле Англии с Индией» (1609 г. и 1621 г.) и «О богатстве Англии через иностранную торговлю» (1664 посм. изд.). В первом сочинении он защищает Ост-Индскую компанию, которая имела исключительное право ведения колониальной торговли. Эта компания, ведущая колониальную торговлю, с точки зрения меркантилизма, наносила стране вред, ибо вывозились деньги из государства, что и вызывало нарекания на Ост-Индскую компанию со стороны последователей идеи денежного баланса. Мен защищает компанию от таких нападков. Если мы проследим, говорит он, весь ход торговли компании, то обнаружится, что всякий вывоз в колонию денег, который производится благодаря этой компании, обогащает страну сырьем и другими произведениями колоний. Этот ввоз сырья способствует дальнейшему развитию промышленности в самой Англии и дальнейшему вывозу из нее обработанных продуктов. Таким образом, вывозя деньги из страны, эта компания способствует увеличению вывоза товаров и, следовательно, обратному приливу денег в страну. Для того времени уже и такие идеи представляли большую новизну. Во втором своем сочинении он еще более подробно развил эту теорию торгового баланса. Мен говорит, что торговый баланс заключается в том, чтобы по возможности способствовать увеличению количества продуктов, имеющих в распоряжении данной страны. При иностранной торговле необходимо продавать свои товары на большую сумму, чем потреблять иностранные. Следовательно, в вывозе или ввозе в страну товаров имеет значение не самый факт вывоза денег, а та разница, которая получается между вывозом и ввозом, т. е. — торговый баланс. Далее Мен останавливается на тех средствах, благодаря которым можно сделать положи-

тельным этот баланс. Необходимо уменьшить вывоз таких предметов, как пенька, лен и др., т.е. вообще сырья, могущего получаться в Англии; а затем надо воздержаться от употребления иностранных товаров, которые можно произвести в Англии. При вывозе товаров нужно принимать во внимание и потребности соседних стран, чтобы продавать им необходимые товары возможно больше и дороже. Мен заключает, что интересы государства иногда идут в разрез с интересами торговцев. Государство заинтересовано в том, чтобы путем понижения цен создать выгодные условия вывоза и завоевать иностранные рынки, привлекая этим к себе деньги, хотя бы для отдельных торговцев такое понижение цен и не представляло выгоды. По вопросу о привлечении денег в страну он указывает, что не монета сама по себе имеет значение, а то оживление торговли, которое она приносит вместе с оживлением иностранной торговли. Поэтому «деньги создают торговлю, а торговля умножает деньги». И чем больше в обороте денег, тем лучше, лишь бы они увеличивали торговый баланс в пользу страны. Говоря все это, Мен отрицательно относится к мероприятиям английской политики, как напр., к запрещению иностранного ввоза некоторых товаров, указывая, что такое запрещение может вызвать противодействие со стороны иностранных государств и даже таможенную войну, а таможенная война неблагоприятно отражается на всем экономическом строе страны уменьшением ее оборотов в иностранной торговле.

Таким образом, Мен идет дальше предыдущих авторов; он стоит сравнительно на более широкой точке зрения — необходимости развития широкого торгового оборота. Хотя он все еще считает источником богатства деньги и драгоценные металлы, но тем не менее он указывает на иные средства обогащения страны — путем организованной экономической политики с осуществлением принципов все же несколько более свободных, чем предлагалось защитниками денежной системы. Отрицая огульный запрет ввоза некоторых товаров и огульное покровительство вывозу других товаров, он отбрасывает те узкие мероприятия, на которых основывалась прежняя система меркантилизма.

Меркантилизм в двух описанных главнейших его системах представляет из себя законченное проявление экономической идеологии торгового капитала. Экономические интересы его, получившее в то время руководящее значение, находили отражение и в экономической теории, в стремлении подвести им научную базу, придав ей «объективный» характер выгоды и заинтересованности в этом всего народного хозяйства. Экономические интересы торгового капитала отождествлялись с интересами и благосостоянием всей нации, и интересы целого подменялись интересами экономически преобладающей части общества. Но исторически это было верно постольку, поскольку торговый капитал являлся прогрессивной для того времени экономической силой, разрушающей натурально-хо-

зыйственный и мелко-ремесленный строй, и поскольку еще не созрели условия для развития и деятельности промышленного производительного капитала.

Идеи меркантилизма достигли полного расцвета к концу XVI и началу XVII века, но продержались, в особенности в Англии, даже до XVIII века. С течением времени целый ряд перемен экономической жизни в передовых промышленных странах — и прежде требования промышленного развития вместо недавнего господства интересов торговли — вызвал реакцию против меркантилизма, и появление идей, которые уже иначе разрешали вопрос о благосостоянии нации и предлагали иные к тому меры. Возникает новое течение, хотя и не разрывающее резко с меркантилизмом, но все же могущее считаться реакцией против меркантилизма.

28226 Реакция против меркантилизма. Уже в середине XVII в. и особенно в начале XVIII в. при развивающемся обмене и при широких международных сношениях между отдельными нациями, стеснения в торговле и покровительственной политике, вводимые меркантилизмом, стали неблагоприятно сказываться на экономическом положении отдельных наций. Противоположность экономических интересов отдельных стран, поддерживаемая политикой меркантилизма, проявлялась все более остро. Англия, как передовая промышленная страна, стоявшая во главе тогдашнего экономического развития, стала особенно энергично и активно вести свою колониальную политику, чтобы монопольно обеспечить себе привозом из колоний необходимое сырье, вызывая тем самым протест со стороны колоний, стремившихся наоборот, к экономической самостоятельности. В результате такой активной и насильственной колониальной политики, Англия потеряла свои лучшие колонии — нынешние Соед. Штаты Сев. Америки — восставшие против экономического гнета своей метрополии.

Второй причиной, которая также подорвала веру в спасительность государственного вмешательства в экономическую жизнь, явилось то умственное движение, которое особенно ярко сказалось в XVIII веке. В области философии это движение вылилось в признание так называемого естественного права, как протеста личности против всевозможных стеснений и регламентаций, накладываемых на нее государством. В экономическом отношении этот протест выразился в отрицании основных идей экономической политики меркантилизма. Начинают приходить к мысли, что источник богатства нации лежит не в деньгах и что для благосостояния нации необходимо не развитие торговли, а развитие производительной деятельности ради получения и возможно более широкого снабжения этой нации предметами потребления. Из области торговли, денежного или торгового баланса вопрос переносится в область производства, в котором начинают видеть источник благосостояния и богатства нации. Поэтому и всякого рода запретительные и регламентирующие меры меркантилизма, которые до сих пор считались необходимыми для правильной государственной политики, в интересах благосостоя-

ния нации, теперь, наоборот, стали считаться пагубными для развития производительной деятельности, как стесняющие личную инициативу и свободу личности.

В результате таких изменений во взглядах, прежде всего в той же Англии, как передовой экономической стране, зарождается отрицательное отношение к меркантилизму и его стеснительной регламентации. Сначала оно выливается в форму переходных учений, так наз. учений антимеркантилизма. Хотя эти переходные учения вначале еще не вылились в законченную экономическую систему, но тем не менее они уже окончательно разорвали связь с теорией и политикой меркантилизма.

Наиболее авторитетным представителем антимеркантилизма и противником меркантилизма может считаться английский государственный деятель и экономист Дедлей-Норт (Dudley North) (1641—1691). Дедлей-Норт в своем сочинении «Разсуждение о торговле», («A Discourse of Trade»), написанном в 1690 г., резко выступает против всех основных учений меркантилизма, доказывая, что деньги не являются источником богатства, что источник богатства лежит не в торговле и не в деньгах, а в производительной деятельности нации, в ее трудолюбии, в обладании производительными благами. Никакой человек, говорит он, не делается богаче, владея имуществом в форме денег; наоборот, по этой причине он делается беднее. Богатство человека — в земле, в товарах, в его промышленной деятельности. Затем, рассматривая вопрос о торговле и о конкуренции отдельных наций в торговле, Дедлей-Норт также и здесь осуждает политику меркантилизма, указывая, что борьба между отдельными нациями в сфере торговли с постоянным стремлением оградить себя таможенными заставами и пошлинами, приводит к неблагоприятным результатам как для той, так и для другой нации. Все народы представляют из себя одно целое, объединенное условиями обмена и экономической деятельности; поэтому потеря одной нации представляется потерей и другой. Ни один народ не может разбогатеть от стеснений своей торговли с другими нациями, как это предполагает меркантилизм.

Другим лицом, также выступившим весьма ярко против меркантилизма, был Давид Юм (David Hume, 1711—1776), получивший известность не столько в области экономики, сколько в философии. Вместе с целым рядом философских своих сочинений, он написал и значительное число трактатов по экономическим вопросам. В собрании своих трактатов (Essays and Treatises of several Subjects), написанных в 1753—4 годах, он резко выступает против основных взглядов меркантилизма на деньги, как на источник богатства. Так, в очерке «О деньгах», развивая этот вопрос, он указывает, что деньги являются, как он выражается, «не колесами торговли, а лишь маслом для этих колес, благодаря которому движения этих колес становится мягче и легче». Роль денег очень скромна; они не могут служить источником богатства, потому что богатство народа лежит в той сумме хозяйственных благ, которыми располагает народ. Пред-

ставим, говорит Юм, что в один день почему-либо количество денег уменьшается у нации, скажем, в пять раз. Из этого не произойдет того, что нация станет беднее, а случится лишь то, что все товары, все продукты потребления будут обращаться, оцениваясь в других количествах денег, т.е. все товары подешевеют в пять раз. Представим обратное, что в один день вдруг увеличится количество денег в пять раз. В этом случае народ несколько не побогатеет, так как количество всех запасов и всех предметов потребления у нации останется то же, и только эти предметы вздорожают теперь в пять раз, согласно увеличившемуся количеству денег в пять раз. Поэтому деньги, говорит он, всегда стремятся к равновесию с товарами: они, как вода в сообщающихся сосудах, всегда стремящаяся установиться в обоих сосудах на одном уровне. Следовательно, нельзя на деньги смотреть, как на источник богатства, как на какую-то самостоятельную экономическую силу. Деньги—не источник богатства страны; богатство создается только развитием промышленности, количеством промышленных благ, которыми располагает данная страна, количеством труда и количеством населения.

Рассматривая затем вопрос о торговле в другом своем очерке «О зависти в торговле», Юм отрицательно относится к разного рода меропрятиям меркантильной политики, в виде защиты одной нации от другой таможенными пошлинами, запретами, заставами. Он говорит, что ни одно государство, ни одна нация не может бояться конкуренции своих соседей, так как, наоборот, чем больше торговля с ними, чем больше общения между отдельными нациями, чем больше обмена между ними, тем больше богатств приносит эта торговля нации.

Таковы были идеи этих двух авторов, выступавших наиболее резко и определенно против идей меркантилизма в Англии еще в ту эпоху, когда эти идеи были довольно сильны и распространены. Их усилиями в значительной степени были развенчаны и опровергнуты идеи меркантилизма. Однако, ни Давид Юм, ни Дедлей-Норт, ни другие авторы из выступавших против меркантилизма, не создали определенной школы, новой стройной экономической системы, могущей заменить теорию меркантилизма. Эта новая система была вскоре после этих авторов создана величайшим английским экономистом и основателем всей современной политической экономии, А. Смитом.

Но еще раньше этого экономическая мысль нашла себе новое и оригинальное выражение у экономиста и мыслителя другой страны, Франции, также пережившей ошибки и увлечения меркантилизма и пытавшейся найти в физиократическом учении Кене новую экономическую теорию.

Прежде, однако, чем перейти к зарождению во Франции новой экономической школы физиократизма, необходимо упомянуть о тех проявлениях меркантилизма, которые перед этим имели место во Франции. Идеи меркантилизма во Франции не находили себе такого расцвета, какой они нашли в Англии, так как условия существования

Франции были несколько иные. Франция являлась страной, стоявшей в экономическом отношении много позади Англии. Главной отраслью народного хозяйства являлось земледелие; преобладающим социальным классом — крупные землевладельцы; обрабатывающая промышленность была сравнительно мало развита и социальное значение промышленного, «третьего», сословия было невелико. Внешняя торговля, хотя и была довольно широка, но имела другое направление и другие потребности, чем внешняя торговля Англии, нося преимущественно характер земледельческого вывоза.

Тем не менее идеи меркантилизма нашли себе некоторое развитие и осуществление также и во Франции, в лице министра Людовика XIV, Кольбера, одного из главнейших представителей французского меркантилизма. По его имени меркантилизм во Франции получил название кольбертизма. Кольбер, одно время всесильный министр, имел возможность не только теоретически выставлять те или иные положения меркантилизма, но вместе с тем и проводить их государственными мероприятиями в жизнь.

Для поднятия расстроенных финансов и народного хозяйства Франции Кольбер считал нужным, прежде всего, развитие французской обрабатывающей промышленности. Целью Кольбера было создать во Франции такую промышленность, которая могла бы поднять Францию на уровень страны, могущей конкурировать с другими на иностранных рынках и даже завоевать их своими продуктами. Поэтому главное свое внимание, как министр финансов и руководитель всей промышленной и торговой жизни страны, Кольбер обратил на ряд мероприятий для насаждения французской обрабатывающей промышленности, в некоторых случаях вопреки даже гораздо более важным потребностям Франции, так как тогда промышленность во Франции не имела еще глубоких корней в народном хозяйстве и основой его являлось сельское хозяйство. Для насаждения и развития промышленности Кольбер обращает прежде всего внимание на необходимость развития промышленного образования, на устройство всевозможных художественных, ремесленных школ и т. д. В то же время Кольбер старается привлечь во Францию опытных мастеров из других стран, как напр., из Италии, где некоторые отрасли промышленности художественной, шелковой и др. получили наибольшее развитие.

Кольбер принимает меры к развитию внешней торговли Франции, проводя ряд мероприятий таможенной покровительственной политики, организуя консульскую службу, учреждая торговые компании и проч.

С необычайной энергией и с большими усилиями государственной казны он в течение целого ряда лет создает крупный торговый флот таких размеров, каких Франция до тех пор не имела. Он стремится насадить и проводить независимую колониальную политику, заводя непосредственные сношения Франции с колониями для снабжения сырьем французской промышленности.

В этих же целях он ограждает ее таможенными пошлинами, во избежание конкуренции других стран. Покровительство промыш-

ленности приводит Кольбера к полному пренебрежению интересами земледелия. Такое покровительство промышленности в ущерб земледелию вызывает нарекания со стороны населения, в массе своей земледельческого, особенно в связи с тем усилением финансового гнета, которое явилось результатом мероприятий, проводимых Кольбером. Особенно развивается при нем косвенное обложение, с целью повысить общее поступление податей, что, конечно, главной тяжестью ложится на необеспеченные классы.

Кольбертизм во Франции, как типичная система меркантилизма, представляет из себя интересы того торгового-промышленного класса, который во Франции получил название «третьего сословия». Покровительствуя этой нарождающейся буржуазии и представляя ее интересы, Кольбер в то же время вступал в политическую и экономическую борьбу с господствующим феодально-землевладельческим классом. Этим объясняется и его пренебрежение интересами земледелия, наносившее вред не только массе земледельческого населения, но и землевладельцам-рантьедам. Поэтому кольбертизм можно рассматривать как первую во Франции попытку нарождающейся буржуазии выступить с практическими требованиями защиты своих экономических интересов и с идеологическим их обоснованием. Эта попытка не удалась, так как социальная сила землевладельческого класса оказалась более значительной, хотя это и привело скоро к падению монархии.

В результате всего этого, когда после разрыва Кольбера с королем Людовиком XIV этот министр пал, а с ним пала и политика меркантилизма, масса народа не только не выразила ему сочувствия, но выражала крайнюю радость. Таким образом кольбертизм во Франции быстро исчерпал сам себя и обнаружил быстрее, чем в Англии, свою несостоятельность в применении к условиям французской социально-экономической жизни.

Литература. Из общих сочинений о меркантилизме лучшее изложение системы см. Ян жул, Английская свободная торговля, в. 1, 1876. Критика меркантилизма у А. Смита. Исследования о природе и причинах богатства народов, книга IV. Есть несколько переводов Д. Юма, из них последний в «Библиотеке экономистов». Д. Юм, опыты, 1896.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Физиократизм.

Кольбертизм во Франции, как мы указали, имел значение неудачной попытки народившейся торгово-промышленной буржуазии, «третьего сословия», выставить практические требования в защиту своих экономических интересов и идеологически их обосновать. Королевская власть стала на сторону своего естественного союзника, землевладельческого класса, и, как показало будущее, ценой своего падения пыталось задержать осуществление интересов нового социального класса. Политическое руководство и экономическое преобладание временно попрежнему осталось в руках землевладельческих и земледельческих классов.

Вместе с тем это обстоятельство должно было отразиться и на идеологических формулировках экономических требований и интересов этих классов. В основе этих требований лежало признание преобладающего значения сельского хозяйства, вместо промышленности в системе меркантилизма, а отсюда—вообще значение производственного момента, вместо торговли. Этим, однако, не ограничился идеологический сдвиг у представителей тогдашней французской экономической науки. Требование экономической свободы, как наиболее насущная и очередная проблема, поставленная развитием экономической жизни, также нашло себе отражение в философских и общественно-политических течениях, которые с половины XVIII века также сосредоточились во Франции.

Философские течения XVIII в. во Франции, выразившиеся в развитии философско-общественного скептицизма, возросли здесь на почве тех неурядиц общественно-политического строя, которыми характеризовался конец монархической Франции. Реакция против крайнего абсолютизма естественно выражалась здесь в требованиях свободы личности, в признании этой человеческой личности высшей самоцелью, свободы ее экономической деятельности и существования. В то же время роскошь французского двора и знати вызвала во французском обществе, как внешнюю реакцию, склонность к природе, преувеличение прелестей и радостей сельской жизни, стремление уйти от городской жизни,

от ее искусственности и роскоши, в деревню, ближе к природе. Привилегии знати, на ряду с притеснениями народа, как реакция, привели к идеям равенства как в политической, так и в экономической жизни. В общественно-философских учениях возникают идеи естественного права, в которых естественная природа человека противопоставлялась искусственности и условности современного общественного быта. Еще Руссо выразился, что «все прекрасно, что выходит из рук Творца; все искажается в руках человека». Такие воззрения явились основой нового мирозерцания, постепенно складывавшегося в умах лучших людей конца XVIII века и вылившегося в новые философские и социально-экономические течения.

Исходя из таких общих предпосылок, приходили к заключению, что—в противоположность проповеди меркантилизмом опеки и государственного вмешательства в частные хозяйственные интересы—гораздо более целесообразным и достойным для человека и для осуществления его прав предоставить личность ее собственным интересам, так как в осуществлении именно этих индивидуальных интересов лежит залог успеха и всего общественного, политического и экономического устройства. Выдвигается идея о праве каждого гражданина, каждого человека извлекать все средства для возможного его личного благополучия, без всякого вмешательства в эту деятельность государственной или какой-нибудь общественной власти. В основу всей политики и экономической жизни кладется идея собственного интереса, которая признается основой всего того внутреннего порядка, на котором базируется современное общество. Вместе с тем задачей экономической науки и экономической практики ставится невмешательство в частную жизнь, а, наоборот, создание государством таких условий, при которых свобода экономической деятельности и возможность защиты своих интересов находила бы наиболее благоприятные условия. Таковы были общие предпосылки, которые создали во Франции новую экономическую систему, вылившуюся в учение физиократов.

В противоположность меркантилизму, который представлялся системой, находившей себе последователей среди лиц самого различного социального положения и характера, объединившей целый ряд отдельных экономистов и многочисленных государственных деятелей,—физиократизм представлялся такой экономической системой, которая была создана преимущественно научной деятельностью одного своего обоснователя, сосредоточившего вокруг себя небольшую школу, но спаянную духом своего учителя.

Таким создателем нового течения экономической мысли, обосновавшим его на общих философских предпосылках, был Франсуа Кене (F. Quesnay, 1694—1774 г.г.). В течение своей восьмидесятилетней жизни он создал и закончил обработку стройную систему идей физиократизма. Кене был сыном землевладельца и по условиям, в которых протекали ранние годы его жизни, получил склонность к земледелию, к сельской жизни. Впоследствии это обстоятельство ска-

зывалось в течение всей его жизни, во всех его трудах и в условиях его личной жизни. В 1751 г., уже на склоне лет своей жизни, Кене получил место лейб-хирурга двора Марии-Антуанетты, определенное материальное и общественное положение и известный досуг, который дал ему возможность заниматься любимым его предметом — экономическими изысканиями. Но, живя на положении лейб-медика двора Людовика XIV-го, при всей окружающей его роскоши Версальского двора, он сохранил все свои простые привычки, любовь к сельской природе и сельским обычаям. Здесь же, при дворе, он составляет небольшой кружок из выдающихся людей того времени, как Мирабо, Тюрго, Дюпон и ряда других, которые, группируясь в кружке Кене, создают школу так называемых «экономистов». Эта школа экономистов при жизни Кене представляла прочную школу, объединенную своим центром, своим престарелым учителем и мыслителем Кене, который являлся ее вдохновителем и творцом. Одно время, еще при жизни Кене, идеи этой школы экономистов получили такую моду, что даже при дворе Людовика XIV, среди высшего света, многие увлекались идеями физиократизма, а у светских дам книги Кене часто являлись настольными модными книгами. Тем не менее, конечно, не одной этой модой обуславливается развитие идей физиократизма, так как распространение этих идей шло гораздо дальше Версальского двора и дальше Франции. Физиократизм пользовался широким распространением во всех странах и получил себе последователей

Франсуа Кенэ.

в лице многих представителей крупных европейских дворов, как-то: Иосифа Австрийского, Густава Шведского и Екатерины II-ой.

Как меркантилизм был идеологией и экономикой торгового капитала, так физиократизм был переходной экономической системой, в которой господствовавший, но уже отживающий социально-экономический класс делает попытку идеологического обоснования своих интересов и примирения их с новыми правовыми и экономическими условиями жизни. Эта попытка внешней уступки напору новых требований и налагала тот отпечаток «либерализма», который носили

воззрения не только искренних представителей физиократизма, но и таких венценосных его последователей, как Екатерина II. Такого рода либерализм не мешал, однако, соединять этот физиократизм не с «естественным правом» человеческой личности, а с крепостным правом. Вот почему самая доктрина физиократизма была недолговечной. Основатель ее, Кене, умер в 1774 г. на восьмидесятом году своей жизни. После его смерти физиократизм пользовался еще некоторыми правами до тех пор, пока во главе французской власти стояли его последователи, как Тюрго. Затем быстро физиократизм изжил себя и уступил место новым идеям, которые были выдвинуты новыми условиями промышленной жизни, особенно в Англии, и формулированы были А. Смитом.

Сочинения Кене не представляют из себя какого-нибудь законченного и обширного экономического трактата; это большею частью некрупные статьи в журналах, словарях, часто по обычаю того времени в форме диалогов, тезисов и т. п. Одним из первых его произведений была статья, помещенная в Энциклопедическом словаре Дидро в 1756 году, под заглавием «Evidence» т.-е. «Очевидность». В ней впервые Кене выступает со своими обще-философскими и метафизическими предпосылками. Второе сочинение «О фермерах», помещенное в VI томе того же Энциклопедического словаря; затем следует статья «О зерновых хлебах», помещенная там же. Затем, небольшая статья, написанная анонимно в одном из журналов, — «Некоторые вопросы о населении, сельском хозяйстве и торговле». Далее следует одно из важнейших его сочинений: «Экономическая таблица» (Tableau économiqne) с объяснениями, в которых наиболее систематически, в виде математических схем, он излагает свою основную экономическую систему. В 1768 году появляется довольно большая статья, написанная анонимно, «О естественном праве». Из наиболее крупных статей нужно указать также на статью «О коммерции или торговле», написанную в 1766 г.; затем на статью «О китайском деспотизме», где Кене формулирует свои политические убеждения и проч.

Переходя к сущности учения и системы Кене, необходимо указать, что система физиократизма представляет не только экономическую, но вместе с тем и философскую метафизическую систему. Философия Кене относится к системам идеалистическим и дуалистическим. Она основана на воззрении, признающем господство в мире двух начал: с одной стороны разума, с другой — веры; начало души и начало материи. Эти два начала или две субстанции, по мнению Кене, приводятся в движение вследствие заложенной в них божественной силы, которая одухотворяет эти субстанции и создает в них жизнь. Божественная сила, заложенная в этих двух субстанциях, обуславливает и наши чувства и наш разум, т.-е. всю вообще совокупность разумной деятельности человека. Этой одухотворяющей его силой божества человек отличается от животных. Кроме собственного материального существования, кроме земной жизни, человеку

присуща также и загробная жизнь. Но восприятию наукой и разумом подлежит одна лишь материальная сторона существования человека, т.-е. его земная жизнь. Есть два рода истин. Одни истины даются нам верой, другие познаются разумом. Как те, так и другие истины, те и другие идеи—в жизни одинаково необходимы, потому что для познания мира человеку не достаточно одной какой-либо истины. Истины, которые познаются разумом, Кене называет очевидностью. Поэтому и наука, как определяет Кене, занимается только тем, что можно постичь разумом, т.-е. «очевидностью». Очевидность есть такая степень истинности, которая ясна сама по себе, которая рассудком не может быть опровергнута. Очевидность, следовательно, представляет естественное знание, знание, противоположное вере, как таковой. Мы не можем понять рассудком, напр., представление о боге. Эти представления закрыты для разума. Рассудок и «очевидность» не может вторгаться в эту область. Веру мы приобретаем через наши чувства, и учения этой веры не могут быть изложены посредством законов очевидности, посредством законов естественных. Поэтому область веры и область разума, так же, как область духа и материи, по мнению Кене, представляются разделенными, независимыми одна от другой. Но вместе с тем истины очевидности, истины рассудка не противоречат истинам веры. Кене стремится объединить этот дуализм, стремится сопоставить эти два различных начала, указывая что между ними нет противоречия.

Таким образом, философско-метафизические воззрения Кене окрашены дуализмом веры и разума. Отсюда и вся система Кене пропитана также фаталистическим оптимизмом, уверенностью, что все, что создается высшим разумом, все что создается божеством, носит на себе зачатки единства и гармонии, не носит внутри себя никаких противоречий. Такие философские воззрения Кене приводят его и в общественной философии к признанию возможности гармонического состояния общества, т.-е. достижения общего благополучия. В чем же заключается и как достигается это естественное стремление к общественному порядку и нормальному гармоническому существованию общества?

К разрешению этой социологической проблемы Кене подходит также с точки зрения своей дуалистической философии. Человек, по мнению Кене, подпадает в своей жизни под действие двух порядков, двух идей. С одной стороны, влияние естественного порядка, естественного права, с другой—положительного порядка. Рассматривая в своей статье «О естественном праве» эти два начала, он указывает, что законы естественного порядка являются законами, данными от бога; они существовали еще до образования человеческого общества, они внушены человеку богом. Эти законы представляются законами врожденными, раз навсегда данными, которые человечество не может изменять. Эти законы являются в то же время законами идеальными, законами, которые существуют не в условиях реальной жизни, а явля-

ются лишь идеальными ее предпосылками. Эти законы имеют характер максим, т.-е. безусловных предписаний, которые даются богом человеку. Вместе с тем они представляются такими законами, которые имеют в основе своей лишь те или иные моральные предписания. Поэтому соблюдение этих законов является необязательным в том смысле, что они не имеют никакой принудительной санкции, кроме санкции морали, божественного предписания; соблюдение их зависит, следовательно, от свободной воли людей. В применении законов естественного порядка к условиям реальной жизни мы получаем так называемый положительный порядок. Законы положительного порядка в противоположность законам естественного порядка являются законами писаными, они не внушены богом, а являются созданием рук человеческих. Вместе с тем они имеют не моральную санкцию, а санкцию наказания. Поэтому соблюдение таких законов является, в условиях положительного писаного права, обязательным для человека. Вместе с тем, как создание рук человеческих, законы естественного порядка являются законами временными.

Таким образом, законы положительного порядка имеют своим источником естественный порядок; а своей целью ставят приближение к законам естественного порядка, чтобы сделать в условиях конкретной жизни возможно более полным осуществление идей естественного порядка. Если писанный закон положительного порядка не удовлетворяет этой цели, отстает и удаляется от основных идей естественного порядка, то в результате получается господство деспотизма или анархии. Такое отступление в действительной жизни часто бывает вследствие того, что люди или забывают об естественном порядке, или не знают этих законов, не могут их познать и к ним приблизиться.

Задача осуществления и изучения законов естественного порядка преследуется науками общественными, в частности, науками экономическими. Неправильно было бы думать, что человек в условиях общественной жизни, т.-е. подчиняясь законам положительного порядка, представляется более ограниченным в своих естественных правах, чем при условиях первобытного существования, когда не существует никакого общественного строя и когда человек подчиняется только законам естественного права. Наоборот, права человека в условиях общественного состояния даже более расширены, чем в его естественном состоянии, когда не было общества.

Обращаясь к вопросу о том, в чем заключаются основные элементы этого естественного порядка, Кене указывает, что основой естественного порядка является право собственности. Неправильно было бы предполагать, что в осуществлении этой идеи права собственности, как основной идеи естественного порядка, человек в условиях общественного строя более ограничен, чем в условиях естественного состояния. Кене полемизирует с другим автором, проповедником идеи естественного права, Гоббсом, который доказывал, что в естественном праве человек имел неограниченное право соб-

ственности, право всех на все. Кене возражает, что это право всех на все никогда не было абсолютным и полным правом. Естественное право не состоит в праве всех на все, а лишь на те вещи, пользования которыми человек может достигнуть. «Право всех на все,— говорит Кене,— походит на право каждой ласточки на всех летающих в воздухе мошек, которое сводится в действительности к тому количеству мошек, какое она может добыть трудом или поисками, предписываемыми потребностью». Поэтому право всех на все, абсолютное право собственности, в естественном состоянии было фиктивным так же, как фиктивным представляется оно и в условиях общественного состояния. Ясно, что для осуществления права собственности необходимо подвести под это право какой-то особый фундамент. Фундаментом, который определяет право собственности, является труд. Труд дает определенную санкцию праву собственности и определяет его объем. Отсюда человек и получает естественное право на существование трудом своих рук. Человек, трудясь в условиях естественного существования, получает право на жизнь, право на простое существование. Больше этого права на простое существование, путем труда своими собственными руками, человек и в естественном порядке не получает. Следовательно, и гражданское общество, т.-е. общество положительного порядка, не может дать человеку ничего большего, как только осуществление этого права собственности путем труда, т.-е. предоставление человеку путем труда добывать себе возможные средства для существования. Таким образом, оказывается, что в этом праве собственности и в праве на труд в то же время заложена и естественная обязанность каждого члена общества трудиться, естественное право его на самосохранение, на поддержание своего существования путем труда. Творец, говорит Кене, возложил на каждого человека эту обязанность самосохранения. На этой, присущей всем, обязанности и праве на труд держится весь мир, так как и все общество и отдельные его члены одинаково заинтересованы в возможности осуществления этого права на труд.

Отсюда Кене приходит к признанию единства интересов всех членов общества, к общественной гармонии, сводящейся в основе к экономическому интересу, который осуществляется каждым человеком и который вместе с тем является залогом общественного благополучия. Собственный интерес является единственным руководящим моментом для экономической деятельности отдельного человека, обладающего свободой воли. Этой свободой воли он и отличается от животных. Исходя из этой свободы воли, он может на основании разумных мотивов осуществлять свой экономический интерес. Обращаясь к рассмотрению этих мотивов, которые руководят человеком при осуществлении тех или иных его интересов, Кене указывает, что в нашей душе заложены, согласно его основному дуалистическому мировоззрению, два рода мотивов. Первый мотив—чувство, инстинктивные мотивы. Второй мотив—разум. Отсюда Кене выводит и два состояния нашей души, а вместе с тем и два состояния нашей

активной деятельности: с одной стороны, чувственное, с другой—разумное, деятельное состояние нашей души. Находясь в последнем, человек или наша душа может принять то или иное решение, наиболее соответствующее его интересу. Поэтому понятие интереса, которым руководится человек, не представляется каким-либо узким, ограниченным, а тем более неразумным интересом. Наоборот, это тот интерес, который человек принимает, находясь в разумном деятельном состоянии, это «интерес, хорошо понятый, хорошо воспринятый». И такой интерес, разумно понятый, каждый человек может осуществлять свободно. В осуществлении разумно понятного интереса лежит вся цель экономического деятельности.

Отсюда мы видим, что Кене является защитником того индивидуалистического направления и признания свободы личности, которое в его время впервые начинает провозглашаться, как общественно-философская догма, и впоследствии получает в XIX веке пышный расцвет в области практического экономического приложения. Кене является вместе с тем защитником идеи частной собственности, защитником идеи известного неравенства, общественной дифференцировки, так как наличие частной собственности в обществе у одних предполагает возможность или отсутствия ее, или других ее размеров у иных, т.е. предполагает возможность известного экономического неравенства. Таким образом, Кене является проповедником тех начал, которые были положены впоследствии в основу мирозерцания великой французской буржуазной революции, т.е. начала с одной стороны, экономической свободы, с другой—начала экономического неравенства.

Обращаясь к экономическому учению Кене, нужно указать, что идея необходимости экономической свободы для осуществления частно-хозяйственной деятельности была высказана еще раньше Кене в знаменитой формуле Лежандра, представителя французской промышленности—«Laissez faire, laissez passer». Эта идея получила у Кене теоретическое обоснование в признании, что основным мотивом экономической жизни является частный интерес отдельных личностей и что задачей государственной политики является лишь невмешательство в личную хозяйственную деятельность. В этом личном интересе лежит, по мнению Кене, источник благосостояния как отдельных лиц, так вместе с тем источник благосостояния и всей нации, всего народа.

В чем же заключается это благосостояние и где лежит источник создания национального богатства, национального благополучия путем применения и осуществления этого хозяйственного интереса? Кене ищет этот источник в условиях производства—в этом его первый большой шаг вперед в экономической теории. Анализируя эти условия производства и экономической деятельности, Кене отмечает, что источник богатства, источник хозяйственного благополучия для нации лежит в земледелии. Земля, по его мнению, является таким орудием производства, которое дает «чистый продукт» (produit

net), чистый доход за труд, затраченный в производстве. Земледелие является лучшим состоянием, земледелие—лучшая отрасль промышленности. Торговля, обрабатывающая промышленность являются лишь добавлением к земледелию. Только в земледелии создается «чистый доход», тогда как промышленность и торговля не создают этого чистого дохода, не создают никакого богатства, никакой, сказали бы мы теперь, прибавочной ценности. Т.-е., в земледелии труд не только создает ценности и средства, требующиеся для поддержания его существования, но и некоторый избыточный продукт, который может идти на содержание других лиц. Этого нет в промышленности и в торговле, где такого избыточного продукта не создается.

Исходя из этой общей предпосылки, Кене и строит всю свою общественно-экономическую систему. По его системе, все современное общество делится на три класса, согласно участию их в производительной деятельности. Класс производительный (classe productive); класс собственников (classe propriétaire) и класс непроизводительный, бесплодный (classe stérile). В первый класс, производительный, входят земледельцы, фермеры, крестьяне, т.-е. те люди, которые непосредственно заняты в земледелии и, следовательно создают, «чистый продукт». Второй класс землевладельцев не создает никакого богатства и живет чистым продуктом, который получается из земледелия и который передается земледельцами собственникам в виде ренты. Класс бесплодный состоит из купцов, фабрикантов, ремесленников, так как, по мнению Кене, этот класс лишь обрабатывает то сырье, которое получает от земледелия. Этот класс также не создает чистого продукта, никаких богатств. Таким образом, ни 2-й, ни 3-й классы не создают «produit net» и живут за счет чистого продукта, создающегося в земледелии классом производительным. Кене обращает внимание и еще на один класс, четвертый класс—пролетариат. Необходимо сказать, что под третьим классом он понимал не рабочих, не пролетариат, а именно промышленников, купцов, т.-е. предпринимателей. Обращая внимание и на четвертый класс, рабочих, Кене считает, что этот класс вовсе не входит в состав лиц, занятых производительной деятельностью в этом обществе, так как участвует в хозяйственной жизни пассивно, т.-е. лишь своим потреблением, также ничего не создавая. Таково оригинальное идеологическое отражение взглядов феодально-буржуазного экономиста на роль рабочего в создании ценности.

Таково учение Кене о социальном составе общества. Это учение, как мы видим, представляет уже громадный шаг вперед сравнительно с экономическими воззрениями меркантилизма. Кене первый выдвинул воззрение на классовый состав общества, при чем, однако, разрешал этот вопрос о классовом составе общества весьма односторонне. Исходя из своей предвзятой точки зрения на производство чистого продукта лишь в земледелии, Кене наделяет производительными функциями только земледельческий класс. Далее, исходя из

своих воззрений об общественной гармонии, он полагает также, что все отдельные классы общества находятся в известной гармонии между собой. В самом обществе заложено известное равновесие отдельных интересов этих участвующих в производительной деятельности классов. Поэтому, гармония классовых интересов, а не классовая борьба и не противоречие классовых интересов является той основой, на которой зиждется общество. Второй важный момент который выдвигает учение Кене, состоит в том, что центр социального вопроса он переносит из области торговли, как было у меркантилистов, в область производства. По его учению, в кругу создания этих новых ценностей в процессе производства и образуются общественные отношения классов между собой. В этом пункте учения Кене опять-таки нужно видеть большой успех и шаг вперед в развитии экономической мысли. Физиократы совершенно правильно весь центр экономической науки перенесли в рассмотрение условий производства, хотя и этот вопрос они решали так же односторонне, с точки зрения своей концепции. Они смотрели на производство как на создание ценностей, но источник создания ценностей переносили на землю, считая, что только земля и земледельцы создают новые ценности. Вот две основных ошибки, но вместе с тем и два основных достоинства физиократов, дающие им право на видное место в развитии идей политической экономии.

Анализ всех общественных отношений, создающихся в процессе производства, Кене производит в своей знаменитой «Экономической таблице». Сам Кене на «Экономическую таблицу» смотрит как на наиболее важное свое произведение, считая, что в этом труде он представил не только всю систему общественных экономических отношений, но вместе с тем дал в нем «арифметические формулы», т.-е. дал ключ и точный математический метод к пониманию общественных отношений.

«Экономическая таблица» Кене дает схематический теоретический анализ тех общественных отношений, которые складываются в процессе создания чистого продукта и распределения их между отдельными производительными и непроизводительными классами. Источником этого чистого продукта и источником общественного движения капитала является земледелие. Тот доход, который создается в земледелии, передается классом земледельцев в руки других классов. Предположим, говорит он, что 600 ливров затрачены земледельцем на свое сельское хозяйство, на создание чистого продукта. Предположим, что 600 ливров воспроизведутся в земледелии и, кроме этого, дадут чистый доход в размере 600 ливров, которые, в качестве платы за аренду земли, перейдут к землевладельцу. Каким образом происходит дальнейшее движение этого чистого продукта?

Землевладельцы, получивши 600 ливров дохода, 300 ливров возвращают земледельцам, покупая у них продукты земледелия, а на 300 ливров покупают промышленные изделия у III-го класса промышленников. Земледельцы 300 ливров, полученные от землевладельцев,

вновь затрачивают в земледелие, воспроизводят их в виде 300+300, т.-е. получают новый чистый доход в 300 ливров, каковые снова перейдут в виде ренты к землевладельцам, остальные же 300 ливров отчасти пойдут на собственные нужды, на покупку продуктов земледелия же, примерно в размере 150 ливров: другие 150 ливров поступят в руки промышленников за купленные у них земледельцами продукты промышленности.

Промышленники от землевладельцев получили часть ренты, т.-е. чистого дохода от земледелия, в сумме 300 ливров. Эти 300 ливров никаких новых ценностей в руках промышленников не создают и частью, примерно 150 ливр., затрачиваются у себя на покупку продуктов обрабатывающей промышленности, частью, другие 150 ливр., переходят к земледельцам за купленные у них продукты земледелия.

Опять продолжается дальнейшее обращение общественного капитала. 150 ливров, полученные земледельцами от промышленников, снова затрачиваются в процесс земледельческого производства, т.-е. воспроизводят новый чистый продукт в 150 ливр., которые, в виде чистого дохода, передаются классу землевладельцев. Остальные 150 ливр. частью тратятся земледельцами на свои продукты, именно 75 ливр.; на другие же 75 ливр. они покупают произведения обрабатывающей промышленности и т. д. Таким образом и происходит нормальное движение общественного капитала, создаются нормальные условия воспроизводства капитала, когда экономические отношения между отдельными классами организованы правильно и находятся в равновесии. Эта же таблица дает возможность также изучить и все отступления от правильного воспроизводства общественных капиталов. Предположим, что землевладельцы, получив от земледельцев чистый доход, тратят его не в указанном распределении, а иначе: напр., землевладельцы на покупку предметов роскоши у промышленников затрачивают 500 ливров чистого дохода; тогда на покупку продуктов земледелия они могут затратить, т.-е. возвратить земледельцам, только 100 ливр. Отсюда следует, что капитал, затрачиваемый в земледелии во второй период производства уменьшится на 200 ливр., т.-е. упадет до 100 ливр., и эти 100 ливр. воспроизведут новых чистых ценностей не на 300 ливр., а только на 100 ливров. Следовательно, сократится весь процесс производства, и нормальный ход экономической жизни нарушится.

Исходя из такого своего теоретического анализа производственных отношений, Кене строит и предпосылки практической экономии в виде всевозможного рода мероприятий экономической политики, направленных на поддержание равновесия и правильного воспроизводства общественного капитала. Эти мероприятия резко расходятся с идеями меркантильной политики. Так как Кене признает единственным источником создания новых ценностей землю, то в области финансовой политики он приходит к необходимости создания так называемого единого налога, т.-е. такого налога, который основывается лишь на обложении чистого дохода, получаемого земле-

владельцами, так как всякий другой налог, направленный на другие ценности, отнимает от народного дохода известную часть необходимых средств, нарушая вместе с тем правильность воспроизводства капитала. Вместе с тем все условия и способы повышения чистого дохода являются благоприятными мероприятиями экономической политики. Поэтому физиократы и Кене являются защитниками высоких хлебных цен, так как они повышают чистый доход. Поэтому же, например, свобода хлебного вывоза, которая повышает хлебные цены, находит защиту у физиократов. Они являются защитниками полной свободы торговли вообще, отрицая покровительственные мероприятия, отрицая вообще всякие искусственные меры в виде таможенных запретительных мероприятий, к которым прибегали меркантилисты.

Школа физиократов. Физиократизм, как законченная философско-метафизическая и экономическая система, представляет из себя поистине грандиозное научное построение, в котором затрагиваются и намечаются почти все основные теоретические проблемы, занимавшие впоследствии экономическую мысль. Кене принадлежит главная заслуга в этом теоретическом построении системы. Школа его была не слишком велика учениками и теоретиками-последователями, продвинувшими сколько-нибудь дальше экономическую теорию физиократизма.

Тем не менее, все же следует упомянуть о ближайших сотрудниках и последователях Кене, иногда ближе связывающих доктрину физиократизма с последующими учениями, чем сам ее создатель.

После смерти Кене во главе кружка «экономистов» становится маркиз Мирабо, ближайший сотрудник всех трудов Кене. Исходя из общих с последним философских предпосылок, Мирабо, однако, идет несколько дальше Кене в смысле лозунгов экономической политики. Требования экономической свободы, невмешательства — *laissez faire, laissez passer* — у Мирабо ставятся гораздо более резко и выпукло, почему и сам Мирабо стоит ближе к будущим манчестерцам, чем более оригинальный Кене.

Более важное значение, и как теоретик и как практический политик, имел другой последователь Кене, министр Людовика XVI Тюрго (Turgot, 1727—1781). Как министр, Тюрго испытал судьбу до некоторой степени аналогичную Кольберу. Одно время влиятельный министр, он выступает с практической программой либерально-физиократического характера, притом с дальнейшим расширением как политических, так и экономических свобод. Эти требования наиболее точно были формулированы Тюрго в его «Проекте муниципалитетов», где он выступает с программой конституционного устройства государства и преобразования финансов в духе, близком к физиократизму Кене. Этот проект и явился причиной падения Тюрго.

Тюрго еще дальше отступает от ортодоксальной догмы физиократизма Кене. И в политических и в экономических воззрениях он является представителем того радикализма, который в дальнейшем находит себе выражение в лозунгах французской революции, а

в экономической теории— в чисто буржуазной идеологии манчестерства. Он является представителем конституционных идей, при чем представительство он предлагает обосновать сначала на имущественном цензе, хотя предвидит, что грядущее развитие капиталистической системы приведет к всеобщему представительству всех трудящихся. Как радикал, он освобождает свою систему от метафизической идеологии Кене. Собственность и у него является основой общественного порядка, но эта собственность — не божественного происхождения, а просто лишь результат соглашения людей. Собственность—также и основа хозяйственной деятельности общества, но эта деятельность представляется Тюрго уже не в формах феодального, полунатурального хозяйства, а свободно-предпринимательского капиталистического хозяйства. Отсюда Тюрго является защитником крупного капиталистического и противником мелкого цехового ремесленного хозяйства, защитником свободы промыслов, торговли, труда.

В области чисто теоретических построений Тюрго разделяет основную доктрину физиократизма об исключительно производительной силе земли, но формулирует эту идею с характерной особенностью. «Только труд земледельца, говорит Тюрго, производит более того, что составляет заработную плату труда. Поэтому он и является единственным источником всякого богатства». Итак, труд земледельца, а не земля источник богатства; отсюда один шаг, чтобы сказать, что создателем богатства является труд вообще. Труд, но только труд земледельца, единственно производитель, так как только он создает прибавочный продукт, сверх расходов на содержание рабочего. Тюрго ищет, таким образом, источника создания прибавочного продукта, прибавочной стоимости в условиях производства, а не обмена. Однако, в объяснении причины возникновения этой прибавочной стоимости он колеблется: то это простой «дар природы», то это просто «неоплаченный продукт», который получает землевладелец от земледельца. Подходя так близко к проблеме трудовой стоимости и прибавочной стоимости, Тюрго, однако, не законченно развивает свои мысли в этом направлении. Подойдя к проблеме абсолютной трудовой стоимости (*valeur fondamentale*, основной ценности, как он выражается), он в то же время отказывается от познания этой абсолютной ценности и переходит к рассмотрению субъективной ценности (*valeur estimative*, ценности значения), «ибо она есть ничто иное, как выражение той степени значения, которую человек придает различным предметам своих желаний». Развивая понятие этой субъективной ценности, Тюрго указывает на ряд моментов (понятие потребностей, их шкалу, степень интенсивности, вытекающую отсюда разницу в субъективной оценке предметов). Тюрго высказывает ряд положений, близких к высказанным впоследствии австрийской школой. Другие вопросы, которые занимали Тюрго, были—о деньгах, о проценте, о торговле, налогах и проч.

Тюрго, как и Кене, не оставил крупных и законченных экономических трактатов. Его наиболее интересное небольшое сочинение

«Размышления о создании и распределении богатств» («Réflexions sur la formation et la distribution des richesses», 1770). Далее следуют не вполне законченные статьи о ценности и деньгах, о ярмарках и рынках, изложение системы Гурне и проч.

Вскоре после падения и смерти Тюрго, окончательно пала во Франции и школа физиократов. В других странах физиократизм также нашел себе временное распространение (в Германии, Швейцарии, Италии, Швеции, России), не выдвинув, однако, сколько-нибудь крупных и оригинальных имен.

Таковы общие положения учения физиократизма, который, если сравнить их с основными положениями меркантилизма, представляет громадный шаг вперед в работе экономической мысли. Физиократизм делает шаг вперед тем, что признает общую закономерную связь между отдельными социально-экономическими явлениями и рассматривает не отдельные элементы экономической жизни, а всю общественную проблему в целом. Меркантилизм не знал еще этой общей закономерности социальных и экономических явлений. Далее, анализ условий производства становится со времени физиократов центром экономической науки, и в этом отношении особенно велика заслуга физиократизма по сравнению с меркантилизмом, все внимание обращавшим на явления обмена, на торговую политику. Далее, физиократы дали сильный толчок дальнейшему изучению теоретических проблем политической экономии, в особенности — проблемы создания ценности, так как они впервые обратили внимание на условия создания ценности и искали источников создания ценности именно в условиях производства. Они уже ясно нащупывают идею прибавочной ценности и ее источника, хотя и решают односторонне все эти вопросы. Большой заслугой физиократов является также их воззрение на общество, как классовую организацию, хотя они также и этот вопрос разрешали односторонне и неправильно; но важно то, что они впервые выдвинули этот вопрос. Вместе с тем они достаточно четко ставят и вопрос о видах доходов этих общественных классов — о ренте, прибыли на капитал и заработной плате. Наконец, большой заслугой физиократизма является провозглашение свободы в области экономической политики, почему в противоположность стеснительным требованиям меркантилизма, физиократизм является вместе с тем системой экономического либерализма.

Литература. Ф. Кене, Выбранные места, с предисловием А. Н. Миклашевского, в Библиотеке экономистов, 1896. — Тюрго, Размышления о создании и распределении богатств, 1905. — Г и Г с, Физиократы. 1899. — Афанасьев, Главные моменты министерской деятельности Тюрго. 1884. — Муравьев, Тюрго 1858. — Из общих курсов учение физиократов наиболее подробно изложено у Онкена. См. также К. Маркс, Теория прибавочной ценности, т. I, 1906.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Классическая школа.—А. Смит.

Мы видели, что идеи меркантилизма к середине XVIII в. были уже совершенно развенчаны рядом философов и экономистов, хотя и не создавших еще законченной экономической и общественной научной системы, но все же уже выставивших ряд требований и положений, совершенно разрывающих с доктриной меркантилизма. Физиократизм еще далее ушел в научном и идеологическом обосновании новых требований развития производительной деятельности экономического предпринимательства, экономической свободы. В своих позднейших проявлениях, как напр. у Тюрго, физиократизм представляется уже почти вполне выраженной экономической системой капитализма.

Тем не менее физиократизм все же не мог стать законченной экономической системой капиталистического общества. При всех своих либеральных предпосылках, как в области общественно-политических, так и в области экономических воззрений, система физиократизма все же несла еще много пережитков и отголосков старого феодального строя. Законченная экономическая система капиталистического общества, а вместе с тем и основание всей буржуазной политической экономии нашло себе место, конечно, не в экономически отсталой Франции, а в передовой промышленной стране, в Англии. Именно здесь нарождающееся капиталистическое общество нашло себе свой символ веры, нашло свое собственное изображение, научное самопознание и объяснение. Политическая экономия, как наука, объясняющая механизм и основы существования капиталистического общества, была создана. И поскольку это общество было уверено в неизбежности, абсолютной истинности своего существования, постольку и положения его экономики получали значение незыблемых, абсолютных истин. Новая школа получила характер и значение классической.

Отцом и основателем этой классической школы, а вместе с тем и всей науки политической экономии, считается знаменитейший шотландский экономист Адам Смит. Но вместе с тем и плеяда всех других крупнейших представителей экономической науки и классической ее школы—Рикардо, Мальтус, Милль, и др.—принадлежат

к представителям именно английской науки. Поэтому становится особенно ясным, что причины появления классической школы необходимо искать в тех экономических условиях, которые наиболее полное выражение нашли себе именно в Англии.

Англия того времени являлась страной, которая стояла впереди всех других по своему экономическому развитию и вступала в новую эпоху, эпоху капитализма. Остатки прежнего феодального строя и натурального земледельческого хозяйства быстро и окончательно сходили на-нет. Но и узкие рамки сословного городского строя, городского цехового хозяйства также постепенно распадались под напором новых экономических условий. Англия вступала на широкий путь нарастающего капитализма и быстрыми шагами шла к совершенно невиданным формам промышленной жизни. Пророком этого нарастающего капитализма и является классическая школа, и прежде всего в лице своего основателя А. Смита.

В чем же заключались перемены хозяйственной жизни Англии, вызвавшие это новое учение, совершенно отличное от господствовавших до него систем меркантилизма, с одной стороны, и физиократизма, с другой?

Англия до конца XVIII в. быстро шла по пути укрепления своего всемирно-торгового могущества. Являясь в этом отношении передовой страной и стоя много впереди своих соперников, Англия переживала в это время эпоху расцвета и экономического первенства торгового капитала. Идеологическим отражением и научным выразителем интересов этого торгового капитала и являлся меркантилизм. Но вслед за торговым капиталом к концу XVIII века в условиях промышленной жизни Англии начинают складываться и выявляться новые явления, ведущие к образованию новых форм промышленного капитала.

Эти элементы новых промышленных форм к концу XVIII в. начинают окончательно закреплять свои позиции на месте старых, постепенно разрушавшихся форм ремесленного хозяйства. Уже торговый капитал в значительной степени расшатал фундамент и подточил основы мелкого ремесленного производства. В XVIII в. в английском ремесле начинает замечаться стремление к расширению своего производства и своих оборотов за пределы узко-ограниченной сферы прежней своей деятельности.

Вместо прежних 2—3 подмастерьев и учеников, ремесленники стремятся расширять свое производство и держать по 10—12 человек. Техника ремесла тоже изменяется. В более обширной мастерской можно ввести уже разделение труда между рабочими, и весь процесс производства, так же как и самый продукт, теряют характер того исключительного «создания мастера», как было в ремесле.

Размеры производства и масса вырабатываемых продуктов увеличиваются, и обрабатывающая промышленность, давая крупные избытки, начинает все более проявлять стремление к крупным рынкам сбыта, к экспорту своих продуктов за границу.

Все это изменяет и цели, ради которых велось хозяйство. Если раньше ремесленное хозяйство имело целью обеспечить ремесленнику лишь соответствующее условиям быта существование, то теперь начинает возникать дух наживы, стремление к получению прибыли.

Одновременно с этим постепенно происходят и крупные социальные изменения, как необходимые предпосылки для возникновения крупной промышленности: начинает образовываться новый класс свободных наемных рабочих, класс пролетариата. В XV — XVI в.в. ремесленный строй еще не знал наемных рабочих, свободных от орудий производства пролетариев, так как социальные основы ремесла покоились на известном социальном равенстве участников производства. Мастер-ремесленник являлся лишь руководителем и творцом производства, но его подмастерья и ученики не являлись теми наемными рабочими, которых он эксплуатировал в целях получения прибыли на свой капитал. Это были лишь другие возрастные группы, так как переход из подмастерья в мастера-ремесленника был формально свободен, а экономически, по условиям тогдашней техники, доступен. Цеховая организация первоначально не ставила никаких преград для увеличения количества мастеров, и всякий ученик и подмастерье, после известного числа лет выучки и стажа, мог стать мастером. Поэтому первоначально, с расширением городской жизни и увеличением промышленной деятельности, число ремесленников начинает быстро увеличиваться. Ремесло, как известная общественная формация, в это время еще вполне соответствовало размаху и степени развития производительных сил, оно еще отвечало интересам большинства населения и стояло во главе прогрессивного развития экономической жизни.

Но уже в XVI в., с развитием промышленной жизни, среди мастеров начинает замечаться все более обостряющаяся конкуренция, которая особенно усиливается с тех пор, как ремеслу представилась возможность работать на более широкий рынок. Вместе с тем цеховое ремесло, т.-е. экономически руководящий класс, из-за боязни конкуренции начинает ставить некоторые ограничения в свободе расширения производства и в переходе из подмастерьев и учеников в мастера. Таким образом, ремесло из форм прогрессивного развития производительных сил становится препятствием их росту, в интересах лишь некоторых групп населения. Оно перестает отождествлять в себе интересы большинства населения, и в нем начинает все более сильно наблюдаться противоположность экономических и социальных интересов отдельных групп. Среди подмастерьев, как класса, интересы которого теперь уже не совпадают с интересами групп, стоящих во главе производства, мастеров, возникает стремление к защите своих интересов путем создания различных организаций: организуются так наз. «братства подмастерьев», как прообраз будущих рабочих союзов. Первоначально эти братства находили себе даже некоторую защиту у мастеров, но впоследствии они начинают становиться все в более резкую оппозицию к цеховой организации мастеров своими

требованиями определенных прав, повышения заработной платы и т. п., для достижения чего они прибегают даже к таким средствам борьбы, как стачки.

Таким образом, в прежней единой цеховой организации начинает возникать все более резко проявляющаяся противоположность интересов, интересов работодателей и рабочих. Условия старого экономического уклада требовали старых форм ограничения производства и его регламентирования; новая жизнь создавала совершенно иные общественные отношения. В Англии, еще в 1562 г., был издан закон об ученичестве, регламентировавший число учеников, которое мог держать каждый мастер, минимум заработной платы, который он должен был платить рабочим и т. п. Закон этот существовал несколько веков, пока постепенно окончательно отмер, став в совершенное противоречие с новыми условиями экономической жизни.

Эти новые требования экономической жизни все более ясно обнаруживались с распадом цехового ремесла и с созданием на его месте новых форм обрабатывающей промышленности, в виде мануфактур, пользовавшихся уже трудом гораздо большего числа рабочих, чем ремесло, и притом рабочих вольнонаемных, профессиональных, рабочих, лишенных средств производства. Отношения, складывавшиеся между работодателем и рабочими в мануфактуре, совершенно не соответствовали тем правилам регламентации этих отношений, которые предписывались законом об ученичестве. Поэтому новый класс «мануфактуристов», т.-е. крупных (по тому времени) капиталистов начинает вести продолжительную и упорную борьбу против закона об ученичестве. Еще в 1756 году, т.-е. через 200 лет после издания закона, английский парламент, выражавший по своему социальному составу интересы не капиталистов, а землевладельцев, вновь подтверждает закон об ученичестве. Но новая сила — нарождающийся промышленный капитал — уже дает себя чувствовать: английский парламент забрасывается целым рядом петиций и протестов против этого стеснения «свободы промышленности». Новая прогрессивная социальная сила побеждает старые отживающие интересы — парламент отменяет этот закон, санкционируя новые пути «свободы» для возникающей крупной фабрично-заводской промышленности.

Технические условия производства также способствовали намечавшемуся колоссальному перевороту в экономическом строе. Средине и особенно последняя четверть XVIII века представляется временем технических изобретений громадной важности. Вначале мануфактура побеждала ремесло только размерами и концентрацией своего производства, позволявшими вести разделение труда. Самая техника производства оставалась той же, что и ремесло, т.-е. преимущественно носила ручной характер. Изобретения второй половины XVIII в. превращают этот ручной процесс труда все более и более в машинный, как в отношении движущей силы, так и самого орудия работы. В 1769 году англичанином Уаттом изобретается паровая машина. В 1763 году англичанин Кэй изобретает так наз.

«челнок-самолет» в ткацком производстве. В 1765 г. Гаргривс и в 1785 г. Аркрайт изобретают и усовершенствуют прядильную машину. В том же 1785 г. вводится новый механический ткацкий станок, работающий сотней челноков под руководством одного рабочего, вместо прежней работы каждым рабочим лишь одним челноком. В металлургической промышленности произведен был целый ряд изменений и открытий по обработке руд и выплавке металлов. В химической промышленности—открыты новые составы, облегчающие производство и т. п. Наконец, пар начинает применяться не только в области производства, но и передвижения, и уже в 1807 году Фултон пробует свой первый пароход.

К этой эпохе промышленной революции, эпохе первых шагов победоносного шестия капитализма и относится жизнь и научная деятельность А. Смита, как основателя классической школы. Он жил, собственно, на границе старой отживающей эпохи и зарождения новых прогрессивных форм, когда требования новой жизни заявляли себя уже достаточно ясно и властно, но тем не менее далеко не всеми сознавались. С другой стороны, прогрессивные и положительные влияния нарождающегося капитализма настолько перевешивали отрицательные стороны старого строя, а свои отрицательные стороны сам капитализм еще не настолько ясно проявил, что А. Смиту выпало на долю быть не только провозвестником и истолкователем этих новых форм, но и их защитником против старых отживающих тенденций.

Другим представителям классической школы, как Рикардо, Мальтус, Милль, жившим уже несколько более поздно, дело облегчалось тем, что основные положения классической экономики стали уже общепризнанными. Но вместе с тем и в самом капиталистическом строе стали видны не только его прогрессивные черты, но и внутренние глубокие и тяжелые противоречия. Тот оптимизм, который был присущ А. Смигу и был так понятен у него, сменяется глубоким пессимизмом у других представителей классической школы—Рикардо и Мальтуса. Попрежнему, как и А. Смит, веря в незыблемость и абсолютную истину капиталистического общества, эти авторы все же не смотрят на него, как на гармоническое, равно объединяющее интересы всех его членов. Внутреннее развитие капитализма приводит, таким образом, лучших представителей его экономической науки к осознанию кроющихся в нем неразрешимых социальных противоречий. И хотя эти поистине гениальные буржуазные мыслители-экономисты все еще стоят на почве абсолютной истинности и неизменности капиталистического строя, тем не менее брошенные ими семена пессимизма и сомнения порождают впоследствии богатые всходы уже совсем в других, новых и прогрессивных, экономических течениях. И наоборот, те из позднейших представителей классической школы, которые проходят мимо этого пессимизма и сомнения, усвоив лишь оптимизм А. Смита, доводят этот оптимизм до крайности, вульгаризируя его и подготавливая развенчивание и падение классической школы.

Таким образом весь цикл развития экономической мысли в этой школе можно разделить на следующие периоды: А. Смит, как основатель,—эпоха молодости и оптимизма в школе; Д. Рикардо—Мальтус—Милль—эпоха намечания общественных противоречий, пессимизма в школе, еще без критики ее основ; Ж. Б. Сэй, Бастиа—эпоха популяризации, крайнего оптимизма и вульгаризации; наконец—Сисмонди—критическое отношение, звено, соединяющее с новыми течениями.

АДАМ СМИТ.

(1723—1790 г.).

Адам Смит почти всеми представителями науки бесспорно считается основателем политической экономии, ее главнейшим творцом, заложившим фундамент всего здания экономической науки. Среди «буржуазных» представителей политической экономии никто не пользовался таким исключительным, таким продолжительным влиянием в экономической науке, как А. Смит. Все предшествовавшие ему экономисты, даже такие, как физиократы, являются только искателями научных путей и подходов к проблемам политической экономии. Все последующие писатели, даже такие тонкие и гениальные, как Рикардо, являются лишь развивателями идей А. Смита, дополняющими и уточняющими поставленные им проблемы. А. Смицу принадлежит научная заслуга—впервые точно и научно формулировать и свести в законченную научную систему основы политической экономии, т. е. основы экономики капиталистического общества.

Конечно, не случайностью и не какою-либо исключительной гениальностью объясняется такое «открытие» А. Смитом научных основ экономики капиталистического общества. По всему своему характеру научного мышления А. Смит не представляется человеком какой-либо исключительной силы предвидения и проникновения в новые формы социального бытия. Наоборот, он был лишь скромным наблюдателем экономической жизни своей эпохи, но наблюдателем, понявшим всю сущность, всю сложность и всю закономерность новой социальной жизни. Изучая, анализируя, иногда просто бесхитростно описывая новые явления современной ему жизни, А. Смит незаметно подходил к синтезу этих явлений, к созданию теории капиталистической экономии. И как сам капитализм тогда еще подкупал своей простотой и несложностью, так и теория А. Смита выливалась большею частью в простые, несложные, а поэтому и всем понятные, легко усвояемые формулы и аксиомы. И вместе с тем за этой простотой скрывалось глубокое научно-теоретическое понимание и обобщение самой сущности наблюдавшихся им явлений, почему эти его наблюдения и обобщения и могли стать фундаментом для будущей постройки здания всей науки политической экономии, первой научной школой в развитии этой науки.

Вот почему его труд «Исследование о природе и причинах богатства народов», изданный в 1776 году и явился откровением для одних, настольной книгой для других, надолго сделавшись неисчерпаемым источником для дальнейшего изучения и разработки экономической теории и практики.

Как же подходил к разрешению этой новой проблемы общественной науки А. Смит? Нужно помнить, что политическая экономия, как наука, в эпоху А. Смита еще не вполне обособилась и не выделилась в самостоятельную науку из общего цикла общественно-философских наук. И если А. Смит, как современник эпохи нарождающегося капитализма, взял

А. Смит.

от него материал для создания науки о народном хозяйстве, то, как представитель тогдашней науки общественной философии, он сумел научно обосновать и выделить особое новое содержание, предмет, метод и границы этой новой науки. Этим вполне закреплялось и общественное и чисто научное значение А. Смита.

Сын нотариуса г. Эдинбурга, А. Смит (А. Smith, 1723—1790 г.), получив тщательное воспитание и хорошее подготовительное образование в родном своем городе, поступает в 1736 г. в Глазговский, а с 1740 г. в Оксфордский университет, где проходит университетский курс философии. По окончании университета, он в 1748—51 г.г. читает в качестве преподавателя в Эдинбургском уни-

верситете лекции по риторике, эстетике и истории литературы, а с 1751 года занимает кафедру логики в Глазговском университете, читая в течение 1751—64 г.г. лекции по нравственной философии и получив в 1762 г. от Глазговского университета ученую степень доктора прав.

Как видно из этих кратких биографических данных, А. Смит еще не был тем, что мы называем теперь экономистом. Результатом его лекционных работ за это время была книга «Теория нравственных чувств», курс лекций в Глазговском университете. А. Смит в это время, повидимому, еще мало останавливается на том круге вопросов которые по тогдашней терминологии входили в область «политики»

и которые впоследствии были объединены им в теоретическую науку о народном хозяйстве.

Впервые обращению А. Смита к этим вопросам, повидимому, способствовало предпринятое им в 1764 году, в качестве воспитателя герцога Бэкляя, путешествие во Францию. Здесь, проведя в Париже 9 месяцев, он знакомится с виднейшими представителями французской литературы и науки и в частности с кружком «экономистов», как они себя называли—Кене, Тюрго, Мирабо и др. Эти представители французского физиократизма, как первой научной экономической школы, оказали, повидимому, сильное влияние на дальнейшую работу мысли А. Смита. Возвратившись в 1766 году в Англию, он уже не возвращается к преподаванию нравственной философии, а, поселившись в родном своем городе Киркальди почти безвыездно, в течение 7 лет работает над основным своим трудом экономического содержания. В 1775 г. он приступает к печатанию и в 1776 году издает многотомное свое сочинение «Исследование о природе и причинах богатства народов». Этот первый экономический труд А. Смита был его и последним трудом, так как, хотя он прожил после его издания 16 лет (умер 17 июля 1790 г. в Эдинбурге) и в эти годы работал над двумя большими научными сочинениями по истории литературы и общему учению о праве, однако не издал их.

Таким образом, литературная слава А. Смита покоится на двух его трудах «Теории нравственных чувств» и «Исследовании о природе и причинах богатства народов». Но если первое сочинение имело известное значение для современной науки, то для нас оно представляет интерес лишь с той точки зрения, что в нем отражались и вырабатывались те взгляды и методы А. Смита—экономиста, которые впоследствии нашли себе законченное выражение в «Богатстве народов».

В содержание науки нравственной философии в эпоху А. Смита входили, как главные составные части: естественное богословие, этика, естественное право и политика. А. Смит останавливается первоначально на второй части, этике. Задачей этики в формулировке А. Смита является—дать ответ на два вопроса: во-первых, «что такое добродетель, или какого рода поведение обуславливает собою превосходный характер, достойный всякой похвалы»; во-вторых, «каким образом душа отдает предпочтение тому или другому поведению и одно называется достойным, а другое—порочным». Подробно рассматривая этот вопрос и критикуя направления и воззрения тогдашней философии, А. Смит приходит к заключению, что наше суждение о поведении третьего лица и признание его «соответственным» бывает тогда, когда мы считаем, что мы сами при аналогичных условиях поступали бы так же. «Так как непосредственное наблюдение не в силах познакомить нас с тем, что чувствуют другие люди, то мы и не можем составить себе понятия об их ощущениях иначе, как представив себя в их положении». Это чувство А. Смит называет симпатиею и считает его основой «соответственного» по-

ведения, т.-е. добродетели. Движимый этой «симпатией», т.-е. в сущности собственными переживаниями, человек становится в отношении других «добродетельным». Но это не все—ведь и в этих третьих лицах наше «добродетельное» поведение должно вызвать в силу тех же условий известную реакцию—чувство «благодарности», так же как противоположное поведение—чувство «мщения». И то и другое отношение вытекает из непосредственного нашего чувства, лежащего в основе нашей природы. Таким образом, наше «нравственное чувство», наша «добродетель» не есть какое-то особое чувство, заложенное в нас природой, а лишь естественное природное свойство нашего организма, вытекающее из способности ставить себя в положение другого лица. Природа поступает здесь необычайно мудро и бережливо, достигая планомерности, целесообразности и порядка в условиях существования человеческого общества. В самой человеческой природе заложены таким образом основные предпосылки для правильного функционирования «прекрасно устроенного механизма» общественных отношений.

Таковы нравственно-философские обоснования А. Смитом существования общества, развитые им в его «Теории нравственных чувств». Такая «этика» должна была привести его к двум другим дальнейшим вопросам. Во-первых, этим определяется «естественное право» всякого человека в обществе, т.-е. совокупность норм, которые в силу самой природы определяют его положение в обществе. Во-вторых, этим определяется «политика», т.-е. совокупность правил, определяющих поведение человека в обществе в силу соображений целесообразности.

В дальнейшей научной разработке этих вопросов А. Смит уклонился от первоначального своего плана—разработать сначала «естественное право» и все более стал интересоваться областью «политики», т.-е. вопросами о целесообразном направлении и регулировании деятельности человека для достижения богатства и благосостояния. Однако, в многообразии затрагиваемых «политикой» вопросов, А. Смит начинает все более интересоваться лишь одной частью вопросов—вопросами чисто хозяйственного порядка. И при этом, начав их исследовать с точки зрения «политики», т.-е. целесообразности, он незаметно для себя все более отходит к изысканию объективных моментов, определяющих хозяйственную деятельность, т.-е. от «экономической политики», приходит к созданию теории политической экономии.

Так из этого философа-экономиста выработался экономист чистой воды. Поэтому-то для понимания всей системы и всего мировоззрения А. Смита нельзя рассматривать его «Богатство народов» без его «Теории нравственных чувств». Развивая в этом последнем сочинении свою теорию полу-эгоистической «симпатии», А. Смит через свои взгляды на «естественное право» и «политику»—приходит к законченному выводу—о хозяйственном «эгоизме», как естественной и законной движущей силе экономической жизни.

Основная идея строительства нового общества была найдена: хозяйственный эгоизм и свобода его осуществления—они не противоречат нравственности, они «этичны», они соответствуют естественному, неотъемлемому праву каждого; они целесообразны, так как наилучшим образом ведут к благосостоянию каждого, и дело «политики»—лишь не мешать их осуществлению.

Символ веры капиталистического общества был сформулирован, душа и идея его найдены. Оставалось только разработать эту идею, наполнить конкретным материалом и положить ее в постройку законченного здания. А. Смит в своем «Исследовании о природе и причинах богатства народов» и является гениальным архитектором, сооружающим блестящее здание теории экономии капиталистического общества.

По своему содержанию сочинение А. Смита делится на 5 книг. Первая книга посвящена исследованию происхождения богатства, факторов его образования и форм распределения его между лицами, участвующими в производстве (заработной платы, прибыли на капитал, ренты).

Вторая книга рассматривает материальные условия создания богатств, главным образом, вопрос о капитале, его размерах, формах и значении для производства.

Третья книга носит описательно исторический характер, рассматривая общий ход развития хозяйства у различных народов.

Четвертая книга рассматривает историю систем политической экономии, останавливаясь, главным образом, на изложении и критике меркантилизма и физиократизма.

Пятая книга посвящена вопросу о «доходах государя или государства», т. е. вопросу о финансах.

Как видно из этого содержания, основной теоретической частью сочинения А. Смита является книга первая и отчасти вторая, в которых заключаются все основные теоретические концепции А. Смита.

Исходным пунктом экономической теории А. Смита является его взгляд на экономический мир и на хозяйственную жизнь общества, как на своего рода общественную мастерскую, где трудом всего общества и с помощью разделения труда между его отдельными членами создается и выковывается экономическое благосостояние нации. Труд — основной фактор создания богатства.

Простая и ясная, как кажется теперь, идея. И тем не менее, выдвигая труд, как фактор создания богатства, А. Смит вносил новую идею в экономическую науку. Кене и физиократы учили, что богатство создается только в земледелии и что земля, дающая «чистый продукт», является естественным создателем богатства. В противоположность этим воззрениям А. Смит выдвигает, как основной пункт своего учения, с которого он начинает свое изложение, что «годовой труд народа есть первоначальный запас, доставляющий ему для его годового потребления все предметы, необходимые для существования и удобства жизни, и все эти предметы или бывают не-

посредственным продуктом этого труда или покупаются на этот продукт у других народов».

Таким образом, труд является источником богатства народов, создает их благосостояние. А. Смит не оспаривает влияния ни естественных сил природы и земли, ни значения капитала, но все же, чтобы провести грань между своей системой и физиократами, он определенно указывает, что создателем богатства является только труд, без которого естественные силы сами по себе не могут создать богатства.

Тем не менее А. Смит здесь все же отдает дань физиократическому влиянию. Земледельческий труд он считает более производительным, чем труд в промышленности.

И так как всякий качественно различный труд является создателем лишь качественно различных форм богатства, то отсюда вытекает вывод: благосостояние общества создается трудом всех его членов, разделением труда между ними, сотрудничеством. В этой особенности современного устройства общества лежит источник его экономического преуспеяния. «Самое большое влияние на улучшение производительной силы труда оказывает разделение труда» — так начинает А. Смит свое исследование.

Рассматривая конкретные формы, в которых в современном ему хозяйстве выливалось разделение труда, А. Смит дает свое знаменитое описание булавочной мануфактуры, где все производство поставлено на разделении труда и где достигается поэтому высокая степень производительности труда примерно в 4000 раз больше, чем без разделения. Далее Смит рассматривает причины, способствующие разделению труда, указывая, что таковыми являются: 1) ловкость, развивающаяся у каждого рабочего; 2) сбережение времени, которое обыкновенно тратится на переход от одной работы к другой без разделения труда; 3) изобретение машин, облегчающих труд. И А. Смит в конце главы живо изображает те благоприятные последствия для общего благосостояния всех членов нации, которые вытекают из общего и широкого применения разделения труда.

Но откуда же происходит разделение труда? Является ли оно изобретением какого-либо гениального благодетеля человеческого рода? Конечно, нет! Хозяйство, основанное на разделении труда, есть лишь следствие «присущего человеческой природе свойства — склонности к торгу, к обмену».

Самая же эта склонность — есть не что иное, как эгоизм, стремление каждого получить в обмене то, что ему более нужно, что для него более выгодно. Это-то эгоистическое стремление к улучшению своего благосостояния и вызвало стремление к обмену, а через него — и к необходимости разделения труда.

Отсюда же ясно, что самое разделение труда имеет и свои границы: эти границы обуславливаются недостаточной возможностью обмена, т.е. рынков, так как если рынок очень мал, то никто не

сможет с выгодой заняться какой-либо одной работой, по невозможности обменять излишек произведений своего труда, превышающий собственное потребление, на излишек произведений труда других людей.

Итак, разделение труда и обмен, развитие техники и рынков — вот те пути, которые ведут к благосостоянию нации. В современном обществе, покоящемся на разделении труда и обмене, «только самая незначительная часть потребностей человека может быть удовлетворена произведениями его собственного труда», наибольшая часть этих потребностей удовлетворяется произведениями чужого труда, путем мены. Но ведь нужно организовать этот обмен так, чтобы он шел беспрепятственно, т.-е. чтобы каждый продавец мог легко сбыть свой продукт и каждый покупатель — купить. Отсюда возникает необходимость каждому человеку «во всякое время иметь наготове, кроме произведения собственного ремесла, еще известное количество такого товара, на который, по его соображению, лишь немногие отказались бы променять произведения своего ремесла».

Так, из всей массы предметов мены, т.-е. товаров, выдвигается один специфический товар в качестве денег. Постепенно ими становятся исключительно благородные металлы, на которые и начинается производиться обмен всех других товаров.

Здесь А. Смит с гениальной простотой подходит к проблеме, ставшей впоследствии основной во всей теории экономической науки. В чем же сущность новых явлений и соотношений, возникающих с того момента, как предметы начинают производиться не для собственного потребления, а как товары, с тех пор, как в акте обмена встречаются, таким образом, два товаропроизводителя? С этого момента возникает в высшей степени важное явление: предмет получает не только имевшуюся у него потребительную ценность, но и меновую ценность, т.-е. «возможность покупки на него других товаров». И А. Смит подробно останавливается на этой основной проблеме — меновый ценности.

До сих пор А. Смит выступал перед нами, главным образом и прежде всего, как наблюдатель конкретных явлений, обобщающий их, возводя их до значения общих, теоретических положений. Обилие конкретного материала и обобщающая сила ума делали до сих пор А. Смита безукоризненным. В вопросе о меновой ценности А. Смит начинает оперировать уже с чисто абстрактными понятиями и впадает в противоречия сам с собою.

Действительно мы уже знаем основное положение А. Смита, что труд — создатель хозяйственных благ, создатель богатства. Отсюда естественный вывод, что труд — и создатель ценности предмета, основа и мерило того значения, которое мы придаем предмету. „Труд есть действительное мерило меновой ценности всякого товара“, и «то, что каждый предмет стоит в действительности тому, кто хочет приобрести его, есть труд и усилия, которые он должен употребить на его приобретение» (гл. V). Эта идея А. Смита о труде, как создателе ценности, стала с тех пор основой трудовой теории

ценности, воспринятой последующей политической экономией, вплоть до социализма, особенно последовательно усвоившего его и наиболее ярко развивавшего. Но А. Смит в дальнейшем развитии этого своего основного положения, сам того не замечая, впадает в противоречия с самим собою.

Определяя, что естественная цена вещи есть труд и усилия, необходимые для ее получения, А. Смит здесь же рядом дает совершенно иное развитие этой мысли. Ведь в настоящее время, при разделении труда, человек только очень немногие свои потребности удовлетворяет своим трудом, все остальные он удовлетворяет продуктами чужого труда путем обмена на них своих произведений. Отсюда А. Смит приходит к совершенно иному пониманию ценности для человека, который владеет каким-либо предметом, но не потребляет его сам, а обменивает его на чужое произведение: ценность этого предмета равняется ценности того количества овеществленного труда, которое он покупает в чужом произведении.

Таким образом, А. Смит дает рядом две трактовки ценности: 1) ценность вещи—это мой труд и усилия, которые затрачены мною на приобретение этой вещи; 2) ценность вещи—это труд и усилия других, которые я приобретаю за эту вещь. На первый взгляд кажется, что здесь нет противоречия: если труд является создателем ценности, то затрачиваю ли я свой труд на вещь, или затрачивает кто-либо другой, а я лишь меняю на эту вещь свою, с равным количеством труда,—дело не меняется. Происходит обмен трудовых эквивалентов; качественно различные предметы, как овеществленный труд, обмениваются в равных трудовых измерениях.

Дело нисколько не меняется от того, что самый обмен происходит не непосредственно в виде обмена одного предмета на другой, а с помощью посредствующего товара—денег. Действительно, ведь в развитом обществе «мясник не ведет своего быка или барана к хлебнику или продавцу пива, а ведет их на рынок и там меняет их на деньги, на которые потом покупает хлеб и пиво». И хотя оказывается, что «меновая ценность всякого товара гораздо чаще определяется количеством денег, а не количеством труда», тем не менее деньги все же остаются лишь «нарицательной» ценой товара, тогда как труд, как никогда не изменяющийся в своей собственной стоимости, представляет «единственно действительное и последнее мерило, которым во все времена и во всех местах определяется ценность всех товаров».

Такова абстрактная и абсолютная предпосылка. Но А. Смит никогда не забывал за теорией действительность, никогда не извращал перспективы действительности ради голой теории. Обмениваются ли в действительности товары по их трудовым ценностям? Да, говорит А. Смит, «при первобытном, некультурном состоянии общества, предшествовавшем накоплению капиталов и обращению земли в частную собственность», единственным основанием обмена было равное количество труда, и «всякое произведение, стоившее

обыкновенно двухдневного или двухчасового труда, ценилось вдвое дороже того, на что требовался обыкновенно один день или один час труда» (гл. VI).

Но в «развитом обществе», в обществе с накоплением капиталов и с частной собственностью (т.-е., скажем мы теперь, в капиталистическом обществе) положение меняется. И А. Смит с гениальной смелостью вскрывает эту особенность капиталистического общества: «хотя равные количества труда имеют всегда одинаковую ценность для того, кто работает, однако они имеют то большую, то меньшую ценность для нанимателя. Последний покупает эти количества труда то за большее, то за меньшее количество товаров... в одном случае она (цена труда) кажется ему дорогою, в другом—дешевой» (гл. V).

Итак, явился новый фактор—явился «наниматель», покупатель труда, явился капитал. И когда в обществе имеется «скопление капиталов», когда эти капиталы начинают употребляться, «чтобы давать работу трудолюбивым людям», когда появляется «наниматель», сам труд становится... товаром. Его действительная цена—«состоит из количества предметов, необходимых для существования и удобства жизни, которыми платят за него, а нарицательная—из количества денег» (гл. V).

Столь проста мысль, которую, однако, мог положить в основу теоретической экономики только А. Смит, т.-е. только ученый той эпохи, когда действительно «труд» стал товаром!

Но если труд, как всякий товар, обменивается по ценностным эквивалентам, то какую же выгоду получает наниматель, если он получает от рабочего такое же количество ценности в продукте его труда, какое он отдает в виде ценности предметов существования рабочего, т.-е. заработной платы? И здесь А. Смит из прозорливого наблюдателя неожиданно превращается в современника нарождающегося капитализма, живо понимающего и оправдывающего его мотивы. Конечно, говорит он, «предприниматель не нашел бы никакой выгоды нанимать рабочих, если бы не рассчитывал получить от продажи сработанного ими произведения что-нибудь сверх того, что нужно для восстановления употребленного им в дело капитала». Если он это делает, то только для того, «чтобы потом получить барыш на продаже их произведений, или на том, что люди эти своим трудом прибавили к первоначальной стоимости материалов» (гл. VI).

Итак, предприниматель получает свой естественный доход от продажи сработанного другими продукта. Отсюда можно сделать вывод, что капиталист уплачивает рабочему всю ценность продукта его труда и, лишь продавая его выше его трудовой ценности, получает в обмене прибыль. Но это противоречит другим мыслям А. Смита—что предметы обмениваются по трудовым ценностям—и он не может выйти из этого затруднения.

Тем не менее, его основным и ясным положением, все же остается, что только труд является создателем ценности.

В связи с этим у А. Смита возникает еще одна проблема. Всякий ли труд, всякие ли усилия и работа создают ценность? Нет, говорит А. Смит, есть очень много занятий, даже весьма почтенных, которые ценностей не создают. Но какой же труд производителен? И А. Смит здесь также остается непоследовательным и двойственным, колеблясь между желанием определить производительность труда вообще и пониманием производительности труда лишь в условиях капиталистического производства. Производительным у него является то лишь тот труд, который создает прибавочную ценность капиталисту, т. е. труд рабочего, получающего заработную плату меньшую, чем вся созданная им в процессе труда ценность; то тот труд, который вообще создает какую-либо ценность, воспроизводя в ней хотя бы лишь ценность средств своего существования. Среди этих двух взглядов—с одной стороны, вытекающего из его собственных воззрений, с другой—навеянного физиократами—и колеблется А. Смит.

Но, так или иначе, труд является создателем ценности, и «рабочие своим трудом прибавляют к ценности первоначального материала» новую ценность. Эта ценность делится на две части: одна составляет заработную плату рабочего, другая—прибыль капиталиста.

Нельзя не поражаться, как гениально и вплотную А. Смит подходит к разрешению той проблемы, которая с тех пор стала загадкой экономической науки: кажется, что он уже вскрыл загадку капиталистического общества, происхождение «прибавочной ценности», как продукта создания труда, происхождение прибыли, как части этой созданной трудом прибавочной ценности...

И тем не менее, подойдя так близко к открытию тайны капиталистического общества, А. Смит тотчас же отходит от нее и оставляет ее неразрешенной для всей последующей политической экономии, вплоть до К. Маркса.

Но последуем за самим А. Смитом. Откуда же берется прибыль капиталиста? Из приведенных цитат видно, что прибыль есть не что иное, как часть неоплаченного капиталистом труда: труд рабочего прибавляет ценность, капиталист продает продукт по полной ценности, но дает рабочему только часть, в виде заработной платы, присваивая остальную часть себе. То же самое делают и землевладельцы, ибо «с тех пор, как земля в какой-либо стране сделалась предметом частной собственности, владельцы ее охотно стали пожигать там, где они не сеяли, и требовать себе ренты. Он (земледелец) должен платить за позволение собирать эти произведения, и ему приходится уступать землевладельцу часть того, что он собрал или произвел своим трудом». Труд, таким образом, отдает неоплаченную часть землевладельцу, который также реализует ее. Но, ведь, выше А. Смит говорил, что труд, как всякий товар, должен обмениваться по полной своей ценности. Почему же здесь происходит иное?

А. Смит не в силах разрешить этот вопрос. Не замечая разницы между трудом, как создателем ценности, и его товарной формой—

рабочей силой, которая продается за заработную плату (то различие, сделав которое Маркс разрешил и всю проблему), А. Смит приходит к заключению, что при обмене между капиталом и трудом, т.е. между овеществленным и живым трудом, установленный им закон отменяется, и эти товары перестают обмениваться по трудовым эквивалентам. Отсюда он заключает, что в условиях капиталистического общества, т.е. при приложении капитала и при частной собственности на землю, труд и рабочее время перестают быть мерилем меновой ценности товаров. Ценность товара не определяется только трудом, а определяется заработной платой, прибылью и рентой и, следовательно, определяется не пропорционально труду, а пропорционально всему затраченному капиталу. Цена товара теперь уже состоит из трех самостоятельных частей — заработной платы, прибыли на капитал и ренты.

Совершенно правильно определив таким образом вначале прибыль и ренту, как простые вычеты из продукта рабочего и из ценности, прибавленной трудом к сырому материалу, А. Смит в последующих своих рассуждениях не смог выяснить причины, почему и как труд, как товар, обменивается не по общему закону, им установленному. И он сам же вновь отменяет этот закон. Этим он подорвал все значение правильно намеченной им трудовой теории ценности, основателем которой он все же может считаться.

Тем не менее, это обстоятельство не мешает А. Смигу в дальнейшем совершенно правильно и тонко развивать свои мысли. Прибавочная ценность у А. Смита является общей формой и источником ее частных проявлений — прибыли на капитал и ренты. Но и здесь он часто не дает ясного отчета в различии этих отдельных моментов и не делает из них надлежащих выводов. С одной стороны, так как прибавочная ценность создается только из неоплаченного труда, то она не зависит от той части капитала, которая вложена в виде сырья или средств производства. Наоборот, только из части капитала, затраченной на заработную плату, происходит прибавочная ценность, ибо только эта часть капитала не только сама воспроизводится, но и создает излишек ценности. Но А. Смит, смешивая и отождествляя прибавочную ценность с прибылью, приходит к заключению, что прибавочная ценность рассчитывается по отношению ко всей сумме авансированного капитала, что приводит его к неясностям и противоречиям. Вместо объяснения прибыли, как части неоплаченной прибавочной ценности, А. Смит выводит ее, как доход капиталиста, вытекающий из обладания капиталом и пропорциональный этому последнему.

В результате такого незаметного поворота в своих мыслях, А. Смит и приходит к такому выводу, который, казалось бы, опровергает все сказанное им же по вопросу об источниках создания ценности: «заработная плата, прибыль и рента — вот три первоначальных источника всякого дохода, равно как и всякой меновой ценности» (гл. VI).

Вместо труда, как единственного создателя ценности, выдвигается учение о трех «факторах производства» — труде, капитале и земле и трех видах вознаграждения за них — заработной плате, прибыли и ренте. В дальнейшем А. Смит и останавливается на подробном рассмотрении каждого из этих «факторов».

Естественным вознаграждением за труд рабочего, его заработной платой, в условиях существования первобытного общества без частной собственности на землю и на орудия труда, является по А. Смиту полный продукт его труда. Но с тех пор, как совершилось обращение земли в частную собственность, землевладелец стал требовать из всего собранного продукта вычета в свою пользу в виде ренты. Точно также фермер-капиталист стал требовать второго вычета из продукта труда, как прибыль на затраченный им капитал в производстве (гл. VIII).

Таким образом, единый трудовой продукт в силу частной собственности подвергается вычетам в пользу собственников и делится на 3 части. На каких же условиях происходит этот дележ для отдельных частей? Высота заработной платы зависит от свободы договора между предпринимателем и рабочим. И предприниматели всегда берут верх над рабочими в силу своего более выгодного положения. Тем не менее есть предел, ниже которого заработная плата не может опуститься. Этот предел определяется суммой средств существования рабочего и его семьи. Около этого уровня и колеблется фактическая заработная плата в зависимости от целого ряда условий — приятности или неприятности труда, легкости и дешевизны обучения, экономических условий в виде непрерывности работы и т. п. (гл. X, разд. I). При этом, по мнению А. Смита, высокая заработная плата является положительным моментом для народного хозяйства. «Слуги, рабочие, ремесленники всякого рода составляют значительное большинство всякого большого государственного целого. А потому, то, что улучшает положение большей части, ни в коем случае не может быть рассматриваемо, как явление, неблагоприятное для целого — напротив, никакое общество не может быть признано процветающим и счастливым, если большая часть его членов бедна и несчастна» (гл. VIII).

Дальнейшим элементом хозяйства является капитал. А. Смит определяет капитал, как совокупность запасов, которые употребляются владельцем его не на личное потребление, а для получения дохода (книга II, гл. I). Другими словами А. Смит становится в понимании капитала на частно-хозяйственную точку зрения. И в зависимости от способа доставления дохода владельцу капитала, А. Смит делит последние на основной капитал, который приносит доход своему владельцу медленно и постепенно, все время оставаясь в руках владельца (машины, постройки и пр.), оборотный капитал, который приносит доход владельцу лишь переходя из рук в руки, сразу употребляясь в производстве (деньги, запасы).

Размеры дохода с капитала, как уже сказано выше, представляются противоположными размерам заработной платы, так как они представляют из себя вычет из единого продукта труда. Установление их—также дело соглашения и конкуренции. Но для этого необходима, конечно, общая предпосылка—возможность экономической свободы в приложении и перемещении капитала. При этом, даже при формальной свободе для наиболее выгодного соотношения между капиталом и трудом, прибылью и заработной платой необходимы следующие условия: 1) чтобы приложение труда и капитала было хорошо всем известно и с давних пор распространено в какой-либо местности и не находилось в каком-либо монопольном, исключительном положении,—либо по отношению к капиталисту, либо по отношению к рабочему; 2) чтобы оно находилось в своем обычном, так сказать, естественном состоянии, а не в состоянии, например, регресса, когда соотношение заработной платы и прибыли изменяется; 3) когда данное занятие является единственным или главным занятием определенных лиц.

При таких условиях получается нормальное соотношение между заработной платой и прибылью. Но фактически, в странах Западной Европы не существует таких условий свободы приложения труда и капитала. И А. Смит, переходя из области теории в область политики, подвергает резкой критике все те результаты, которые проистекают от политики вмешательства государства в эту область свободной борьбы экономических интересов (гл. X, разд. II).

Наконец, третьим элементом производства, входящим в состав ценности и определяющим высоту рыночной цены товара, является рента. А. Смит определяет ее, как самую высокую цену, которую получает землевладелец за предоставление пользования землей арендатору. Рента, по мнению А. Смита, входит составною частью в цену продукта совершенно иначе, чем прибыль и заработная плата. Тогда как последние составляют причину высокой или низкой цены продукта, рента является следствием высоких цен товара. Поэтому только земли, предназначенные для хлебопашества, дают ренту, земли же, на которых получают другие продукты, иногда дают, иногда не дают ренты, в зависимости от возможности большего или меньшего повышения на них цен (гл. XI, раз. I—II).

Этим в сущности и заканчивается содержание первой книги «Исследования» А. Смита, которую можно назвать «анатомией» капиталистического общества. Какова же его физиология, т. е. как же живет и функционирует это общество, какие движущие силы приводят в действие эти элементы хозяйственной жизни, какие соотношения возникают в этих процессах между ними?

А. Смит не отводит в своем труде специальных глав, посвященных рассмотрению общих идей экономической жизни и ее движущих сил, как это делают физиократы. Тем не менее из рассмотрения отдельных мест его сочинения и из сопоставления отдельных его

определений ясно видно, что все его воззрения проникнуты одной общей идеей об этой движущей силе народного хозяйства. Такой главной движущей силой, определяющей всю хозяйственную жизнь, является по А. Смиту *«экономический интерес»*, *«экономический эгоизм»*.

Все рассмотренные нами феномены хозяйственной жизни, в виде хотя бы разделения труда, с которого А. Смит начинает свое исследование—в виде-ли денег, ренты, прибыли на капитал—все они имеют в конце концов в основе своей определенную движущую силу—стремление человека к личному интересу. Что же такое представляет из себя этот «личный интерес»? А. Смит определяет его, как «естественное стремление каждого человека к улучшению своего положения». Человек, проникнутый этим личным интересом, экономическим эгоизмом, располагающий всю свою хозяйственную деятельность в зависимости от этого экономического эгоизма и есть то homo *economicus*, экономический человек, который, по мнению А. Смита, является нормальным, идеальным типом человека. Этот человек, заботящийся о своих интересах, является в то же время и наиболее полезным членом общества. Пусть каждый строит свою жизнь, руководствуясь стремлением к улучшению своего личного благополучия—в результате получится благосостояние всего общества. Ведь общество есть не что иное, как известная арифметическая сумма отдельных волевых импульсов, направленных к достижению благосостояния. Но если все люди заражены этим импульсом, то тем самым и все общество достигает своей высшей цели—высшего благосостояния и богатства.

Таковы те движущие силы, которые лежат в основе хозяйственной жизни общества. И в этом отношении взгляды А. Смита являются отражением и развитием, с одной стороны, тех материальных условий эпохи, с другой—тех философских доктрин и учений, современником которых был А. Смит. Интересно сравнить поэтому эти взгляды А. Смита с взглядами его современников—Кене и физиократов. И тот и другой исходят из основных принципов системы *«естественной свободы»*. И Кене также считал, что сумма отдельных интересов членов общества составляет в совокупности общественный интерес и что если предоставить свободу развития личного интереса, то вместе с тем будет достигнуто и общественное благополучие. Тем не менее весь ход мыслей и доказательств у того и другого совершенно различны. Для Кене и физиократов—в основе общества лежит естественный порядок, естественное право. Этот естественный порядок и создает тот идеальный режим, к которому должно стремиться человечество; наоборот, не зная его—люди отдаляются от этого общественного идеала. Изобретательный ум гения должен открыть этот идеальный порядок и дать человечеству образцы идеального человеческого устройства. Просвещенный абсолютизм, как идеальная власть, познающая идеальное устройство, должен вести общество по пути к этому общественному идеалу.

У. А. Смита не то: он исходит не из идеального режима и не из естественного права. Как эмпирик, он берет в основу своей общественной философии — общественный факт. Самым общим и постоянным фактом является стремление каждого человека к собственному благополучию. Следовательно, в целях общественного благополучия требуется только осознать этот факт и поставить каждого человека в такие условия, когда он мог бы осуществлять это свое стремление. Государственная власть должна только освободить этот интерес и это стремление, от мешающих его осуществлению препятствий. Государство должно предоставить человеку полную свободу осуществления его хозяйственного эгоизма и не вмешиваться в пути и способы его осуществления.

Ведь действительно, наблюдая все феномены экономической жизни, даже самые благотворные, мы видим, что они являются не результатом воздействия какой-либо внешней силы, распоряжения правительственной власти, а являются лишь результатом стихийного стремления к осуществлению своего интереса. Напр., возьмем разделение труда, эту, как мы видели, важнейшую причину экономического успеха современного общества. Откуда оно явилось? По предписанию или сознательному установлению какой-либо власти? Ничуть не бывало — только потому, что это разделение труда выгодно для участников хозяйственной жизни. «Разделение труда, доставляющее так много выгод, не есть результат какой-либо человеческой мудрости, сумевшей вперед предусмотреть и осознать общее благосостояние, порождаемое им. Оно есть необходимое, хотя и медленно и постепенно развивающееся свойство человеческой природы, вовсе не имеющей в виду столь важных и благодетельных последствий, а именно склонности к торгу, к обмену одного предмета на другой» (кн. I, гл. II).

Другой момент, которому как мы видели, А. Смит отводит также крупное значение — это капитал. И в отношении к нему очевидно, что капитал появляется в хозяйственной жизни не по повелению или под воздействием государственной власти, а является результатом стремления человека к собственному благополучию. Наилучшим способом для улучшения способа производства и поднятия производительности являются приложение усовершенствованных орудий и вообще вложение в производство накопленных запасов, т.-е. образование капитала.

Такую же причину имеет появление денег. Разве их кто-нибудь выдумал или сознательно установил? Нет, они возникли сампроизвольно, стихийно, как результат неизбежной экономической потребности. С возникновением разделения труда и обмена люди увидели, насколько неудобен непосредственный обмен, и поэтому «всякий предусмотрительный человек... естественно старался устроиться так, чтобы во всякое время иметь наготове, кроме произведений собственного ремесла, еще известное количество того или другого товара, на который по его соображениям лишь немногие отка-

лись бы променять произведения собственного ремесла» (кн. I, гл. IV). Так возникли деньги.

Таково же происхождение всех других экономических феноменов, самопроизвольно и стихийно устанавливающихся в экономической жизни.

Отсюда ясно, что все вообще элементы хозяйственной жизни и экономические отношения отдельных людей, в ней участвующих — труд и капитал, рабочие и капиталисты, землевладельцы — все это непреложные, тесно связанные друг с другом естественные элементы хозяйственной жизни и, как таковые, они являются одинаково равноценными факторами ее, имеют одинаковое право на признание и существование, имеют одинаковое право на вознаграждение, т.-е. на долю в общественном доходе.

Таким образом, А. Смит и приходит к своему оптимистическому взгляду на общественное устройство, как на находящуюся в равновесии совокупность интересов отдельных лиц и отдельных групп. По своему положению в хозяйственной жизни, все лица, в ней участвующие, принадлежат или к трудящимся, или к обладателям средств производства и капитала, или к собственникам земли. Общество поэтому состоит из трех классов — рабочих, капиталистов, землевладельцев. Это деление, являющееся естественным результатом экономической жизни, нисколько не нарушает гармонии интересов, ибо все классы одинаково стремятся к собственному благополучию, осуществляя тем самым благополучие общее.

Этот оптимизм А. Смита во взглядах его на общественное устройство приводит его и к дальнейшим выводам в области практической экономической политики. Естественным выводом из указанных воззрений является требование полной экономической свободы и невмешательства. «Если совсем устранить все системы поощрения или стеснения промышленности, то остается только одна простая и легкая система экономической свободы. Всякий человек, пока он не нарушает законов справедливости, пользуется полной свободой следовать тому пути, который ему указывает его собственный интерес, и употреблять свой труд и капитал, как ему заблагорассудится, нисколько не стесняясь тем, как действует какой-нибудь другой класс людей».

Если таковы воззрения А. Смита на пользу и необходимость полной свободы хозяйственной жизни, то, конечно, он не мог отнестись положительно и к господствовавшей до него системе экономической политики — меркантилизму, как системе крайнего вмешательства. Он не щадит своими критическими замечаниями все основные положения этой системы, доказывая, что ее мероприятия и попытки направлять хозяйственную жизнь в то или иное русло должны привести лишь к отрицательным результатам. Наоборот, путем стихийного сложения и нахождения своих путей экономическое развитие общества пойдет наиболее успешно и правильно.

Как же пойдет хозяйственная жизнь, устроенная по принципу полной хозяйственной свободы? А. Смит различает в этом отношении три главных пути, по которым направляется человеческая деятельность и энергия и по которым текут накопленные капиталы. Прежде всего земледелие, затем индустрия и, наконец, торговля: там, где по условиям данного момента приложение капитала и труда будет наиболее выгодным и производительным, туда они и станут притекать, хотя бы правительство и вздумало принимать меры поощрения к направлению их в какую-либо другую отрасль.

На первом месте в этом отношении стоит земледелие. Поэтому оно является преобладающим и преимущественным направлением хозяйственной деятельности, наиболее выгодным для затраты капитала. Земледельческий труд представляется наиболее производительным, тогда как труд индустриальный—менее производительный, ибо в земледелии бесплатно действует природа. Еще менее производителен труд в торговле оптовой, еще менее в транзитной. Это—как мы сказали—дань А. Смита учению физиократов.

Поэтому и в действительной жизни, при условии невмешательства, капитал и труд, предоставленные самим себе, будут направляться в отрасли хозяйства, наиболее доходные. Он, напр., не будет направляться на торговлю, если она представляется менее выгодной, чем индустрия и земледелие. Всякие меры стеснения пошлинами и таможенными заставами, всякие меры покровительства являются совершенно излишними, потому что сами капиталы будут направляться туда, где это наиболее выгодно. Роль государства поэтому сводится исключительно к невмешательству в хозяйственную жизнь, ограничиваясь минимальными задачами охранять частную предприимчивость.

Исходя из таких соображений, А. Смит и строит свою практическую экономическую политику: он требует отмены учреждений и законов, стесняющих передвижение земельной собственности, отмены майоратов, субституций, заповедных имений, утверждая, что каждое поколение имеет право на принадлежащую ему землю. Вместе с тем А. Смит является защитником эмансипационных идей, протестует против рабства, крепостного права, которые представлялись стеснительными для развития промышленности. А. Смит последовательно проводит идею свободы промышленной деятельности, требуя уничтожения монополий, всякого рода привилегий, как сословных, так и классовых. На сословных привилегиях базировалась система меркантилизма, которая в некоторых своих проявлениях дожила еще до А. Смита. Привилегии и монопольные компании, которые в то время процветали, являются, по мнению А. Смита, выгодными лишь для немногих участников, для всех же остальных членов общества они невыгодны, тормозя свободу предпринимательской деятельности и уничтожая возможность конкуренции. А. Смит высказывается против всякого рода пошлин, покровительственных тарифов, так как они извращают направление естественной хозяйственной деятельности и дают труду непроизводительное направление. Он сравнивает

деятельность государства с деятельностью частного человека. Как для всякого благоразумного отца семейства невыгодно производить в семье своим трудом такие предметы, которые дешевле можно купить из других рук, так и для правительства не представляется надобности непосредственно иметь у себя в стране производство тех или иных продуктов, если их можно приобрести в другой стране, где для производства их существуют более благоприятные условия. Безумно было бы производить какие-нибудь вина в Шотландии, когда более дешево можно получить эти вина из Франции, где налицо все естественные условия для развития этой отрасли производства. В области торговли, таким образом, А. Смит является апостолом свободы.

Таковы главнейшие теоретические и практические предпосылки и выводы А. Смита в его «Исследовании». Сказанным, конечно, далеко не исчерпывается все богатство содержания этого сочинения. Но уже из изложенного понятны причины того колоссального влияния, которое оказало это сочинение и на теоретическую разработку вопросов политической экономии и на практическую политику в экономической жизни.

Конечно, чтобы понять роль и значение А. Смита, необходимо отвлечься от современной экономической действительности и от современной экономической науки. Теперь нам трудно уловить всю новизну и оригинальность его идей и все значение их в экономической науке и жизни. Но с конца XVIII в. и в течение значительной части XIX в. вся экономическая жизнь и наука находились всецело под влиянием идей и настроений А. Смита. Его концепция экономической теории и практики была необычайно проста, ясна, понятна современникам, особенно подходила духу и стремлениям эпохи. Экономический эгоизм, стремление к собственному благополучию, как основа процветания общества; экономическая свобода; невмешательство государства; важность личной инициативы для достижения наибольшего размаха хозяйственной деятельности—все это было так близко и понятно для нового типа предпринимателя, которого выдвинуло начало XIX века начало капитализма. Эта концепция была не только понятна и ясна, но и увлекательна для современников, быстро проникнувшихся этой теорией А. Смита, как научной основой для их жизненных стремлений.

Поэтому-то эта концепция об экономическом эгоизме, об экономической свободе была воспринята как неоспоримое, абсолютное положение, как принцип, который всегда должен существовать и лежать в основе всякой хозяйственной деятельности. Такое упрощение и такое абсолютное истолкование было, конечно, слабой стороной учения А. Смита, которая у него самого не проявлялась сильно благодаря его проникновенному пониманию жизни. Но у его последователей эта идея часто находила развитие до крайностей, почему даже и правильные положения вульгаризировались, извращались, доводились до таких выводов, которых сам А. Смит не хотел делать.

Но, пожалуй, еще большее влияние, чем это научное влияние, и сильными и слабыми сторонами своими, имело учение А. Смита в другом отношении. А. Смит был особенно силен тем, что он необычайно правильно понял свою эпоху, экономические силы и потребности, в ней заложенные, а вместе с тем мог необычайно правильно предсказать прогноз развития экономической действительности. История экономической жизни XIX века шла именно в том направлении, которое, как единственно прогрессивное, только и было возможно для этой быстро развивающейся эпохи и которое так научно обосновал А. Смит. Хозяйственная жизнь освобождалась от всех стеснений эпохи феодализма и меркантилизма. Отмирали формально-сословные ограничения. Падало запутанное и сложное здание государственной опеки и регулирования. Завоевывала и находила признание личная хозяйственная свобода и предприимчивость. С ростом частного предпринимательства начался и быстрый рост богатства. На виду у всех шел быстрый расцвет обрабатывающей промышленности, как результат приложения капитала, роста техники, разделения труда. Сами собой напрашивались заключения о связи этих двух явлений. Блестящий, только что отстроенный фасад капитализма закрывал уже и тогда, конечно, имевшиеся его язвы. Да победителям над отживающим феодально-ремесленным строем и не хотелось и некогда было об этом думать. Все было к лучшему в этом лучшем из миров, а если жизнь и требовала жертв, то это было лишь «естественно» и неизбежно. Так тонкий анализ и изучение анатомии капиталистического общества, впервые произведенные А. Смитом, самим капиталистическим обществом и наукой были усвоены как идеологическое обоснование и оправдание собственного существования.

Подведем теперь итоги значения учения А. Смита для дальнейшей политической экономии, как в его положительных, так и отрицательных моментах.

А. Смит впервые ясно, законченно и научно очертил границы и содержание науки политической экономии. В противоположность меркантилистам и вместе с физиократами он основным ее содержанием сделал изучение производственных условий. Эти производственные условия он понимал не так узко и извращенно, как физиократы, а более широко, распространяя их на всякого рода производительное применение человеческого труда для создания материальных ценностей. ✓

Изучение этих условий ведется А. Смитом на широкой почве конкретного эмпирического материала, но тем не менее он не остается только эмпириком. Он обобщает, систематизирует наблюдаемые им факты, возводит их в теорию, рассматривает в их типичной сущности. Он дал, таким образом, не только содержание и объект экономической науки, но и создал ее теорию. Эта теория у А. Смита создается путем применения научных обобщений и дедукций. Его 2

метод—уже определенно дедуктивный: в этом и достоинство, и известный недостаток А. Смита.

Достоинство—потому, что этот метод позволяет А. Смицу возвыситься над голым эмпиризмом, как это было у его предшественников—меркантилистов и у его позднейших противников—историков. Недостаток—потому, что этот дедуктивный метод приводит А. Смита к обобщениям, иногда слишком далеким от действительности, к истолкованиям действительности, слишком подогнанным к теории. Вместе с тем, эти обобщения часто приобретают у него характер абсолютных, непреложных истин, вечных установлений, неизменных естественных движущих сил и явлений.

Вся его концепция приобретает характер натурализма, т.-е. признания неизменных, постоянно действующих в обществе законов, одинаковых для всех времен и народов. Его теория становится лишенной всякой историчности, т.-е. не признающей относительности и переходящего характера общественных явлений. Все его исторические экскурсы ограничиваются краткими замечаниями о «первобытном», «неразвитом» обществе, как противоположности современному ему «развитому», т.-е. капиталистическому. Первое представляет какое-то исключение, отклонение от нормального второго. Явления и отношения капиталистического общества возводятся в теорию и обобщаются как законы существования всякого общества.

Истолкование самих этих явлений вместе с тем приобретает характер оптимизма. Они не только изучаются как действующие силы, но и оцениваются как лучшие. Правда, А. Смит не вульгаризировал так этот оптимизм, как это делают его эпигоны. Он лучшим считает общественное устройство на основах выдвигаемой им свободы только при «нормальных» условиях; в конкретной действительности он часто отмечает обратные, отрицательные явления. Тем не менее все его воззрения, как воззрения провозвестника молодой прогрессивной эпохи, окрашены оптимизмом.

При таком оптимизме, свобода становится естественным лозунгом А. Смита и его школы. И в этом отношении сам А. Смит также не был таким до жестокости последовательным, как были его ученики и развиватели и какой оказалась сама экономическая жизнь после-смитовской эпохи.

А. Смит является идеологом своей эпохи, идеологом нарождающегося капитализма.

Но не только истолкователем и идеологом известной эпохи был А. Смит. Его учение имело высокую об'ективную ценность. Об'ективно верное изображение капиталистического общества позволило последующей науке вплотную подойти к углубленному и более точному изучению феноменов экономической жизни. И в этом отношении А. Смит если не сам окончательно разрешил многие вопросы, то поставил хорошие вехи на пути к их разрешению. Его учение о труде и разделении труда, о производстве, о капитале стало классическим. Его учение об общественных классах впервые правильно формули-

ровало производственные подразделения общества. Его трудовая теория ценности, несмотря на ее противоречия, дала основу дальнейшему правильному развитию. Его метод, хотя и вызвавший резкую реакцию, в конце концов, однако, все же положил основу действительно научным методам исследования экономических явлений.

Литература. Переводов А. Смита на русский язык было несколько. Лучший старый перевод Бибикова, А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. Спб. 1866, 3 т.—Его же. Теория нравственных чувств, Спб. 1868. Сокращенный перевод «Богатства народов» в «Библиотеке экономистов», под ред. М. Н. Миклашевского, тоже сокращенный перевод со вступит. статьей проф. П. И. Лященко, изд. «Прибой», 1923 г.—Об А. Смите, кроме общих руководств: Жуковский. Смитовское направление и позитивизм в эконом. науке, «Соврем». 1864.—Нейман, Исследование правил полит. экономии по системе А. Смита. 1817.—Беджгот, А. Смит, как личность, 1876.—Основной критический анализ теорий А. Смита у К. Маркса, «Теория прибавочной ценности», в. I.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Классическая школа.—Р. Мальтус и Д. Рикардо.

Как было указано, А. Смит является только провозвестником нарождающегося капитализма. Его жизнь и научная деятельность относятся к эпохе, когда старый ремесленный строй быстро отживал, но и новый капиталистический строй не приобрел еще господства и не выявил еще окончательно своих форм. Поэтому-то его учение и окрашено таким оптимизмом, так как положительное прогрессивное значение новых форм промышленности было для всех до очевидности ясным, а отрицательные общественно-экономические стороны его, наоборот, еще не выступали так резко. Для А. Смита проблема «богатства народа» являлась действительно проблемой развития капиталистической промышленности.

Однако, уже к концу XVIII в., т.-е. к концу жизни А. Смита и после написания им «Богатства народов», в промышленной жизни Англии быстро происходит тот переворот, который получил название «промышленной революции». Остатки мелкого ручного производства окончательно исчезли. Промышленностью всецело овладевало крупное машинное производство. Для организации его требовались большие капиталы. Изменения в технике вносили и резкие изменения в социальные отношения, так как капиталист становился организатором и руководителем производства, а прежний мелкий самостоятельный производитель переходил в разряд пролетариев, лишенных средств производства. Все это создавало отрыв населения от земли, рост чисто промышленного населения городов, пред'являвших при новых условиях жизни усиленный спрос на хлеб и другие земледельческие продукты. Цены на хлеб повышались, повышалась вместе с тем и рента землевладельцев.

Таким образом, промышленная и техническая революция привела к сильной дифференцировке общественных классов и обострению противоположности их экономических интересов. Если во времена А. Смита быстро идущий экономический подъем действительно благоприятно отзывался на благосостоянии не только народившегося класса капиталистов-предпринимателей, но и рабочих, то теперь положение резко изменилось. Вместо разрешения задачи всеобщего

благосостояния оказалось, что капитализм, принеся обогащение одним, приносил невиданные до тех пор ужасы бедности для других. Крупное капиталистическое производство оторвало массу населения от домашних промыслов, вырвало его из деревни, превратило в городского промышленного рабочего. А промышленный и технический прогресс того же капитализма каждым введением новой усовершенствованной машины выбрасывал на рынок безработных, новых пролетариев. Капитализм создает до тех пор невиданное в Англии явление—избыточное население, не находящее себе источников существования.

К кадрам городского безработного пролетариата присоединяются также тысячи прежних самостоятельных мелких земледельческих производителей, теперь также лишенных главного своего средства производства—земли. Развитие промышленной жизни, вызвавшее повышение цен на хлеб, побуждало земельных собственников к округлению своих имений за счет отобрания земель от мелких собственников, от общин, от мелких фермеров. К началу XIX в. этот известный процесс «очистки» имений, сопровождавшийся изгнанием с земли громадных масс населения, был закончен, и Англия превратилась в страну исключительно крупного землевладения, с полным исчезновением мелкого крестьянства.

При таких условиях, конечно, нельзя уже было говорить об единстве экономических интересов различных общественных классов. Самостоятельные интересы капиталистов-предпринимателей и землевладельцев-рантье с одной стороны и рабочих—с другой, стали совершенно очевидными. Богатство одних несло бедность другим. Но не вполне совпадали интересы капиталистов и землевладельцев: последние всегда стремились снять все возрастающую часть прибыли первых в виде ренты. Совершенно резко обособились и различные источники доходов отдельных классов. Развитие промышленности, свобода предпринимательства и частной инициативы приносит громадное увеличение доходов одних классов, но не богатство всего общества, так как одновременно с этим начинает развиваться в небывалых размерах нищета оторванных от земли и от производства рабочих классов.

Перед новой наукой, только что созданной А. Смитом, наукой, певшей гимны прогрессу и богатству капиталистического общества, возникает новая проблема: не проблема о причинах и источнике богатства, а о причинах бедности народа, не учение о гармонии и о единстве экономических интересов, а об их противоположности.

Так возникают новые направления классической школы у двух крупнейших учеников и последователей А. Смита—у Т. Мальтуса и у Д. Рикардо. Являясь правдоверными учениками А. Смита, веруя так же, как он в неизбежность и высшую истинность капиталистического порядка—в свободу конкуренции, в частно-хозяйственную инициативу, в частную собственность—эти ученики А. Смита уже не могли остаться такими оптимистами, как был их учитель. Впрочем, этот их пессимизм касался только признания факта эконо-

мического неравенства, противоположности интересов, бедности одних при богатстве других. Но они ни в коем случае не хотели из этого факта делать каких-либо выводов, опровергающих всю их систему в целом. Она попрежнему являлась для них наилучшей и наисправедливейшей. А если в ней и обнаруживались такие явления, как бедность, то вина в этом лишь самих этих членов общества, впавших в бедность, а не общественного строя.

Так сила событий и экономическое развитие общества резко и определенно поставили коренную общественную проблему на разрешение экономической науки. И разрешение это было таким, каким только оно и могло быть для этой эпохи и для этих представителей экономической мысли. Совершенно четко описав и признав все противоречия современного капиталистического общества, они признали их закономерным и неизбежным явлением всякого вообще общественного строя и не попытались поставить вопроса о путях и способах преобразования общества для уничтожения этих противоречий.

РОБЕРТ МАЛЬТУС (1766—1834).

Первые 20-25 лет вслед за появлением книги А. Смита прошли в английской экономической науке почти бесследно. После появления его классического труда, другого соответствующего по силе не было; не находилось других концепций, которые могли бы дать что-нибудь новое после тех построений, которые выдвинул А. Смит. Таким образом развитие экономической мысли в первые 20—25 лет после А. Смита шло на переработку, освещение, на некоторую пропаганду и истолкование идей А. Смита.

И только впервые через 20 лет появляется книга, вышедшая в 1798 г. сначала анонимно, книга, которая задалась целью трактовать не о богатстве и причинах богатства, а о бедности и причинах бедности народа: «Опыт о законе народонаселения». Не прошло и нескольких лет, как в 1803 г. понадобилось второе издание этой книги, при чем при этом втором издании автор открыл уже свое имя.—Это был английский священник из прихода Альбюри, Томас Роберт Мальтус (T. Malthus, 1766—1834).

Сочинение, которое он выпустил, представляет из себя небольшую брошюру, написанную очень сухо, специально, с массою цифр, но тем не менее впечатление от нее даже в широкой публике было ошеломляющее. Это небольшая брошюра получила такой колоссальный успех и такое распространение, которое до некоторой степени затмило своим шумом впечатление, произведенное в экономической науке и жизни книгою А. Смита. Вокруг этой маленькой брошюры возгорелась самая ожесточенная полемика, привлекавшая к себе целый ряд авторов, ученых, публицистов, полицейстов, политиков и других, которые так или иначе определяли, так или иначе критиковали или всецело принимали эти идеи, высказанные Р. Мальтусом.

Почему же книга Р. Мальтуса получила такой колоссальный успех? Причина этого успеха заключалась в том, что эта книга выдвинула впервые совершенно новые идеи вместо тех идей оптимизма, которые до сих пор господствовали в экономической науке со времени А. Смита. Вместо упоения богатством, Р. Мальтусом было брошено грозное предостережение о бедности масс, грозное предостережение, что вместе с внешним расцветом промышленности, массы беднеют, и причина бедности заключается в непреодолимых естественных законах экономической жизни. Эта новая мысль, высказанная при господстве идеи оптимизма А. Смита, и произвела ошеломляющее впечатление.

Причиной, вызвавшей появление книги Р. Мальтуса, было, как он говорит в предисловии, впечатление, произведенное на него памфлетом одного из анархических представителей французского социального оптимизма, Годвина, выпустившего незадолго перед этим свое сочинение:—«Опыт о скудости и расточительности» и «О политической несправедливости». Годвин был последователь рационализма и в этой своей книге рисовал общественное устройство идеальными чертами свободы, равенства и благосостояния, которые, по его мнению, недостигаются только по несовершенству политического и общественного строя. В критике этого общественного строя Годвин и дает свою знаменитую формулировку, с тех пор ставшую лозунгом анархизма (Годвин считается одним из основателей его): «всякое правительство, даже лучшее, есть зло». Это зло, присущее человеческому обществу, лишает его возможности расцвета, благосостояния и свободы. Бедность является причиной несправедливости общественного строя, неумения людей разумно устроить общество. Годвин верит в неизбежность прогресса науки, успеха промышленности. Он верит и в прогресс разума, как высшего стимула и высшей функции человеческой деятельности. Этот разум, по его мнению, в сознательно устроенном обществе будет сдерживать и те личные инстинкты, личные интересы, которые в современном обществе препятствуют осуществлению всеобщего блага. Разум

Р. Мальтус.

будет задерживать борьбу за этот личный интерес, борьбу за наживу, за прибыль, которая в рационально устроенном обществе должна быть уничтожена. Вместе с тем, по его мнению, опасность недостатка средств существования отпадает в рационально устроенном человеком обществе, где господствует разум, потому что вместе с личными инстинктами разум будет сдерживать также и животные инстинкты, присущие человеческому организму, т.-е. инстинкты к размножению. В результате, по мнению Годвина, род человеческий может и совсем прекратиться, но даже если этого не будет, если размножение человечества будет продолжаться, тем не менее, несоответствия между количеством средств существования и размножением населения никогда не получится и разве только «чрез мириады веков» пред человечеством может стать проблема о несоответствии средств существования с количеством населения.

Таковы идеи Годвина, выведенные им из рационалистических абстрактных предпосылок, приводящих его к утопическому оптимизму в экономической жизни. Этим оптимизмом Годвин доводил до крайнего предела оптимистические предпосылки классической школы. Он-то и заставил Р. Мальтуса сначала анонимно, потом открыто выступить против такого оптимизма.

Р. Мальтус, в противоположность Годвину, смотрит крайне пессимистически на перспективы развития общества. Он указывает, что опасность не так далека, как представляется Годвину. Наоборот, она очень близка, она уже есть. Заключается она в том законе человеческого организма, что человеку присуща способность к размножению, как животному, с известной скоростью, тогда как средства существования человеческого общества растут более медленно. В результате такого положения Р. Мальтус и выводит свой «закон народонаселения».

Основные выводы этого закона народонаселения Р. Мальтус сводит к трем основным положениям: «1) Количество народонаселения неизбежно ограничивается средствами существования. 2) Народонаселение неизбежно возрастает всюду, где возрастают средства существования, если только это не будет остановлено явными и могущественными препятствиями. 3) Эти особые препятствия точно так же, как и все те, которые, останавливая силу размножения, возвращают население к уровню средств существования, могут быть сведены к следующим трем видам: к нравственному обузданию, пороку и несчастью». Поэтому-то благотворительность и всякие мероприятия, проводимые правительством для уничтожения бедности, как противоречащие естественным законам народонаселения, не достигают никакой цели и не имеют никакого смысла.

Каким же образом растет, по мнению Мальтуса, население, и каким образом растут средства к существованию? По мнению Мальтуса, средства существования растут в арифметической прогрессии, население же стремится расти в геометрической прогрессии. Закон роста населения в геометрической прогрессии является результатом

биологического закона, т.е., что человеческая пара в известное количество времени может производить известное количество детей, эти последние дадут новое поколение и т.д. «Мы можем признать несомненным то положение, что если возрастные населения не задерживаются какими-либо препятствиями, то это население удваивается через каждые 25 лет и, следовательно, возрастает в каждый последующий 25-летний период в геометрической прогрессии». Другими словами, рост населения выразится таким рядом:

1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256,

Рост же средств существования представится таким рядом:

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9,

Ясно, что даже при неточном совпадении роста населения и количества средств существования с приведенными рядами получается потрясающая картина. Если взять период удвоения населения в 25 лет и принять количество средств существования в первый период за единицу, то на 5-м периоде соотношение населения и средств существования представится как 5:16, по истечении двух столетий, как 9:256, через три столетия, как 13:4096. Расхождение между средствами существования и количеством населения по схеме получается громадное.

Почему же, однако, на практике, в действительности, нет такого расхождения между средствами существования и количеством населения? Если представим, что такое расхождение определилось как отношение 13:4096, то большинство населения должно было бы умереть от голода. Мальтус говорит, что в действительной жизни действует целый ряд препятствий, которые сводят количество населения к известному уровню соответствия его с имеющимися средствами существования.

Эти препятствия, которые влияют на понижение количества населения и на доведение его до уровня имеющихся средств существования, бывают двоякого рода: позитивные (репрессивные) и предупредительные. Репрессивными препятствиями являются такие, например, явления, как в прежнее время людоедство, убийство детей, убийство стариков—явления, которые на известной стадии хозяйственной жизни получают широкое распространение как средство борьбы человека с человеком за свое существование. Сюда же относятся и явления современной жизни в виде всевозможных войн, общественных бедствий, эпидемий, увеличивающих смертность. Естественное уменьшение числа зачатий и рождений является также позитивным препятствием. Человеческое общество само бессознательно стремится приспособиться к борьбе за существование, к известному уровню средств существования.

Кроме этих репрессивных или позитивных препятствий должны иметь место еще превентивные (предупредительные) препятствия. Сам человек и все общество в целом сознательно могут стремиться

к уменьшению количества населения для достижения соответствия между населением и количеством средств существования. Главным из этих превентивных средств Мальтус считает нравственное воздержание с целью уменьшения рождений.

Что такое нравственное воздержание?—«Воздержание от брака в связи с целомудрием, воздержание от ранних браков и внебрачных детей,—вот что я называю нравственным воздержанием,—говорит Мальтус.—Если силой вещей цель не достигается, если появляются дети, для которых родители вследствие своей бедности не в состоянии дать соответствующих средств существования,—этот человек является лишним».

«Человек, появившийся на свет, уже занятый другими людьми,—говорит Мальтус,—если он не получил от родителей средств для существования, на которые он в праве рассчитывать, и если общество не нуждается в его труде, не имеет никакого права требовать для себя какого-нибудь пропитания, ибо он совершенно лишний на этом свете. На великом пиршестве природы для него нет прибора. Природа приказывает ему удалиться, и если он не может прибегнуть к состраданию кого-нибудь из пирующих, она сама принимает меры к тому, чтобы ее приказание было приведено в исполнение».

Слова эти вызвали особенно сильные нарекания на Мальтуса и упреки в жестокости его воззрений. Ведь его жестокий приговор обрушивался только на бедных, которые не могут обеспечить свое потомство, не могут дать ему места на жизненном пиру. К ним, к этому бедному населению, и обращается Мальтус с призывом к воздержанию, целомудрию, уменьшению количества детей, тогда как богатые свободны от необходимости такого воздержания, ибо для них и их детей место на пиру найдется.

Это и явилось причиной столь многих резких отзывов о Мальтусе вообще, как о писателе и моралисте. Годвин говорил, что Мальтус является «мрачным гением, губящим все надежды человека». Из других авторов, тоже резко критикующих Мальтуса, упомянем Джемса Гонара, который говорит, что Мальтус является «самой пагубной личностью своего века»; самого Наполеона нельзя было считать таким жестоким врагом человечества, как Мальтуса; Мальтус защищает рабство, детоубийство, бесстыдство; признает мир настолько дурно устроенным, что наилучшие поступки должны производить дурные действия, он лишает мир поэзии и провозглашает: «суета сует и всяческая суета».

Нужно однако сказать, что Мальтус не проповедывал тех идей, которые получили широкое развитие в воззрениях его последователей и которые не могут считаться его учением. Так напр., один из его современников, выступавший под псевдонимом Маркуса, издал вслед за брошюрой Мальтуса свою книгу, в которой советовал умерщвлять детей. Мальтус не имеет также ничего общего с тем практическим осуществлением его идей, которым занялась «лига нео-мальтузианцев», рекомендующая целый ряд мер практического

характера для уменьшения количества деторождений. Сам Мальтус, наоборот, указывал, защищаясь от нареканий в жестокости к бедным классам: «практическая цель, которую я имел в виду при написании своего сочинения, какие бы ошибки ни были мною сделаны, состояла в улучшении положения и в увеличении счастья низших классов общества».

Как бы то ни было, какой бы целью ни задавался в области морали Мальтус, какую бы мысль он ни преследовал, необходимо сказать, что в его учении была допущена крупная ошибка. Свой закон о народонаселении Мальтус основывал на биологических предпосылках, из которых он и выводил необходимость роста населения в геометрической прогрессии. Это была первая ошибка Мальтуса. Еще менее верны те его предпосылки экономического характера, которыми он доказывает, что средства существования растут медленнее, чем население, именно в арифметической прогрессии. Суть закона народонаселения вовсе не в биологии; закон народонаселения, как известная экономическая проблема, является результатом не биологических, а социальных законов. Поэтому источников или причин его необходимо искать не в тех или иных биологических условиях роста населения, а в социальных условиях, в которых происходит этот рост народонаселения и его средств существования.

Обращаясь к фактической проверке его выводов, находим, что предпосылки Мальтуса о более быстром росте населения по сравнению с ростом средств к жизни фактически также неверны. В таких государствах, как С.-Амер.-Соединенные Штаты особенно резко обнаруживается несоответствие действительности с предполагаемым законом Мальтуса. Соединенные Штаты отличаются наивысшим по быстроте ростом населения: за 50-ти-летие оно увеличилось с 23-х миллионов до 98-ми миллионов—увеличение даже более быстрое, чем предполагалось Мальтусом. Но если обратиться к увеличению за тот же период времени количества средств, составляющих народное богатство С. Штатов, то оказывается, что размеры национального имущества определились так: в 1850 году приходилось 308 долларов, в 1900 году уже по 1070 долларов на каждого человека. Даже при росте населения более быстром, чем предполагал Мальтус, благосостояние населения представляется увеличивающимся, а не падающим.

Но не в этом была основная ошибка Мальтуса. Основная ошибка его состоит в том, что он не обращал внимания или просмотрел то противоречие его учения с действительностью, которое указывалось особенно социалистическими его критиками. Он не обратил внимания на факт наличной бедности при избытке богатства, на факты тех социальных противоречий, которые имели между бедными и богатыми. Мальтус этим вопросом или не занимался, или не смог его понять и объяснить. Поэтому-то с призывом к уменьшению населения он и обратился именно к бедным, тогда как в действительности оказывается, что стремление к уменьшению населения, уменьшение деторождения замечается как раз не среди бедных людей, а среди богатых. Как

показывает статистика крупных городов всех стран, процент рождения среди состоятельных семей менее, чем в семьях менее состоятельных.

Вместе с тем Мальтус, обращаясь с своим призывом к бедным, морально освобождал богатых от всяких забот относительно бедных, от всякого внимания к экономическим и социальным проблемам, потому что эти социальные причины представлялись ему, как истому классику, неизбежным законом, зависящим от биологических условий размножения населения. Если бы Мальтус обратил внимание на факт бедности при наличии богатства, конечно, он не пришел бы к тем выводам, которые он получил.

Поэтому необходимо сказать, что постановка вопроса Мальтусом, сыграла отрицательную роль в развитии социального движения и социальной мысли XIX века. Действительно, социальное влияние учения Мальтуса было отрицательным и чисто реакционным. Оно являлось противодействием для всяких социальных реформ, для всяких социальных стремлений улучшить хозяйственное положение бедных. Всяким социальным реформам Мальтус противопоставлял эти естественные законы, говоря, что никакие социальные реформы не могут привести к какому-нибудь улучшению положения бедного класса, потому что в основе этой бедности лежит биологический закон, требования которого неумолимы. Так стала разрешать социальный вопрос классическая школа, как только обнаружилось, что в капиталистическом обществе не все благополучно.

Нужно сказать, что известность Мальтуса, как экономиста, не исчерпывается этой ошибочно выдвинутой им проблемой, законом о народонаселении. Мальтус известен еще и рядом других своих трактатов, среди которых нужно упомянуть «Учение о ренте». В этом учении о ренте Мальтус является более строгим, более объективным экономистом, создавшим некоторые предпосылки для учения о ренте, которые впоследствии были разработаны другими экономистами, напр. Рикардо. По определению Мальтуса, рента является той частью дохода от земли, которая остается собственнику земли за оправданием всех расходов, включая сюда вознаграждение труда и прибыль на капитал. Рента является, как говорит Мальтус, «естественным результатом сообщенного Богом земле качества, которое дает земле силу прокормить больше людей, чем нужно их для обработки».

Таким образом, в понятие о ренте Мальтус включает два элемента. С одной стороны, ту естественную силу, которая вложена в землю, т.-е. физический закон чистой производительности земли. С другой стороны, рента имеет своим источником не только вечный закон земельной производительности, но также известный экономический закон, который заключается в способности земли прокормить большее количество людей, чем нужно для ее обработки. В этой части Мальтус связывает свой закон о ренте с законом о народонаселении; только земля является той единственной силой, которая

может прокормить большее количество людей, чем нужно для ее обработки. Следовательно, земельный труд имеет определенное свойство создавать спрос на свои продукты и бесконечно увеличивать ценность продуктов, потому что население страны сразу пред'являет повышенный спрос на продукты земли. Так как население растет быстрее средств существования, то, раз пред'является повышенный спрос на продукты земли, ценность продуктов земледельческого производства стремится к постоянному увеличению. В результате, таким образом, земля и дает своему обладателю этот избыток постоянно возрастающей ценности, избыток того дохода, который получается после покрытия всех расходов по воспроизводству продуктов, т.-е. ренту.

Вследствие этого свойства земли и получается разница в производительности ее, например при приложении к земледелию капитала, вложенного в землю различного качества. Земля, которая обладает большим природным плодородием, дает большое количество продуктов, большое количество богатств для своих владельцев, в сравнении с менее производительной землей, которая иногда может дать лишь столько продуктов, сколько требуется для продовольствия рабочих на ней занятых, т.-е. не дать ренты. Отсюда, рента понимается Мальтусом, как рента дифференциальная.

Это учение о ренте является второй заслугой Мальтуса в истории экономических доктрин, заслугой не столь шумной, но гораздо более важной. Как увидим далее, из последователей А. Смита впервые разрешил этот вопрос Рикардо, близко в этом вопросе примыкающий к тем мыслям, которые впервые высказал Мальтус.

Литература. Русских переводов «Опыта о законе народонаселения» Мальтуса несколько — Чернышевского, 1860 г., Бибикова, 1868 г., сокращенный в «Библ. экономистов» под редак. Щепкина, «Трактаты Мальтуса и Рикардо о ренте» перев. Миклашевского, Юрьев, 1908. О теории Мальтуса писали: Чернышевский, в примеч. к переводу Д. Милля «Основания политич. экономии», Южаков, в «Социологических очерках», Водовозов, «Экономические этюды», 1897. — «Новые идеи в экономике» под ред. Туган-Барановского, вып. II. «Теория народонаселения и мальтузианство». С.П.Б. 1914 г. — Замечания о Мальтусе см. также — Маркс, «Теории прибав. стоимости», в. II.

ДАВИД РИКАРДО (1772—1823).

Вторым крупнейшим представителем классической экономии, совершенно ясно поставившим перед собою проблему о противоречиях капиталистического строя, является Давид Рикардо.

Рикардо, как ученый и мыслитель, является, пожалуй, крупнейшим и поистине гениальным представителем экономической мысли. По силе своего абстрактного мышления и железной логике он может быть поставлен в уровень с таким гениальным мыслителем, отличавшимся теми же свойствами ума, как К. Маркс. Во всяком случае в этом отношении он стоит гораздо выше А. Смита, у которого

широта абстракции уступала место широте практических знаний, проникновенности опыта, глубине наблюдения над конкретной действительностью. В этом отношении Рикардо, пожалуй, уступает А. Смиуту, хотя ему нельзя отказать и в глубоком знании практической экономической жизни. Рикардо не был профессиональным ученым экономистом, как А. Смит; он был по профессии банкиром, т.е. практическим экономическим деятелем, и обладал в сущности колоссальным запасом знаний в области практической экономики, может быть даже более, чем теоретик-профессор А. Смит. Но у Рикардо это знание практической экономики не кладется в основу трактовки им тех или иных проблем политической экономики. Частные факты экономической жизни и наблюдения над нею явля-

Д. Рикардо.

лись для Рикардо, повидимому, лишь материалом для абстракции, для теоретических обобщений и построений. Но если Рикардо так удачно сочетал глубокое знание экономической действительности и практики с громаднейшей логикой и силой абстракции, у него при всей его гениальности не хватало одного элемента для окончательного завершения здания экономической науки: историзма. С гениальным проникновением подходя к пониманию и научному обобщению экономики современного ему общества, Рикардо, однако, не мог возвыситься до исторического его понимания, т.е. до взгляда на всю социально-экономическую проблему, как на проблему историческую. В этом Рикардо остается верным сыном классической школы.

Родился Давид Рикардо (D. Ricardo) в 1772 году. По происхождению он был голландским евреем. Отец его еще в детстве Давида переселился в Англию и здесь удачно занимался биржевыми операциями и нажил весьма крупное состояние. Поэтому и сына Давида он предназначал к той же практической деятельности. Уже 14 лет Рикардо принимал участие в различных практических торговых и биржевых операциях вместе со своим отцом. Поэтому он с молодых лет приобрел известный практический и экономический навыки и широкие знания, особенно в вопросах денежного обращения, бирже-

вых операций и т. п. Вместе с такой практической работой Рикардо, однако, всегда отличался склонностью к научным изысканиям, склонностью к абстрактным наукам. Да, пожалуй, и самый характер этих биржевых и денежных операций, всегда основанных на чистых математических расчетах и соображениях, способствовал развитию склонности к абстрактному мышлению. Поэтому, достигнув биржевыми операциями и торговопромышленной деятельностью крупного состояния, он весь свой досуг посвящал научным исследованиям политической экономии. В 1809 году Рикардо, принимая участие в парламентских работах, выпустил первую свою экономическую работу «Высокая цена слитков, как доказательство обесценения банковых билетов». В 1815 году он выступил с сочинением: «Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала». Главное его сочинение: «Принципы политической экономии» (Principles of Political Economy) вышло в 1817 году. В этом последнем своем сочинении Рикардо выступает уже как крупнейший теоретик со всей силой абстракции и мощи своих теоретических построений и действительно создает целый ряд совершенно новых положений, которые с тех пор становятся классическими теориями политической экономии. К сожалению, ранняя смерть помешала Рикардо закончить свои научные изыскания, так как в молодых сравнительно летах, в 1823 г., т.-е. 51 года от роду, Рикардо умер, оставивши небольшое по объему, но чрезвычайно по ценности литературное научное наследство.

Таким образом, главнейшее научное значение Рикардо определяется «Принципами». Это сочинение является бесконечно богатым источником для познания экономической теории, для изучения и разрешения ее отдельных проблем и для овладения тем научным абстрактным методом, который в руках Рикардо явился таким могучим орудием экономического познания.

Остановимся прежде всего на методе Рикардо. Большое значение в науке политической экономии Рикардо получил прежде всего благодаря своему абстрактному методу. Пожалуй, в этом Рикардо достиг высших пределов совершенства, во всяком случае для современной ему науки. Не только среди предшественников Рикардо, но и среди экономистов позднейших направлений мы редко можем встретить теоретиков, равных Рикардо по силе абстракции. Рикардо широко применяет этот абстрактный метод. Если вы откроете его сочинение, то не увидите там богатства фактического материала, как у А. Смита. Наоборот, все его изложение заключается в применении чисто абстрактного метода. Изложение испещрено всевозможными абстрактными построениями, которые, по обыкновению, Рикардо всегда начинает так: «предположим, что...» «допустим, что...» Выдвигая такие абстрактные предпосылки, Рикардо создает целый ряд дальнейших абстрактных же выводов, очень важных как в области теории, так и в области тех или иных практических заключений.

Этот абстрактный метод вызвал против себя сильные нападки как ближайших современников Рикардо, принадлежавших к реалистической школе, так особенно со стороны представителей позднейшей исторической школы, которые указывали на оторванность от жизни теорий Рикардо и его чистых абстракций, совершенно неприменимых в реальной политической экономии и в исторической, конкретной действительности. Несмотря на эти нападки и стремление развенчать научное значение метода Рикардо, нужно сказать, что влияние Рикардо сильнейшим образом сказалось на дальнейшем развитии экономической мысли и на целом ряде других школ, которые так или иначе, даже незаметно для самих себя, принимали теории Рикардо. Достаточно сказать, что такие противоположные школы, как школы экономического либерализма, с одной стороны, и школы научного социализма—с другой, находятся под самым живейшим влиянием построений Рикардо. Либерализм черпал у Рикардо те доказательства либерально-экономической политики, которые у Рикардо находили еще более сильное подтверждение, чем у А. Смита. Социализм также многое в своем учении усвоил от Рикардо. Так например, учение социализма о ценности, о ренте, о заработной плате в значительной мере представляет лишь дальнейшее развитие основных предпосылок Рикардо. Например, в такой основной проблеме, как проблема трудовой ценности, научный социализм имеет своим прямым предшественником и источником учение Рикардо, так как Рикардо положил уже достаточно прочное основание для окончательного создания Марксом учения о трудовой ценности.

Значение Рикардо в истории экономической доктрины не исчерпывается, однако, абстрактным его методом, не исчерпывается теми его теоретическими построениями, которыми он создал свое значение в науке и истории экономической мысли. Главнейшей заслугой Рикардо является то, что он был первым экономистом из классической школы, который обратил внимание на вопросы распределения. Тогда как научное значение А. Смита заключается в том, что он свое исследование обратил на рассмотрение условий производства, Рикардо, наоборот, главной целью политической экономии ставит исследование вопросов распределения.

Свой главный труд, «Принципы политической экономии», Рикардо начинает с указания, что главным предметом политической экономии являются вопросы распределения. «Продукты почвы и все, что берется с поверхности ее соединенным применением к делу труда, машин и капиталов—говорит Рикардо в предисловии—разделяется между тремя классами общества: землевладельцем, владельцем денег или капитала, необходимого на обработку ее и рабочими, трудом которых она возделывается. Но пропорции, в которых целый продукт почвы должен быть разделен между каждым из этих классов под именем ренты, прибыли на капитал и заработной платы, значительно различаются между собою на различных степенях общественного развития, что зависит, главным образом, от данного плодородия почвы, от нако-

пленя капитал и населения и от ловкости, способностей и орудий, употребляемых в земледелии. Определить законы, регулирующие это распределение и составляет главнейшую задачу политической экономии» («Принципы», предисловие, стр. 1).

Вот, следовательно, как начинает Рикардо свое учение. Если вспомнить те слова, которыми А. Смит начал свое исследование «О природе и богатстве народов», то можно видеть всю разницу в постановке вопроса Рикардо и А. Смита. Последний начинает свое сочинение с того указания, что «годовой продукт, который производит нация», является главным основанием ее благосостояния и богатства. Другими словами, А. Смит прежде всего выдвигал вопросы производства и видел задачу исследования политической экономии в рассмотрении вопросов производства. Рикардо, наоборот, прежде всего выдвинул вопросы распределения и задачу политической экономии видел в изучении этих вопросов распределения. И здесь же он сразу подчеркивает и неравномерность распределения общественного дохода между отдельными классами, так как отдельные классы пользуются «различными частями» этих общественных продуктов, т.-е. сразу вводит нас в проблему «противоречий» капиталистического строя. Вот почему Д. Рикардо, занявшись не вопросами производства, а вопросами распределения, приходит к пессимистическим выводам.

Исследуя, например, вопрос о ренте, он приходит к тому заключению, что рента является таким элементом общественного дохода, который стремится поглотить все большую его долю. И это поглощение общественного дохода, являясь нетрудовой долей землевладельцев, идет за счет других элементов — заработной платы и прибыли на капитал. Таким образом, между отдельными классами общества, представляющими эти элементы: землевладельцами — с одной стороны, и капиталистами и рабочими — с другой, имеется неизбежный антагонизм. Кроме того, самое существо ренты Рикардо молчаливо основывает на так называемом законе об убывающем плодородии почвы, т.-е. на таком явлении, которое неизбежно в силу естественных условий земледельческого хозяйства. Человечество должно затрачивать все больший и больший труд на добывание продуктов земледелия и в силу этого переходит все к худшим участкам земли. Вместе с ростом населения увеличивается необходимость все больший труд употреблять на добывание продуктов земледелия; поэтому неизбежно увеличивается рента, все большую долю отнимающая от прибыли и от заработной платы.

В вопросе о заработной плате Рикардо поэтому приходит к такому же пессимистическому выводу, что заработная плата, как известная доля в общественном доходе, стремится к постоянному уменьшению и не может подниматься выше известного minimum'a средств существования рабочего.

Таковы были пессимистические выводы Рикардо, которыми проникнуто все его учение и которые в значительной мере подорвали

оптимизм воззрений классической школы А. Смита. Тем не менее, по теоретическим предпосылкам своего учения, Рикардо является верным сочленом классической школы и ближайшим последователем А. Смита. В области экономической политики, в области воззрений на весь общественно-экономический строй, Рикардо попрежнему стоит на той же самой почве, на которой стоял А. Смит—на необходимости признания экономической свободы, на необходимости признания, как высшего стимула общественно-экономической жизни—личного интереса, личного эгоизма, как главной действующей его силы; на признании незыблемости и абсолютной неизбежности капиталистического строя. Общественный «пессимизм» Рикардо уживается у него, как у истого классика, с мнением об абсолютной неизбежности тех общественных противоречий, которые лежат в основе этого «пессимизма».

После этих общих замечаний перейдем к рассмотрению отдельных составных элементов и частей стройной экономической системы Рикардо, как она вылилась в его «Принципах политической экономии».

Свой теоретический анализ проблем политической экономии Рикардо начинает с анализа понятия ценности. Он прежде всего останавливается на той формулировке понятия ценности, которая была дана А. Смитом и которая, как мы видели, не нашла у него законченного и последовательного выражения. Рикардо, останавливаясь на определении ценности А. Смитом, говорит: «Полезность не есть мерило меновой ценности, хотя последняя без нее немыслима. Если предмет вовсе не имеет потребительной ценности, иными словами, если мы не можем извлечь из него ни удовольствия ни пользы, в таком случае у него не будет и меновой ценности».

Итак, полезность есть лишь база, необходимая предпосылка меновой ценности. Чем же определяется эта последняя и где ее источник? Рикардо не дает здесь единого истолкования и объяснения меновой ценности. По его мнению, все предметы и хозяйственные блага можно разделить на две группы: редкие и свободно воспроизводимые. Источник ценности для тех и других предметов неодинаков. Ценность предметов зависит или от количества труда, необходимого для его добывания,—для свободно воспроизводимых предметов, или от редкости—для предметов невоспроизводимых. Вот два основных источника, которые определяют ценность предмета. Что касается редкости предмета, то этот элемент определяет ценность предметов, которые или вовсе невоспроизводимы, как, например, древние статуи, какие-нибудь редкие картины, которые для своего воспроизведения требуют известного мастерства исключительного характера и потому неповторяемы. Ценность таких невоспроизводимых предметов «абсолютной редкости», конечно, не может определяться трудом, затраченным на производство этих вещей. Ценность этих древних статуй и картин с течением времени возвышается, тогда как труд, затраченный в прошлом, не может изменяться и количественно не нарастает, а между тем ценность изменяется. Также редкостью опреде-

ляется ценность и тех предметов, которые хотя не обладают абсолютной невозпроизводимостью, но которые лишь относительно редки, т.-е. для воспроизведения которых недостаточно одного труда, как простого фактора ценности. За этим исключением ценность всех остальных «свободно воспроизводимых» предметов определяется трудом,—для них труд, затраченный на производство, является единственным определителем ценности. Рикардо является здесь создателем абсолютной трудовой теории ценности.

Таким образом, своей теорией трудовой ценности Рикардо вносит весьма существенные поправки и улучшение в учение А. Смита. Во-первых, он устраняет противоречие в определении ценности у А. Смита, по которому ценность определяется то трудом, затраченным на производство данной вещи, то трудом, который можно приобрести за эти вещи.

Вторая поправка, которую вводит Рикардо в определение А. Смита, касается соотношения отдельных элементов ценности, т.-е. соотношения между трудом, капиталом и землей, как отдельными факторами, определяющими по А. Смиту ценность предметов. По мнению А. Смита, ценность предметов определяется простым трудом только в первобытном обществе, когда для воспроизводства предметов не требуется никаких орудий и средств производства, кроме труда. В обществе же, основанном на разделении труда, где, кроме труда, применяется капитал, ценность, по мнению А. Смита, определяется не только трудом, непосредственно потраченным на производство предметов, но издержками производства, т.-е. заработной платой, прибылью на капитал и рентой. По мнению Рикардо, эти соображения А. Смита неправильны, и капитал, как орудие производства, в современных условиях не оказывает влияния на ценность предметов. Ценность предметов и в настоящих условиях определяется только трудом.

Как же Рикардо доказывает это положение, что и при современных условиях капиталистического производства, т.-е. при применении капиталов в процессе производства, ценность определяется только трудом? Во-первых, капитал, по самому существу своему, является тем же продуктом труда, только накопленным раньше и назначаемым для дальнейшего воспроизводства. Если разложить понятие средств производства на их составные части, то найдем, что все они в конце концов сводятся к труду, как единственному определителю ценности. Так, если даже взять развитое капиталистическое общество, то, как говорит Рикардо, «меновая ценность произведенных вещей соответствует труду, истраченному на их производство, и не только на производство непосредственно, но и на все орудия и машины, требуемые свойством тех видов труда, к которым он прилагается... Определяя, например, меновую ценность бумажных чулок, мы увидим, что она зависит от совокупности труда, потребного для их производства и доставки на рынок. Во-первых, сюда войдет труд, потраченный на обработку земли, на которой был взрошен хлопок,

во-вторых, труд на перевозку хлопка..., в-третьих, труд прядильщика и ткача, в-четвертых, часть труда инженера, слесаря и плотника, строивших здания и машины... в-пятых, труд мелочного торговца»... Сумма всех этих трудовых затрат и определяет меновую ценность предмета. Поэтому, если вследствие какого-либо усовершенствования, например улучшения машин, потребовалось-бы меньше труда для выполнения какой-либо работы, меновая ценность предмета понизилась бы, т.-е. «в обмен за них стали-бы давать меньше других вещей, в производстве которых не было сделано подобного сбережения труда» (Принципы, глава I, отдел 3). Зарботная плата, как известный элемент издержек производства, несмотря на ее колебания, не может влиять на ценность предметов, потому что ценность определяется не зарботной платой, как элементом издержек производства, а трудом, как затраченной на производство человеческой энергией. Если предположить, что зарботная плата уменьшается или увеличивается вследствие каких-нибудь причин, удешевляющих стоимость содержания рабочих, то изменение ценности предметов останется тем же. Поэтому, независимо от того, какая будет зарботная плата, предметы будут оцениваться и обмениваться все же в той же пропорции, сообразно труду, затраченному на производство того или другого предмета. Тем не менее все же это правило получает известное ограничение.

Дело в том, что не все капиталы, вкладываемые в производство в виде машин, орудий и проч., одинаковы прочны, одинаково скоро изнашиваются и в одинаковой пропорции с трудом вкладываются в производство. В одних случаях все затраты на производство делятся в одинаковых пропорциях между постоянным капиталом (машины) и оборотным (зарботная плата), в других—эти соотношения иные, в-третьих—почти все затраты состоят из зарботной платы. И хотя общая сумма затраченного капитала может быть одинакова, тем не менее относительная ценность различных предметов может изменяться под влиянием изменения указанного соотношения и падения или повышения доли зарботной платы и соответственно—прибыли на капитал. Но эта модификация общего закона не изменяет его силы, и для абстрактного теоретического выяснения понятия ценности остается в силе общий случай. Поэтому орудия производства могут принадлежать рабочему классу или другому лицу, но это обстоятельство нисколько не изменяет способа определения ценности. Обильны или редки капиталы, но во всяком случае лица, посвятившие свои капиталы производству, возьмут известную долю продуктов, а остаток послужит зарботной платой тем, кто затрачивает свой труд. Зарботная плата может повышаться, но количество труда, которое требуется на производство, от этого нисколько не изменяется. И так как такое возвышение зарботной платы будет одинаково иметь место у всех производителей, то такое возвышение зарботной платы не может оказать

никакого влияния на определение ценности товаров. «Если один кусок сукна стоил два куска полотна, то как бы ни повышалась заработная плата, кусок сукна попрежнему будет продолжать обмениваться на два куска полотна».

Таким образом проблема ценности у Рикардо ставится как проблема нахождения тех отношений, в которых меняются товары один на другой. Эту ценность Рикардо и называет «относительной» или «сравнительной» ценностью, неоднократно указывая, что в своем исследовании этого вопроса он только и обращает внимание на эту «относительную» ценность. Относительная ценность Рикардо, следовательно, есть не что иное, как определяемая рабочим временем меновая ценность.

Исчерпывается ли этим понятием «относительной ценности» все вообще понятие ценности у Рикардо? По задачам своего исследования и по поставленной проблеме — изучить законы распределения — Рикардо главное свое внимание останавливает на относительной ценности: раз можно считать доказанным, что в основе отношения меновых ценностей лежит труд, то ясно, что и проблема распределения сведется к изучению тех пропорций, в которых созданная трудом ценность распределится между отдельными участниками производства.

Отсюда остается сделать один шаг и задать вопрос: чем же определяется самая ценность предмета, в чем ее «субстанция»? Ведь, если бесчисленное множество телесно различных товаров, для производства которых употреблен телесно различный труд, обмениваются пропорционально труду, то, следовательно, можно и следует абстрагироваться от этих телесно различных форм труда до понятия труда вообще, среднего труда, труда, как затраты человеческой энергии вообще. Тогда окажется, что этот «абстрактный» труд и будет той общей для всех товаров субстанцией, которая лежит в основе не только меновых отношений товаров, но и является сущностью и мерилом самой ценности.

Рикардо близко подходит к этому вопросу, хотя все же не решается сделать последний шаг, чтобы признать труд основой «абсолютной» ценности. В главе XX своих «Принципов», о ценности и богатстве, он особенно близко подходит к разрешению этого вопроса. Различая здесь понятия богатства, как совокупности предметов «приятных и полезных» и ценности, как количества труда, необходимого на производство этих предметов, Рикардо определенно указывает, что «ценность всякого предмета увеличивается или уменьшается (т.е. безотносительно к меновой ценности других товаров. П. Д.) в соответствии с легкостью или затруднительностью производства или, другими словами, соответственно количеству труда, употребленного на производство». И далее, «не изменяется ценность только тех товаров, на производство которых во все времена требуется одинаковая затрата времени и труда». Наконец, возражая Дестю-де Трасси, что франками (деньгами) можно измерить ценность

вещи, Рикардо говорит: «я полагаю, что можно найти такое мерило. Так как предметы обоего рода представляют результат труда, то именно труд и есть общая мера, посредством которой может приводиться в известность как их действительная (real), так и относительная ценность».

Все приведенные цитаты показывают, что Рикардо был близок и к понятию «абсолютной» трудовой ценности, т.-е. к понятию о труде, как субстанции и мере ценности предметов. Однако спутанность и неопределенность терминологии Рикардо, употребление им многочисленных и весьма неточных терминов «абсолютная», «реальная», «относительная», «действительная», «позитивная», «номинальная» ценность не дают возможности точно установить истинное и строгое понимание проблемы ценности. Поэтому-то критики Рикардо, особенно Бейли, Дитцель и др., потратили много усилий для доказательства противоречий Рикардо в этом вопросе. Да и сам Рикардо не считал свою теорию ценности сколько-нибудь законченной и, наоборот, указывая на ее несовершенство, высказывал пожелание ее дальнейшей разработки.

Для самого Рикардо понятие «относительной» меновой ценности, как методологическое допущение, было особенно важным, так как намечало дальнейший метод и путь для разрешения наиболее интересовавших его проблем распределения. Но, во всяком случае, за Рикардо остается громадная заслуга—подход вплотную к созданию теории абсолютной трудовой ценности. Сам не разрешивши этой проблемы, Рикардо наметил, однако, настолько верные пути к ее разрешению, так что создание теории трудовой ценности Маркса явилось лишь блестящим завершением трудов Рикардо.

Итак, допустив, что ценность продуктов пропорциональна затраченному на их производство труду, Рикардо приступает к выяснению основной своей проблемы—распределения. Еще в предисловии к своим «Принципам» он указывает, как на факт современного экономического строя, что весь продукт делится в виде доходов трех классов общества—заработной платы, прибыли на капитал и ренты. Но так как распределению подлежит вся созданная ценность, как продукт труда, то, ясно, все распределение между отдельными классами, участвующими в производстве, ограничивается этой созданной трудом ценностью.

Таким образом, Рикардо подходит к важнейшему моменту—в проблеме ценности и ее социологического применения. Являются ли все указанные виды общественного дохода модификацией единой, созданной трудом ценности или, наоборот, источник их лежит также в таких материальных факторах производства, как капитал и земля? Являются ли поэтому заработная плата, прибыль и рента только отражением общественных отношений лиц, занятых в производстве и делящих между собой продукт труда или, наоборот, мы должны их рассматривать как отдельные, разрозненные вещные элементы

богатства, имеющие самостоятельные вещные источники своего происхождения: прибыль—из капитала, рента—из земли?

Разрешение этих вопросов в первом случае должно было бы привести Рикардо к созданию теории «прибавочной ценности», как того вычета из общей массы ценности, откуда получается прибыль и рента, как части этой прибавочной ценности. В то же время это привело бы к окончательному отказу от «фетишизации» хозяйственного процесса и экономических отношений, отказа от признания самостоятельными «факторами производства» капитала и др. материальных средств производства.

Рикардо действительно весьма близко подходит к разрешению и этого вопроса. Придавая понятию ценности значение не только «относительное», но часто, как указано выше, и «абсолютное», Рикардо весьма ясно видит, что источником всех видов дохода является ценность, созданная трудом. Однако, он все же не объединяет всех этих трех видов дохода по их источнику, не объединяет в то же время прибыль и ренту, как доходы, имеющие источником «прибавочный труд» и противопоставляемые, поэтому, заработной плате, как вознаграждению за необходимый труд. Наоборот, отходя от указанной своей точки зрения, он придает на ряду с трудом самостоятельное значение также и другому фактору—капиталу. Отсюда прибыль становится самостоятельным источником дохода, на ряду с заработной платой; отсюда вопрос о прибыли «фетишизируется», т.-е. переносится из области общественных отношений в область рассмотрения материальных факторов производства.

Противоречие и незаконченность, заключенные в постановке проблемы ценности Рикардо, сказываются в дальнейшем и на разрешении им проблемы распределения. Но Рикардо подходит к разрешению этого вопроса несколько иначе. Он считает, что проблема распределения не вытекает из проблемы ценности¹, и исходным пунктом для своего учения берет факт самостоятельных видов дохода. При этом уже в первой же главе «Принципов», рассматривая вопрос о ценности, он указывает, что наличность капитала и дохода с него, прибыли, не противоречит установлению понятия относительной ценности в зависимости от количества труда, затраченного в производстве. Но по отношению к третьему виду дохода—ренте возникает вопрос о самой сущности и происхождении этого вида дохода.

Таким образом Рикардо в своем изложении проблемы распределения приходит, с одной стороны, к необходимости выяснить сущность особого вида дохода—ренты, независимо от количества труда, необходимого для производства; с другой—к основной задаче проблемы—определению размеров долей этих трех видов дохода. И хотя

¹ «Великий вопрос о ренте, о заработной плате и прибыли должен быть пояснен теми пропорциями, в которых весь продукт делится между землевладельцем, капиталистом и рабочим и которые не стоят в необходимой связи с учением о ценности». Письма Рикардо к Мак-Кулоху от 13 июля 1820 г. т. II, стр. 171.

сам Рикардо начинает свое изложение с ренты, однако более правильно и более ясно было бы начать изложение с заработной платы, как вида дохода, наиболее близко связанного с проблемой ценности.

В проблеме заработной платы Рикардо останавливается на двух вопросах: на условиях, определяющих высоту заработной платы, и на условиях, определяющих ее как долю общественного дохода.

Что такое заработная плата? Зарботная плата есть цена труда, а труд в условиях капиталистического общества совершенно правильно определяется Рикардо—как товар. «Труд—говорит он—так же как и все предметы, которые покупаются или продаются и количество которых может быть увеличено или уменьшено, имеет цену естественную и рыночную. Естественная цена труда—та, которая необходима, чтобы доставить рабочим средства к существованию и продолжению своего рода, без возрастания и сокращения его». «Средства, которыми располагают рабочие для содержания себя и своего семейства, необходимого для сохранения числа рабочих, зависят не от количества денег, получаемых ими в виде заработной платы, но от количества средств пропитания и других необходимых предметов, к которым они привыкли и которые могут купить на заработанные ими деньги. Следовательно, естественная цена труда зависит от цены пищи и других предметов необходимости и удобства, необходимых для содержания рабочего с его семьей. С возвышением цены этих предметов возвышается и естественная цена труда и, наоборот, она понижается вместе с понижением цены этих предметов» («Принципы», гл. V).

Помимо естественной цены труда, Рикардо различает рыночную его цену. «Рыночная цена труда есть та, что действительно платится рабочему под влиянием отношения спроса и предложения. Труд дорог, когда его мало, и дешев, когда он предлагается в изобилии. Как бы ни было велико уклонение рыночной цены труда от естественной цены его, но, подобно цене продуктов, она имеет стремление соотноситься с этой последней». Рыночная цена труда и есть та заработная плата, которую получает рабочий.

Итак, заработная плата колеблется около естественной цены труда, а эта последняя определяется средствами существования рабочих. Конечно, эта естественная цена труда различна для различных стран и эпох, в зависимости от условий быта и потребностей рабочего. Выраженная в деньгах, она может повышаться или понижаться в зависимости от цены предметов потребления рабочих, но в реальной форме она обычно не превышает этого уровня необходимых средств существования. Вместе с тем, понятно, что и рыночная цена труда, т.-е. заработная плата, не может превысить свою естественную цену, т.-е. сумму средств существования.

Почему это происходит? Да потому, что если бы предположить, что рыночная цена труда, заработная плата, выраженная в определенных средствах существования, повысилась бы выше этого уровня, то, в результате, условия существования рабочих улучшатся, увели-

чится способность их к размножению, увеличится население и получится таким образом избыточное предложение рабочих рук, которое, вследствие конкуренции, может понизить в дальнейшем их рабочую плату, спустить ее до необходимого уровня средств существования. Этот закон, сформулированный впоследствии как «железный закон заработной платы» Лассалем, впервые сформулирован, как мы видим, у Рикардо.

В каком же отношении стоит так определяемая заработная плата, как доход рабочего, к доходам других общественных классов, т.е. как велика доля дохода рабочих в общей сумме общественного дохода? Понятно, что если отдельные доходы имеют источником один продукт, одну ценность, созданную в производстве, то чем больше доля одного дохода в трудовом продукте, тем меньше доля другого. Отсюда Рикардо приходит к выводу, что доля рабочих, определяющая средства их существования, постоянно находится в известном антагонизме, в противоречии с долей другого класса, принимающего участие в распределении общественного дохода, с прибылью капиталистов. Общественный доход от производства делится между рабочим и капиталистом. Доля рабочих в этом общественном доходе постоянно находится в обратно-пропорциональном отношении с долей капиталистов в том же общем доходе, с их прибылью. Поэтому, чем больше доля одних, тем меньше доля других. Ясно, поэтому, что интересы капиталистов, как определенного класса, известным образом пользующегося долей в общем доходе, противоположны интересам рабочих, как класса, тоже принимающего участие в распределении общественного дохода.

Что же из себя представляет и чем определяется этот второй вид общественного дохода, прибыль капиталиста? В результате процесса производства «вся меновая ценность распадается только на две части: одна образует прибыль на капитал, другая—вознаграждение за труд» («Принципы», гл. VI). Поэтому «прибыль будет высока или низка, смотря потому, высока или низка будет заработная плата». Но заработная плата, как мы знаем, определяется естественной ценой труда, средствами существования рабочих, т.е. фактором более или менее одинаковым в каждой данной стране и в данную эпоху для всех отраслей производства. Поэтому и прибыль капиталистов устанавливается на известном уровне, являющемся, таким образом, средним уровнем прибыли. Необходимость установления этого среднего уровня прибыли вытекает из конкуренции и перемещения капиталов, ибо если к какой-либо отрасли приливает избыточное количество капитала, повышается спрос на труд, повышается заработная плата, понижается прибыль, и капиталы начинают отвлекаться от этой отрасли, пока не восстановится нормальное положение.

Но какова же историческая тенденция нормы прибыли: повышается ли она или понижается? Так как размер прибыли зависит от размеров заработной платы, а эта последняя от средств суще-

ствования рабочих—в первую очередь хлеба и других сельскохозяйственных продуктов,—то с возрастающей трудностью добывания этих последних повышается и заработная плата, а вместе с тем падает прибыль. Отсюда вытекает историческая тенденция понижения нормы прибыли.

Но где же причина такой тенденции, т.е. чем объясняется постоянное вздорожание продуктов потребления и какое влияние, в свою очередь, производит это обстоятельство на процесс распределения общественного дохода?

Здесь Рикардо приходит к основному и замечательнейшему пункту всей своей системы, к учению о ренте.

Самое понятие ренты Рикардо определяет так: «Рента есть та часть продукта земли, которая уплачивается землевладельцу за право пользования первоначальными и неистощимыми свойствами почвы» («Принципы», гл. II). Вот то классическое определение ренты, которое до сих пор может считаться неопровергнутым. Рикардо указывает далее на необходимость отличать эту ренту от арендной платы. Арендная плата платится не за неистощимые силы почвы, а за другие условия пользования землей, например за вложенный в землю капитал, в виде осушения, орошения, за возведенные на ней производительные постройки, здания. Арендная плата, следовательно, есть ни что иное, как вознаграждение за капитал, т.е. прибыль.

Что же из себя представляет и каким образом определяется отличный от этой арендной платы вид дохода—земельная рента и каким образом землевладельцы имеют возможность получать ее? Исследуя вопрос о происхождении ренты, Рикардо подробно рассматривает причины, источник и закон возникновения ренты.

Представим себе, что для прокормления данного общества необходимо известное количество продуктов земледелия. Ясно вместе с тем, что это количество продуктов земледелия может получаться с определенного количества земли и притом определенного качества обрабатываемых земельных участков. Если мы предположим, что при увеличении количества населения потребуются увеличение средств существования, то появится необходимость перейти к новым участкам земли, которые могут быть не настолько плодородны, как земли первых. В каждой стране закон расселения на сельскохозяйственных участках и вовлечения их под культуру, по мнению Рикардо, состоит в том, что люди, заселяя какую-нибудь страну, занимают сначала более плодородные участки; затем, по мере роста населения и необходимости увеличивать количество сельскохозяйственных продуктов, они по необходимости должны переходить к обработке участков, менее плодородных и т. п.

Каким же образом, при постоянно выясняющейся необходимости переходить к менее плодородным участкам земли, слагаются условия производства сельскохозяйственных продуктов? Рикардо объясняет это на следующем примере (который приводим в несколько измененном виде). Представим три категории земельных участков №№ 1, 2 и 3-й.

Представим, что на участке № 1 производство дает определенное количество, например 10 пуд. зернового хлеба, которые обходятся в 10 рублей, покрывающие все издержки производства, т. е. заработную плату и прибыль на капитал. В том случае, если количество хлеба с первого участка достаточно для прокормления населения, то ясно, что первый участок не будет давать никакой ренты, так как сельскохозяйственное производство не дает никаких новых избытков, и цена хлеба будет лишь покрывать все издержки производства. При таких условиях цена хлеба установится в 1 руб. за пуд. Предположим, однако, что этих десяти пудов хлеба становится недостаточным для удовлетворения потребности растущего населения. В таком случае является необходимость переходить к обработке новых участков земли, к обработке земель худшего плодородия, т. е. к участку № 2. Издержки производства для получения этих новых 10 пудов на участке № 2 должны покрываться ценой этих 10 пудов хлеба, так как если бы эта цена не покрывала издержек производства именно на этих новых и менее плодородных участках земли, то их бы и не стали обрабатывать. Цена новых 10 пудов, вследствие худшего плодородия № 2, будет не 10 рублей, а напр. 15 рублей. Так как цена всегда устанавливается рынком на определенном уровне для всего товара, то общая цена хлеба на рынке установится в 1 руб. 50 к. за пуд. Поэтому и хлеб с участка № 1 будет продан по 1 руб. 50 коп. за пуд., хотя бы стоил по 1 руб. за пуд. Всего с участка № 1 получится лишних 5 рублей. Вот эта то разница между ценностью хлеба на участке № 2 и № 1—5 рублей,—и будет составлять ту ренту, которую получит не земледелец, не производитель хлеба, не фермер и не капиталист в виде сверхприбыли, а землевладелец. Предположим дальше, что этих 20-ти пудов хлеба, получаемых с участков № 1 и № 2, также недостаточно для удовлетворения потребности возрастающего населения и что для этого требуется 30 пудов. Является необходимость перехода к обработке участка № 3. Издержки производства на этом худшем участке № 3 должны покрываться более высокой ценой, которая должна установиться на рынке, предположим, в 2 рубля за пуд. Эта цена будет ценой для всего хлеба, т. е. также и для хлеба, полученного с участков № 2 и № 1. Теперь уже оба участка № 1 и № 2 дают разницу, так как 10 пуд. хлеба будут проданы по 20 рублей, при издержках производства на первом участке в 10 рублей, на втором в 15 рублей, т. е. первый участок дает избыток прибыли в 10 руб., второй в 5 рублей, которые в качестве ренты получают землевладельцы, обладающие участками № 1 и № 2. С участка № 3 будут покрыты только издержки производства (заработная плата и средняя прибыль) и ренты не получится.

То же самое получается и в том случае, когда при увеличении потребности населения в продуктах земледелия, вместо перехода к обработке участков худшего сорта, будем затрачивать на прежних участках новый капитал и большее количество труда на воспроизвод-

ство сельскохозяйственных продуктов. Предположим, что после участка № 1 мы не переходим к участку № 2, худшего сорта, а затрачиваем новое количество капитала на том же участке № 1, первого сорта. Исходя из принимаемого Рикардо так наз. «закона об убывающем плодородии почвы», он приходит к выводу, что всякое новое вложение капитала даст меньшее, т.-е. относительно понижающееся, количество сельскохозяйственных продуктов. Поэтому, если на одном и том же участке земли в первый раз на единицу капитала и труда, вложенных в производство в размере 10 рублей, мы получим продуктов 10 пуд., т.-е. каждый пуд обойдется 1 рубль, то при вложении второй доли капитала и труда, при увеличении интенсивности производства, стоимость новых 10 пуд. хлеба будет обходиться не в 10 рублей, а в 15 рублей, т.-е. пуд будет стоить 1 р. 50 коп., что явится ценой и для первой партии хлеба. Таким образом, получается, что вторая доля вложения капитала является причиной получения избыточной прибыли, приносимой первой долей капитала в виде ренты.

Наконец, такое же значение имеет для возникновения ренты и третий случай, на котором, впрочем, Рикардо почти не останавливается. Именно, представим, что при том же факте увеличения населения и увеличении потребности в сельскохозяйственных продуктах не переходят к землям худшего качества или к вложению новых капиталов, а переходят также к плодородным землям первого сорта, но лежащим в более отдаленном расстоянии от рынка. При таких условиях издержки на производство и доставку на рынок будут более высокими, чем в первом случае, и в результате более выгодно расположенные участки дадут ренту.

Таким образом, тот вид ренты, который изучает Рикардо, представляет из себя так наз. дифференциальную (разностную) ренту, т.-е. такую, которая создается вследствие разницы между свойствами отдельных земельных участков. По мнению Рикардо, рента может быть только в этом виде дифференциальной ренты, так как худшие участки земли, покрывающие лишь издержки производства, не могут давать ренты, т.-е. абсолютной ренты быть не может.

Каково же по Рикардо соотношение между ценностью и рентой? Нет ли в таком факте существования ренты противоречия с тем законом, который установил сам Рикардо, т.-е. что относительная ценность товаров определяется количеством затраченного на их производство труда (живого и накопленного)?

Рикардо, приступая к изложению своей теории ренты, действительно и задается таким вопросом, доказывая далее, что наличие ренты не нарушает общего закона ценности. Действительно, ценность хлеба определяется затратами труда и капитала на худших участках, и поэтому рента, как таковая, не является моментом, определяющим издержки производства и цену хлеба. Поэтому же, по мнению Рикардо, рента является не причиной, а следствием повышения цен на хлеб, так как сама рента возникает вследствие того, что цены на хлеб, производимый в худших условиях, должны опре-

делять общую цену, которая устанавливается на все хлебные продукты. Поэтому рента, по мнению Рикардо, не входит в определение издержек производства хлеба. В этом отношении Рикардо резко расходится с Смитом, который включает в число элементов, определяющих ценность предметов, также и ренту. По мнению Рикардо, наоборот, рента не входит в определение цены товара, и сама является лишь следствием повышения цен на хлеб. Таким образом—говорит Рикардо—«причина, почему возвышается меновая ценность сырых продуктов, заключается в необходимости приложить к земле, позднее других поступившей в обработку, излишнее количество труда, а никак не в ренте, платимой землевладельцу. Меновая ценность хлеба определяется количеством труда, употребленного на его производство на худших почвах, и при помощи тех частей капитала, которые не платят никакой ренты. Хлеб дорожает не потому, что платится рента, а, наоборот, рента платится потому, что хлеб становится дороже; совершенно правильно было замечено, что хлеб не подешевел бы даже в том случае, если бы землевладельцы отказались совсем от ренты. Следствием такой меры было бы только то, что некоторые фермеры стали бы жить господами; но при всем этом несколько не уменьшилось бы количество труда, необходимого для производства сырых продуктов на участках менее плодородных» («Принципы», гл. II).

Таковы, по Рикардо, отдельные виды доходов общественных классов—заработной платы, прибыли на капитал и ренты. Из сказанного видно, что источник первых двух видов дохода—заработной платы и прибыли—лежит, по мнению Рикардо, в одном: в полезном производительном участии в процессе производства обладателя живого труда—рабочего, или обладателя накопленного труда, капитала—капиталиста. Поэтому, хотя в разделе общественного продукта оба эти лица являются антагонистами, так как делят между собою одну и ту же ценность, однако роль их обоих неизбежно связана с самой сущностью производства. Притом, с развитием общества и экономическим прогрессом, капиталист, благодаря накоплению капиталов, получает относительно все меньшую долю и, следовательно, не является тормозом для этого общественного и экономического прогресса. Рабочий при этом прогрессе также мало выигрывает, так как хотя его денежная заработная плата растет, но реально он получает попрежнему лишь ограниченный минимум средств, необходимых для его существования. Таким образом весь избыток и все нарастание общественного богатства попадают в руки землевладельческих классов, получающих все возрастающую ренту. Тенденцию в распределении общественного дохода можно, следовательно, выразить тремя линиями: понижающейся линией прибыли, остающейся на одном уровне с линией заработной платы и повышающейся линией ренты.

Рикардо, конечно, не делает из такого сопоставления каких-нибудь выводов, неблагоприятных для землевладельцев или вообще для частной собственности на землю. Он, как истый идеолог капитализма, мог,

конечно, указать на особую природу ренты, как «незаработанного» дохода в противоположность «заработанной» капиталистом прибыли. Он мог даже с гениальной для его времени смелостью вскрыть «антагонистический» характер отношения между заработной платой и прибылью. Но он все же оставался идеологом капитализма и классиком. Он не знал никакого другого общественного строя, кроме капитализма, и не представлял возможности исторического развития и превращения его в какое-либо другое общественное устройство. Условия распределения общественного продукта представлялись для него неизбежным и постоянным законом. Действительно, раз условия ренты лежат в естественном законе понижающейся производительности почвы и роста населения, раз доля рабочих и капиталистов получается из одной суммы общественного дохода, то, конечно, никакими средствами нельзя изменить этот закон распределения, сколько-бы мрачные выводы он ни сулил для рабочих и для общества вообще. Поэтому-то Рикардо отрицательно относился к различным мероприятиям, пытающимся нарушить и исправить этот закон распределения. Благоготовительность, законы о бедных и другие способы увеличения заработной платы, равно как и борьба самих рабочих за ее повышение—всеми этими способами можно лишь временно изменить заработную плату, но не изменить самый закон распределения.

Таковы основные моменты экономических теорий Рикардо. Помимо их, перу Рикардо принадлежит ряд трактатов по специальным вопросам, особенно по вопросам денежного обращения, в которых Рикардо считался крупным специалистом. Сюда относится его первая печатная работа: «Высокая цена слитков, как доказательство обесценения банковых билетов», «Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала», «О покровительстве земледелию», «План учреждения национального Банка» и др. В этих своих трактатах он выступает как последовательный защитник свободы международной торговли и фритредерства, при чем в вопросе о торговом балансе ему принадлежит крупная заслуга научного объяснения механизма обращения товаров и денег в международном обмене между отдельными странами. В области денежного обращения ему принадлежит также заслуга если не создания, то наиболее точного научного обоснования так наз. «количественной» теории денег.

Значение Рикардо в истории экономической мысли в высшей степени крупное. Он является безусловно крупнейшим экономистом всей «буржуазной» политической экономии, превосходящим во многих отношениях даже ее основателя—А. Смита.

Д. Рикардо принадлежит прежде всего заслуга введения в политическую экономию его абстрактного метода, благодаря чему она сразу возвысилась до степени настоящей науки, отказавшись от того описательного характера, который еще отчасти оставался у А. Смита. Далее, Рикардо занялся вопросами распределения и, хотя остался последовательным классиком, тем не менее смело вскрыл антагонизм капиталистического общества, впервые придав проблемам политиче-

ской экономии широкий социологический характер. Из отдельных проблем экономической теории Рикардо принадлежит впервые наиболее точная формулировка положений теории трудовой ценности, заработной платы, прибыли на капитал, ренты, т.-е. почти всех тех проблем, которые впоследствии, на всем протяжении истории экономической мысли, являлись наиболее важными и наиболее острыми проблемами науки. Правда, сам Рикардо не делал из всех этих своих теорий тех экономических и социологических выводов, которые, казалось, так легко и близко следовало бы сделать. В этом отношении он оставался, конечно, всегда последовательным и до конца классиком. Но эти выводы были сделаны представителями других школ, в особенности научным социализмом. Отсюда ясно то колоссальное значение Рикардо в истории экономической мысли. Его теории и мысли были ценны особенно тем, что создали плодотворную почву и посеяли богатые семена для дальнейшей творческой работы экономической мысли в области изучения и понимания основ капиталистического общества.

Литература. Русские переводы Рикардо: Зибер, 1882 г., сокращенный в «Библ. экономистов» 1895 г.—Рязанов. 1912 г.—Зибер, Давид Рикардо и К. Маркс. 3 изд., 1898 г.—Янсон. Значение теории ренты Рикардо 1864 г.—Жукowski, История политической литературы XIX ст. Спб. 1871 г. К. Маркс, «Теория прибавочной ценности», том II.—К. Диль, Комментарий к основным началам Рикардо. Спб. 1912.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Последователи классической школы в разных странах.

А. Смит, Р. Мальтус и Д. Рикардо являются тремя столпами классической школы. В их трудах были окончательно сформулированы и отчеканены основные идеи классицизма, ставшего на много десятилетий господствующей школой политической экономии. Несмотря на многие расхождения их по отдельным вопросам и проблемам, все же их воззрения скованы единством строгой и последовательной школы.

Основной и общей догмой их являлось признание закономерности и неизбежности экономического строя, основанного на свободе частно-предпринимательской деятельности, на свободе конкуренции, на невмешательстве государства. Эта догма давала им веру в существующий экономический строй, как наилучший, в котором общественное благосостояние зависело от инициативы и самостоятельности каждого члена, что создавало таким образом единство экономического интереса. Если даже в некоторых случаях антагонизм общественных интересов отдельных групп ясно вскрывался, все же они приходили к заключению, что этот антагонизм неизбежен и не может быть устранен, поскольку действуют такие естественные и биологические законы, как закон истощения плодородия почвы или закон размножения человеческого рода. Поэтому, независимо от того, были ли окрашены воззрения одних авторов, как А. Смита, оптимизмом, описывали ли другие авторы, как Мальтус и Рикардо, положение общества более мрачными красками, все они сходились на одном—на вере в индивидуальную личность и в ее деятельность, как основу всей общественной жизни, экономического прогресса и всеобщего благосостояния, одинаково верную для всех стран и для всех времен.

Это была идеология молодого общественного класса, только что победоносно выступавшего на арену общественного строительства. Играя в тот момент безусловно прогрессивную историческую роль, этот класс, молодая буржуазия, стал близоруко рассматривать свои классовые интересы как интересы всего общества в целом. Это обстоятельство, конечно, особенно прельщало и делало популярным

идеи классиков. Поэтому-то они и быстро подчинили себе экономическую мысль всех культурных стран, и при том тем быстрее и полнее, чем более экономически развита была данная страна.

Но если во времена А. Смита, т.-е. в конце XVIII в., условия экономической жизни Англии еще давали некоторые основания для такого оптимизма, так как прогрессивная роль новых экономических форм была совершенно ясна, а обратная сторона еще была скрыта, то через несколько десятилетий, примерно к первой четверти XIX в. положение в значительной степени изменилось. Язвы нового капиталистического общества в виде массовой бедности, разорения самостоятельных производителей, нищеты рабочих, при видимом в то же время техническом прогрессе, росте накопления и роскоши должны были привлечь внимание экономической мысли. Но среди представителей классической школы, после Рикардо, поставившего, но не разрешившего некоторые из этих вопросов, не нашлось и не могло найтись ума, разрешившего эти «противоречия» капитализма.

Вот почему после работ основоположников классической школы, А. Смита, Р. Мальтуса и Д. Рикардо, дальнейшая работа мысли классической школы начинает идти по двум главным руслам. С одной стороны—полное веры и увлечения распространение доктрины классической школы, почти без всякой критики творения «великих учителей», популяризация их, с незначительными лишь добавлениями в разработке отдельных положений. Эти последователи и распространители идей великих классиков находились во всех странах, но нигде не выдвинули сколько-нибудь крупных умов. Все более и более замирая на доктрине классицизма, не замечая, как жизнь обгоняет ее, они все более и более мельчали в своих идеях и от распространения и популяризации переходили в вульгаризацию классической школы. Таким образом классицизм через своего популяризатора Сэя пришел к своему вульгаризатору—Бастия, найдя в нем свой окончательный упадок и гибель.

Другое направление также стояло на строгой почве классицизма, в особенности вначале. Но затем указанные противоречия экономической жизни заставили представителей этого направления с некоторым критицизмом подходить к тем или другим положениям классической школы. Осторожно начав пересмотр этих положений, в особенности в области экономической политики—свободы личности и предпринимательства, неприкосновенности частной собственности, технического прогресса крупного капиталистического хозяйства—эти авторы постепенно довольно значительно отходят от классической школы. И это направление не выдвинуло таких первоклассных умов, которые смогли-бы перестроить всю систему экономической науки, но все же эта ветвь последователей и отчасти критиков классической школы представлена более крупными именами. Таким образом и эта ветвь классической школы не дала живого ростка, который мог-бы возродить умирившее дерево классицизма. Но значение его было в том, что своей критикой оно подго-

товило и облегчило переход к новым системам экономической мысли. Таким путем классицизм через Милля и Сисмонди подготовил переход к исторической школе в политической экономии.

Как было сказано, классическая школа нашла себе многочисленных последователей во всех странах культурного, т.-е. капиталистического, мира. Но в зависимости от условий страны и эпохи эти идеи воспринимались представителями научно-экономической мысли в различных странах с некоторыми поправками и различиями. В дальнейшем мы и остановимся на наиболее выдающихся последователях, развивателях и критиках классической школы в разных странах.

ЖАН БАПТИСТ СЭЙ (1768—1832).

Во Франции одним из наиболее популярных авторов, принадлежащих к классической школе и сделавшим там себе крупное имя, как развиватель и популяризатор идей А. Смита, нужно считать Жана Баптиста Сэя.

Жан Баптист Сэй.

Жан Баптист Сэй известен, главным образом, двумя крупными сочинениями в области экономической науки: «Трактат по политической экономии» (1803 г.) и «Полный курс практической политической экономии» (1828 г.).

Сэй, будучи еще молодым человеком 23-х лет, впервые познакомился с творчеством А. Смита. По его признанию, сочинение А. Смита произвело на него такое впечатление, что он признал сразу, что до А. Смита не существовало политической экономии. Сэй сразу же делается горячим поклонником А. Смита и его идей экономической свободы. Не меньшее влияние произвели на Сэя и его собственные впечатления и наблюдения над английской жизнью во время путешествия по Англии. Сэй мог здесь особенно ясно видеть

те благотворные последствия, которых достигла Англия путем применения принципа свободы частного предпринимательства. Среди частных предпринимателей и дельцов, которых встретил Сэй в Англии,

и навела его на мысль, что предпринимательство, частная инициатива является одним из главнейших побудительных стимулов для развития и прогресса экономической жизни. Поэтому Сэй приходит к заключению, что роль предпринимателей в экономической жизни является в высшей степени важной, так как она способствует возрастанию богатства, накоплению капиталов, оживлению промышленной жизни, несет с собой целый ряд благоприятных экономических последствий. В английской промышленности, с ее быстрым прогрессом технических улучшений, особенно ярко выступает значение частной инициативы, тех *Homo economicus*, идею которых впервые проповедывал А. Смит.

Эта общая предпосылка о роли частной инициативы предпринимателя в процессе производства приводит Ж. Сэя и к известным теоретическим выводам. Так, касаясь вопроса о ценности и исходя из указанной, признанной им роли личной деятельности предпринимателей, Сэй считает, что ценность отдельных предметов заключает в себе не только вознаграждение за труд, который положен на производство продуктов, но заключает в себе и всю совокупность тех производительных услуг со стороны организаторов производства, капиталистов и землевладельцев, которые необходимы для создания тех или иных предметов. Вынесенные на рынок, эти производительные услуги рабочих, капиталистов и землевладельцев обмениваются в форме заработной платы, прибыли и ренты. На эти производительные услуги существует спрос предпринимателей, которые комбинируют известным образом вынесенные на рынок производительные услуги капиталиста, рабочего и землевладельца. Предприниматели, говорит Сэй, являются лишь посредниками, ищущими производительных услуг для изготовления продукта, по мере спроса на него. Таким образом устанавливается спрос на рынке на эти производительные услуги. Этот спрос и предложение производительных услуг и являются элементами создания ценности, так как без них самый продукт не может быть создан. Следовательно, ценность определяется совокупностью известных производительных услуг — рабочего в виде его затраченного непосредственно труда; услуг землевладельцев — в виде продуктов земли, и услуг капиталистов-промышленников — в виде вложения капитала. Высота и размеры каждого из этих элементов в отдельности определяются спросом на них со стороны предпринимателей и предложением со стороны лиц, обладающих соответствующими материальными ценностями.

Рассматривая затем другие вопросы, которые были выдвинуты А. Смитом, Сэй также и в них вносит некоторые дальнейшие видоизменения. Так, он один из первых указал на противоречие, которое имеется у А. Смита в его мнении о большей производительности труда в области земледелия, чем в промышленности. В этом воззрении А. Смита сказывалось известное влияние на него физиократизма. Сэй указывает на это противоречие А. Смита и считает, что труд одинаково производителен как в земледелии, так и в области промышленности, потому что в промышленном труде природа также

оказывает свое воздействие путем таких же природных сил, как пар, химические процессы и т. п. Ж. Сэй таким образом совершенно разрывает с физиократизмом и является окончательным сторонником и идеологом индустриализма.

Затем Сэй подвергает пересмотру вопросы о задачах и целях политической экономии. В этом отношении, он признает, что политическая экономия должна являться главным образом чистой, абстрактной наукой, не задаваться вопросами практическими и вопросами экономической политики. По его мнению, политическая экономия должна быть исключительно наукой об «экономических законах», то-есть о законах, определяющих богатство. Всякое увлечение политической экономии в область практических вопросов он считает отклонением от прямых и основных ее задач. Конечно, приписывая политической экономии такие задачи установления «законов», Сэй понимает эти законы именно в духе своего изложения, т.-е. значения предпринимательства, производительных услуг, своего понимания ценности, заработной платы, прибыли. Именно все эти понятия Сэй считает «экономическими законами», совершенно ясно обнаруживая свою классовую идеологию, но стремясь выдать ее за абсолютные и бесспорные научные истины.

Помимо этих принципиальных поправок, которые вводит Сэй в учение классиков, он наибольшую известность приобрел своей теорией рынков и кризисов.

Рассматривая вопрос о рынках и обмене благ, Сэй указывает, что современный обмен покоится на разделении труда. Это общественное разделение труда влечет за собой то обстоятельство, что производители постоянно должны искать потребителя, должны выносить свои товары на рынок. Ценность тех продуктов, которые они выносят на рынок, определяет в то же время и ценность покупаемых ими продуктов. Если предположить, что продукты, которые выносятся на рынок, не имели бы никакой цены, то при таких условиях, конечно, потребление этих продуктов на рынке было бы безгранично. Поэтому, цена продуктов и сдерживает известным образом их потребление. Чем больше цена, тем сильнее сдерживается потребление, тем меньше спрос на этот товар.

Для того, чтобы на рынке происходил обмен, необходимо; чтобы известные товары обменивались на другие товары. Обыкновенно считают, что средством для обмена являются деньги. На самом же деле, если посмотреть на процесс обмена, как он происходит в конкретных условиях, то окажется, что это не так. Чтобы каждый товар каждая ценность, выносимая на рынок, могли бы обмениваться на другую ценность, необходимо, чтобы эта ценность была противопоставлена какой-нибудь другой ценности. Поэтому, чтобы получить какие-нибудь товары на рынке какому-либо потребителю, этот последний должен вместе с тем и произвести известные продукты. «Продукт обменивается на продукт», говорит Ж. Сэй, т.-е. процесс

обмена не является процессом обмена эквивалентов денежных, а обменом одних продуктов на другие продукты.

Из этого основного положения, что продукт обменивается на продукт, Сэй делает ряд других выводов. Прежде всего он приходит к заключению, что всеобщего перепроизводства не может быть. Всеобщее перепроизводство товаров—прямая нелепость, так как товары представляются совокупностью предметов потребления в процессе обмена одних предметов потребления на другие. Если на рынке есть избыток какого-нибудь одного товара, это не значит, что имеется его перепроизводство вообще; наоборот, это показывает, что какого-нибудь другого товара, который бы должен был быть обменен на этот товар, произведено недостаточно.

Как видно из изложенного, идеи и теории Сэя не отличаются ни глубиной, ни оригинальностью даже в тех случаях, когда он считает свои мысли существенно новым добавлением к теориям А. Смита. Тем не менее Сэй, как экономист, пользовался значительной популярностью, особенно на континенте. Причина этого лежала именно в том, что Сей является популяризатором А. Смита.

Сочинения последнего были не всем доступны ни по языку, ни по обширности и серьезности изложения, тогда как живое и облегченное французское толкование Сэя было гораздо более понятно и доступно. Правда, в этой популяризации часто пропадает глубина, оригинальность и сила изложения А. Смита, но и в этом отношении Сэй не доходит еще до той вульгаризации политической экономии классиков, как это случилось у Бастиа. В популярности Сэя во Франции отразилось также и то, что этот проповедник индустриализма своим учением уже более отвечал требованиям экономической жизни того времени, чем совершенно забытая французская доктрина физиократизма.

Н. ТЮНЕН (1783—1850).

В Германии, по условиям хозяйственной жизни, экономическая наука не воспринимала идеи универсализма и космополитизма классической школы. Вместо этого здесь, как увидим впоследствии, вырабатывалось особое направление «исторической школы».

Тем не менее, классическая школа нашла и в Германии некоторых последователей, из числа которых наиболее видным и оригинальным нужно считать К. Тюнена (K. von Thünen).

Тюнен не был профессиональным ученым экономистом, а крупным мекленбургским землевладельцем. Большую часть своей жизни он провел в своем мекленбургском поместье и, как любитель, стал заниматься вопросами экономической науки, преимущественно на основе наблюдений и анализе сельско-хозяйственной жизни. Вот почему Тюнен является основателем сельско-хозяйственной экономии, т. е. специального отдела политической экономии, исследующего, главным образом, вопросы экономии сельского хозяйства. Но

Тюнен не ограничивался изучением прикладных вопросов сельскохозяйственной экономики, а внес несколько новых идей и в общую историю экономических доктрин. В связи с этим, он известен, как творец оригинального метода исследования политической экономики, которым он пользовался в своем основном сочинении «Изолированное государство» («Der isolierte Staat»).

Изолированное государство является абстрактным, несуществующим государством, т.-е. в сущности только гипотезой, в условиях которой Тюнен рассматривает все экономические явления в их чистом виде.

Представим себе, говорит Тюнен, государство или город, который находится в центре равнины, имеющей округленную территорию и повсюду одинаково плодородную почву. В этой равнине мы не имеем ни железных дорог, ни судоходной реки, не имеем никаких других усовершенствованных и искусственных путей сообщения. Расстояния от центра сбыта по всем границам площади одинаковы. Следовательно, город является единственным местом сбыта всех товаров, производимых вокруг данного города. Тюнен задается вопросом, каким образом будет организовано производство, какие выработаются системы земледелия; далее, каким образом будет происходить движение и распределение созданного продукта и, наконец, каким образом, под влиянием фактора распределения и в зависимости от расстояния, определится рента, прибыль, заработная плата и другие феномены экономической жизни. При помощи такого метода Тюнен очень удачно изолирует отдельные явления экономической жизни и рассматривает их в таком состоянии, что на них не влияют другие привходящие явления.

Каким образом распределятся по территории такого изолированного государства различные отрасли сельского хозяйства? Они, конечно, распределятся в зависимости от расстояния от города, так как это расстояние будет определять и цены продуктов, а вместе с тем и доходность тех или иных участков. На ближайших к городу участках расположатся наиболее интенсивные системы — огородничество и производство продуктов, не переносящих далеких перевозок и требующих наиболее интенсивных форм земледелия. Далее уже будут располагаться по окружности земледельческие системы, менее интенсивные: плодосменная, четырехпольная, трехпольная, залежная и т. д. На известном расстоянии от рынка никакая земледельческая культура не будет возможна, так как издержки по транспорту к этому городу-рынку будут поглощать всю прибыль и всю ренту на далеких участках.

В условиях существования такого «изолированного государства» Тюнен рассматривает образование различных видов доходов. Так, он проверяет в своем изолированном государстве вопрос об образовании дифференциальной ренты Рикардо, при чем подтверждает в общем правильность этих построений, приходя к тем же выводам и

определяя дифференциальную ренту, как разницу между плодородностью участков и расстоянием участков до места сбыта.

В дальнейшем он тем же путем рассматривает вопрос о заработной плате. Определяя, каким образом в изолированном государстве устанавливается заработная плата, он приходит прежде всего к выводу, что формулировка А. Смита, определяющая заработную плату отношением между спросом и предложением труда, не решает вопроса о законе заработной платы. Этим А. Смит, по мнению Тюнена, только признает факт установления заработной платы в действительной жизни. Но для науки нужно не это констатирование факта, а разрешение вопроса, в чем заключается закон «естественной заработной платы».

Он указывает, что для приложения труда в земледелии необходимо кроме того и известное приложение капитала. Каждая капитальная затрата вызывает повышение в получении продукта. Та часть продуктов, которая получается вследствие вложения капитала, прежде всего и главным образом идет в счет вознаграждения капитала—это и есть его прибыль.

Представим себе, что при дальнейшем развитии интенсификации земледельческой культуры прилагается новый капитал. Так как всякий новый капитал дает относительно первого несколько меньшую прибыль, то новые капиталы являются источником относительного понижения прибыли, вследствие чего получается тенденция прибыли к понижению. Уровень прибыли определяется поэтому не средней прибылью на капитал, полученный от сложения известных долей капиталов, вложенных в разное время в производство, а уровень прибыли определяется именно доходностью последней части капитала. И это потому, что последняя часть капитала определяет не только доход этого нового капитала, но, вследствие конкуренции между капиталами, распространяется и на доход со всех прежних капиталов. Никакой другой капитал не может получить большей прибыли, чем последняя часть капитала. Уровень прибыли последней части капитала и определяет прибыль на капитал в «естественном» ее состоянии в «уединенном государстве».

Какое положение при таких условиях занимает заработная плата? Заработная плата, как известное количество средств существования, получаемых работником, должна, конечно, повышаться с увеличением приложения капиталов, потому что каждый новый капитал, примененный к земледелию или к другой отрасли промышленности, хотя и понижает относительную долю прибыли, но вместе с тем повышает все абсолютное количество производимых продуктов, а вместе с тем и долю заработной платы. Однако стремление к привлечению и вложению новых капиталов, а вместе с тем и повышению заработной платы, имеет свою границу.

Так как всякое новое вложение капитала, понижая прибыль, которую получает производитель, вместе с тем увеличивает заработную плату, то на известном уровне повышение заработной платы

уже не будет покрывать понижения, получаемого в прибыли на капитал. В таком случае, уничтожится побудительный мотив для нового вложения капитала; капитал не будет дальше вкладываться в промышленность, не будет идти дальше интенсификация земледелия. Есть известная граница, дальше которой перестает расти заработная плата и понижается прибыль на капитал. Эта граница, на которой останавливается заработная плата, находится в зависимости от количества вложенного капитала. Тюнен называет это законом естественной заработной платы.

Чем определяется эта заработная плата? Она определяется, с одной стороны, теми средствами производства, которые в виде капитала вкладываются в производство, с другой—теми средствами содержания рабочих, которые они получают в виде заработной платы от общества.

Всякое увеличение производства, накопление средств производства и увеличение размеров общего богатства—является выгодным и для рабочих, так как от этого повышается производительность труда рабочих, а вместе с тем повышается их заработная плата. Итак, первый элемент ее—это продукт, получаемый от вложения капитала. Обозначим эту величину— p .

Другую составную часть естественной заработной платы составляют средства существования рабочих, которые они получают в виде заработной платы. Эту часть, средства продовольствия рабочих, определим буквой a . Естественная заработная плата представится тогда $V_{a.p.}$, т.-е. естественная заработная плата является средней пропорциональной между непосредственным продуктом труда, в виде средств существования рабочих и продуктом, полученным от вложения капитала. Не трудно видеть, что естественная заработная плата повышается не только тогда, когда увеличится размер выработки от непосредственного труда, т.-е. a , но и тогда, когда увеличится выработка, зависящая от увеличения вложения капитала, т.-е. p . Если, напр., $a=4$, $p=4$, то $E=V_{4 \times 4}=4$; но если вследствие увеличения вложения капитала p повысится до 9, то $E=V_{4 \times 9}=6$, т.-е. заработная плата повысится. И обратно, если $p=1$, то $E=V_{4 \times 1}=2$. Эту формулу заработной платы Тюнен считает настолько ценным научным выводом для понимания естественной заработной платы, что по завещанию своему приказал выгравировать ее на его могильном памятнике.

Тюнен, рассматривая проблему заработной платы, хотел доказать, что увеличение производительности труда и средств производства, т.-е. капитала вложенного в производство, не только увеличивает богатство и доходы в руках капиталистов, но является выгодным и для самих рабочих, так как повышает влияние одного из элементов, увеличивающих их заработную плату. Чем же объясняется такое стремление Тюнена найти такое «примиряющее» объяснение соотношения прибыли и заработной платы?

Тюнен, как крупный землевладелец, был встревожен той борьбой между трудом и капиталом, которая в его время стала обнаруживаться в промышленной жизни вследствие понижения заработной платы и вследствие антагонизма между рабочими и капиталистами. Рабочие видели в капиталистах своих врагов, считая, что интересы рабочих противоположны интересам капиталистов и что прибыль растет за счет заработной платы. Тюнен стремится доказать противоположное положение и по своему объяснить и смягчить противоречия между капиталом и трудом.

ГЕНРИХ КЭРИ (1783—1879).

Вместе с перечисленными авторами необходимо остановиться еще на одном авторе-экономисте, в основных идеях также принадлежащем к классической школе, именно на американском экономисте Кэри.

Генрих Чарльз Кэри (Carey, 1793—1879) исходил в своих основных предположениях из индивидуалистических идей классической школы, считая, что частное предпринимательство и свобода частной хозяйственной деятельности является главнейшим мотивом для экономического прогресса и для достижения богатства. Принимая эти основные предположения, Кэри проверял положения классической школы на данных американской жизни, несколько отличных от тех данных западно-европейской жизни, на которых базировались А. Смит и другие классики. Как гражданин молодой, быстро развивающейся богатой страны, Кэри вместе с тем стремился освободить экономическую науку от пессимистических веяний, которые были внесены в нее творениями Мальтуса и Рикардо. Поэтому Кэри отрицательно относится к пессимистическим воззрениям Мальтуса на закон народонаселения. Он отрицает на основании фактов американской жизни знаменитые прогрессии Мальтуса о росте населения и средств существования и считает также, что благодаря мудрости творца вселенной биологический закон размножения человека сводится не к увеличению плодovitости, а к уменьшению ее в силу усложнения человеческой нервной системы. Поэтому закон Мальтуса о народонаселении не имеет всеобщего значения; наоборот, в тех странах, где поставлено хорошо управление и где имеется нормальный экономический строй, там благосостояние населения увеличивается гораздо быстрее, чем растет население.

Так же отрицательно относится он и к Рикардо с его определением ренты, исходящим из непреложного закона о падающем плодородии почвы и необходимости переходить к обработке земель все понижающегося плодородия. На основании фактов американской жизни Кэри отрицает и этот закон Рикардо, указывая на его и принципиальную и историческую ошибочность и создавая свою более «оптимистическую» теорию ренты.

Главнейшие из его сочинений «Основы политич. экономии» (Principles of polit. economy, 3 тт. 1837—40), «Прошлое, настоящее и бу-

дущее» (The Past, the Present and the Future, 1848), «Принципы социальных наук» (Principles of social science, 1858 г.) и многие другие. Сочинения Кэри вполне окрашены тем оптимизмом, который так был свойственен гражданину молодой развивающейся страны, с быстро накапливающимся богатством. По мнению Кэри, есть естественные экономические законы, которые независимо от воли человека ведут экономическую жизнь к благосостоянию всех классов общества, как капиталистов, так и собственников земель и, особенно, рабочих. В отношении последних Кэри высказывал особенно оптимистические взгляды, утверждая, что положение рабочих таково, что заработная плата растет даже гораздо быстрее, чем благосостояние других классов общества.

Разматривая далее вопрос о богатстве и о ценности как основном источнике этого богатства, Кэри указывает, что богатство имеет два основных источника: во-первых, внешнюю природу, во-вторых — труд. Природа, по мнению Кэри, действует в направлении создания богатства безвозмездно, тогда как труд является источником ценности, которая определяется затратой труда, необходимого для создания продукта. Поэтому, как он говорит, чем менее можно присвоить материальных благ природы, тем меньше богатство, но тем больше ценность этих благ, т.е. чем меньше участвует природа в своем безвозмездном предоставлении нам хозяйственных благ, тем больше мы должны затрачивать своего труда на создание этих благ и тем больше будет ценность этих предметов. Богатство и ценность представляются явлениями взаимно противоположными. Богатство, как определяет Кэри, есть мера нашей силы над природой, нашего воздействия на природу, нашей возможности больше получать от природы, подчиняя ее своей власти. Ценность есть сопротивление природы, которое она нам оказывает и которое нам необходимо победить своим трудом. Поэтому, с ростом наших знаний, с ростом нашего умения покорять силы природы, увеличивается богатство. Вместе с этим увеличением количества благ, которые получаются от природы, уменьшается то количество труда, которое необходимо затрачивать на преодоление сопротивления, оказываемого природой в процессе производства.

Переходя далее к отдельным элементам богатства, участвующим в создании ценности, Кэри особенное внимание останавливает на роли значения земли в процессе производства. Он указывает, что земля является орудием производства, созданным трудом. В противоположность мнению Рикардо и других классиков, полагавших, что земля не является орудием производства, а благом природы, Кэри считает, что земля является также продуктом, созданным трудом, потому что для своей пригодности к возделыванию она требует приведения ее в культурное состояние, т.е. громадного вложенного в нее труда для подчинения ее производительным целям человека.

Поэтому то земля имеет ценность, и ценность ее зависит от количества труда, вложенного в эту землю. Это количество труда,

определяющего ценность земли, не равняется всему труду, вложенному за прежнее время для приведения земли в культурное состояние, а измеряется тем количеством, какое понадобилось бы в настоящее время для приведения ее из дикого в культурное состояние. Поэтому в ценности земли текущие издержки производства являются ничтожными в сравнении с теми издержками производства, которые были затрачены в эту землю, для приведения ее в культурное состояние.

По мнению Кэри, только жители старых культурных земель Европы не знают того количества труда, которое необходимо для обработки земли, для приведения ее в культурное состояние. В такой же стране, как Америка, ясно проявляется тот факт, что для того, чтобы земля превратилась в известную ценность, необходимо колоссальное количество труда для приведения ее в культурное состояние. В этих затратах труда лежит и причина ее ценности, а вместе с тем и источник права собственности на землю.

Поэтому Кэри определяет ренту не как такую часть дохода, которую присваивают землевладельцы, имеющие в своем распоряжении землю и ее неистощимые свойства, а как своего рода процент на капитал, который был затрачен на приведение земли в культурное состояние. Поэтому рента относительно падает, хотя абсолютно и повышается, т.-е. рента, как часть общественного дохода, всегда имеет склонность к понижению в связи с повышением других элементов производства, но абсолютно рента повышается, потому что всегда увеличивается количество труда и капитала, влагаемого в землю для земледельческого производства.

Таким образом, отрицая те пессимистические указания Рикардо на социальные противоречия в капиталистическом обществе, которые приводят Рикардо к его теориям заработной платы и ренты, Кэри, наоборот, является защитником идеи гармонии и предшественником в этом отношении другого крайнего «гармониста» Ф. Бастиа.

С другой стороны, в вопросах экономической политики Кэри является защитником протекционизма, примыкая в этом отношении к другому европейскому протекционисту — Ф. Листу. При этом в развитии идей протекционизма Кэри идет даже дальше Листа, признавая за таможенной охраной не только временное «воспитательное» значение, но значение постоянной и принципиально-полезной меры. В этих идеях Кэри сказались также те требования экономической жизни С. Штатов, которые столь резко отличались от экономических требований и научных идей классической школы Англии.

ФРЕДЕРИК БАСТИА (1801—1850 г.).

Мы видели, что классическая школа, основанная А. Смитом и затем главнейшими представителями этой школы, Мальтусом и Рикардо, в дальнейшем своем развитии получила значительное отклонение от основных идей, заложенных основателями ее, как в науч-

ных проблемах теории экономической науки, так и в некоторых вопросах практической политической экономии.

Так, из числа первых же основателей классической школы отделилась ветвь пессимистов в лице Рикардо и Мальтуса, которые решали экономические вопросы уже не так оптимистично, не так провиденциально, как А. Смит, исходивший, хотя и с оговорками, из гармонии общественных и частных интересов.

С другой стороны, с развитием экономической мысли и изменением экономических условий жизни, в классической школе появляется ряд других экономистов, которые доводят идеи А. Смита до крайнего

развития, доводят до крайней степени его оптимизм, его мнение о гармонии общественных и частных интересов.

Одним из представителей классической школы и выразителем крайнего оптимизма, доведшим его до вульгаризации и утрировки, был французский экономист Фредерик Бастиа (F. Bastia, 1801—1850 гг.).

Ф. Бастиа.

Если А. Смигу не было оснований заботиться о противоречиях капиталистического строя, которые он видел только вначале и которые еще не так били в глаза, как впоследствии, то для Бастиа, который жил уже много лет спустя, необходимо бы было, конечно, более внимательно присматриваться к этим противоречиям и нельзя было так легко и оптимистически решать их.

Но социальные противоречия капитализма не только не смущали Бастиа, но, наоборот, явления капиталистического строя давали ему повод высказывать самые оптимистические выводы и самый радужный взгляд на состояние современного общества и на ту гармонию интересов, которую он считал заложенной в этом обществе.

Бастиа является автором, до-нельзя упростившим индивидуалистические концепции А. Смита, вульгаризовавшим все его воззрения. Именно этими упрощениями он действительно и довел политическую экономию до состояния «вульгарной науки». Бастиа жил и работал во второй четверти XIX в., т.е. тогда, когда капитализм и изобретения в крупной капиталистической промышленности сделали

большие успехи. Он уже ясно мог наблюдать целый ряд неблагоприятных условий современного ему капиталистического строя, наличие бедности, пауперизацию масс при росте в то же время богатства, т.-е. все те противоречия между классом рабочих и классом работодателей, антагонизм интересов которых выступал уже совершенно ясно.

Впервые Бастиа выступил на литературном поприще в 1845 году; в 1850 г. он уже умер; его литературная деятельность продолжалась, таким образом, очень недолгое время. Тем не менее, в этот короткий промежуток времени, выступая как самый энергичный памфлетист, энергичный полемист, он проявил себя крайним защитником идеи классической школы, защитником индивидуалистической точки зрения, ее оптимизма, ее мнения о гармонии между общественным и частным интересом. В ряде своих многочисленных памфлетов и полемических статей он ярко выступает как против критиков классической школы, так и против нового учения социализма.

Наиболее характерными и значительными его сочинениями являются: «Кобден и Лига» (1845), «Экономические софизмы» (1847), «Экономические гармонии» (*Harmonies économiques*, 1850), наиболее распространенное и значительное сочинение Бастиа, в виде популярного курса политической экономии.

В противоположность историческому направлению, с одной стороны, и социализму—с другой, Бастиа доказывает, что современный строй является лучшим строем, который должен всегда существовать, так как в нем заложена гармония, так как в этом строе все отдельные лица и все общество получают наивысшее развитие своих интересов. Эта «гармония» интересов отдельных лиц и всего общества является главным мотивом трудов Бастиа, который он отчасти воспринял от А. Смита. Но эта гармония интересов является у Бастиа вовсе не той естественной закономерностью человеческого общества, как у А. Смита. Для Бастиа эта гармония интересов есть нечто провиденциальное—это божеские законы, которые заложены в самом обществе высшей силой. Поэтому вложенные в современное общество божеские законы стремятся победить зло, т.-е. всякое противоречие, неустройство и т. п. и дают неизбежно победу добру, т.-е. гармонии.

Отчего же происходит иногда все же видимый беспорядок? На этот вопрос Бастиа отвечает в одном из своих памфлетов: «То, что видно, и то, чего не видно». В этом памфлете он в форме рассказа доказывает, что беспорядок, нарушающий гармонию современного общества, есть только видимое явление. Если всмотреться и понять явления в современном строе, то в действительности мы найдем не противоречие частных и общественных интересов, а только гармонию интересов.

Так, например, Бастиа задается в своем памфлете вопросом, не эксплуатирует ли человек другого человека, когда отдает капитал в рост. Оказывается, что наоборот: в действительности никакой эксплуатации и никакого противоречия интересов между лицом, отдающим свой капитал (инструмент, орудия производства и т. п.),

и лицом, пользующимся ими, нет. Владелец капитала, орудий производства, сам лишается этих вещей и потому должен получать известное вознаграждение. Столяр, сделавший рубанок и предполагающий повысить им производительность своего труда, уступает его своему соседу и требует за этот рубанок известное вознаграждение. И вот, путем аналогий Бастиа доказывает, что сосед столяра, который получает рубанок и сначала возмущается за требование с него вознаграждения, не прав и, в конце-концов, сам он признает, что действительно ему оказывается услуга и что за эту услугу он должен заплатить эквивалентной другой услугой, уплатой вознаграждения.

Итак, противоречия современного общественного строя являются, по мнению Бастиа, лишь видимостью. В действительности антагонизма нет, и между отдельными классами господствует гармония.

Конечно, Бастиа не останавливается на таком общем положении, что гармония является основой существования современного общества. Целый ряд вопросов, поднятых самой классической школой, особенно тревожил таких оптимистов, как Бастиа. Особенно тревожили их такие пессимисты, как Мальтус и Рикардо, своими теориями распределения, теориями ценности, не подававшимися оптимистическому разрешению. Поэтому Бастиа останавливается и на этих вопросах, доказывая, что созданные этими авторами теории ценности, ренты и прибыли неправильны, и эти вопросы должны решаться совершенно не так, как предполагали Мальтус и Рикардо.

В вопросе о ценности Бастиа должен был, конечно, сознать справедливость положения Рикардо, что труд является основанием ценности. Но тогда ясно, что налицо известная социальная несправедливость, если труд в современных условиях не получает полного вознаграждения и если имеются элементы нетрудового дохода, в виде прибыли на капитал и ренты, которые не совмещаются с принципиальным требованием полного вознаграждения трудовой затраты.

Поэтому стремления Бастиа направляются к тому, чтобы доказать, что ценность создается не только трудом и что труд не является единственным определителем ценности. Наоборот, ценность является следствием совершенно других отношений. Эти отношения, в которых Бастиа ищет разрешения вопроса о ценности, формулируются им в так наз. «теории услуг». Ценность определяется не трудом, который требуется для производства данной вещи, а трудом сбереженным, трудом, который мы сберегаем, получая данную вещь от другого лица. Лицо, передавшее нам какую-нибудь вещь, делает нам услугу, так как мы вследствие этого сберегаем свой труд. Поэтому ценность товара определяется размером услуги, которую доставляет нам продавец данной вещи.

Таким образом, ценность есть отношение двух обмениваемых услуг. Всякая собственность, всякое имущество есть не что иное, как известная сумма ценностей, т.-е. сумма услуг, оказываемых владельцем другому лицу, и все, что уделяется из этой собственности другому лицу, является равноценностью полученных услуг. Если ка-

питалист отделит свой капитал кому-нибудь на поддержку его предприятия, он за него должен получить эквивалент, должен получить проценты.

Так Бастиа разрешает и неразрешимый, с точки зрения Рикардо, вопрос о ценности редких предметов—ценность которых не может определяться трудом. Например, ценность какого-нибудь жемчуга. Почему жемчуг ценится больше, чем стакан воды, который кто-нибудь подносит другому? Потому, что тот, кто передает нам жемчуг, оказывает большую услугу, чем та, которую оказывает дающий стакан воды. Поэтому неравны и эквиваленты, поэтому различны и ценности предметов.

Второй вопрос, который также тревожил Бастиа в связи с пессимистическими выводами Рикардо, давшими возможность «опасных» выводов социалистов,—это теория ренты. В этом отношении Бастиа также стремится доказать, что рента представляется также платой за услуги, которые оказывают владельцы земли. Конечно, природа действует бесплатно, но, по мнению Бастиа, собственники оказывают нам услуги тем, что являются посредниками между обществом и природой. Поэтому, если собственник получает вознаграждение за предоставление возможности пользоваться бесплатными силами природы, то здесь нет вознаграждения за монопольное право собственности на землю, а есть вознаграждение за услуги, которые оказывает землевладелец. Эта услуга подобна той, когда мы платим за стакан воды, поднятой из колодца. Это не значит, что мы платим за воду, которая ничего не стоит, мы платим за услугу, которую делает нам лицо, поднявшее эту воду из колодца. Поэтому Бастиа приходит к заключению, что в ренте нет никакого монопольного права, никакого захвата земли и нетрудового вознаграждения землевладельца, а есть лишь «плата за услуги».

Далее Бастиа останавливается на том вопросе, который в решении Рикардо также создавал почву для пессимистических выводов: правильно ли думать, что рента отнимает все возвышающуюся долю общественного продукта? Т.-е., в формулировке Бастиа, правда ли, что общество всегда принуждено платить все больше за «услуги», оказываемые природой через посредство землевладельцев? Бастиа и здесь приходит к успокоительному выводу. Нет, говорит он: общество все меньше и меньше оплачивает услуги природы и все больше получает от нее даром. Действительно, говорит Бастиа, в ценности всякого продукта можно заметить две части. С одной стороны, часть бесплатная, та, которая предоставляется для пользования человеку силами природы,—то, что называется полезностью. При этом полезность представляется таким свойством предмета, которое остается неизменным. Полезность хлеба остается всегда одинаковой, и в настоящее время она та же, как и во время потопа. Но другая часть ценности уже требует для своего осуществления труда. Этот труд, который необходим для усвоения нами бесплатных полезностей, определяет то, что называется ценностью. При этом, по мнению

Бастиа, соотношения между бесплатной частью, полезностью, которая предоставляется природой, и ценностью, для которой требуется труд, с течением времени изменяются. Первая часть остается неизменной (полезность хлеба одинакова во все времена), тогда как часть, для которой требуется затрата известного труда, постоянно стремится к понижению, вследствие технических усовершенствований.

Отсюда Бастиа делает вывод, что в общественном распределении продуктов производства та часть, которая предоставляется бесплатно природой, возрастает по сравнению с той частью, для которой требуется труд. Отсюда, как говорит Бастиа, и получается «чудовищный, незамеченный еще наукой факт» — накопления бесплатной части богатства.

Поскольку богатство является известной суммой бесплатно предоставляемых природой благ, постольку имущество, собственность и общественная доля народа возрастает. Та же часть, на которую затрачивается труд и которая представляет ценность, постоянно падает. Таким образом, все большая часть хозяйственных благ в обществе получается бесплатно. Следовательно, говорит Бастиа, «общество уже коммунистично», т.-е. общество идет к тому, чтобы сделать пользование всем имуществом бесплатным на общих началах, оно все ближе достигает этой цели. «Коммунисты,—восклицает Бастиа—вы мечтаете об общественности, так вы ее имеете. Социальный строй делает все полезности общими, при условии, чтобы обмен ценностей был свободен».

Наконец, третий факт, который также обращал внимание Бастиа, и его тревожил,—это вопрос о прибыли на капитал и о соотношении ее с заработной платой. В этом отношении Бастиа стремится опровергнуть мнение Рикардо, что прибыль стоит в обратном соотношении с заработной платой. Бастиа, наоборот, приходит к заключению, что между прибылью на капитал и заработной платой нет обратной пропорциональности и существует, наоборот, гармония. Что такое прибыль на капитал? Это есть вознаграждение за услугу, которую оказывает капиталист. Что касается соотношения размеров прибыли и заработной платы, то Бастиа приходит к заключению, что история прибыли и заработной платы убеждает нас в том, что, наоборот, заработная плата не только не понижается по мере роста прибыли на капитал, как предполагал Рикардо, а, наоборот, доля труда повышается и притом в гораздо большей степени, чем доля капитала. Свой вывод Бастиа иллюстрирует таким числовым примером.

Возьмем несколько периодов, в которые продукт производства возрастает. В первый период пусть весь продукт общественного производства определяется в 1.000 рублей. Во второй период—в 2.000 р. в третий—3.000 рублей и в четвертый—4.000 рублей. Как распределится в них доля между трудом и капиталом? Будет ли между ними определяемое Рикардо противоречие? Нет, этого не будет. Наоборот, доля труда растет одновременно с долей капитала и даже более быстро, чем капитал.

Итак, по его мнению, в первый период продукт в 1.000 руб. распределится одинаково между прибылью на капитал и трудом. Капиталист и рабочие получают по 500 рублей. Во второй период капиталист получает 800 рублей, рабочий—1200 рублей. В третий период капиталист получает 1050 рублей, рабочий—1950 рублей и т. д. И приведя столь убедительный пример, Бастиа восклицает: «таков великий, удивительный и утешительный закон капитала: доля капитала растет медленнее, чем доля рабочего!» Таким образом рабочий является не парием, который получает все меньшую долю в общественном доходе, а, наоборот, он захватывает все большую долю общественного продукта.

Итак, в основе общественной жизни лежит гармония, солидарность. Отсюда Бастиа и определяет общество как «совокупность перекрещивающихся солидарностей». Нужно сказать, что эта солидарность у Бастиа является не той солидарностью, по которой все общество заинтересовано в известной равномерности распределения общественного дохода так, чтобы все элементы, участвующие в создании продукта, получали соответственную долю, дающую возможность при данных экономических условиях дальнейшего развития производительных сил.

Наоборот, у Бастиа солидарность является личной индивидуальной ответственностью каждого за успех своей экономической деятельности. Поэтому, если какой нибудь рабочий не получает в достаточной мере вознаграждения, если он принужден идти на уступки в заработной плате, и доходит до бедности, это не является нарушением идей солидарности, господствующей в обществе, так как бедственное положение рабочего лишь следствие его личного неуспеха в борьбе экономических интересов.

Понятно, что Бастиа является противником всех мер, которыми государство могло бы так или иначе исправить это неумение отдельных лиц в борьбе за свои экономические интересы. Например, он высказывается против идей государственного призрения бедных, пенсий, страхования рабочих, против бесплатного обучения и т. п.

Сравнительно более положительную роль имел Бастиа в выдвинутой в его время проблеме торговой политики. Англия в 1844 г. отказалась от своих хлебных пошлин и полностью осуществила свободу торговли, как одну из основных догм классической школы. Бастиа, ознакомившись с деятельностью английской Лиги борьбы против хлебных законов, пишет свою книгу «Кобден и Лига» и делается горячим защитником идеи свободной торговли, мечтая осуществить для Франции то, что для Англии сделал Кобден. Но и в этом сказалась поверхностность Бастиа: он не мог понять разницы французских и английских условий, почему неудивительно, что и его проповедь фритредерства во Франции не имела успеха.

Бастиа является типичным представителем не только доведенного до крайности оптимизма классической школы, но и писателем, вульгаризировавшим все ее научные основы, доведя их до абсурда.

Поэтому идеи Бастиа интересны не по их абсолютной научной ценности, а как характеристика того упадка, до которого дошла экономическая мысль у этих представителей классической школы. Справедливость требует сказать, что лучшие представители этой последней, А. Смит и Рикардо, были далеки от выводов Бастиа. Во всяком случае, с Бастиа была покончена вера в классическую школу. Вулгарные выводы Бастиа доказали, что положения классической школы требуют серьезного пересмотра и критической проверки, согласно новым условиям экономической жизни, новым социальным проблемам, новым, наконец, философским течениям. Назревало критическое отношение к классицизму, сначала осторожное, как оно выразилось у Д. С. Милля, а затем настолько отошедшее от него, что представителя его—Сисмонди—почти совсем нельзя отнести к классикам.

Литература. Русский перевод (сокращ.) «Трактата политической экономии» Ж. Б. Сэя в «Библиотеки экономистов», в. VII. В этом же выпуске избранные сочинения Ф. Бастиа, Кобден и Лига, Экономические софизмы. Что видно и чего не видеть, и др. Другое издание Бастиа, Эконом. софизмы. СПб. 1862 г. Тюнен, «Уединенное государство», сокращ. перевод Волкова 1857.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. XIX

Критика и оппозиция в классической школе.

Наибольшего расцвета, апогея и популярности классическая школа в ортодоксальных ее проявлениях достигла в течение первого полувека после выхода «Богатства народов» А. Смита. К этому времени относятся не только труды основателей, Рикардо, Мальтуса, но и лучшие популяризации догм классической школы, благодаря чему она сделала широкие завоевания экономической мысли во всех странах. Это было время, когда положения классической школы казались абсолютными истинами, не могущими вызывать никаких сомнений, когда разработка экономической науки казалась совершенно законченной, когда считалось необходимым преподавать политическую экономию в начальных школах так, как преподавалась физика. С этими законами физики отождествлялись и законы политической экономии, столь удачным утверждением и открытием которых и занималась классическая школа. Эти законы, управляющие обществом, представляются такими же неизбежными законами естественного порядка, как и все законы природы. Человек может только изучать их и приспособляться к ним, но не негодовать на них, называя их жестокими, как он не может называть жестоким электричество, когда удар молнии убивает его. Как перманентные, универсальные и элементарные, эти законы делают всех людей равными в смысле возможности и необходимости приспособления к ним ради достижения собственных личных интересов.

Казалось, что естественная, в силе самих вещей лежащая, гармония общественных интересов доказана. Но в какие же фактические результаты выливалась эта естественная закономерность общественного устройства? Такая естественная экономия не могла дать рабочему ничего больше, как «естественную» заработную плату, обеспечивающую лишь минимальные средства существования. Она жестоко ставила пред рабочим непреодолимый закон роста населения. Она неумолимым естественным законом падения производительности земли объясняла все увеличивающуюся дань, которую общество должно платить в виде ренты одному классу счастливых монопо-

листов. И при всем том она обещала бесконечный рост богатства, накопления, увеличения общей массы производства продуктов.

При таких условиях естественно должен был возникнуть вопрос: а может быть, не права та наука, которая возводит в естественный закон эти общественные противоречия? Может быть, в обществе, как в творении рук человеческих, господствуют не одни эти «естественные» законы, но и человеческая сознательная воля, которая может и изменить эти «законы»? И понятно, что такие вопросы должны были явиться прежде всего у тех, кто явился страдающим и проигрывающим в этом общественном устройстве — у рабочего класса. К середине XIX ст., вместе с полным закреплением капитализма в хозяйственной жизни и с апогеем развития классической школы как идеологическим выражением капитализма, начинает все более бурно и мощно проявляться и рабочее движение в защиту рабочих интересов и новые социалистические течения в экономической теории — как идеологическое и научное обоснование этих интересов рабочего класса. И так как сама политическая экономия хорошо доказала непримиримость и неизбежность антагонизма рабочего и капиталиста-собственника, то естественно, что это направление совершенно порывает связь со всеми основными догмами и воззрениями буржуазной экономии на общественное устройство.

Но от мощно развивающегося капитализма страдали не одни рабочие. Капитализм вносил противоречие и в свою собственную среду. В своем быстром техническом прогрессе, с концентрацией производства, капитализм разорял и поглощал массу мелких самостоятельных производителей, массу индивидуальных хозяйств. Здесь учение о благе свободной конкуренции и предпринимательства обращало свое оружие уже против тех лиц, которые разделяли это учение и вовсе не склонны были свое «индивидуалистическое» хозяйство заменять каким либо обобществленным социалистическим хозяйством. Политическая экономия классической школы стала превращаться в евангелие развивающегося и крупного капитализма, крупной буржуазии и собственников, не удовлетворяя интересам мелкой буржуазии, мелкого производителя, также терпящего от «естественных законов» капиталистического общества.

Возникает поэтому стремление к пересмотру абсолютных положений классической школы, их критике и примирению в них тех пунктов, которые особенно резко и болезненно отзывались на некоторых общественных группах, но, конечно, без изменения в то же время самых экономических основ существования общества и в первую очередь — частной собственности. Задача — в значительной степени неразрешимая и безнадежная. Но тем не менее в политической экономии она ставится. Не разрывая еще с классической школой и в недрах ее, экономическая мысль начинает работать над поисками тех поправок и исправлений, которые необходимо ввести в законченное и монолитное здание экономической теории и экономической политики, чтобы смягчить «жестокое» экономические

законы капиталистического развития для самого же капиталистического общества.

Из числа таких авторов, стоявших более или менее полно на признании основ классической школы или даже еще вполне принадлежавших к ней, но уже ищущих новых путей разрешения общественных противоречий, остановимся на почти чистом классике Д. С. Милле и на почти вполне порвавшем с классицизмом—С. Сисмонди.

ДЖОН-СТЮАРТ МИЛЛЬ (1806—1873).

После трех английских основателей классической школы наиболее крупным ученым, принадлежавшим к той же школе в Англии, но уже задумавшим приступить к ее перестройке, принадлежит Джон Стюарт Милль (D. S. Mill, 1806—73).

Милль пользовался в середине XIX ст. наибольшим влиянием в науке политической экономии и наибольшей популярностью не только в Англии, но и в других странах, в том числе и в России. Его «Основания политической экономии» пользовались широким распространением во всех странах и целые поколения изучали по ним политическую экономию (в России это сочинение было впервые переведено на русский язык и помещено в приложении к журналу «Современник» с знаменитыми примечаниями Чернышевского в 1860 г.).

Милль не представляется таким первоклассным ученым или оригинальным мыслителем, как Рикардо или А. Смит. Он является главным образом, лишь комментатором и развивателем и отчасти критиком классической школы, согласно новым проблемам, выдвигаемым эпохой. Сам Милль смотрел на свою задачу главным образом именно с последней точки зрения. Он считал, что настало время свести в законченную систему все, что было до сих пор дано классиками, Смитом, Рикардо и другими, проверить их иногда несколько противоречивые выводы и объединить их не только с новыми данными эко-

номической жизни середины XIX века, конечно, ушедшими значительно вперед после А. Смита, но и с новыми общефилософскими, политическими и общественными течениями. Другими словами, Милль предполагал играть в XIX веке такую же роль объединителя всей экономической мысли с общефилософскими течениями, как это в свое время сделали Кене или А. Смит. Но для этого у него, может быть, не хватало оригинальности ученого и всеобъемлющей широты ума, размаха мысли и, наконец, той глубокой эрудиции, которой отличался А. Смит. Поэтому Милль является скорее истолкователем, комментатором и популяризатором идей А. Смита и Рикардо, истолкователем блестящим, но не внесшим особенно много нового в творения классиков. Тем не менее, ему принадлежит весьма крупная роль в развитии экономической мысли, как вследствие ясной систематичности изложения вопросов, часто несколько запутанных у А. Смита и Рикардо, так и вследствие все-же несколько нового направления, которое он дает политической экономии.

Одним из первых произведений Милля являются его «Опыты о некоторых нерешенных вопросах политической экономии», появившиеся в 1844 году. В этих очерках Милль рассматривает пять проблем. В первом очерке он рассматривает закон распределения прибыли в международной торговле. Здесь Милль, в противоположность воззрениям Рикардо, приходит к заключению, что цены товаров в международной торговле определяются не издержками производства, а действием взаимного спроса устанавливаются на такой высоте, что количество ввоза одной стороны уравнивается по ценности вывозом другой, так что результаты международного обмена и оценки вывозимых товаров являются равными ценам ввозимых товаров. Это явление Милль возводит до значения «закона об уравнивании международного спроса», на основании чего, разбирая выгоды от международной торговли для каждой страны, приходит к заключению о необходимости начала взаимности в международных отношениях.

Во втором очерке он рассматривает вопрос о влиянии потребления на производство, при чем здесь, касаясь вопроса о кризисах, высказывает мысль, что общего перепроизводства всех товаров не может быть, хотя временное перепроизводство для отдельных товаров возможно.

В третьем эскизе Милль касается вопроса, который также возбудил некоторые споры в классической школе, — именно о значении слов «производительный» и «непроизводительный» труд. Милль выясняет значение этих слов и приходит к заключению, что термины «производительный» и «непроизводительный» должны толковаться не в смысле исключительно материальной деятельности, как у А. Смита, а в смысле создания известной обстановки для производства благ. Следовательно, труд всех лиц, которые, хотя и не принимают непосредственного участия в материальной деятельности, но способствуют улучшению условий этого производства, можно считать производительным.

В четвертом эскизе Милль высказывается по вопросам о прибыли и проценте на капитал, развивая положение Рикардо и не уходя далеко от его выводов.

В пятом опыте он рассматривает вопрос о методологии политической экономии, при чем этот вопрос впоследствии подробно развивает в своем более солидном сочинении «Система логики».

Все эти вопросы, затронутые в «Опытах», Милль в законченной и более полной системе разработал в основном своем сочинении: «Основания политической экономии с некоторыми их применениями к общественной философии», вышедшем в 1848-м году. В этом труде, как он указывает в предисловии, Милль пытается свести в определенную систему все то, что было сделано А. Смитом и др. классиками, вместе с новыми философскими и общественными течениями XIX века. Вот почему «Основания политической экономии» долгое время являлись одним из распространенных и лучших учебников политической экономии.

Не излагая всей системы Милля, поскольку она является более или менее чистым классицизмом, необходимо коснуться лишь тех нескольких вопросов, в которые Милль вносит нечто новое. Так, прежде всего, еще в своих «Опытах», говоря о методе, он приходит к заключению, что политическая экономия должна считаться чистой абстрактной наукой, которая не должна касаться каких-нибудь практических вопросов экономической политики. Вместе с тем, по мнению Милля, и наше отношение к теоретической науке должно определяться этой ее сущностью. Подобно тому, как при устройстве какого-нибудь моста, мы не можем применять исключительно чистые формулы теоретической механики, но должны принимать во внимание целый ряд других обстоятельств, точно также при рассмотрении «законов» политической экономии, мы не можем применять их на практике. Поэтому, по мнению Милля, неправильны указания, что иногда теоретические положения классиков и А. Смита не соответствуют жизни: отклонения реальной жизни от теории не опровергают самой теории.

Впрочем, Милль впоследствии в значительной мере отступил от своих более ранних воззрений на метод и задачи политической экономии, хотя и не примкнул к противоположному направлению, начавшему усиленно развиваться в то время в лице представителей исторической школы. Но все же, если не в отношении метода, то в отношении задач и содержания политической экономии, Милль, увлекшись философским ее обоснованием, впервые значительно расширил ее границы, придав ей характер «социальной философии» и наполнив свое изложение не чисто теоретическими экономическими вопросами, а проблемами социологическими. В этом—действительно большая заслуга Милля.

Понятно, что при таком подходе к задачам экономической науки наибольший по существу интерес представляют воззрения Милля на проблему распределения. И здесь часто сказывается незаконченность

воззрений Милля. С одной стороны, он решается подвергнуть обсуждению такое «святое святых» буржуазной политической экономии, как свобода личности, как частная собственность, и в то же время он местами рабски следует догме великих классиков.

Наиболее подробно Милль освещает вопрос о ренте. Он теоретически вполне принимает основные положения по этому вопросу Рикардо. Тем не менее он указывает, что способы установления ренты по теории Рикардо возможны и имеются налицо только при полной экономической свободе и господстве нормальных производственных экономических отношений, тогда как в действительности не всегда бывает, что отношения между землевладельцами и фермерами, между лицами, сдающими земельные участки и снимающими их, определяются свободной экономической конкуренцией. Иногда бывают такие обстоятельства, что земледелец стоит перед необходимостью, заставляющей его снимать данную землю; тогда он готов сверх уплаты ренты отказывать себе в некоторой доле вознаграждения за труд в пользу землевладельца, только бы получить нужный участок земли в аренду.

Поэтому в некоторых странах наблюдаются такие виды «принудительной» аренды, когда рента повышается выше того нормального уровня, какой следовал бы по теории Рикардо. Такой страной, например, является Ирландия, в которой Милль имел возможность наблюдать целый ряд отступлений от определения ренты Рикардо, когда рента повышалась выше нормального уровня.

Отсюда ясно, что установление ренты не является непреложным законом и что государственная власть может в некоторых случаях влиять на высоту ренты, так как в этом определении высоты ренты заинтересованы массы населения. Таким образом Милль приходит к выводу о желательности в некоторых случаях вмешательства государства в осуществление основных прав частной собственности, чем он резко и отступает от чистых принципов классической школы (кн. II, гл. XV).

Точно также довольно подробно Милль останавливается на других вопросах распределения общественного дохода, как, например, в вопросе о заработной плате. В этом отношении Милль также несколько колеблется в своих определениях. Не создавая какой-нибудь определенной теории, он ближе всего примыкает к теории фонда заработной платы, рассматривая заработную плату как частное, получающееся от деления капиталов, назначенных на наем рабочих, на самое число рабочих.

С другой стороны, Милль примыкает и к воззрениям Рикардо на заработную плату, считая, что заработная плата устанавливается известным *minimum* средств существования рабочего и его семьи. При этом здесь он, однако, указывает, что неправильно было бы считать, что этот *minimum* средств существования определяется лишь физическими потребностями существования рабочего; сюда же нужно отнести и другие культурные условия известного социального уклада и быта и т. д. Таким образом, и здесь он делает вывод, что на установление

уровня заработной платы может известным образом оказывать влияние и государственная власть путем того или иного воздействия на повышение культурного уровня существования рабочих.

Дальше Милль рассматривает вопрос о проценте на капитал и целый ряд других теоретических вопросов, не внося здесь чего-либо нового.

В вопросах экономической политики Милль, согласно требованиям времени, уходит уже значительно дальше от ортодоксальных принципов классической школы. Он указывает, что вмешательство государства часто является необходимою как для достижения общественных выгод, так и для достижения блага отдельных лиц. Такое вмешательство государства в частно-хозяйственную деятельность прямо необходимо тогда, когда в какой-нибудь хозяйственной деятельности участвует ряд лиц, интересы которых не совпадают и экономическая независимость которых не одинакова, как напр., рабочего и капиталиста.

Возможность вмешательства государственной власти в частно-хозяйственную деятельность и даже возможность заменить эту частно-хозяйственную деятельность государственным хозяйством Милль признает в таких случаях, когда эта деятельность касается какой-нибудь важной отрасли хозяйства и жизни общества: например,— в таких предприятиях, которые не представляют доходности в настоящее время и потому не могут привлечь к себе частной предприимчивости и капиталов, между тем как представляют большой общественный интерес. В таких случаях государство должно взять на себя почин замены частно-хозяйственной деятельности государственной властью, в виде государственного предприятия.

Точно также в вопросе о ренте Милль приходит к заключению о необходимости вмешательства государства ради улучшения общего экономического положения, в виде мероприятий по ограничению права завещания или конфискации «незаработанного трудом избытка» земельной ренты.

Таким образом, в области социально-политических своих воззрений Милль уже далеко уходит от классиков. Сам Милль так рассказывает в своей «Автобиографии» об этой эволюции своих взглядов. «В более молодые годы, говорит он, я вряд-ли смотрел много иначе, чем старая (т.-е. классическая) школа на вопрос о возможности основных улучшений в общественной организации. Частная собственность, в современном понимании этого термина, и право наследования казались мне последним словом законодательства». Он считал естественным, что «лишь некоторые рождены быть богатыми, а большинство населения рождены для бедности». Но, затем он начинает все более склоняться к противоположной мысли и приходит, наконец, к заключению, что вся вообще современная капиталистическая система и общественная организация имеет временный, исторический характер и что придет время, когда «разделение продукта труда, вместо того, чтобы зависеть, как в настоящее время,

от случайности рождения, будет производиться в полном согласии со вновь выработанными основаниями справедливости». «Социальная проблема будущего» поэтому состоит, по его мнению, в том, «как соединить величайшую свободу личности с общей собственностью на продукты земли и с равным участием в благах соединенного труда».

Из этих его фраз часто многие комментаторы выводят даже близость воззрений Милля к социализму. Конечно, социалистом Милль не был ни в какой степени. Даже высказывая благие пожелания о новом общественном устройстве, Милль считает, что эти пожелания относятся к очень отдаленному будущему, а в настоящее время в основе экономического строя не может быть другого принципа, кроме частного интереса.

Поэтому идеология Милля есть идеология индивидуализма, идеология буржуазии, но той части буржуазии, которая уже разочарована благами крупного промышленного капитализма, видит его отрицательные стороны. Вот почему Милль преувеличенно превозносит преимущества мелкой крестьянской собственности, кооперации, т.-е. систем во всяком случае индивидуалистического, хотя-бы и мелкобуржуазного характера.

Таким образом, ни в какой мере не примыкая к истинно-социалистическим воззрениям, Милль имел, однако, большое значение именно тем, что он своей критикой классицизма, своими эклектическими воззрениями подготовил почву для восприятия и усвоения новых идей, которые в то время носились в воздухе, и особенно с 40-х годов, стали завоевывать многочисленных последователей.

Литература. Русских переводов Милля несколько; знаменитый своими «Примечаниями» перевод Чернышевского; «Основания политической экономии» 1860; другой перевод Остроградского, Киев, 1899; наконец, сокращенный перевод в «Библ. экономистов». О Милле Рождественский и, Значение Д. С. Милля, СПб. 1867.

СИМОН де СИСМОНДИ (1773—1842).

Еще более законченным выразителем идеологии мелкобуржуазных классов капиталистического общества, разочарованных в благах капиталистического прогресса, но, конечно, всецело стоящих на почве признания частной собственности и всего частно-хозяйственного строя, является швейцарский ученый Симон де Сисмонди (Simon de Sismondi 1773—1842).

Сисмонди в первом своем произведении «Коммерческое богатство» (*La richesse commerciale*, 1803) еще является поклонником и последователем А. Смита. Он вполне стоит на почве признания свободы конкуренции, признания личного интереса, как главного мотива и главной действующей силы современной экономической жизни, стоит за невмешательство государства в хозяйственную жизнь.

Но уже вскоре после этого целый ряд явлений, которые он мог наблюдать в современной жизни, наталкивает его на развенчивание

идей классической школы и на признание совершенно новых принципов, как в области методологии и теоретических предпосылок классической школы, так и в области практической политической экономии. В 1819 году Сисмонди, наблюдая хозяйственную жизнь Англии во время своей поездки, убеждается в том, что принципы свободы хозяйственной жизни в Англии привели вовсе не к тем благоприятным результатам, как можно было думать. Он увидел, что вместе с происшедшим в Англии процессом обезземеления населения, вместе с ростом крупной промышленности, увеличивается также и рост пауперизации, страшного обеднения рабочих, которое тогда, в ранний период капитализма, чувствовалось особенно болезненно.

Сисмонди возвратился из Англии уже не поклонником классической школы, а, наоборот, искателем новых путей в экономической науке. В том же году он пишет новое свое основное произведение «Новые принципы политической экономии» («Nouveaux Principes d'Economie politique» 1819).

Как показывает само название этой книги, Сисмонди задается здесь целью отыскать новые пути для экономической науки и для разрешения социальных вопросов. Так, прежде всего Сисмонди обращает внимание на метод классической школы и приходит к отрицательным выводам. Еще по отношению к А. Смиту Сисмонди дает попрежнему высокую оценку, указывая, что его метод исследования экономических явлений заключается не только в чистой абстракции, но у него имеется и широкое знание экономической действительности, почему каждый факт экономической жизни он рассматривает не изолированно, а в определенной социальной и исторической среде.

Наоборот, совершенно отрицательно относится Сисмонди к тому чисто-абстрактному методу, который был развит другим представителем классической школы — Рикардо. Сисмонди смотрит на политическую экономию, не как на абстрактную науку, пользующуюся чисто-абстрактным методом, а как на «нравственную науку». В ней рассматриваются не одни экономические явления в их аб-

С. де Сисмонди.

страктной форме, а разрешается вся совокупность социальных явлений, в ней «все связывается», т.-е. в ней объединяются явления не только экономического характера, но и социального, морального, исторического, бытового и т. п. Таким образом, по Сисмонди задачей политической экономии является не изучение экономических феноменов в их абстрактной форме, не изучение «изолированных принципов», а изучение всей экономической жизни и всего социально-бытового уклада, во всей их совокупности.

Другой вопрос, который Сисмонди также решает иначе, чем классики—это вопрос о предмете политической экономии. Сисмонди указывает, что классики свели задачи и предмет политической экономии к «Хрематике»—к науке об обогащении т.-е. придали ей характер науки, которая исследует только категории ценности и экономические факторы богатства, а не исследует человека в его социально-экономическом положении. С точки зрения Сисмонди, политическая экономия должна быть не наукой о богатстве и обогащении, должна заниматься не только внешними проявлениями этого богатства, но должна заниматься именно человеком, его общественно-экономическими отношениями, выявляющимися прежде всего в проблеме распределения. Сама по себе проблема богатства не важна, если не решен вопрос о том, как распределяется это богатство.

Исходя из таких предпосылок, Сисмонди естественно считает, что основной вопрос, который, по его мнению, должен быть поставлен пред «новой» экономической наукой—вопрос о том, откуда же происходит, при увеличении богатства, бедность; почему при наличии богатства у одних, потребности других людей остаются неудовлетворенными. Поставивши такую проблему, Сисмонди направляет свою мысль главным образом на критику современного капиталистического строя, который вызывает эту неравномерность распределения общественных продуктов, и рассматривает его с точки зрения этого внутреннего, лежащего в нем противоречия—наличности бедности при богатстве.

Он указывает, что особенно ненормальным и болезненным проявлением современного капиталистического строя является громадный рост производства при недостаточном развитии потребления и вытекающее отсюда несоответствие производства с потребностями. На этот факт обращали внимание и классики, но они считали, что чрезмерное усиление производства не представляет никакой опасности в силу того, что заложенные в экономической жизни естественные механические законы хозяйства постоянно приводят это производство к соответствию с потреблением. Классики считали, что самый механизм хозяйственной жизни заставляет капиталистов уменьшать производство в тех случаях, когда они произвели слишком много и когда получается несоответствие между потреблением и производством. Происходит это с помощью рыночного механизма и изменения цен. Поэтому всякое понижение цен, с точки зрения классиков, является вполне достаточным предостережением, которое за-

ставит капиталистов уменьшить свое производство до восстановления его равновесия с потреблением.

По мнению Сисмонди, этого в действительности нет, и такого механического установления равновесия между производством и потреблением не происходит. Трудно предположить, что в современном хозяйственном строе, капитал, который вложен на оборудование производства, может быстро и свободно переливаться из одной отрасли в другую вследствие образовавшегося перепроизводства и неправильного применения капитала. В действительности капитал не всегда может легко и свободно переливаться из одной отрасли промышленности в другую. Например, капиталист-фабрикант не может оставить свою мануфактуру, на устройство и оборудование которой он уложил более половины или четверти своего состояния. Основные капиталы не могут переноситься из одного предприятия в другое.

Не легко переносить из одной отрасли промышленности в другую и труд. Не легко рабочему переменить свою специальность и условия производства, к которым он привык. Рабочий не может сразу оставить свою профессию, с которой он сжился, к которой подготовлен годами ученичества, часто долгими и губительными. Он приобрел в своей профессии быстроту и ловкость при исполнении данного труда, но не может воспользоваться ими в другой отрасли производства. Поэтому, чтобы не покинуть своей профессии, он соглашается на понижение заработной платы, на более продолжительный рабочий день, отказывается от времени, которое он тратил на удовольствия, развлечения и на отдых. Таким образом, вовсе нельзя предполагать что несоответствие между производством и потреблением так быстро, легко и безболезненно разрешается механизмом обмена, как это думали классики.

Между тем, целью общества и всей хозяйственной его деятельности, конечно, является правильность и равномерность распределения. Ведь только для этой цели возможно более полное удовлетворения потребностей и существует производительная хозяйственная деятельность. Каким же образом и почему в современном хозяйственном строе образуется это постоянное нарушение соответствия между производством и потреблением, образуется эта постоянная недостаточность потребления у одних и избыток богатств на другом полюсе общества?

Рассматривая эту болезнь современного хозяйственного строя, Сисмонди прежде всего подчеркивает, что богатство и возможность увеличения своего благосостояния определяется доходом каждого. Потребление не может быть больше, чем доход того или иного человека, так как всякий человек, сколько он зарабатывает, столько и может затратить на удовлетворение своих личных потребностей. То же должно иметь место и во всем вообще общественном производстве. Ибо если общество истрачивает какие-нибудь другие части общественного воспроизводства, то оно будет затрачивать свой основной капитал и вся правильность производства нарушается.

Богатство определяется доходом каждого

Таким образом, доход каждого человека и всего общества в целом определяет вместе с тем и размеры всего общественного потребления. Современное же общество, наоборот, построено так, что оно стремится постоянно к уменьшению доходов наибольшей массы своих членов. Дело в том, что современное капиталистическое производство постоянно стремится к уменьшению издержек производства путем увеличения основной части капитала за счет переменной его части. Этим уменьшаются издержки производства, главным образом в виде сокращения расходов на заработную плату, т. е. доходов наибольшей массы населения. Следовательно, тенденция современного капиталистического общества, стремящегося к уменьшению издержек производства, приводит к постоянному уменьшению доли рабочих в общественном доходе.

Почему же происходит такое уменьшение и какие получаются отсюда следствия для капитализма и можно ли их избежать при других социальных условиях производства и распределения?

Причина постоянного уменьшения доли рабочих лежит, по мнению Сисмонди, в том, что современный капитализм с его постоянным стремлением к насаждению все более и более крупных производств, поглощает мелкие хозяйства, разрушает мелкое производство. Современные машины, современное крупное капиталистическое производство разрушают мелкое производство как ремесленников, так и крестьян, т. е. те производства, в которых производитель получает наиболее высокий доход. Следовательно, в крупном производстве, в машинном труде лежит главный источник бедствий масс и причина разрушения мелких производств. Поэтому Сисмонди является самым ярким противником крупного капиталистического производства. В этом отношении он не щадит самых резких выражений и делает самые резкие нападки на крупное капиталистическое производство и развитие машин, в которых лежит причина пауперизма масс.

Может ли при таких условиях сам капитализм нормально жить и развиваться? Нет—говорит Сисмонди—в условиях капиталистического производства заложено внутреннее противоречие. Капитализм стремится к постоянному увеличению своего производства, производит все большую и большую массу богатств, между тем как доля рабочих, т. е. громадного большинства населения, постоянно уменьшается. Таким образом, главный потребитель этих продуктов массового капиталистического производства не имеет возможности покупать возрастающую долю произведений капиталистической промышленности. Внутренний рынок сокращается вследствие сокращения покупательной силы населения и разрушения мелкого производства. Развивающийся капитализм не может реализовать на внутреннем рынке свое повышающееся производство.

В таком же положении находится и внешний рынок, так как в каждой капиталистической нации явление это повторяется и каждая нация в недрах своего хозяйства имеет аналогичные явления. Поэтому стремление реализовать увеличение своего производства на

внешнем рынке также ни к чему не приводит. Сокращение покупательной способности масс населения наблюдается во всех капиталистических странах вследствие везде одинакового стремления капитализма к сокращению издержек производства и к вытеснению основным капиталом переменного, т.-е. к сокращению доли рабочих в виде заработной платы.

Так выявляется эта первая и основная болезнь капиталистического строя—противоречие между стремлением капитализма к увеличению производства и к богатству и общей невозможностью потребить это богатство вследствие недостаточности доходов отдельных членов общества.

Второй болезнью современного капиталистического строя является несоответствие между общей массой общественного дохода и общим количеством населения. Население увеличивается быстрее, чем увеличивается масса общественного дохода. В этом отношении Сисмонди до некоторой степени примыкает к пессимистическому закону о народонаселении Мальтуса—то же несоответствие роста народонаселения с доходностью в современном капиталистическом обществе, та же неизбежность общественного пауперизма. Поэтому Сисмонди видит в развитии пауперизма один из главных бичей современного капиталистического общества, которые являются естественным последствием противоречий капитализма, т.-е. разрушения мелких производств.

Понятно, что Сисмонди является вместе с тем защитником идеи мелкой земельной собственности и необходимости вообще сохранения мелкого производства. Он особенно подчеркивает значение той разницы, которая имеется в мелком и крупном производстве. При мелком производстве производитель заинтересован в создании наибольшей массы валового продукта, так как мелкий производитель работает главным образом для удовлетворения собственной потребности. При капиталистическом же производстве, наоборот,—капиталист заинтересован не в получении наибольшей массы валового продукта, а лишь в чистом доходе, т.-е. в получении разницы между стоимостью производства и продажной ценой. Поэтому для капиталистов представляется иногда более выгодным сокращение валового дохода, т.-е. общей массы получаемых им продуктов, лишь бы получить наибольший чистый доход. Наоборот, интересы хозяйства мелкого, так же, как и всего общества, состоят в получении большего валового количества продуктов, так как масса валовых продуктов определяет возможность удовлетворения потребностей общества. Возьмем, говорит Сисмонди, хорошо обработанный участок, который приносит 1.000 экю валового продукта фермеру и в том числе дает для землевладельца 100 экю ренты. Крупный собственник рассчитал, что он приобретет 110 экю ренты, если превратит культурный участок в пастбище; он выгоняет фермера с участка, превращает его в пастбище и действительно получает ренты 110 экю. От повышения дохода землевладельца на 10 экю вся нация потеряла 890 экю,

потому что остались без употребления все капиталы и был утрачен весь тот труд, которые были вложены в этот участок.

Ясно, что интересы крупных собственников противоположны интересам общественным. Заботы крупного собственника состоят в стремлении получать чистый доход. Интересы мелкого собственника заключаются в получении возможно большего валового продукта. Интересы общества совпадают с интересами мелкого собственника, мелкого производителя, а не крупного.

Таким образом, Сисмонди является защитником идей мелкой собственности, мелкого производства, и противником крупного производства, так как видит в нем нарушение общественного интереса и общественного благосостояния. Противоречие между бедностью и богатством является лишь естественным следствием, сопровождающим постоянное стремление капитализма к относительному сокращению количества продуктов, производимых для непосредственного потребления масс населения, за счет увеличения постоянного капитала.

Тем не менее Сисмонди, приходя к такому выводу, не считает, подобно Рикардо и Мальтусу, что такое положение является естественным и неизбежным законом вообще общественного строя. Сисмонди, в противоположность классикам, является историком не только по своей профессии, но и по своему миросозерцанию. В рассмотрении экономических явлений он уже стоит на точке зрения историзма, т. е. смотрит на капиталистический строй не так, как классицизм, видевший в нем нечто постоянное, незыблемое, определяемое естественными законами. Для Сисмонди современный капиталистический строй является лишь известной исторической стадией общественного развития, пережитком, вовсе не обязательным и наилучшим. Поэтому, при других условиях общественной организации производства, возможно избежать противоречий современного капиталистического строя и несоответствия между бедностью и богатством.

Но Сисмонди отличается и от другого течения экономической мысли, которое также усвоило взгляд на современный экономический строй, как явление преходящее — от социализма. Сисмонди обращает свой взор не на будущее развитие современного капиталистического строя, не на силы развития, в нем заложенные: он не считает, как социалисты, что капитализм имеет тенденцию к обобществлению процесса производства, к образованию общественного производства. Сисмонди смотрит назад, в минувшие эпохи мелкого производства, и научные симпатии его не на стороне дальнейшего развития капиталистического строя и разрешения его противоречий в обобществлении производства. Его интересы лежат в том старом патриархальном строе, который пережит, но в котором он стремится найти гармонию общественных интересов, основывающуюся на распространении мелкой собственности, мелкого самостоятельного производства.

Сисмонди идеализирует патриархальный строй мелкого земледельческого крестьянского хозяйства. Оно, по его мнению, доставляет наибольшее счастье отдельным лицам и всему обществу. По-

этому Сисмонди в своей экономической политике и в своих реформаторских проектах требует защиты мелкой собственности как в области земледелия, в виде мелкой крестьянской земельной собственности, так и в области промышленности, в виде мелкой собственности ремесленника на орудия и средства производства.

Экономическая политика государства, по мнению Сисмонди, должна быть направлена на вмешательство в слишком быстро развивающийся капитализм, слишком быстро развивающиеся технические усовершенствования, приводящие к сокращению занятого в производстве живого труда, к понижению заработка масс, к перепроизводству. Поэтому Сисмонди является сторонником раздробления крупного землевладения на мелкое, сторонником развития мелкого крестьянского землевладения, наделения промышленных рабочих земель для того, чтобы отвлечь их от промышленного труда, от фабрики, дать оседлость и возможность вести мелкое крестьянское хозяйство.

В своих реформаторских проектах по охране промышленного труда Сисмонди, однако, не идет особенно далеко. Он высказывается за вмешательство государства для регулирования особенно резких неблагоприятных проявлений современного капитализма, признает необходимость законодательной охраны труда рабочих, охраны детского труда, труда женщин. Также высказывается за необходимость урегулирования продолжительности рабочего дня, рабочей платы и необходимости охраны труда от особенно вредных сторон развития капитализма.

Таковы основные идеи экономической теории и экономической политики Сисмонди. Как видно из сказанного, начавши с идеей классической школы, он пришел к идеям, совершенно противоположным, отрицающим как теоретические, так и практические выводы классиков, и в особенности их идею о невмешательстве в свободу частного экономического интереса.

Вот почему вначале влияние Сисмонди было сравнительно невелико. Он казался очень «несвоевременным» автором, так как в то время еще господствовала классическая школа и идеи Сисмонди, тем более доводимые часто до крайних границ и его нападки на крупное машинное производство не могли получить широкого признания. Поэтому вначале Сисмонди остался почти незамеченным и непризнанным в экономической науке. Только спустя много лет идеи Сисмонди были восприняты, обновлены и приспособлены к новым течениям экономической мысли, нашедшим наиболее развитое выражение в так наз. «социально-этическом» направлении, предшественником которого может считаться Сисмонди.

Литература: Сисмонди. Новые начала политической экономии, сокращ. перевод в «Библ. экономистов», в. VIII, 1897. — Ильин (Ленин). Сисмонди и наши отечественные сисмондисты, ст. 1899 года в сборнике «Эконом. этюды и статьи» — Эфрусси. Социально-экономические воззрения Сисмонди, «Русск. Богатство.» 1896, VII—VIII.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Историческая школа.

Как было сказано, классики клали в основу своих теорий и экономических построений ряд общих, абстрактных положений и предпосылок—экономический интерес, эгоизм, экономическую свободу, конкуренцию и проч. Законы, которые устанавливали классики в экономической жизни, являлись абсолютными, естественными и универсальными законами, существующими при всех экономических условиях во всех странах. Вместе с такими воззрениями на закономерность экономической жизни классики применяли и соответствующий метод в рассмотрении экономических явлений. Этот метод, выдвинутый отчасти А. Смитом и впоследствии особенно развитой Рикардо, был абстрактным методом. Все разрешение экономических проблем с точки зрения классиков представлялось аналогичным разрешению алгебраических задач, когда разрешение одной задачи делается ключом для понимания всех аналогичных случаев, т.-е. для понимания экономических явлений во всех странах.

Экономическая теория классической школы, зародившись в Англии, получила в западно-европейской науке широкий расцвет почти до половины XIX века. Широкое распространение классической доктрины обуславливалось отчасти сходством экономических условий в разных странах. Однако с половины и даже с первой четверти XIX века в некоторых странах, находящихся в иных условиях, чем тогдашняя Англия, начинают возникать противоположные течения, которые отвергают основные предпосылки классической школы и начинают смотреть как на самый характер экономической жизни, так и на задачи и метод политической экономии и на все вообще проблемы ее совершенно с иной точки зрения. Вместо абсолютных законов политической экономии, которые были выдвинуты классиками, новое направление приходит к признанию лишь относительности ее законов. Законы экономического развития, по их мнению, не являются естественными законами, как законы природы, а являются продуктом исторического общественного развития; не законами вечными, а преходящими, различными для каждой отдельной страны, меняющимися с течением истории. Метод, который вместе с тем выдвигает новое направление политической экономии, не является

методом чисто абстрактным, а методом историческим, в котором все экономические проблемы и экономические явления рассматриваются с точки зрения их исторического развития, в определенной исторической среде, во всей совокупности существующих явлений. Вместе с тем и в качестве основного мотива экономической жизни новое направление ставит не личный интерес, а интересы и задачи целого, задачи высшего единства, интересы которого могут иногда и не совпадать с интересами отдельных личностей, входящих в состав этого целого.

Это направление, которое к середине XIX ст. стало все более выдвигаться на смену классической школе, получило название исторической школы. Родиной исторической школы является Германия, что объясняется особенностью экономического положения Германии того времени сравнительно с Англией. Англия была страной с наиболее сильно развитой промышленностью, сравнительно с континентальными странами, в которых промышленность была не развита; Англия являлась мировой фабрикой, стремящейся к господству в торговле и промышленности над другими странами, не боящейся их промышленной конкуренции и защищавшей поэтому свободу торговли. Идеология классической школы являлась той теоретической основой, которая обуславливалась требованиями жизненной необходимости для английской торговли и промышленности, требующей свободы сбыта своих продуктов за границу и заинтересованной поэтому в отсутствии у других стран каких-либо покровительственных и защитительных пошлин.

Совершенно иное положение было в Германии. Германия была страной преимущественно земледельческой, в которой промышленность была слабо развита, а земледелие, наоборот, являлось основным источником существования нации и главным предметом экспорта, в виде хлеба, вывозимого в Англию. При этом в Германии, как известно, национального и государственного единства в то время не было; страна была раздроблена в политическом отношении на отдельные государства. Поэтому-то английская промышленность и торговля забивала торговлю германскую. Ввозя в Германию продукты своей обрабатывающей промышленности и не давая возможности развития туземной, Англия в то же время защищалась от германского хлеба своими хлебными законами, которые запрещали доступ германского хлеба в Англию.

В результате такого положения германская экономическая жизнь сильно страдала как в смысле невозможности развития земледелия вследствие закрытия английского рынка, так и в смысле невозможности самостоятельного развития промышленности, побиваемой английской промышленностью. Подобное положение стало вызывать ряд протестов среди германских промышленников и торговцев, которые стали выдвигать идею необходимости защиты германского производства таможенными ограничениями ввоза иностранных товаров

и, наоборот, свободы сбыта германского сырья в иностранные государства.

В 1818 году в Пруссии проводится впервые таможенный тариф, который по своему характеру является тарифом покровительственным, защищавшим местную промышленность от вытеснения её английской промышленностью. В том же году образуется «Генеральная Ассоциация германских промышленников» как общенациональное объединение германских капиталистов в целях защиты Германии от промышленной конкуренции Англии.

Во главе этой Генеральной Ассоциации германских промышленников стоял человек необыкновенной энергии, ученый экономист. профессор Тюбингенского университета, Фридрих Лист. Лист начинает вести усиленную пропаганду идей экономического объединения Германии. В 1833 году, благодаря деятельности Листа, находит себе осуществление германский таможенный союз (Zoll-Verein), целью которого было объединение отдельных германских государств как в политическом, так и в экономическом отношении. Вначале это объединение задавалось сравнительно скромными целями, в смысле достижения лишь более благоприятных условий для развития германской промышленности и торговли. Но затем, так же как и Генеральная Ассоциация германских промышленников, руководители таможенного союза начинают вести агитацию за проведение усиленно-покровительственных тарифов.

Ф. Лист (1789 — 1846) и начало «национальной системы» в политической экономии. В это время Ф. Лист, до сих пор лишь практически работавший в деле таможенного и экономического объединения Германии, выступает с своей знаменитой книгой «Национальная система политической экономии» («Das nationale System der politischen Oekonomie», 1841), в которой пытается дать уже теоретическое обоснование новому течению экономической мысли, которое выявилось в Германии соответственно новым условиям и потребностям германской хозяйственной жизни.

Книга Листа «Национальная система политической экономии» имела громадный успех и сослужила громадную службу как в смысле дальнейшего национального и экономического объединения Германии, так и в смысле первого обоснования идей исторической «национальной» школы в политической экономии, в противоположность космополитизму классической школы.

Лист не вполне еще разрывает с теоретическими предпосылками классической школы. Не вдаваясь в теоретический пересмотр всех проблем политической экономии, он выдвигает новые точки зрения и идеи в рассмотрении метода, задач и содержания политической экономии, именно: 1) идею историзма, как метод политической экономии; 2) идею производительной силы, вместо идеи меновой ценности, как главное содержание политической экономии и 3) идею национальную, как основную проблему в построении и понимании задач экономической политики.

Лист указывает, что А. Смит выдвигал свою космополитическую гипотезу о применимости экономических законов без различия ко всем странам потому, что он полагал, что все нации объединены своими экономическими интересами. Лист полагает, что если для некоторых наций такое объединение и представляется возможным и выгодным, то для других наций оно невыгодно и невозможно, потому что и экономические силы и стремления отдельных стран не одинаковы и интересы их различны. Окончательное объединение отдельных наций на экономической почве возможно будет только лишь тогда, когда все нации в полном объеме разовьют свои производительные экономические силы. Поэтому, говорит Лист, не для всякой нации и не во всякое время могут применяться одни и те же общие для всех предпосылки и меры экономической политики. То, что полезно в некоторых случаях для одной нации, для другой является преждевременным, ибо эта нация не доросла еще в своем экономическом развитии до соответствующего уровня производительных сил.

Что такое производительные силы и почему они особенно важны для экономического прогресса нации? Лист указывает, что богатство нации в понимании классической школы есть только факт наличия известных материальных благ. Но для нации важно не только иметь совокупность материальных благ для удовлетворения текущих потребностей, но еще более важно сохранить «способность создавать и приумножать богатство», ибо эта способность важнее самого богатства. Поэтому иногда может случиться, что необходимо пожертвовать наличным богатством в целях развития и увеличения его в будущем. «Нация должна жертвовать и мириться с недостатком в материальном богатстве, чтобы приобрести интеллектуальные и социальные силы для его развития; она должна пожертвовать настоящими выгодами, чтобы обеспечить себе будущее».

Наивысшей формой развития производительных сил, по Листу, является мануфактура, т. е. развитие обрабатывающей промышленности. В ней именно все материальные и социальные силы нации — использование естественных сил страны, разделение труда, увеличение спроса, рынка, повышение заработной платы и благосостояния населения, повышение прибыли, ренты и проч. — находят наивысшее развитие сравнительно с предшествующими экономическими формами.

В связи с этим Лист создает свою систему исторического экономического развития, предполагая, что все нации в своем экономическом развитии проходят через определенные стадии, именно: ступень дикого охотничьего и пастушечьего хозяйства; затем земледельческого хозяйства; мануфактурно-земледельческого, и, наконец, мануфактурно-земледельческого-торгового. Только при этой последней стадии все производительные силы нации уже развиты полностью. Поэтому, наоборот, если в известное время та или другая нация не достигла еще высшей стадии экономического развития, она должна обеспечить возможность своего дальнейшего развития и защищать себя всеми мерами, чтобы конкуренция с другими странами не поме-

шала ей в этом. Лист считает, что нация, не достигшая расцвета своих экономических сил, имеет право защищаться и создавать покровительственные тарифы против конкуренции других промышленных стран. В таком именно положении была Германия и потому стремление Листа было лишь стремлением теоретически обосновать назревшие экономические нужды Германии.

Этим объясняется, между прочим, тот факт, что, являясь защитником протекционистских идей, Лист ограничивает свой протекционизм только областью обрабатывающей промышленности и считает недопустимым установление каких-либо пошлин для сельскохозяйственных продуктов, ибо это только задерживает переход нации к следующей мануфактурной стадии. Не трудно видеть, что Германия, будучи заинтересована в индустриальном протекционизме, была столь же заинтересована в свободе торговли сельско-хозяйственными продуктами и была противником хлебных защитительных ввозных пошлин, существовавших в то время в Англии.

Другая характерная черта протекционизма Листа—это «воспитательный» его характер, т. е. он применим лишь к той нации, которая еще не закончила своего «экономического воспитания», и до тех пор, пока эта нация еще и не достигла высшей стадии хозяйственного развития. Не трудно и в этом доводе, конечно, заметить, что острее его направлено против той же Англии.

Лист сыграл большую роль как в деле практической экономической политики Германии, так и пробуждения в ней самостоятельной экономической мысли. Хотя он не является, собственно говоря, основателем исторической школы, тем не менее его идея национально-исторического развития, явилась важным провозвестником для дальнейшего развития исторической школы.

Историческая школа в Германии. Почти одновременно с Листом, с идеей о необходимости защиты национального развития выступает в той же Германии целый ряд других авторов, которые более подробно развивают теоретические общие обоснования новой исторической школы. В 1843 году один из немецких экономистов того времени, геттингенский профессор Вильгельм Рошер, (W. Roscher, 1817—1894 г.) выступает с своей книгой «Краткий курс политической экономии по историческому методу». Затем те же идеи выведены им в появившейся в 1854 году книге «Принципы политической экономии». В этом своем труде он впервые дает более законченное теоретическое объяснение основных проблем и задач исторической школы в политической экономии.

Рошер по своим теоретическим воззрениям примыкает еще в значительной мере к классической школе. В этом отношении он еще не разрывает связь с А. Смитом, Рикардо и другими. Наоборот, считая их до некоторой степени своими учителями, Рошер полагает, что его идеи являются лишь дальнейшим развитием и улучшением идей классической школы, и что его историческая точка зрения и исторический метод являются лишь необходимым историческим

добавлением к абстрактным задачам политической экономии у классиков. Поэтому он принимает все основные принципы классицизма и лишь дополняет эти общепризнанные теории классической школы историей экономических событий, историей экономического развития, на чем классики не останавливались. В этом отношении Рошер является действительно основателем исторической школы. Тем не менее в его идеях еще живет отголосок классицизма, и, занимаясь экономической историей, он не вполне расстается и с абстрактными предпосылками классической школы.

Вообще говоря, Рошер внес очень мало нового в развитие экономической науки. После первых его работ с некоторым теоретическим обоснованием, его последующие работы в течение продолжительной его жизни и профессуры (4-х томные «Система народного хозяйства» 1854—86 г.г., «История политической экономии Германии», 1874 г., «Очерки народного хозяйства с исторической точки зрения», 1861 г.) свидетельствуют о большой эрудиции и о громадной трудоспособности немецкого профессора, но в тоже время и об отсутствии сколько-нибудь значительных теоретических склонностей и способностей. Поэтому они не получили сколько-нибудь значительного влияния и распространения вне пределов Германии.

Вместе с Рошером почти к таким же идеям приходит его современник Бруно Гильдебранд (Bruno Gildebrand, 1812—1878 г.), который может считаться вторым из основателей исторической школы Германии. Но у Гильдебранда мы находим уже гораздо более определенное желание отказаться от метода классической школы и от задач классицизма в политической экономии. По мысли Гильдебранда, развиваемой им в его основном сочинении «Политическая экономия настоящего и будущего» (1848 г.) политическая экономия не должна быть наукой абстрактной, наукой об естественных экономических законах, как думали классики и чего не избегает еще и Рошер. По мнению Гильдебранда, политическая экономия должна быть наукой о закономерности экономического развития. Экономические законы, с точки зрения Гильдебранда, являются не законами естественными, раз навсегда данными, а лишь законами развития. Таким образом, Гильдебранд еще не отказывается от признания существования законов, но эти законы он рассматривает с эволюционной точки зрения; они являются для него законами историческими. И по своей методологии и в способах своего изложения экономических проблем Гильдебранд отходит от классицизма уже значительно далее Рошера.

После Рошера и Гильдебранда, дальнейшее развитие историческая школа получила в трудах третьего автора, профессора политической экономии того же времени в Германии, Карла Книса (K. Knies, 1821—1898 г.г.). Книс из всех старых историков является, пожалуй, наиболее значительным. Его наиболее важное сочинение — «Политическая экономия с точки зрения исторического метода» (1853 г.). Книс здесь доказывает, что как хозяйственный строй

каждой эпохи, так и теоретическое обоснование его в науке политической экономии являются продуктом исторического развития. Как самая хозяйственная жизнь, так и экономическая теория ее объясняющая, завися от социальных и исторических условий данной страны и эпохи, являются продуктом исторического развития. Поэтому ни факты какой-либо экономической эпохи, ни экономические теории, господствующие в ней, не представляют из себя универсальных форм, применимых к другим эпохам. И самая теория не представляет что-либо абсолютное, законченное; она — лишь продукт каждой данной эпохи, одна из стадий обнаруживания нами истины.

Поэтому Книс уже совершенно разрывает с тезисом классицизма о наличии естественных экономических законов, так же как и с мнением Гильдебранда о возможности установления законов экономического развития. С точки зрения Книса, политическая экономия вовсе не может задаваться целью изучения экономических законов, в том числе и законов экономического развития. По мнению Книса, политическая экономия может говорить не о законах, а лишь об аналогиях, может говорить лишь о тех или иных фактах, так или иначе сходных для различных моментов и стран. Она может лишь констатировать эти факты, но не может возводить эти факты не только до «естественных» непреложных экономических законов, как это делали классики, но даже до законов экономического развития. Книс совершенно не признает ни идей Гильдебранда, ни Рошера, тем более идей классицизма. Политическая экономия его превращается в простое рассмотрение фактической истории в различные экономические эпохи, т.-е. исключительно сводится к историческому описанию без каких бы то ни было теоретических обобщений, так как никаких обобщений мы не имеем права строить, пока не изучена полностью вся фактическая история.

Таковы были идеи так называемой старой исторической школы, которые появились в первой половине прошлого столетия. Эти идеи старой исторической школы, особенно идеи Книса, как наиболее крайнего ее представителя, при господстве тогда еще идей классической школы не получили большого распространения и значения вне Германии. Но влияние их на германскую, в особенности официальную университетскую науку было громадно, хотя в смысле теоретического развития науки политической экономии, скорее отрицательное и бесплодное.

Новая историческая школа. Как видно из изложенного, старая историческая школа в Германии, господствовавшая здесь в середине XIX ст., не имела активного и плодотворного влияния ни на развитие экономической мысли, ни на реальную экономическую жизнь. Провозгласив правильной по существу «исторический» принцип, старые представители этой школы до того доктринерски его проводили, что сделали совершенно бесплодными и бесцветными свои многотомные труды. Сказав словами Рошера, что изучение каждой древней эпохи для политической экономии представляет

более достойный и плодотворный объект, чем изучение хозяйства современной эпохи, историческая школа естественно оторвалась от быстро текущей и злободневной экономической жизни современности и замкнулась в фолианты древности и средних веков.

Между тем середина XIX ст. была и для Англии и для всего континента эпохой выявления острых социально-экономических конфликтов и движений. Торжество принципов свободной конкуренции и свободы экономических отношений, способствуя блестящим успехам капитализма, приводило в то же время и к крайним обострениям социальных конфликтов. Ухудшение положения рабочих и обнищание народных масс в Англии и других промышленных странах достигло к 40-м годам своего апогея. Отсюда возникают революционные движения среди рабочих масс, выливающиеся в Англии в революционное движение чартизма, а во Франции—в революционную подготовку 1848 года.

Таким образом, к середине XIX ст. в хозяйственно-политической жизни Европы намечаются два резкие течения. С одной стороны—продолжающиеся политические, экономические и технические успехи торжествующего капитализма и его принципов экономической политики. С другой стороны—все значительнее дает себя чувствовать новое движение—осознание рабочим классом своих интересов и выдвигание своих требований. Капитализм, конечно, торжествовал, задавивши эти требования или временным улучшением положения рабочего, или силою оружия, или безысходностью нищеты и безнадёжностью. Но тем не менее приходилось уже отказываться от исключительных путей экономической свободы частных интересов и государственного невмешательства, все более допуская возможность ограничения государством частных хозяйственных взаимоотношений.

В Англии эпоха с 1814 года — отмены законов об ученичестве, ограничивавших свободу рабочего найма, до 1846 года—отмены хлебных законов—представлялась эпохой последовательного проведения в жизнь начал классической школы и свободы торговли. Но уже и в это время ужасы фабрично-заводской системы, в особенности в области эксплуатации женского и детского труда, стали обращать на себя внимание. В результате, вопреки ортодоксальным положениям официальной политической экономии, отрицавшей возможность какого бы то ни было улучшения в этой области законодательными мерами, вокруг вопроса о свободе рабочего договора, т.е. свободы эксплуатации рабочего, возникает широкое общественное движение, требующее государственного вмешательства. Сначала это движение носило почти чисто благотворительный характер, но затем к голосу официальных благотворителей стали присоединять свой голос и рабочие массы, требовавшие улучшения своего положения.

Так возникло движение в пользу фабричного законодательства. Представители промышленности, конечно, были заинтересованы в том, чтобы не давать здесь даже минимальных уступок в пользу рабочих. Но их интересы в данном вопросе столкнулись в английском

парламенте с интересами землевладельцев, которые не были заинтересованы в эксплуатации фабричных рабочих, но отчасти были заинтересованы в некотором повышении благосостояния рабочих масс, как потребителей земледельческих продуктов. Кроме того в руках землевладельцев фабричные законы являлись оружием для борьбы с промышленниками, настаивавшими на отмене хлебных ввозных пошлин.

В результате такого соотношения общественных сил, в Англии уже с первых же десятилетий XIX ст. начинается развитие и осуществление фабричного законодательства, идущее, конечно, совершенно в разрез с догмой невмешательства классической школы. Начавшись в 1802 — 19 г.г. с законов, ограничивающих детский и женский труд, это движение в 1847 году добивается проведения особенно важного билля о 10-часовом рабочем дне. Такое вмешательство государственной власти в свободу экономических отношений — уже по отношению не к отдельным неполноправным и неправомочным группам, как дети и женщины, а вмешательство в рабочий договор вообще, — представлялось нарушением элементарных основ учения классической школы. Экономисты вычисляли, что с введением 10-часового рабочего дня вся промышленность Англии погибнет, так как по подсчетам Нассау-Сеньора вся прибыль капиталиста вырабатывается только в течение одиннадцатого часа, и капиталисты при 10-часовом дне должны будут закрыть все свои фабрики.

И тем не менее проведение 10-часового рабочего дня не только не погубило английскую промышленность, но, наоборот, развитие фабричного законодательства и сокращение рабочего дня сопровождалось быстрым подъемом и расцветом обрабатывающей промышленности Англии. Постепенно фабричное законодательство текстильной промышленности, где оно впервые было применено, распространяется и на другие отрасли промышленности с тем же для нее успехом. Изменяется мнение и представителей науки, и тот же Сеньор теперь становится защитником фабричного законодательства.

Таким образом, в Англии ортодоксальное учение о невмешательстве было уже к середине XIX ст. побеждено противоположным принципом. Одновременно с этим шел пересмотр и другой догмы классической школы — бесплодности организованной борьбы рабочих за улучшение своего положения и за повышение заработной платы. Экономическая теория классицизма создала и здесь, как мы видели, научное обоснование такого мнения в виде так наз. учения о фонде заработной платы, по которому никакие рабочие организации и союзы не могут повысить заработную плату, так как они не могут увеличить народно-хозяйственный фонд этой заработной платы. И здесь, однако, оказалось, что рабочие союзы, начавшие (после отмены запрещения в 1824 г.) со второй четверти XIX ст. развиваться в Англии, сумели существенно улучшить положение рабочих как в отношении продолжительности и условий работы, так и в отношении оплаты труда.

Англия к середине XIX ст. таким образом решительно вступает на путь социального законодательства. В других странах такая необходимость должна была обнаружиться несколько более поздно, в связи с меньшими успехами крупного фабричного производства. В первую очередь она обнаружилась в той стране континента, которая быстро шла в догонку Англии по пути промышленного прогресса, именно в Германии. Но если в Англии борьба за фабричное законодательство происходила на почве еще не изжитой догмы классицизма, то в Германии почва для этого была уже более подготовлена «национальным» направлением политической экономии, исторической школой. Кроме того, и влияние другого континентального оппозиционера классической школы, Сисмонди, на континенте чувствовалось несколько более значительно. Наконец, моментом, оказавшим весьма существенное в Германии влияние на признание принципа вмешательства государства в хозяйственную жизнь, явилось широкое рабочее движение, сразу принявшее формы политической организации социал-демократической рабочей партии.

Под влиянием указанных причин германская историческая школа, сформулировавшая свои основные положения в 40—50 годах XIX ст., постепенно перерождается в «новое» направление исторической школы, известное под названием «социально-политического» направления. В противоположность другим школам и направлениям в политической экономии, это направление объединяется не столько сходством теоретических положений и доктрин, сколько общими принципами социального и экономической политики. Важнейшим лозунгом этого направления является требование социальных реформ и широкого вмешательства государства в экономическую жизнь нации как в целях развития производительных сил вообще, так и в целях защиты «слабейших» в экономическом отношении элементов общества. Этим «слабейшим» элементом в условиях капиталистического общества являются рабочие, почему социал-политическое направление и требует развития социального законодательства в интересах охраны труда и трудящихся. Тем не менее, ограничивая принципы свободной конкуренции и свободы договора в отношении работодателя и рабочего, это направление не отрицает основ капиталистического хозяйства — частной собственности и частно-хозяйственной организации производства. Правда, теоретически представители этого направления признают исторический характер капитализма как системы, явившейся результатом продолжительного исторического развития, и, в свою очередь, должествующей развиться в новые формы социального существования. Но все это — дело отдаленного будущего, для настоящего же единственно возможным является проведение тех или иных социальных реформ, более или менее радикальных, в зависимости от склонностей и вкусов отдельных авторов.

В отношении теоретических проблем представители новой исторической социально-политической школы не идут дальше старых историков. Они в сущности также мало занимаются разработкой

теоретических проблем политической экономии, как и их предшественники — Рошер и Книс. Даже более того, представители новой школы вовсе не ставят тех теоретических проблем, которые возбуждали такие споры между Рошером, Гильдебрандом и Книсом, имеются ли «естественные» экономические законы, можно ли говорить о закономерности экономического развития или можно говорить только «об исторических аналогиях» в нем. Хотя некоторые из этих представителей склонны разделять мнение классической школы, что существуют известные законы социальной жизни и что исследование их составляет задачу политической экономии, тем не менее в своих исследованиях они уделяют мало внимания теоретическому, абстрактному анализу и исследованию этих законов. Наоборот, многие из этих авторов пессимистически относятся к признанию возможности установления таких законов. «Мы — говорит, например, Шмоллер — признаем, что не знаем исторических законов, и поэтому можем говорить лишь об исторических закономерностях, т.-е. о законах статистических». В другом месте тот же Шмоллер еще более пессимистически замечает, что «мы даже эмпирически не можем ответить на вопрос, является ли экономическая жизнь человечества единством, представляет ли она единообразное развитие».

Другими словами, Шмоллер оставляет открытым вопрос, возможно ли при настоящем состоянии науки задаваться вопросом об открытии каких-либо «законов» и не сводится ли вся историко-экономическая наука к установлению законов статистических, т.-е. законов эмпирических. Поэтому, в отношении метода представители нового направления также склоняются к признанию преимущественно описательно-исторического метода. Задача экономической науки состоит в рассмотрении экономической жизни с точки зрения исторического ее развития и в накоплении исторических фактов, которые могли бы впоследствии дать ключ к разрешению и пониманию законов экономического развития. Поэтому представители этого направления заняты не абстрактным изучением экономической теории, а изучением фактической экономической истории. Поэтому-то это направление является ценным и богатым в области экономической истории, особенно в трудах Шенберга, Brentano, Шмоллера, Бюхера, Зомбарта и целого ряда других. Эта руководящая экономическая школа современной Германии принесла высокий расцвет германской историко-экономической науки, так как эти авторы много потрудились над собиранием громадной массы исторических фактов и самого детального изучения экономической истории Германии и вообще Европы.

Тем не менее экономическая теория при описанном взгляде исторической школы на задачи политической экономии оставалась в загоне. Историки отказываются от каких-либо обобщений и выводов, прежде чем не будут изучены детально все конкретные исторические факты. Только некоторые авторы вместе с конкретным историческим изучением и историческим описанием явлений задаются и

теоретическим обобщением фактов. Это, например, относится к таким авторам, как Бюхер и особенно Зомбарт, для которого исторический материал является важным только как материал для теоретического «конструирования» хозяйственного развития, т.-е. для создания «теории хозяйственного развития». Но во всяком случае для большинства авторов и для всей вообще школы главной заслугой остается систематическое описание экономической истории, особенно истории средних веков, предшествующей зарождению капитализма. Brentano, Бюхер и др. оставили важный след после себя именно в истории экономической науки.

Таковы представления социально-политической школы об основной теоретической проблеме о законах общественно-экономического развития. Другая социально-экономическая проблема—о строении общества. Здесь представители новой школы также не разделяют воззрения А. Смита о механическом составе общества. По их мнению, общество является не простой механической совокупностью отдельных индивидуумов, а представляет из себя нечто целое, находящееся в известном постоянном взаимодействии с окружающей его средой, почему законы, управляющие обществом, не аналогичны с теми законами, которые можно наблюдать в проявлениях жизни отдельных индивидуумов, а представляют из себя особые, более сложные законы.

Отсюда вытекают и расхождения их с классиками, проявляющиеся в анализе мотивов экономической деятельности человека. Человеческая деятельность объясняется не исключительным стремлением к личному интересу, эгоизмом, но и рядом других мотивов высшего порядка, альтруизмом, стремлением к общему благу и т. п. Поэтому, господство личного интереса не может быть положено, как главный мотив, для объяснения всей хозяйственной деятельности. Хозяйство является лишь одной из сторон, притом стороны незначительной в жизни людей и общества. Поэтому, для того, чтобы изучить социальную жизнь общества во всей ее совокупности, необходимо принимать во внимание целый ряд других, а не только экономических интересов и факторов—государственных, этических и т. п.

Таковыми теоретическими предпосылками объясняется и подход социально-политического направления к их положительной программе в области экономической политики. Эта программа сводилась к требованию вмешательства государства в экономическую жизнь. Так как в экономической социальной жизни преобладает не только эгоизм, но и интересы целого и высшего, так как на экономическую жизнь влияют не только интересы отдельных лиц, но и высшие задачи государства, то государство, в целях достижения этих интересов, должно и может вмешиваться в жизнь отдельных людей. В противоположность принципу невмешательства государства, как основной предпосылки классиков, они признают необходимость планомерной экономической политики. В связи с этим, новое направление исторической школы и получило название «социально-этического направления» или направления «социальных реформ». Первый термин по-

казывает, что оно рассматривает область экономической жизни не изолированно, в узком смысле, а расширяет ее до признания в экономической жизни и политике известных этических предпосылок; второй,—что в области экономической политики это направление выдвигает требования различного рода социальных реформ ради охранения интересов высшего порядка.

Новое историческое «социально-этическое» направление получило универсальную формулировку и выявилось, как закрепленное в науке, в 70-х годах, когда впервые на съезде в Эйзенахе в 1872 году ряд известных немецких ученых, профессоров немецких университетов, во главе со Шмоллером, Шангорстом, образовали научно-политическое общество под названием «Общество социальной политики» («Verein für Sozialpolitik»). Это общество, объединивши главнейших представителей экономической науки Германии, является до настоящего времени крупнейшим научно-экономическим обществом, которое, по общепринятому мнению, по своим экономическим целям и задачам стоит на середине между либерализмом классической школы и социализмом. Оно не признает, с одной стороны, крайних проявлений либерализма и свободы хозяйственной деятельности, невмешательства государства, но и отрицательно относится к принципиальным положениям и выводам социализма. Поэтому социально-политическое направление и получило от своих противников ироническую кличку «Kathedr Sozialismus»—«социализм на кафедре», т. е. учение, близко соприкасающееся в области практической политики с социализмом, отрицающее, однако, требования последнего о преобразовании всего существующего строя и всего частно-правового хозяйства и отрицания частной собственности.

Конечно, такое представление о «близости к социализму» социально-политического направления должно пониматься очень условно. Достаточно сказать, что некоторые из этих кафедр-социалистов являлись не чем иным, как послушным орудием и помощниками Бисмарка в его «социальной политике» (как Вагнер); другие, на ряду с мерами социальной политики на пользу рабочих, рекомендовали также установление уголовных кар за стачки, организацию предпринимательских союзов для не найма забастовщиков (Шенберг), и все они являлись поклонниками и защитниками прусско-юнкерской государственности. Отсюда видно, что кафедр-социалисты ни в какой мере не являются социалистами, а являются представителями той буржуазно-государственной идеологии, которая почувствовала и признала грядущую социальную силу нового класса и стремится удержать свое классовое господство путем определенных экономических уступок и социально-политических мероприятий.

Впрочем, в отношении этих практических мероприятий социальной политики среди представителей школы можно различать несколько отдельных группировок. Наиболее скромную и правую позицию занимает главный основатель «Союза», образующий вместе с Шенбергом и др. так наз. «этическую» группу, выдвигающую зна-

чение «этического принципа», «этоса» в хозяйственной жизни. Шмоллер развил эти принципы на съезде в Эйзенахе, а затем в своей книге «О некоторых основных вопросах права и народного хозяйства» (1875 г.). В основе народного хозяйства, по мнению Шмоллера, лежат не только экономические, но и этические начала, совокупность которых и составляет то, что мы называем культурой. Неправильно думать, что экономический строй определяется только техникой; такие институты, как собственность, наследование, разделение труда, семья, организация обмена — все это явления, которые обусловлены «этосом», т. е. обычаем, правом, нравами. Поэтому классическая школа была не права, когда ограничивала объем изучения экономики только хозяйственными явлениями в узком смысле слова, т. е. техникой. Эти явления следует рассматривать в «этической» среде совокупных влияний истории, права, морали и т. п. Государство, как представительство этих высших интересов, и должно быть проводником этих высших начал «хозяйственного этоса» в жизнь путем мероприятий социальной политики. Оно должно ввести этот этический момент в условия распределения общественного продукта путем забот об улучшении положения рабочего класса, улучшения воспитания и образования, проведением фабричного законодательства и т. п.

Таким образом уже у Шмоллера государство получает крупнейшую роль в деле проведения активной экономической политики. Еще более эта мысль находит дальнейшее развитие у А. Вагнера. Вагнер не развивает значение этого «этического» момента, а в большей мере останавливается на анализе правовых норм и их значения для экономического строя. В своем «Введении в политическую экономию» Вагнер, рассматривая соотношение экономики и права, отвергает старое учение о «естественных правах» личности и в том числе права собственности. Он указывает, что все юридические права личности не предешаются какими-либо прирожденными свойствами, а определяются юридической организацией общества, которая, в свою очередь, является продуктом исторического развития. Вагнер, рассматривая развитие юридических институтов и норм, определяющих положение личности, право собственности и проч., приходит к заключению об исторической условности этих правовых институтов. Собственность, например, есть совершенно условный институт, установленный государством, имеющий место лишь при определенной общественной структуре, и, следовательно, могущий быть тем же государством преобразован и отменен. Безусловного и абсолютного права частной собственности нет и никогда не бывает. Собственность выполняет определенные социальные функции и только поэтому поддерживается государством. С этой точки зрения Вагнер отрицательно относится к земельной городской собственности, считая желательным ее устранение; но уничтожение частной собственности на средства производства Вагнер считает несвоевременным.

Отсюда видно, что Вагнер все же делает значительный шаг вперед в деле потрясения таких «основ» буржуазного общества, как

«неприкосновенность» частной собственности. Это обстоятельство было, между прочим, поводом расхождения Вагнера с умеренным шмоллеровским «Союзом».

Другим вопросом, имеющим большое значение в воззрениях Вагнера, а также примыкающих к нему Шефле и др., является проблема организации хозяйства. Рассматривая возможные типы хозяйственных организаций, Вагнер указывает на три их формы: частно-хозяйственную, общественно-хозяйственную и благотворительную (харитативную). Первая форма основывается на личном интересе и частном предпринимательстве; это—форма, преобладающая в современном капиталистическом хозяйстве, это—наиболее простая и легко осуществимая форма, гарантирующая известные успехи в области производства, техники и проч. Но уже и в настоящее время эта форма не единственная. Вместе с ней все большее развитие находят формы государственных предприятий, в тех случаях, когда частное хозяйство и частная предприимчивость не может всецело обслуживать общественные нужды и потребности (железные дороги, почта, телеграф, школы и т. п.). В основе этой формы уже не может лежать частный интерес, так как такого рода предприятия не задаются целью доходности. Наконец, благотворительная форма организации хозяйства имеет целью смягчать недостатки предшествующих двух, когда отдельные члены общества не могут принять участия в частно-хозяйственной деятельности, но когда и государство не может их обслуживать своею помощью.

Вопрос о том, какая комбинация этих форм является наилучшей, есть вопрос факта для каждой данной эпохи. Никакого общего решения быть не может, т.-е. нельзя сказать, что вообще и всегда лучшей является форма частного хозяйства или, наоборот, форма государственного хозяйства.

Вагнер является представителем той ветви, которая впоследствии получила название государственного социализма, т.-е. практического осуществления некоторых частных пунктов программы социализма, но проводимых в условиях буржуазного государства. Этим объясняется тот факт, что Вагнер был ближайшим сотрудником Бисмарка в социальном законодательстве последнего.

Как теоретик, Вагнер стоит выше других представителей социально-политического направления. Его многочисленные и обширные труды, как в виде специальных монографий, по вопросам хозяйственного развития, денежного обращения, финансам и пр., так особенно его знаменитые «Руководства» (*Grundlegung d. Politischen Oekonomie, Finanzwissenschaft*), сделали его крупнейшей величиной германской академической науки.

Близко к Вагнеру стоит Шефле, известный кроме того, как сторонник так наз. «Органического метода» в социологии, который он особенно развивает в своем обширном труде «*Bau und Leben des sozialen Körpers*» (1875—78 гг.), излагая здесь анатомию, физиологию

и психологию общественного организма. Большую популярность Шефле получил своей брошюрой «Квинт-эссенция социализма».

К той же группе принадлежит Brentano, выдвигающий, однако, не столько роль и значение государства, сколько самостоятельность рабочих и их организаций. Brentano вообще больше заражен английским либерализмом, чем прусской государственностью. Его наиболее значительные труды о рабочих союзах Англии (Arbeitergilden der Gegenwart, 1871), о заработной плате (Ueber das Verhältniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung, 1876), о страховании рабочих и проч.

Несколько отдельно стоят также принадлежащие все же к исторической школе Карл Бюхер, известный своим учением о стадиях хозяйственного развития, Вернер Зомбарт—своим капитальным сочинением о происхождении современного капитализма (Der Moderne Kapitalismus, 2-е изд., 1922 г.), а также многочисленными трудами по социальному движению, рабочему вопросу и др.

Таким образом «новая историческая школа» или «социально-политическое направление», как видно из изложенного, имеет громадное число представителей среди германской экономической науки и имеет за собой большой научный актив. Этот актив значительно меньше представлен экономической теорией, гораздо больше—экономической историей и социальной политикой. В этом последнем, пожалуй, главнейшая заслуга этого направления. Оно весьма энергично обратило внимание современного общества на необходимость принятия мер против болезней и противоречий экономического строя, и хотя не могло указать радикальных путей исцеления, но тем не менее все же сыграло известную положительную роль, несколько улучшив положение рабочих своим социальным законодательством и главное—облегчив условия организации их, как класса.

Социально-политическое направление имело своим предшественником Сисмонди. Однако нельзя считать, что идеология социал-политиков—та же мелкобуржуазная идеология Сисмонди. Наоборот, их идеология—не смотрящая назад идеология крестьянства, мелкого ремесленничества, а идеология крупного буржуазно-промышленного государства, чувствующего уже раскаты приближающейся социальной грозы и в борьбе за свое существование бросающего на чашку весов истории и свои экономические уступки и социальные законы, доводы этики и «справедливости». Этим определяется и место этого направления в истории экономической мысли и политико-экономическом строительстве.

Литература: Рошер, Наука о народном хозяйстве, М. 1870 г. 2 тома.—Гильдебранд, Политическая экономия настоящего и будущего. Спб. 1860.—Лист, Национальная система политич. экономии. Спб. 1891.—Шенберг, Новая политическая экономия. 1894.—Симоенко, Политическая экономия в ее главнейших направлениях. 1900.—Шмоллер, Наука о народном хозяйстве. М. 1897.—Святловский, Л. Brentano, его жизнь, воззрения и школа. М. 1896.—Зомбарт, Современный капитализм. М. 1905.—Бюхер, Возникновение народного хозяйства. Спб. 1907.—Шефле, Квинт-эссенция социализма. Изд. «Просвещения» 1905.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Возрождение абстрактной экономики.—Психологическая и математическая школы.

Историческая школа в Германии, выдвинувшая чрезвычайно важный принцип—исторический метод изучения экономических явлений—не смогла, однако, дать сколько-нибудь ценных теоретических выводов вообще для науки политической экономики. В дальнейшем своем развитии она переродилась в социально-политическое направление, занявшееся также не столько разработкой теоретических проблем, сколько проблемами социальной политики.

Однако развитие теоретической экономической мысли не могло, конечно, остановиться на пересказе и даже некотором дальнейшем развитии идей классической школы. Крайнее увлечение историцизмом не могло не вызвать реакции. Появляется стремление вновь от чисто эмпирического исторического материала перейти к абстрактным теоретическим изысканиям в духе Смита и даже Рикардо. В результате, почти одновременно с возникновением исторической школы, как направлением крайнего исторического эмпиризма, в экономической науке возникает противоположное направление, характеризующееся крайним развитием абстрактной теории. И вот в то время, как историки начинают заполнять страницы своих историко-экономических журналов подробнейшими и детальнейшими изысканиями из истории средних веков, их промышленного строя, их торговли и проч.—страницы других журналов начинают заполняться абстрактными рассуждениями и теориями ценности, обмена, распределения, алгебраическими формулами, вычислениями кривых спроса и предложения и проч.

Но замечательно то, что если «старая» историческая школа была в то же время основательницей «национальной экономики», рассматривавшей экономические проблемы через призму национального хозяйства страны, где эти проблемы развиваются, и фактически осталась направлением, главным образом, немецкой экономической науки,—новое теоретическое направление сразу стало завоевывать и приобретать универсальный, космополитический характер. И хотя, по своему происхождению и обоснованию, впервые главным образом

австрийскими учеными, это направление получило название «австрийской школы», тем не менее оно по своему распространению очень скоро переросло границы своей родины и стало быстро производить завоевания среди германской, английской, итальянской, русской и даже американской экономической науки. В Америке, например, число активных последователей этого «австрийского» направления настолько велико и труды их имеют настолько значительный вес в разработке новых доктрин, что в настоящее время это направление можно с такой же правильностью назвать «американским», как и «австрийским».

Это обстоятельство представляется нам чрезвычайно знаменательным, если мы вспомним подобную же судьбу классической школы. Это «английское» направление очень быстро получило универсальное распространение, а его положения—характер универсальных истин. Сходство капиталистического развития в различных странах вызвало и сходство идеологических обоснований экономической действительности. Капитализм в своих начальных формах получал значение универсального этапа развития, поскольку все страны отказывались от узких рамок мелкого ремесленного хозяйства и вступали на путь промышленного развития. Но впоследствии оказалось, что во многих странах, в силу национальных, исторических и других особенностей, универсальные догмы классической теории не выражают потребностей экономической действительности. Универсальная догма классической школы заменяется догмой «национальной» экономики, выражающей уже не космополитические стороны капиталистической идеологии, а интересы и идеологию национального капитала. Но вместе с расширением международных связей, общения и интересов капиталов различных национальностей, вместе с закреплением капиталом своего универсального значения—и самая идеология его вновь приобретает характер универсальной догмы, одинаково разделяемой представителями «буржуазной» науки и старой капиталистической Европы, и молодой капиталистической Америки. И даже более того: эта импонирующая своей универсальностью идеология начинает производить завоевания в умах «социалистических» научных направлений.

Таким образом, этот новый этап в развитии политической экономики, в виде возрождения абстрактной и универсальной «психологической» экономики, вполне соответствует новой фразе самого капитализма, с перерождением в нем всегда несколько национального и так сказать «материального» промышленного капитала в новые формы универсального, международного, почти невидимого (почти психологического!) банковско-финансового капитала.

Впервые оппозиция немецкому историцизму возникла в 70-х годах в среде австрийских ученых экономистов, в лице профессора венского университета Карла Менгера. Из работ Менгера наиболее замечательными являются «Основания политической экономики» (*Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*, 1871) и «Исследования о методе

социальных наук и политической экономии в особенности» (Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der Politischen Oekonomie insbesondere, 1883). Последняя работа посвящена пересмотру вопроса о методе политической экономии, как он нашел себе выражение в исторической школе, при чем Менгер, отрицательно относясь к этому методу, возвращается к необходимости абстрактного метода в теоретической политической экономии.

Мир экономических явлений, говорит Менгер, может быть разделен на мир явлений индивидуальных и явлений типичных. Индивидуальные явления изучаются отдельными специальными экономическими дисциплинами, как-то: статистикой, экономической историей и т. п. Изучение общих или типических явлений требует особых условий и методов изучения и составляет предмет теоретической политической экономии. Эта последняя наука должна изучать типы экономических явлений, должна изучать типичные формы этих явлений и в отдельных экономических явлениях искать общие черты и свойства их, общие закономерности. Но и эти общие черты и типы экономических явлений бывают различны. Одни представляют строгие типы, которые остаются неизменными и не допускают исключений; другие, наоборот, допускают исключения и видоизменяются в условиях конкретной жизни. Первые правильности обыкновенно называют естественными законами, вторые — эмпирическими. Одной из задач политической экономии является «исследование типов и типичных соотношений явлений, как эти последние представляются нам в их полной эмпирической действительности, следовательно в цельности и во всей сложности их существа». Это будет метод эмпирико-реалистический. Другой путь — отвлечение от реальных условий и установление общих законов экономической деятельности вообще. Сущность этого чисто-теоретического метода состоит в том, что «мы приводим человеческие явления к их первейшим и простейшим конститутивным факторам, прилагаем к этим последним соответствующую их природе мерку и стремимся раскрыть законы, по которым образуются из этих простейших элементов более сложные человеческие явления». Такой именно метод применяется и в естественных науках, хотя и там в действительности «чистых» явлений мы нигде не наблюдаем, а только принимаем их в абстракции. Политическая теоретическая экономия представляется такой же чистой теоретической наукой, изучающей простейшие явления хозяйственной жизни. Такими простейшими явлениями представляются: потребность, полезность, эгоизм, т.-е. стремление к максимальному удовлетворению своих потребностей и т. п. Понятно, что все эти понятия — условная абстракция, не только не охватывающая всей сложности явления, но и в действительности не существующая. Тем не менее этот метод единственно правильный, и для теоретической науки политической экономии, как и для естественных наук, — единственно плодотворен и научен.

Книга Менгера вызвала оживленную полемику и резкие ответы со стороны представителей исторической школы, особенно Шмоллера.

Тем не менее, с одной стороны—полная научная бесплодность исторической школы, с другой—убедительность доводов Менгера доставили его взглядам быструю и полную победу. Лозунгом нового направления стал призыв к теоретической экономии, как она нашла себе выражение в трудах классиков, особенно Рикардо. Однако, призывая к усвоению абстрактного метода классиков в теории политической экономии, новая школа далека от повторения догмы классицизма. Более тонко разработав самый метод (чем в сущности классики не занимались), новая школа с помощью его предприняла пересмотр всех основных положений и догм классической политической экономии. Теория ценности, потребности, полезности, спроса и предложения, цены, капитала, заработной платы, прибыли, ренты—все эти понятия подвергнуты были пересмотру согласно основным исходным принципам. Действительно, вся теоретическая экономия перестраивалась заново.

Каков же тот основной атом, поняв который и исходя из него, можно построить все сложное здание науки о народном хозяйстве? У классиков это был хозяйственный эгоизм, которым они наделяли «экономического человека». Принцип, который выдвигает новая школа по существу близок к этому же. Он заключается в том, что человек стремится к максимуму удовлетворения своих потребностей, к максимуму удовольствия при относительном минимуме затрат на это. Отсюда ясно, что этот принцип в сущности очень мало чем отличается от «эгоизма» классиков от «личного интереса». И методологическое значение этого принципа такое же, как и у классиков: сводя к этим стимулам человеческую деятельность, ни классики ни новая школа не отрицают наличности других стимулов, но, применяя именно один этот стимул за основу дальнейших построений, новая школа делает совершенно правильное методологическое допущение, методологическую абстракцию. Так как в противоположность классическому «личному интересу» новое направление выдвигает основным принципом—стремление к максимуму удовольствия, то оно получает название «гедонистического» направления.

Но независимо от самого содержания этого принципа, гедонисты делают из него гораздо более широкое употребление, чем классики. Для последних их «эгоистический» принцип был лишь общей абстрактной предпосылкой, не влиявшей на характер дальнейших теоретических построений, которые часто производились даже больше на основании эмпирического изучения действительности (как у А. Смита), чем на чисто логических абстракциях (Рикардо). Гедонисты кладут свой принцип действительно краеугольным камнем всего своего здания теоретической экономии.

Если основным принципом человеческой хозяйственной деятельности является «гедонистический» принцип—получения от употребления предметов внешнего мира максимума удовольствия, то естественно задачей теоретического исследования становится ответить на вопрос: с одной стороны, каковы будут отношения людей к тем или другим предметам внешнего мира, служащим для удовлетворения наших

потребностей; с другой—к другим людям, к которым приходится обращаться в процессе обмена различными предметами в условиях удовлетворения своих потребностей.

Отсюда перед школой намечаются два пути дальнейшего абстрактного анализа экономических явлений. Исследование первого вопроса приводит к анализу суб'ективного психологического отношения человека к вещам, служащим для удовлетворения потребностей. Исследование второго вопроса сводит всю проблему к анализу явлений обмена вещей и нахождению количественных соотношений обмена различными вещами, что так легко находит выражение в различных математических соотношениях и формулах.

В школе намечаются, таким образом, два несколько обособленных направления: с одной стороны, так называемая психологическая школа, исходящая в своем экономическом исследовании из анализа психологических переживаний человека и суб'ективного отношения его к тем или иным хозяйственным благам; с другой—математическое направление, стремящееся найти точное математическое выражение и соотношение отдельных хозяйственных благ в процессе обмена ими.

Во всяком случае, как видно из сказанного, и то, и другое направления одинаково заражены «фетишизмом», так как задачей изучения политической экономии, как абстрактной общественной науки, ставят не изучение отношений людей, а отношений или вещей между собою или людей к вещам. В этом, конечно, и лежит вся суть не-правильностей и методологическая ошибка новой школы.

Последователи того или другого направления чрезвычайно многочисленны во всех странах, и можно сказать, что громадное большинство представителей кафедральной экономической науки принадлежит к тому или другому направлению. Сюда принадлежат более старые немецкие (германские и австрийские) экономисты, начиная с Госсена (*Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs*, 1854), Менгера (*Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*, 1871), далее Визер (*Der Natürliche Werth*, 1889, и *Ueber der Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaftlichen Werthes*, 1884), Бем Баверк (*Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwerthes*, 1886, и *Kapital und Kapitalzins*, 1889) Цукеркандль (*Zuckerkandl, Zur Theorie des Preises*, 1889) и мн. др.; французские (впрочем немногие), как Вальрас (*Walras, Elements d'économie politique pure*, 1874), английские, как Джевонс (*Jevons, Theory of Political Economy*, 1871), Маршал (*Marshall Principles of Economics*, 3 изд. 1878), итальянские—Парето (*Pareto, Economie matematica*, 1911), американские—Кларк (*Clark, Philosophy of Value*, 1881 и *The distribution of Wealth*, 3 изд. 1908), Фишер (*Jrv. Fischer The Nature of Capital and Income*, 1906), шведские—Кассель (*Cassel, Grundriss einer elementaren Preislehre, Zeitschr. f. d. des Staatsswiss.*, 1899, и его же, *Theoretische Sozialökonomie*, 1918) и мн. др. Экономическая литература, разбирающая те или иные проблемы политической экономии, становится бесконечной. При всем сходстве авторов этого направления, как уже было указано, их можно разбить на две

группы: с одной стороны, на психологическую школу, преимущественно так наз. «австрийскую» и, с другой стороны, на математическую школу.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

Центральной идеей психологической школы является учение о ценности, трактуемой как суб'ективная ценность и определяемой по так наз. «предельной полезности» предмета. Здесь, конечно, нет возможности излагать полностью это учение и следует коснуться лишь тех сторон его, которые указывают место этой теории в истории доктрин.

Ценность согласно этой теории определяется суб'ективным отношением человека к данному предмету, исходя из основного принципа—стремления к максимуму удовлетворения потребностей. Человек, при имеющемся в наличии количестве благ и при прочих равных условиях, будет стремиться удовлетворить с помощью их наиболее настоятельную потребность. При уменьшении количества предметов он будет удовлетворять менее насущные потребности и следовательно в каждом данном случае будет оценивать предмет по той последней, минимальной потребности, которую данный предмет удовлетворяет. Эта минимальная потребность и определяет таким образом «предельную полезность», а вместе с тем и ценность предмета. На этих основаниях Менгер, Бем Баверк и др. и строят свои известные схемы и кривые изменения предельной полезности предметов.

Таким образом психологическая школа возвращается к понятию так наз. потребительной ценности и полезности классиков. Но тогда как классики придавали этим понятиям об'ективное, натуралистическое и в то же время родовое значение (полезность воды, как об'ективное свойство, вытекающее из химических свойств вообще воды), психологическая школа реставрирует это понятие полезности в смысле суб'ективного и видового свойства предмета (полезность воды не вообще, а данного ее количества при условиях суб'ективного к нему отношения лица). Таким образом, в противоположность об'ективистическим теориям, эта школа выдвигает суб'ективное понимание ценности.

Такое объяснение ценности, исходящее из суб'ективной оценки в зависимости от наличия известного количества благ, позволяет психологической школе весьма остроумно объяснить то неразрешимое противоречие и недоговоренность, которые получились у классиков. Почему, действительно, мы ценим алмаз выше воды, хотя полезность последней значительно выше первого. Ни теория общей (абстрактной) полезности, ни теория трудовой ценности, по мнению психологов, не давали возможность правильного разрешения вопроса именно потому, что в основу понятия ценности клалось понятие полезности вообще, тогда как полезность нужно рассматривать не вообще, а с точки зрения конкретно имеющегося количества предметов дан-

ного рода. При таком объяснении становится понятным, почему ценность воды вообще ниже ценности алмаза, но, конечно, если-бы вместо бесконечного количества воды мы имели бы ее чрезвычайно мало (стакан воды в пустыне), то и ценность ее стала бы для нас бесконечно большой, много выше редкого алмаза.

Итак, мы ценим предметы в зависимости от того, каким запасом этих предметов мы обладаем и, следовательно, какую степень потребности мы можем удовлетворить этим предметом. Чем больше количество предметов, которыми мы располагаем, тем ниже оказывается настоятельность потребности, которую мы удовлетворяем с помощью этого предмета. Если мы утрачиваем какой-либо предмет, мы откажемся от удовлетворения наименее важной потребности. Отсюда возникает психологический, субъективный процесс оценки предметов, кладущийся в основу экономического понятия ценности. Ценность определяется предельной полезностью предмета, т.-е. наименее важной потребностью из тех, которые мы удовлетворяем с помощью определенного запаса предметов этого рода.

Так понятие предельной полезности удачно разрешает неразрешимые до сих пор контрверзы вопроса ценности. Но то же понятие дает новый подход и к другим проблемам, например, к проблеме цены. Как на рынке устанавливается единая цена? Она устанавливается как равнодействующая субъективных оценок ряда покупателей, из которых каждый подходит к каждому покупаемому им предмету с точки зрения оценки его по предельной полезности и необходимости отказа от него или замены другим, если его цена повышается. Другими словами, цена на рынке для всех однородных, т.-е. заменяемых, предметов установится, как единая цена, определяемая по предельной, минимальной полезности каждого из этих предметов. Если у разносчика воды продается стакан воды, то цена его установится для всякого лица, в том числе и для того, с кем мог бы случиться солнечный удар, если-бы он не выпил воды, не выше той минимальной оценки, которую можно придать такому, легко заменяемому и незначительному по своей предельной полезности, предмету, каким является стакан воды при свободном доступе к ней.

Тот же самый принцип может быть положен и в основу производительной деятельности и в основу потребления каждым человеком, а следовательно, и всем обществом. Каждый человек и свою производственную деятельность и свое потребление распределяет так, чтобы предельные полезности последних вырабатываемых, приобретаемых или потребляемых предметов, были равны. Действительно, если у человека имеется три часа рабочего времени или три рубля денег, на которые он может купить три предмета, удовлетворяющие потребности одинаковой интенсивности (книгу, бутылку вина, фунт табаку), то он их равномерно распределяет на производство или покупку всех трех этих предметов удовлетворяющих потребности одинаковой интенсивности. Если бы оказалось, что потребности, удовлетворяемые этими предметами неодинаковы, то человек откажется от

удовлетворения одной из них за счет увеличения другой, более важной. Если я, выкуривая раньше 5 папирос по 2 коп. каждая, прихожу к заключению, что пятая папироса для меня менее важна, чем прочтение газеты, я отказываюсь от пятой папиросы и приобретаю одну газету.

Этот же универсальный принцип оказывается вполне применимым и к разрешению проблем распределения. Например, заработная плата есть ценность, которую получает рабочий в обмен за услуги, предоставляемые им в производстве капиталисту. Какую же ценность может предоставить капиталист рабочему? Ясно, что ценность, определяемую производительностью рабочего и равную ей. Но производительность каждого рабочего изменяется от соотношения такого фактора, как средства производства с числом рабочих. Если при данном капитале увеличивается количество рабочих, производительность каждого из них падает. Последняя единица труда, последний рабочий, будут наименее производительны. Производительность этого рабочего, предельная производительность и определяет ту заработную плату, которую может дать предприниматель в виде эквивалента рабочему за произведенную им ценность. И так как каждый рабочий может быть признан «последним», то все рабочие, в виде заработной платы, получают эквивалент производительности, т.-е. полный продукт труда «предельного» рабочего, подобно тому, как ценность всех стаканов воды, продающихся на улице, определяется предельной полезностью этого стакана воды.

Точно также легко объясняется происхождение и закон установления прибыли на капитал. Закон нашей психологии—ценить блага будущие ниже благ настоящих; поэтому благо настоящее по ценности равно увеличенному благу в будущем. Следовательно, если капиталист затрачивает в настоящем свой капитал в производство, отказываясь от немедленного потребления капитала, то в будущем он должен получить большую ценность, откуда и вытекает неизбежность процента. Самая высота уровня процента также определяется по принципу предельной полезности: его регулирует «последний» капитал, т.-е. капитал, положенный в наименее производительные предприятия, в силу замены, при условиях свободного рынка капиталов, одного капитала другим.

Таким образом, представители психологической школы, исходя из простейших психологических подходов и определений, разрешают сложнейшие проблемы производства и распределения. Менгер, Визер, Бем Баверк, Кларк и др. пытаются создать на этой психологической основе новую политическую экономию.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

Представители этой ветви гедонистов исходят из тех же общих представлений о потребности, полезности, ценности, но подходят к разрешению несколько иным методом. Основное их стремление

сводится к тому, чтобы придать экономическому исследованию не обыкновенный характер логических словесных доказательств, а характер точного языка цифр или алгебраических, математических выражений. Только такой математический метод может придать экономике характер точной науки, так как лишь с его помощью можно не только точно формулировать экономические явления и понятия, но и точно измерить соотношения их. Можно ли применить такой математический метод к экономике и имеются ли в ней элементы, измеряемые в их количественных соотношениях? Безусловно, да. Целая громадная область экономики есть не что иное, как оперирование с математическими, количественными понятиями — это область обмена. Во всяком обмене мы имеем сопоставление двух количеств, т. е. математическое отношение, независимо от его качественного содержания. Это отношение выражается в цене. Вот почему математики, применяя свой точный математический метод, во главу угла ставят исследование цены, подобно тому как психологи начинают свое исследование с ценности.

Но так же, как психологи из своего анализа ценности выводят широкие обобщения для разрешения всех экономических проблем, так и математики свой анализ обмена и цены делают краеугольным камнем, на котором строят широкие обобщающие выводы. Все явления экономической жизни можно свести к явлениям обмена. Действительно, все явления производства, распределения, потребления есть не что иное, как обмен различных элементов, например, сырых материалов и предметов продовольствия, капитала и труда, отдельных потребительных ценностей — друг на друга и т. п. Даже такие экономические понятия, как налог, могут быть сведены к обмену, ибо уплатить налог — значит получить за отдаваемую часть своего имущества или дохода охрану со стороны государства. Таким образом, все явления могут быть сведены к количественному выражению обмениваемых благ, а следовательно, и к математическим формулам.

Но задача математического анализа экономических явлений не ограничивается лишь нахождением количественных соотношений. Необходимо найти между ними причинозависимость, т. е. найти, в каком направлении и в каком виде изменяется одно явление, как математическая функция другого.

И эта проблема лучше всего разрешается на математическом анализе обмена и цены. Еще классики указывали, что цена устанавливается спросом и предложением. Такая формулировка, однако, ничего не дает для точного количественного анализа. Математики стремятся уловить функциональную зависимость между этими явлениями. Если на абсциссе (горизонтальной линии) отложить равные линии, изображающие цены: 1, 2, 3, 4 и т. д., а на ординате (вертикальной линии) — количества какого-либо товара, требующегося на рынке при наличии известной цены, то окажется, что чем выше цена, тем менее будет спрос на товар, т. е. мы получим понижающуюся вогнутую кривую спроса. Наоборот — предложения товара будут повышаться по мере повышения цен, и кривая предложения будет изображена

повышающейся выпуклой кривой. Обе эти кривые непременно пересекутся: это будет момент равновесия между спросом и предложением и момент происходящего обмена. Если мы из точки пересечения опустим перпендикулярную линию, то эта линия на абсциссе нам точно укажет цену, на основании которой будет произведен этот обмен.

Таким образом установлена функциональная зависимость между явлениями и найдено их количественное соотношение.

Подобного рода анализ приводит к установлению настоящих математических «законов» установления цен. Таков прежде всего первый закон Джевонса, «закон безразличия», по которому цена, устанавливающаяся на рынке на однородные и заменяемые предметы, должна быть единой. Второй закон — что эта единая цена должна приводить к совпадению предлагаемого и спрашиваемого количества товара. И, наконец, третий закон — что эта единая цена дает возможность наибольшему числу заключения сделок между покупателями и продавцами.

На первый взгляд кажется, что такие математические абстрактные формулы даже в их простейшем выражении (не говоря уже о высшей математике) слишком осложняют вопрос, не внося ничего нового в освещение сущности экономической проблемы.

На самом деле это не так. Ведь обмен, как мы сказали, по мнению математиков, сопутствует всем явлениям хозяйственной жизни, и, устанавливая функциональные зависимости явлений обмена и цены, мы можем, следовательно, обнять также и всю вообще совокупность всех хозяйственных явлений. И вот Вальрас действительно делает попытку сложными формулами высшего математического анализа установить единство функциональной зависимости всей совокупности хозяйственных явлений — производства, обмена, распределения.

Производитель (предприниматель) покупает, т.-е. обменивает у собственников земли «производительные услуги» их почвы, у владельцев капитала — «производительные услуги» их капитала, у рабочих — их труд, уплачивая, т.-е. давая в обмен каждому из них соответствующий эквивалент в виде ренты, прибыли, заработной платы. Цена этих «производительных услуг», т.-е. размеры ренты, прибыли, заработной платы определяются по общему, приведенному выше закону установления цены. Но тот же производитель продает произведенные им продукты. Но кому? Тем же лицам, которым он выплатил ренту, прибыль и заработную плату и которые теперь покупают на эти свои доходы мануфактуру, продукты продовольствия и проч. у производителя. И ясно, что производитель может произвести столько, сколько он купит «производительных услуг», а продавцы этих последних могут купить у производителя столько товаров, сколько получают от него в обмен за эти услуги. Устанавливается таким образом строгое соотношение и равновесие в общественном производстве.

«Математическая формула» экономической таблицы Кэнэ находится таким образом как будто более строгое математическое выра-

жение. «Математики», как Джевонс, Парето, Панталеони, Эджеворт, Кассель и особенно Вальрас и др., наполняют свои труды более или менее сложными математическими вычислениями, до высшей математики включительно. Некоторые из них пытаются в этих формулах выяснить зависимость лишь отдельных моментов (Джевонс), другие, наоборот, обнять в них общую взаимную зависимость всего народо-хозяйственного процесса (Вальрас, Парето). При этом у некоторых увлечение высшими математическими формулами доходит до того, что сами же их коллеги называют их книги «трудно понятным аппаратом за семью печатями» (Кассель о Вальрасе).

Итак, новейшая «гедонистическая школа» в двух главных своих направлениях пускается или в тончайший психологический анализ или в не менее тонкий математический анализ экономической деятельности человека. Что же положительного вносят эти авторы в результате своих изысканий в экономическую науку?

Считается, что абстрактная экономическая теория достигла у теоретиков австрийской школы высшего своего развития, даже большего, чем у Рикардо. В этом отношении гедонисты являются действительно дальнейшими развивателями классических абстрактных принципов. И даже нужно сказать, что в отношении новизны самых принципов они сделали не слишком много. Основной и исходный их принцип—гедонистический принцип—есть ничто иное, как эгоистический принцип классиков. Правда, как указывают сами гедонисты, если даже признать, что они лишь продолжают развитие того, что открыто было классиками, все же в этом отношении они ушли вперед очень значительно. То, о чем классики только говорили в общей форме, гедонисты доказали, притом доказали часто строго математически. Например, классики выдвигали, как общий принцип благодетельности экономической свободы и конкуренции, но вовсе не исследовали причин этого явления. Новая школа не только объясняет причину этого, но и обнаруживает в точных выражениях количественные проявления этого принципа в экономической жизни. Эта причина лежит в стремлении каждого к максимуму удовлетворения своих потребностей при минимуме затрат и в условиях реальной жизни это находит в количественных соотношениях обмена хозяйственными благами.

Однако почему же классики не могли дойти до столь же богатых и точных выводов, как новая школа? Мы поймем это, если обратим внимание на те цели, которые ставили классики для экономической науки, исходя методологически из своих общих принципов. Эти принципы индивидуалистического и личного характера были для них все же лишь подходом для разрешения общих народо-хозяйственных проблем экономической науки. Правда, самая экономическая жизнь и интересы общества представлялись для классиков лишь арифметической суммой интересов и действий отдельных членов. Но, тем не менее, самой задачей своих исследований лучшие классики ставили не исследование экономической жизни и деятельности отдельных хозяйств и членов общества, а общехозяйственные

процессы и связи. А. Смит в первых же строках так определяет задачи своего исследования в области производства, Рикардо—точно так же—в области распределения. Таким образом, несмотря на механически-индивидуалистические взгляды классиков на общественный строй, их экономическая наука приобретала все же характер широкой социальной науки. Что же мы видим у гедонистической школы? Исходя из того же в сущности принципа, они сворачивают, однако, в другую сторону и идут не по пути построения политической экономии, как науки об общественном хозяйстве, а ограничивают свои изыскания областью внутренних чувствований и переживаний хозяйствующего субъекта, его психологии, внутренних отношений частного хозяйства. Поэтому, сколько-бы ни были остроумны доводы и соображения психологов—они относятся к какой угодно другой науке, к психологии, но не к науке об общественном хозяйстве. Математическая оболочка рассуждений и доказательств математиков, хотя-бы и в области явлений межхозяйственных связей, не меняет сущности постановки вопроса и является лишь таким же математическим выражением частно-хозяйственных расходов и соображений, как таким же математическим выражением является бухгалтерия.

Все соображения о «выгодности» удовлетворения одной потребности вместо другой, замены одного потребительного блага другим очень интересны, быть может, для анализа явлений частно-хозяйственной, но никак не общественно-хозяйственной жизни. Анализа явлений товарного капиталистического хозяйства, ни его сущности новая школа не видит даже тогда, когда она говорит об обмене, о прибыли на капитал, о заработной плате. Все эти явления рассматриваются, в сущности, не в их социальной среде и в социальных взаимоотношениях, а как бы в изолированном хозяйстве.

Поэтому, чем шире по существу самая проблема, тем менее удовлетворительным представляется ее разрешение. Наиболее «остроумным» и общепринятым считается разрешение новой школой проблемы ценности, но именно потому, что в пределах этой проблемы можно еще не выходить из рамок явлений и анализа частного хозяйства, заменяя экономический анализ анализом психологическим. Но чем шире становится проблема—например, проблема обмена вообще, проблемы распределения: заработная плата, прибыль—тем решения становятся все более натянутыми, менее удовлетворительными, все более вызывающими возражения даже со стороны самих последователей той же школы.

В отношении социальных выводов, которые делают сами представители школы или которые можно из них сделать, также нужно сказать, что они не идут сколько-нибудь вперед классической школы. Даже наоборот—часто повторяют худших ее представителей. То же признание гармонии частного и общего интереса, то же оправдание существующего строя, то же—при том часто математическое!—доказательство неизбежности и оправдание ренты, прибыли на капитал, минимальной—«предельной» заработной платы. Периодом упадка классицизма отзываются у Вальраса «производительные услуги» ка-

питалистов—владельцев капитала и рентьеров—собственников земли. Скорее не глубокий экономический анализ Кэнэ, а поверхностные рассуждения Сэя напоминает картина Вальраса об общественном воспроизводстве и распределении.

Все это, впрочем, так же как у классиков-вульгаризаторов периода упадка, как у Бастиа, объясняется самыми высокими мотивами. Как Бастиа уверял, что он был бы готов сделаться коммунистом, если бы в действительности существовала какая-нибудь социальная несправедливость, так, например, Кларк признает, что «всякий честный человек должен был бы сделаться социалистом», если бы... неумолимый закон «предельного рабочего» не делал совершенно неизбежной минимальную заработную плату и, следовательно, излишним стремление к социализму.

И, наконец—такое же возвеличение собственных заслуг в разрешении всех вопросов экономической теории, которых не было у скромных Смита и Рикардо, но которым стали заражаться их последователи. В противоположность великим классикам—как нескромно звучит мнение математика Парето,—что все, что до сих пор открыто в политической экономии, ничто в сравнении с тем, что может открыть математическая школа; или мнение психолога Бем Баверка, что система психологической школы является для политической экономии тем же, чем была система Коперника для астрономии.

Таким образом, едва ли правильно смотреть на новое возрождение теоретической абстрактной экономии, как на возрождение лучших сторон классицизма. Гедонистическая школа—последняя попытка не только объяснить, но и оправдать капиталистический строй, возвести его исторические законы в вечные и неизменные законы, заменить его преходящие социально-экономические отношения—естественными психо-физиологическими и математическими законами. Лишенное всякого исторического подхода, всякой социологичности, это направление могло дать несколько остроумных и, пожалуй, изящных по внешности абстрактных формул и схем, но ни в какой мере не могло ответить на основной вопрос экономической науки—проблему разрешения социального вопроса. Вот почему она не могла не исчерпать себя довольно быстро, как это признают даже некоторые адепты этой школы, например, Ландри, так как по самой сути своей она не могла жить и развиваться вместе с развитием самой социальной проблемы, ибо она стояла далеко от этой последней.

Литература: Литература теоретиков предельной полезности весьма велика. Из переводной литературы следует указать: Менгер. Исследование о методах социальных наук и политической экономии в частности. СПб. 1894;—Бем Баверк, Основы теории ценности хозяйственных благ. СПб. 1893;—Бем Баверк, Капитал и прибыль. СПб. 1909;—Джевонс, Политическая экономия. СПб. 1905. Из русских авторов о теории предельной полезности писали: Богров, Критико-исторический очерк теории ценности. СПб. 1911;—Туган-Барановский, Учение о предельной полезности. «Юрид. Вестн». 1890;—Шор, Основные проблемы теории полит. экономии. М. 1907;—Билимович, К вопросу о расценке хозяйственных благ. К. 1914;—Струве, Хозяйство и цена. М. 1913.—Юровский, Очерки по теории цены. Сар. 1919;—Бухарин, Политическая экономия рантье. М. 1923.

ЧАСТЬ II.

СОЦИАЛИЗМ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общее понятие и системы социализма.

Конец XVIII века принес переворот во всех почти областях человеческой жизни культурной Европы. В хозяйственной жизни—промышленная революция резко изменила условия существования. В политической жизни—Великая французская революция была сигналом политического преобразования общественного строя в духе интересов буржуазии. В общем мировоззрении XIX век приносит вместе с этим также идеи свободы, либерализма, равноценности человеческой личности. Возникшее на почве этих новых идей общественное строительство, начатое с таким революционным воодушевлением и энтузиазмом, приводит, однако, к скорому разочарованию.

Французская революция в области экономической жизни принесла осуществление идей либеральной экономической школы. Провозглашение прав личности и человека, свободы его деятельности открывало блестящие возможности и перспективы, внушало надежды, что с освобождением человека от личной зависимости он освободится и от экономического порабощения. Однако новое общественное устройство не оправдало надежд. Оно, правда, устранило юридическую несвободу, но не устранило экономического неравенства. К тому же экономические различия еще более увеличились благодаря общей экономической разрухе. Уже Сисмонди, как мы видели, обращал внимание на эту обратную сторону медали экономического либерализма. Развитие капитализма и машинного труда не только не приводило к общему благосостоянию, но вело к разорению прежних мелких производителей и к бедствиям населения. Рабочий день упорного тяжелого труда в 14—16 часов; труд всей семьей, начиная от детей 6—7-летнего возраста, работа женщин, отрываемых от до-

машного очага, полный пауперизм — такова была обратная сторона медали — блестящего развития производства и накопления богатств в новую эпоху капитализма.

Все это постепенно заставляет критически отнестись и к самым принципиальным положениям экономического либерализма. Правда, и сами представители либеральной школы не закрывали глаза на эти отрицательные стороны новой экономической системы, кроме разве только самых крайних оптимистов и вульгаризаторов. И сам А. Смит, и Рикардо, даже Сей и особенно Сисмонди все это хорошо видели. Но все же они были далеки от отрицания самых основ системы. Дальнейшие обострения противоречий приводили и к дальнейшим разочарованиям в самых принципах и основах системы. Возникают учения, не только критически относящиеся к отдельным проявлениям системы, но отрицающие ее сущность — ее частно-правовой характер, свободу конкуренции, частную собственность на средства производства, вытекающую отсюда эксплуатацию. Не ограничиваясь критикой и отрицанием, новые направления вырабатывают свою систему общественной и экономической организации. Возникает мощное движение и мощная ветвь в экономической науке — социализм, как направление противопоставляющее себя принципиально и во всех основах экономической организации либерально-буржуазной системы.

Что же такое социализм и каково его содержание? Самый термин «социализм» впервые был употреблен в одном сен-симонистском журнале в 1832 г. Далее в 1836 г. последователи Р. Оуэна на конгрессе в Манчестере приняли название «социалистов», как особой партии. В 40-х годах это название нового социально-политического течения особенно популяризировал Рейбо в своей книге «*Etudes sur les Reformateurs contemporains*», в научном же обиходе этот термин окончательно закреплен П. Леру.

Что же именно понималось создателями этого понятия и что стало пониматься впоследствии под этим названием? Содержание, которое вкладывается в общее понятие «социализм» отдельными представителями этого учения, так же как практические направление и задачи, ставящиеся ими, крайне разнообразны. Поэтому, например, такой, правда не объективный излагатель систем социализма, как Штамлер и говорит, что «совершенно невозможно охватить одним понятием все различные общественные течения, которые понимались под именем социализма». Лавеле также свидетельствует, что он «не встречал определения социализма». Сами представители тех или иных течений социализма, дают иногда такие неточные определения социализма, как Прудон, который говорит, что «социалист — человек, стремящийся к улучшению общественного строя». И совершенно справедливо тот же Лавеле замечает по поводу этого определения, что «всякий человек будет социалистом с чьей-либо точки зрения».

Действительно, в среде социалистов и социалистических систем мы встретим самых разнообразных во всех отношениях представителей. Здесь мы встретим, например, Платона, признающего за нормальное

явление общественной жизни рабство; Т. Моора, также признающего в своей социалистической утопии рабство, войны, насильственное расширение территории, патриархальное управление. Ф. Кампанеллу, строящего свою социалистическо-теократическую монархию; Фурье, который считает справедливым из доходов социалистической общины давать $\frac{4}{12}$ продукта в пользу капитала. Здесь же мы встретим С.-Симона, экзальтированного аристократа, проповедника новой религии, Родбертуса—консервативного прусского помещика, Маркса—пламенного революционера и последовательного материалиста; таких представителей «христианского социализма», как Леплей, проповедующий преобразование общественного строя на почве христианства и церкви. Не удивительно поэтому, что и во взглядах на социализм мы встретим такие диаметрально-противоположные мнения, как например Рескина и Карлейля, что социализм—торжество личности, ее индивидуального развития, и Спенсера—что социализм—«грядущее рабство».

Отсюда видно, что социализм есть многогранное и разностороннее понятие. Под названием «социализм» мы можем понимать: 1) социализм, как общее мирозерцание, как своеобразная общественная философия; 2) социализм, как идеал и как цель в стремлении к общественному переустройству; 3) социализм, как практическое общественное движение на пути достижения этого идеала; 4) социализм, как научно-экономическая догма, дающая научное обоснование в построении и осуществлении этого идеала. Все эти грани и части общего понятия социализма тесно связаны между собою. Выработка общего социалистического мирозерцания является основой идеологических построений; на почве этих идеологических построений возникают лозунги социалистических движений; последние, вызванные, конечно, реальными условиями эпохи, порождают и возможность научного объяснения этих общественных течений и преобразований общественного строя.

1. Социализм, как общественно-философская доктрина, стремится стать целостным общественным мировоззрением и объяснением явлений общественного порядка. Правда, на первый взгляд и в общественно-философских обоснованиях социализма мы можем наблюдать самые различные направления. Христианский социализм, философски-идеалистический социализм (Фихте, Родбертус, Лассаль), наконец материалистический социализм (Маркс)—таковы основные разновидности социализма. И тем не менее, несмотря на разнохарактерность этих направлений, все же они связываются в социализме единой идеей. Эта идея—верховная ценность и равноценность человеческой личности. Эта идея в философии была выдвинута еще Кантом, а на практике—в Великой французской революции, в ее лозунге свободы, равенства и братства. Для социализма наиболее важна вторая часть этой трехгранной формулы; в ней кроется идейный корень социализма. Но его, этого равенства, и всего труднее достичь в условиях реального социально-политического строительства. Если «свобода» и «братство» представляются положитель-

ными и непререкаемыми условиями человеческих отношений в обществе, то не явится ли требование равенства, наоборот, таким моментом, который приведет к порабощению отдельной личности интересам целого, подведению ее под какой-то средний общий уровень, к уничтожению развития индивидуальности?

Такое понимание общественного равенства в социалистическом строе и его значения для человеческой личности представляется действительно весьма распространенным. Так, П. Леру и определяет, например, социализм, как «общественную организацию, в которой индивидуум приносится в жертву целому, именуемому обществом». Социализм, как общественная система, понимается им как полная противоположность индивидуализму, как система, не дающая необходимых предпосылок для развития индивидуальности.

В действительности дело обстоит, конечно, совершенно не так. Прежде всего можно назвать ряд крупнейших имен социалистических мыслителей, являвшихся в то же время представителями индивидуалистической философии. Так, например, Оуэн, Томсон были учениками Бентама, видного представителя индивидуалистического направления. Весь французский утопический социализм был детищем Великой французской революции, стоявшей на крайней догме индивидуализма. Фурье, С.-Симон, Бабеф были представителями индивидуалистического мышления. Они считали, что единственной и конечной целью того общественного преобразования, к которому стремится социализм—это дать возможность полного и всестороннего развития личности. Вот почему Шефле, в противоположность распространенному мнению, считает, что «социализм—это доведенный до крайности индивидуализм».

Но в чем же тогда разница между социализмом и индивидуализмом буржуазной экономики, хотя-бы, например, индивидуализмом А. Смита?

2. Здесь мы подходим к другой стороне понятия социализма, к социализму, как идеальной системе общественного устройства в целях развития личности. Индивидуализм буржуазной экономики понимался как необходимость полной свободы деятельности человека ради достижения высшего благосостояния как отдельными членами, так и всем обществом в совокупности. Свобода экономической деятельности, конкуренция, соперничество — представлялись лучшими средствами для этого. Однако эти принципы, так ярко провозглашенные А. Смитом, не оправдали надежд в действительной жизни. Оказалось, что фактически свобода совершенно недостижима при отсутствии среднего элемента знаменитой трехгранной формулы «свобода, равенство, братство». Если люди находятся в неравных условиях при осуществлении своей свободы, то и самая свобода индивидуума становится фикцией, а возможность индивидуального развития и процветания—неосуществимой. В противоположность лозунгам А. Смита попытка осуществления принципов индивидуальной, ничем не стесняемой свободы, в условиях

экономического неравенства капиталистического общества, привела не к общему благосостоянию, а к подавлению личности у массы населения.

Каким же образом достичь действительных условий, дающих возможность наибольшего развития личности? Социализм отвергает те средства, которые предлагались А. Смитом и выдвигает новые. Ради достижения наибольшего развития и духовного роста личности необходимо создать соответствующую общественную и материальную обстановку.

Личность является всецело результатом общественной среды и материальных условий ее существования. Поэтому, чтобы достичь максимальных условий развития человеческой личности, необходимо достигнуть коренного преобразования материальных условий существования общества. Капиталистическое общество обнаружило свое банкротство даже в достижении основного, провозглашенного им же принципа—индивидуализма. Вместе с расцветом производства, с абсолютным накоплением богатства, с громадным повышением производительности труда шло не развитие личности в массах населения, а крайнее порабощение и принижение личности. И при таких условиях становится понятным то крайнее возмущение, которое высказывается такими эстетам, как Рескин, по адресу капитализма, с его развитием мещанских вкусов, крайнего падения нравственного, культурного, эстетического уровня личности.

Вот почему в описаниях утопических социалистов и в особенности в утопических романах социально-экономическое преобразование общества всегда является лишь необходимой предпосылкой для главной и основной цели—для достижения условий наиболее всестороннего, полного, высококультурного существования личности.

3. Но как же именно достигнуть такого преобразования общественного строя? Здесь мы приходим к понятию социализма как общественного движения. И в этом отношении в понятие социализма, как общественного движения, вкладываются весьма разнообразные виды общественных движений. Весьма близко к нему примыкают такие, например, движения, как чартизм, в сущности радикально-буржуазное движение, но с программой, в некоторых частях, близкой к социализму. Здесь нужно различать также социализм, так наз. «эволюционный», предполагающий медленное, закономерное развитие общества и общественное движение, долженствующее привести к изменению общественного порядка. С другой стороны—социализм революционный, полагающий, что развитие общества идет не прямо по медленно повышающейся линии, а «скачками», путем кризисов, путем смены, в некоторые моменты общественного развития, эволюционного темпа его—общественными катаклизмами.

По способам проведения и достижения целей общественного преобразования здесь можно различать так наз. «государственный социализм», последователи которого считают, что само государство, т.-е. именно государство буржуазное, может способствовать и помочь

осуществлению принципов социализма. На этой точке зрения стояли, например, Лассаль и Луи Блан, полагавшие, что через государство можно добиться социально-экономического преобразования общества.

В противоположность этому, по мнению так называемого анархического социализма, достижение поставленной цели возможно лишь при полном уничтожении государства вообще, как органа власти, почему необходимо стремиться прежде всего к полному разрушению вообще государственной организации общества. На такой именно точке зрения стояли Прудон и др. анархисты.

Далее, представители других социалистических течений считают, что достижение и осуществление социалистического общества при условиях парламентаризма достижимо путем парламентской политической деятельности, путем образования легальных политических партий, приобретения большинства в законодательных органах и легального получения власти. В противоположность этому, выдвигается мнение о необходимости борьбы за социально-экономическое преобразование общества экономической же борьбой самих заинтересованных членов, т. - е. рабочих, с отрицанием всякого участия в парламентаризме и легальной политической борьбе. На этой почве стоит французский синдикализм.

Таким образом, как способы борьбы и достижения, выдвигаются самые различные средства. Но при всем том, все они стремятся к одной и общей цели, именно к замене частно-хозяйственного принципа в организации производства и распределения общественным хозяйством, без частной собственности на орудия производства. В капитализме народное хозяйство представляет систему отдельных хозяйственных предприятий, основанных на частной собственности на орудия производства, на свободе конкуренции хозяйственной деятельности, на свободе вообще экономических отношений. Социализм утверждает средства производства не за отдельными лицами, а за всем обществом. Как производство, так и распределение возлагаются не на усмотрение отдельных лиц, в виде нерегулируемого, стихийного хозяйственного процесса, а совершаются в виде планомерной общественной работы. Следовательно, социализм, как социально-политическое движение, направленное на преобразование общественного строя, сводит это преобразование прежде всего: 1) к общественной собственности на орудия и средства производства; 2) к общественной организации процесса производства и распределения. Исчезает частно-хозяйственная деятельность в области производства и владения имуществом с целью извлечения дохода. Таким путем достигается и верховная цель общественного преобразования—уничтожение эксплуатации человека человеком.

4. Таким образом возникало движение, направленное на осуществление указанных целей, а вместе с тем постепенно выработывалась и научная догма социализма.

Ведь мало, конечно, было поставить цели какому либо достижению. Необходимо было осознать и доказать самую возможность

и историческую необходимость замены одной системы общественного хозяйства другой. Почему, действительно, можно было думать и надеяться, что частно-хозяйственная система должна смениться обобществленным хозяйством? Какие имеются элементы и факторы, объясняющие и вскрывающие такую необходимость?

Первоначально догма социализма не имеет чисто-научных основ. Социализм возникает в виде так наз. «утопического» социализма. Для экономической мысли не было еще достаточных данных для доказательства исторической закономерности такого преобразования общества. «Утопический» социализм строил свои соображения больше частью на принципах этики, желательности. Но по мере развития капитализма и все большего обострения противоречий общественного строя становилось все более нетрудным и научное обоснование исторической неизбежности социально-экономического преобразования общества.

Возникает догма научного социализма, как строгое и научное историческое обоснование и прогноз общественного перелома.

Научный социализм представляется научной экономической доктриной, завершающей развитие экономической мысли в деле анализа и исторического изучения капиталистического общества. Поэтому научный социализм должен был впитать в себя и синтезировать в себе все предшествующее развитие экономической мысли. И мы действительно видим отдельные части догмы научного социализма достаточно подготовленными и развитыми во многих школах политической экономии.

Так, прежде всего, основная доктрина политической экономии — учение о ценности — была в достаточной степени разработана еще ранними классиками, А. Смитом и Д. Рикардо, чтобы получить законченную и совершенную разработку в научном социализме Маркса. Точно также и основные проблемы и вехи в учении о распределении были в достаточно ясной степени намечены у Рикардо. Социологическая сущность проблемы распределения и в связи с этим взгляд на классовый состав общества и заложенные в нем классовые противоречия также близко намечались классиками. Однако, при всем том у классиков при разрешении этих проблем не было исторического подхода и взгляда на существующий строй, как на исторически преходящий. Научный социализм всецело стоит на почве историцизма, притом не того чисто описательного историцизма, без всякого синтеза, как это было в исторической школе, а историцизма, как метода изучения общественного строя эпохи, с целью установления исторической закономерности социально-экономического развития. Научный социализм впервые доводит такое историческое изучение эпохи капитализма до степени теории развития капиталистического общества. Правда, такие попытки синтеза и установления закономерности общественно-экономического развития имеются и у некоторых предшественников научного социализма,

в том числе и у утопистов (Родбертус, С.-Симон, Фурье). Но все же у последних как анализ и критика существующего строя, так и установление путей его дальнейшего развития исходит не столько из выявленных «законов» развития, сколько из субъективно-построенного идеала общественного строя.

Вот почему, собственно, научная догма социализма, как она нашла себе законченное выражение у Маркса, содержит почти исключительно научный анализ капиталистического общества, а не какие-либо утопические планы будущего устройства социалистического общества. Если Т. Моор, Фурье, Оуэн и др. занимались, главным образом, вырисовкой планов, фасадов и пейзажей будущих фаланстер и социалистических колоний, то у Маркса в его «Капитале» об этом нет ни слова, а речь идет исключительно о буржуазном строе. И тем не менее «Капитал» гораздо более социалистичен, чем «Утопии» и «Новые миры» Моора и Оуэна, так как он дает строго научные доказательства неизбежности кризиса капиталистического общества, его крушения и перехода к обобществленному хозяйству.

Итак: общественно-философское миросозерцание — система общественного устройства — общественно-политическое движение для достижения этого устройства — научная догма, обосновывающая предыдущее — таковы основные грани этого сложного понятия социализма. Понятно, что все они нераздельно спаяны друг с другом. Реальная экономическая жизнь, ее противоречия, осознаваясь, приводили к выработке определенного социально-философского миросозерцания, философской доктрины экономического или исторического материализма. Она давала возможность теоретического построения иной, противоположной действительности, системы общественного устройства. Носителями этой идеи общественного переустройства должны были сделаться классы, заинтересованные в этом переустройстве. Отсюда возникает общественное движение с целью реализации этой новой системы. Это движение в самом себе вырабатывает средства и пути осуществления своих целей, и в этом отношении осознание всего процесса научной догмой существенным образом помогает и самому движению — с пути утопий и утопических попыток вступить на путь реальной, но строго рассчитанной и обоснованной деятельности.

В нашем изложении мы, конечно, не можем обнять всю догму социализма с указанных четырех сторон: и ее общественно-философские обоснования, и планы ее общественного устройства, т.-е. собственно социалистическое строительство, и историю социальных движений. Мы остановимся лишь на четвертой стороне социализма — на экономической доктрине его, и остальных моментов будем касаться лишь постольку, поскольку они важны для освещения экономической доктрины.

Система социализма. Социализм, как положительная экономическая система, представляет такой хозяйственный строй, который характеризуется общественной собственностью на орудия и

средства производства и общественной организацией производства и распределения.

Таким образом, в понятие вообще социалистического преобразования общества входит замена частного капитала, т.-е. частного способа производства, коллективным—коллективным обладанием средствами производства, коллективной организацией национального труда и проч.

Коллективный способ производства должен привести и к новым формам распределения. Если в капиталистическом обществе участие в производстве отдельных лиц и классов основывается на характере обладания ими или материальными элементами производства, или живым трудом,—им обусловливается и характер получаемых им доходов (прибыль, рента, заработная плата),—то в социалистическом обществе, при коллективном обладании средствами производства, уничтожаются доходы, вытекающие из частной собственности на средства производства, заменяясь доходами, имеющими единственный источник—труд.

При такой общей формулировке общих основ положительной системы социализма, тем не менее может получиться существенная разница при том или ином осуществлении отдельных сторон этой общей системы.

Так, степень обобществления хозяйства и хозяйственного процесса может быть различна. Обобществлению могут подлежать или одни средства производства, или также и предметы потребления, т.-е. общественный характер может получить или только процесс производства, или также и процесс потребления. Отсюда все вообще системы социализма часто разделяются на 1) собственно социализм в узком смысле слова, или коллективизм, как такая система, когда обобществлены лишь средства производства, предметы же потребления остаются в личной собственности и 2) на коммунизм—как такая система, где обобществление распространяется не только на процесс производства, но и на процесс потребления.

Конечно, строгое разграничение провести здесь не всегда возможно, так как многие предметы являются как средствами производства, так и предметами личного потребления. Так—стол, книга, писчая бумага и мн. др. могут быть в одном случае предметами потребления, в другом—средствами производства (писчая бумага для писателя, стол для мастера). Тем не менее, это деление может приводить к весьма важным различиям.

Так, при системах первого вида, когда обобществлены только средства производства, сохраняются индивидуальные доходы. Правда, они являются исключительно трудовыми доходами,—нетрудовых доходов нет, но все же каждое лицо может свой личный заработок, хотя бы и нормированный, тратить по своему вкусу и желанию. При второй системе, когда и процесс потребления становится не индивидуальным, а обобществленным, категория дохода вообще исчезает; каждое лицо получает не тот или иной индивидуальный доход

(заработок), а известную долю в потреблении. Поэтому, если в первом случае нормируется доход, но возможна известная свобода расходов,— то во втором случае нормируется не доход, а потребление.

Отсюда вытекают и дальнейшие важные моменты общественно-хозяйственной организации. В первом случае, при свободе расходования своих доходов (заработка), предметы потребления покупаются с каких-либо общественных, государственных и т. п. складов. Во втором случае—производится не покупка предметов потребления отдельными лицами, а распределение их общественной властью по тем или иным принципам.

Дальнейшим следствием этих особенностей хозяйственной организации является то, что в первой системе в хозяйстве имеются явления цены, как выражения ценностных соотношений приобретаемых предметов в какой-либо единице. Во втором случае—в этом нет надобности, так как предметы потребления распределяются на каких-либо общих основаниях. Поэтому, первая система хозяйства приобретает характер денежной системы, с наличностью денег, как выразителя ценности. Конечно, этими деньгами может не быть золото; они будут представлять из себя лишь простые счетные единицы, в виде чеков, рабочих квитанций. Хозяйство, во всяком случае, получает характер денежного хозяйства. Вторая система представляет систему натурального хозяйства, так как денежных счетных единиц, денег, здесь нет: всякий получает то, что ему нужно, и общественная власть распределяет продукты в зависимости от их количества и сообразно потребностям.

Таким образом, в первой системе получка каждого стоит в известном соответствии с его должностью в общественном производстве; принцип распределения здесь—«от каждого по его способностям, каждой способности по ее делам» (С.-Симон). Наоборот, во второй системе принципом распределения является: «от каждого по его способностям, каждому—по его потребностям» (Оуэн).

Кладя в основу эти различия и можно построить классификацию положительных систем социализма в зависимости от характера той власти, которая заведует процессами производства и распределения. Поэтому Туган-Барановский и дает следующую классификацию систем социализма.

1. Централистический социализм или коммунизм—средства производства принадлежат государству, которое организует весь производительный процесс, а в коммунизме—и потребление. Роль государства достигает максимального значения (Кампанелла, Моор, Кабе, Родбертус, Маркс).

2. Корпоративный социализм—общество состоит из самостоятельных в хозяйственном отношении организаций, рабочих корпораций по специальности, которым и принадлежат средства производства и которые организуют производительный процесс в каждой отрасли. Общехозяйственная связь поддерживается обменом. Роль государства—регулирование этих общехозяйственных связей

(Луи Блан). Коммунистических корпоративных систем быть поэтому не может, так как обмен здесь неизбежен.

3. Федералистический социализм и коммунизм—общество состоит из федерации отдельных общин, но каждая из них (в отличие от корпоративного устройства) ведет не какую-либо одну отрасль, а представляет из себя маленький хозяйственный микрокосмос. Общине принадлежат средства производства, она же организует и весь процесс производства, а в коммунизме—и потребление. Роль государства сведена до минимума (Фурье, Оуэн).

4. Анархический социализм и коммунизм—общество состоит из свободных отдельных производителей; ни производство, ни обмен не регулируются никакой властью и происходят совершенно свободно (Прудон, Годвин).

Конечно, в основу классификации систем социализма можно положить и какой-либо другой признак, например то или иное философское мировоззрение, разделяя социализм на идеологические (религиозные и этические) системы и на эволюционные системы. Такова классификация К. Дилия.

Все эти классификации не имеют, однако, значения исторически намечающихся тенденций в развитии социализма. Все, что можно отметить в смысле исторической тенденции—это: в области мировоззрения—укрепление материалистически философских обоснований социализма вместо этических; в области общественного устройства—преобладание централистических форм организации вместо мелких общин; в области общественных движений—развитие революционных движений масс вместо индивидуалистически-моральных стремлений небольших групп, и, наконец, в области доктрины—укрепление научного анализа и создание научной теории общественного развития на смену ненаучной утопии.

В дальнейшем изложении поэтому мы будем придерживаться исторического порядка развития идей социализма, начавши это изложение также примерно с эпохи, предшествующей капитализму, общественное развитие которого постепенно приводит к окончательному укреплению социализма в указанных его проявлениях.

Литература: Литература о социализме, в том числе русская, особенно за последние годы, настолько обширна, что дать сколько-нибудь полный перечень здесь невозможно. Укажем лишь главнейшие и наиболее популярные общие сочинения. Каутский, Предшественники научного социализма, 2 т. 1907.—Туган-Барановский, Современный социализм. 1906.—Горев, История социализма. 1923.—Святловский, История социализма. 1924.—Штейн, Социальный вопрос с философской точки зрения. 1889.—Зомбарт, Социализм и социальное движение. 1907.—Беер, История социализма. 1922.—Волгин, Очерки по истории социализма. 1923.—Меринг, История германской социал-демократии, I—IV т.—Бэр, История социализма в Англии. 1922.—Рязанов, Очерки по истории марксизма. М. 1923.—Кроме того, указанные выше общие курсы по истории политической экономии Туган-Барановского, Ш. Ж и да, Булгакова и др. Наконец, много материала в виде отрывков сочинений различных социалистов, но с крайне тенденциозным текстом—дает Щеглов, История социальных систем, 2 тома. Спб. 1891.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Утопический социализм XVI—XVII в.в.

Система меркантилизма являлась, как мы видели, идеологией торгового капитала, идеологией класса, который тогда начинал жить и завоевывать себе место в экономической жизни.

Но, конечно, эта идеология влиятельных и наиболее сильных экономических классов была совершенно далека от интересов масс населения и от вопросов, волновавших их. Социально-экономическая жизнь народных масс того времени во всех странах Зап. Европы протекала в крайне тяжелых условиях. Везде господствовало крепостное право, по силе эксплуатации не уступавшее рабству. Городское ремесленничество представляло сравнительно очень небольшой слой сравнительно более экономически обеспеченного, более свободного и более просвещенного населения. Масса сельского крестьянского населения находилась не только на крайней степени нищеты, но и на крайней степени невежества.

При таких условиях какая-либо сознательная идеологическая жизнь и стремления масс конечно совершенно отсутствовали. Крайний социально-экономический гнет вызывал в массах лишь крайнее же недовольство, выливавшееся в взрывы постоянных народных восстаний и массовых полуорганизованных стихийных движений. Но все эти движения были очень далеки от какого-либо ясного осознания своих экономических требований. Даже у руководителей их трудно было отыскать сколько-нибудь точные представления о каком-либо идеале общественного устройства, к которому они хотели привести массы.

Поэтому общественно-революционные движения XVI—XVIII веков носили характер стихийного, непосредственного протеста масс против экономического гнета. Материально и экономически они направлены были против имущих, как вообще угнетателей бедных. Социальная проблема ставилась таким образом революционно-резко. Но найти идеологическое ее освещение (а тем более, конечно, научное объяснение) было негде. Единственной идеологической предпосылкой для масс могла быть только религия. Вот почему социальные проблемы в средневековье соединялись большею частью с религиозными проблемами. Революционные движения, направленные на разрешение этой социальной проблемы, принимали форму религиозных движений, а самый социализм и коммунизм этих движений—форму религиозного коммунизма, во главе этих революционно-коммунистических движений—как это ни странно для настоящего времени—часто становились священники.

Конечно, эти представители религии, становившиеся во главе революционных движений, были представителями не официальной церкви, а ее отщепенцами, еретиками. Но именно в этом сказывался двоякого рода протест масс против существующего порядка: материальный—против имущих и богатых, держащих массу населения в бедности и нищете; идеологический—против официальной церкви, поддерживающей богатых и разделяющей с ними это богатство, отлучающей, как еретиков, «истинных сынов» церкви, бедных аскетов и монахов, защищающих интересы народа.

Таким образом эти первые движения к разрешению социального вопроса в духе коммунизма носили следующие характерные черты. По своей идеологии—это был религиозный и именно еретический, т.-е. не признанный и отвергнутый официальной церковью коммунизм. По своей экономике—это был большею частью коммунизм потребления, т.-е. стремление к преобразованию общества не в целях изменения производственных условий и поднятия производительных сил, а лишь в целях равномерного потребления, хотя бы и ограниченного до аскетизма и всеобщей бедности. Наконец, по формам движения—это были движения не экономически и классово-организованных масс, а мало организованные и анархически настроенные движения вообще неимущих.

Из такого рода движений, оставивших известный след и в развитии идеи коммунистического переустройства общества упомянем о наиболее крупном движении так наз. «великой крестьянской войны». Оно начато было в германской Тюрингии на почве описанного выше тяжелого экономического положения масс и их стремления образовать «царство божие на земле» на началах проведения в жизнь заветов «истинной» церкви. Во главе движения становится священник Фома Мюнцер (1490—1525), примыкавший сначала в религиозных вопросах к реформационному и антикатолическому движению, а затем все более начавший уклоняться от чисто религиозных в сторону социальных вопросов. С 1520 г. он начинает выступать в Тюрингии со страстной проповедью о необходимости наступления царства божия на земле, об установлении равенства и братства в жизни, об уравнивании имущих с бедными. В его проповедях слышатся одинаково жгучие от ненависти призывы как против имущих и господствующих классов, так и против официальной церкви. В 1524 г. Мюнцеру, собравшему группу своих приверженцев, удалось захватить в г. Мюльгаузене власть, свергнув магистрат, состоявший из зажиточного городского бюргерства. Опираясь на простой народ Мюнцер, ввел общность имущества, отобрав рыцарские и церковные земли и распределив их среди членов общины. Несмотря на то, что к Мюнцеру примкнули массы крестьянства, движение это, как неорганизованное и экономически беспочвенное, было обречено на неудачу. Оно было жестоко подавлено и сам Мюнцер казнен, отрекшись перед казнью от своих учений.

Сходно с этим было движение, так наз. анабаптистов, почти одновременно возникшее в Германии и распространившееся в Мо-

334-35
равии, Нидерландах, Швейцарии и др. странах. Движение это также с чисто религиозной догмой (требованием вторичного крещения, откуда и название) стало также задаваться и социальными вопросами. Однако, в противоположность движению Мюнцера, это движение в особенности вначале носило характер мирного, а не революционного и при том опиравшегося больше на городские классы, в том числе на городскую интеллигенцию и рабочих, а не на крестьянские массы. После подавления крестьянской войны и восстания Мюнцера, и движение анабаптистов также начинает преследоваться, вследствие чего оно перекочевывает из Германии и Швейцарии в Нидерланды. Здесь в 1534—5 г. происходит попытка осуществления социалистического переворота в духе Мюнцера. В городе Мюнстере, в Нидерландах, на почве создавшегося недовольства и брожения, вожди анабаптистов, булочник Ян Матис, и портной Ян Боккольд из Лейдена известный под именем «Иоанна Лейденского» (1510—1535 г.г.), устраивают в 1534 г. переворот, захватывают магистратскую власть и объявляют Мюнстер «Новым Иерусалимом», т.е. центром религиозного коммунизма. После смерти Матиса во главе движения становится Ян Боккольд, принявший титул «Иоанна, божьею милостью царя Нового Иерусалима». Иоанн вводит в своем городе в сущности очень скромный коммунистический режим, сводящийся к равномерному распределению запасов потребления, ограничению роскоши и излишеств, уничтожению денег; вместе с тем вводится многоженство. Так как город с начала движения был осажден войсками епископа мюнстерского, то Иоанн ввел суровый военный режим, близкий к террору. В 1535 г. город был взят штурмом, движение подавлено и сам Иоанн казнен, выдержавши однако невероятные пытки и не отрекшись от своих фанатических убеждений.

После этих чисто революционно-коммунистических движений религиозно-сектантский коммунизм был почти задавлен, хотя временами оживал в виде мирных сектантских коммунистических общин. Такова была, например, община «Гутеровских братьев», основанная в Моравии Яковом Гутером. Интересно то, что эта община существовала почти сто лет на коммунистических основах, при чем коммунистически было организовано не только производство, но и потребление.

В развитии и обосновании идей коммунизма гораздо большее значение имел не этот религиозный коммунизм, а «светский» коммунизм средневековья. Этот «светский» коммунизм стремится прежде всего освободиться от той исключительно религиозно-аскетической и потребительской основы, на которой стояли религиозно-коммунистические движения. Его идеология уже не чисто религиозная, хотя в некоторых случаях все же апеллирует к «царству божиему на земле». Это—более или менее теоретическое построение, иногда связанное с анализом реальной действительности, иногда—совершенно отвлеченное. Вместе с тем оно становится настроением интеллигентским, исключительно «мирным», а не крестьянским или рабочим революционным движением. По форме—оно принимает в связи

с этим типичную форму «утопического романа», т. е. чисто литературного произведения.

Наиболее яркое и типичное выражение эта стадия развития социалистической идеи получает у знаменитого писателя XVI века, английского канцлера Томаса Моора (Thomas Moore 1478—1545 г.г.) в его написанном по-латыни романе «Золотая книжка о лучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» (1516 г.).

Т. Моор представляет из себя одну из самых образованнейших и благороднейших личностей своего века. Прощедший хорошую школу гуманитарных наук в Оксфордском университете, Моор рано начинает принимать участие как в деловой жизни Лондона в качестве адвоката и поверенного лондонского купечества, так и в политической жизни страны в качестве члена парламента, не оставляя в то же время своих философски-литературных занятий. Достигнув высших ступеней общественной лестницы в качестве государственного канцлера, Моор в 1545 г. был казнен королем Генрихом VIII за то, что остался по соображениям политическим и экономическим непреклонным противником развода короля.

Т. Моор.

Широкое гуманитарное образование Моора, его знакомство и одно время даже увлечение идеями религиозного коммунизма, его глубокое знание практической экономической жизни в соединении с высокими душевными качествами—независимостью, самоотверженностью, любовью к народу—являются источниками его знаменитого коммунистического романа, получившего настолько широкое распространение, что название его стало нарицательным.

Моор—не только гуманист и философ, но и глубокий практик, и менее всего религиозный—в смысле нетерпимости официальной церкви—человек. Поэтому проповедь коммунизма Моором имеет не религиозную отвлеченную основу, а реальную действительность. Излагая свои мысли в литературной форме Моор рассказывает совершенно правдоподобную на вид историю моряка, посетившего остров Утопию и заставшего там совершенно невиданный коммунистический строй. Изложение романа и состоит в рассказе этого моряка

Моору об этом острове. Самый рассказ состоит из двух частей— первая часть представляет критику рассказчиком существующего в Европе строя, вторая— описание идеального устройства на острове Утопии. В первой части нетрудно усмотреть хорошо написанную Моором картину современной ему Англии, т. е. ту картину, которая вызвала у Моора стремление к поискам лучшего мира.

Англия в конце XV в. и начале XVI в. переживала тяжелую эпоху перехода от крепостного феодального строя к намечению новых форм, которые в области сельского хозяйства характеризовались расширением пастбищного хозяйства и появлением капиталистического фермера. Крепостное право к этому времени было отменено, и помещикам приходилось переходить к вольнонаемному труду. Не обладая для этого ни достаточным капиталом, а тем более ни желанием затрачивать его в сельское хозяйство, помещики предпочитали сдавать свои земли арендаторам-предпринимателям. Помещики стали таким образом стремиться освободить свои земли от крестьян с их старыми феодально-патриархальными отношениями, заменяя их свободными капиталистическими отношениями в духе новой эпохи. В то же время, однако, они были заинтересованы в том, чтобы сосредоточить в своих руках возможно большее количество земли, которая нужна им была для насаждения там овцеводства. Развитие шерстяных мануфактур в Европе (в частности в Англии) вызвало громадный спрос на английскую шерсть и повышение цен на нее. Это обстоятельство и заставило английских крупных помещиков переходить от прежнего барщинного зернового хозяйства к овцеводству, которое требовало больших пространств незанятой пастбищной земли. Этот процесс перехода к овцеводству в XVI в. и знаменуется в Англии громадным земельным переворотом, выявившимся в «освобождении» масс прежнего земледельческого населения от земли, в массовом захвате лендлордами прежних общинных земель, в «очистке» своих имений от прежних пользователей—крестьян.

При таких условиях в недрах прежнего, еще недавно сравнительно мало дифференцированного, деревенского общества стал происходить быстрый и бурный процесс разложения старых форм и выделения безземельного пролетариата. Часть его направлялась в города, создавая здесь кадры промышленного пролетариата, часть оставалась на месте в виде сельского пролетариата. Но процесс ликвидации старых хозяйственных форм шел более быстро, чем образование новых, и капиталистический спрос не мог еще поглотить массу бесхозяйственного населения. Поэтому в наибольшей массе развивается собственно третий вид пролетариата, «нищенствующий» пролетариат (*Lumpenproletariat*) хронически безработных и нищенствующих бродяг, нахлынувших из деревни в города. Вопиющая бедность и бедствия народа становились все более очевидны для всякого. И если испуганное правительство боролось с этим явлением жестокими законами о бродяжничестве, то, конечно, для сколько нибудь ясных умов и честных натур становилось очевидным, что корень зла

лежит глубже—в социально-экономических условиях, вызывающих такое неравномерное распределение имущества.

Вот какими условиями была подготовлена в Англии почва если не для коммунистических движений, направленных на изменение подобных социально-экономических условий, то для идеологических исканий в том же направлении. Т. Моор и является блестящим выразителем таких исканий. Первая часть его романа и состоит в критике рассказчика, моряка Гитлодея, современного ему строя. Основным злом его автор считает собственность.

«Там, где царит частная собственность, где деньги являются для людей масштабом для всего, трудно и почти невероятно, чтобы общество процветало... Ни равномерное и справедливое распределение благ, ни всеобщее благосостояние невозможно, пока не будет упразднена частная собственность. Пока она существует, тягости и бедствия нищеты будут участью большинства и притом лучших людей».

Какой же отсюда выход? Имеются средства, с помощью которых можно несколько облегчить положение. Но устранить бедствия нищеты можно только одним путем—установлением общности имущества. Притом, эта общность имущества, этот коммунизм у Моора является коммунизмом не только потребления, но и производства, т.-е. общность имущества распространяется как на средства производства, так и на средства потребления.

Как же организовано это общественное коммунистическое хозяйство в «Утопии»?

Прежде всего Утопия представляет из себя не какую-либо небольшую общину или группу, а целое самостоятельное государство, правда, изолированное, лежащее на обособленном острове. На острове 24 города, построенных и организованных по одному плану. Города являются местом промышленно-ремесленной жизни, по всей же стране разбросаны усадьбы, где живет земледельческое население, занимающееся сельско-хозяйственными работами.

Однако все хозяйство, как городское, так и сельское, представляет единую организацию, так как продукты, производимые там и здесь, поступают в общее распределение, а само население городов и деревень поочередно меняет свои занятия. Работа вообще для всех членов государства обязательна, при чем каждый, проработав два года в городе, переходит на работу в деревне. Как в городах, так и в деревнях, строй жизни семейный, патриархального уклада, большими семьями в 40 человек, во главе со старшим членом. Рабочий день—6 часов; от работы освобождаются только больные, руководители и «ученые», т.-е. занимающиеся не физическим трудом. Все продукты производства поступают на общественные склады для общего потребления. Денег вообще нет, так как они совершенно излишни. Каждый получает со складов все, что ему нужно, бесплатно. Самый процесс потребления также почти исключительно общественный—в общественных столовых, куда сходится весь город; в сельских усадьбах жизнь идет, конечно, несколько более изолированно. Обще-

ственный строй основывается на выборной иерархии таким образом, что каждые 30 семей выбирают старшину (филарха), эти последние выбирают протофилархов, и, наконец, эти выбирают пожизненно главу государства—князя. Кроме свободных членов в обществе имеются «батраки», рабы, исполняющие принудительные и наиболее грязные и тяжелые работы. Войн вообще нет, за исключением тех случаев, когда приходится защищать свою родину от нападения или ради освобождения других народов от тирании.

Таков в кратких чертах строй государства «Утопии» Моора. При всей наивности и «утопичности» своей для настоящего времени творение Т. Моора является замечательнейшим и сделавшим эпоху в развитии социалистической мысли. Т. Моор должен считаться основателем идейного коммунизма в его новейших и основных чертах, отличающих его от предшествовавших форм, проявлявшихся в древности у Платона, в древнем христианстве и в средневековом религиозно-аскетическом коммунизме.

Коммунизм Т. Моора прежде всего—не коммунизм общин и корпораций, а коммунизм государства, т.-е. производство организовано воедино не в пределах мелких общин, а в рамках большого государства. Далее—это коммунизм не потребления, а производства, чем система Моора также отличается от предшествовавших ей форм. В основе его лежит обобществление средств производства и право на труд. Наконец, на производственной же базе основана и общественная иерархия, так как руководство производственным процессом принадлежит наиболее образованным лицам, представителям науки и знаний, которые являются и руководителями всей жизни общества. Правда, Моор вводит в свою систему и брак с семьей, чем он также отличается от платоновского и христиански-аскетического коммунизма. Этим Моор вводит «светский» характер в свое учение, примиряя его с реальным бытом. Но вместе с тем в этом пункте учения Моора особенно ярко отразилась и другая отрицательная сторона этого быта и отсталости эпохи—замкнутый патриархальный строй, подчинение женщины, а также признание принудительного рабского труда.

Тем не менее, несмотря на такую дань времени, сочинение Моора составило эпоху в развитии социалистической мысли. «Утопией» Моора, по словам Каутского, начинается современный социализм. Долгое время дальнейшее было подражанием Моору или даже ухудшением высказанных им идей.

Таким именно дальнейшим развивателем Моора, хотя работавшим и писавшим помимо его, был второй великий средневековый утопист Ф о м а Кампанелла (1568—1639 гг.). Кампанелла родился в итальянской провинции Реджио и с детства обращал на себя внимание своими большими способностями и страстностью своего характера. Уже в 15 лет он вступает в духовный орден доминиканцев и здесь быстро приобретает себе славу как выдающийся страстный оратор, богослов и философ. Но вместе с тем, он возбудил против себя гонения иезуитов, обвинявших Кампанеллу в ереси и добившихся от папы

запрещения ему проповеди. Кампанелла затем принимает участие в политической борьбе Неаполя и Калабрии, против испанского ига, составляет заговор с этой целью, но неудачно, и в 1600 г., т.-е. в 32 летнем возрасте, попадает в тюрьму, где и проводит в тяжелом заключении 27 лет. Только после этого срока ему были несколько облегчены условия заключения, но все же не дана полная свобода. Он получил ее только в 1634 году, бежавши из Рима в Париж ко двору короля Людовика XIII, где в покое и почете прожил остальные 5 лет своей жизни.

Из этих кратких биографических сведений видно, что Кампанелла без малого всю свою сознательную жизнь провел в тюрьме. Здесь же он написал все свои философско-богословские сочинения и в том числе свое утопическое коммунистическое произведение «Государство Солнца». Понятно, поэтому, что воззрения и творения Кампанеллы сильно отличаются от Т. Моора. Перед нами не делец и государственный деятель, хорошо знающий жизнь и свою эпоху, всегда даже в своих утопических построениях стоящий на реальной почве; перед нами восторженный монах, метафизик, оторванный от действительности и вращающийся исключительно в области фантастических мечтаний. При этом в основе его учения лежит сложная метафизическая философия, связанная с мистикой, с таинственным учением Каббалы, с астрологией и прочими средневековыми «науками». Поэтому и та часть его науки, которая нас в данном случае интересует—наука о морали, разделяющаяся на этику, политику, экономику, риторику и поэтику—в особенности первые три, носят отпечаток его метафизических и каббалистических воззрений. Его «Город Солнца» (*Civitas solis*) входит в большое его сочинение «*Philosophia realis*», появившееся в 1620—23 гг. и помещена в конце третьей части «Политики».

Город Солнца также лежит на острове и представляет вооруженную крепость. Граждане его—воинственные жители, включая и женщин и даже детей, которые с малых лет приучаются к битвам. Город Солнца «не республика и не монархия»; светская и духовная власть принадлежит выборному главе, *Non*, но он не подлежит контролю избирателей, хотя и не передает свою власть по наследству. Главное требование для избрания—обладание широкими и энциклопедическими знаниями, нужными для управления. Остальные носители власти и управители также выборные. Весь общественный строй носит характер полумонашески-коммунистической, полувоенно-спартанской общины. Семьи нет, ребенок принадлежит обществу; для продолжения рода выбираются самые красивые и здоровые женщины и мужчины; воспитание—чисто спартанское и рационалистическое. Все граждане обязаны трудиться, и всякий труд считается полезным и благородным. Часть граждан занята ремесленным трудом, часть земледельческими работами. Частной собственности нет, все имущество и предметы потребления в течение года—общие; поэтому же нет ни денег, ни вообще торговли. Все живут вместе, в просторных и обширных домах, с общими спальнями, столовыми и проч. С чуже-

странцами, «не желая быть испорченными», граждане Города Солнца ведут торговые сношения только на те предметы, которые сами не производят, и не пускают купцов дальше гаваней. Тем не менее всякий, кто желает сделаться гражданином города, после некоторых испытаний, может вступить в это царство «золотого века».

Такова несложная структура коммунистического государства Кампанеллы. О нем следовало упомянуть главным образом потому, что идеи Кампанеллы нашли попытку осуществления их в жизни. Именно в XVII в. группа монахов-иезуитов сделала попытку осуществить на практике идеи Кампанеллы путем создания «Города Солнца» в Парагвае, в Южной Америке. Монахи ордена иезуитов заняли здесь довольно значительную территорию, принадлежавшую прежде диким туземцам, изгнанным европейскими завоевателями—испанцами и основали теократическое государство на «коммунистических» началах. За период с 1610 г. по 1768 г. они образовали несколько десятков поселений, устраивая и организовывая их по типу городов Кампанеллы и заселяя туземцами. Туземцы должны были исполнять земледельческие и ремесленные работы, под строгим надзором и по определенным заданиям. Все имущество и средства производства принадлежали государству. Весь строй жизни, порядок и организация работ, семейные отношения с внешней стороны были строго скопированы с «Государства Солнца». Во главе правления и организации хозяйственной жизни стояли монахи, которые держали дикарей в крайне жалком, почти рабском состоянии и обходились с ними очень жестоко. Понятно, что «коммунизма» в таком «Государстве Солнца» было мало, и оно представляло типичную теократическую деспотию. Тем не менее государство иезуитов просуществовало довольно долго. Только после того, как отчасти слухи о несметных богатствах золота, хранившихся у иезуитов, отчасти известия о их жестокостях, заставили испанское правительство произвести ревизию их государства и арестовать иезуитов, оно в 1768 году прекратило свое полутора-вековое существование.

В дальнейшем типичный утопический коммунизм в духе Т. Моора и Ф. Кампанеллы совершенно изживает себя. Он отчасти находит много подражаний в разных странах в виде литературных произведений («Описание славного королевства Макария» английского утописта Гартлиба, «Государство Офирское» анонимного немецкого автора, «История северамбов» француза Верраса) отчасти продолжает связываться с религиозно-сектантскими движениями, в роде английских левеллеров, квакеров и др.

Новое время выдвигает, однако, новую постановку в развитии социалистических идей.

Литература о старом утопическом социализме довольно обширна. Каутский, Предшественники научного социализма.—Т. Моор, Утопия, пер. Генкеля. Спб. 1907.—Тарле, Общественные воззрения Т. Моора 1—2 т. 1901.—Яковенко, Т. Моор. 1891, Кампанелла Государство Солнца, пер. Генкеля. 1907.—Лафарг, Кампанелла, Спб. 1906.—Кирхгейм, Вечная утопия. 1899.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Социализм революционной эпохи и великие утописты.

С конца XVIII в. Франция становится центром и очагом революционных идей и движений, а вместе с тем и центром развития социализма. Французский социализм нового века, однако, уже резко отличается от рассмотренных черт старого, преимущественно религиозного коммунизма. Он лишается здесь своих религиозно-аскетических черт; перестает быть делом отдельных лиц и мирной мечтой к преобразованию общественного строя. Всеобщий гнет и всеобщее негодование массы населения всей страны еще задолго до революции готовят уже почву для совершенно реального восприятия идей и стремлений социализма. Революция, разрушившая весь старый социально-экономический уклад, внушает надежду, что вместе с ней можно осуществить и более глубокие социальные достижения, в корне разрешив социальный вопрос. Идеи социализма и коммунизма задолго до революции начинают проникать в толщу народа, подготавливая, с одной стороны, успех буржуазной революции и, с другой стороны, внушая массам народа ложную иллюзию о разрешении ею и основного социального вопроса о богатых и бедных.

Одним из наиболее ранних французских представителей такого «народного» социализма был уроженец Шампани, сын ткача Жан Мелье (1664—1729 г.). Пройдя суровую школу жизни в детстве и став затем священником, Мелье, по преданию своих односельчан, уморил себя голодом вследствие преследований со стороны местных властей. После себя Мелье оставил рукописное произведение—«Завещание», которое было впоследствии опубликовано и дало возможность познакомиться с оригинальными идеями Мелье.

Мелье, несмотря на свой сан, атеист; религия в его понимании—лицемерный способ, выдуманный богатыми, чтобы держать в повиновении бедных. В своем завещании он вскрывает это лицемерие церкви, а вместе с тем и все те экономические бедствия народа, которые благословляются и поддерживаются церковью. В этом отношении «Завещание» Мелье представляется для познания и исторического описания современной ему Франции столь же важным документом, каким была критическая часть «Утопии» Моора для Англии XVI века. Так же, как и Моор в Англии, Мелье жил во Франции

в переходный момент разрушения старых феодальных форм и первых шагов нового капиталистического строя. Отживающий феодальный строй приносил массу бедствий бедному крестьянству, но и новый нарождающийся строй имел мало положительных сторон. Критика Мелье поэтому одинаково жестоко нападает как на старых, так и на новых господ—да и понятно, почему: потому что и тот и другой строй основаны одинаково на несправедливом и тяжелом угнетении бедных богатыми, власть имущими—королями, дворянством, аббатами, чиновниками.

Эта критическая часть «Завещания» может считаться наилучшей по силе и красочности. Правда, Мелье не достигает здесь каких-либо исторических научных обобщений, но все же одно обобщение Мелье представляется, особенно замечательным, сравнительно с его предшественниками. Нарисовав мрачными чертами бедствие народа, т. е. преимущественно своего народа, Мелье расширяет разрешение этой проблемы до степени универсальной проблемы. Он призывает все народы к объединению в борьбе против угнетателей: все народы должны забыть распри между собою и обратить свою ненависть против своих угнетателей, против надменной и гордой расы людей, которые отнимают лучшие плоды их трудов. Когда этот общественный строй будет уничтожен, можно будет приступить к созданию нового общества.

Впрочем, эта положительная часть «Завещания»—описание будущего строя—представлена у Мелье более слабо и в общих чертах. В основу общественного строя Мелье кладет прежде всего принцип общего равенства. Чтобы фактически его достигнуть, уничтожается главное зло—частная собственность. Все имущество принадлежит всему обществу, но зато оно возлагает на каждого обязанность труда. Все жители городов или деревень живут и работают совместно, одинаково питаются, одинаково одеваются. Религия становится ненужной, заменяясь чисто нравственным учением справедливости и братства. Образование все получают одинаковое за общественный счет. Семейные отношения и брак основываются на свободной склонности. Политический строй—свободная федерация общин.

Таков этот довольно примитивный коммунизм Мелье в его, написанном для крестьян, «Завещании». Вся фигура Мелье вообще встает перед нами не столько, как фигура убежденного социалиста, а как фигура пламенного революционера, призывающего к убийству тиранов, и только весьма примитивно он мыслит о путях и возможностях разрешения социальной проблемы.

Если посмертное, пропитанное ядом горести и ненависти «Завещание» Мелье было написано им для бедных крестьян, то во французском высшем обществе того времени «вольные» идеи социализма нашли выражение в занимательном утопическом романе Верраса д'Алле, написавшего в 1675 г. знаменитую «Историю северамбов». Было бы совершенно лишне излагать здесь сложную экзотическую фабулу этого романа. Экономическая фантазия его сводится к опи

санию общественно-организованного производства и общего потребления на коммунистических началах. Место «Истории Северамбов» во французской литературе такое же, как «Утопии» — в английской. Многочисленность изданий свидетельствует о той моде и о тех исканиях, которые обнаруживались во французском обществе того времени к вопросам общественного переустройства.

Веррас, Мелье, как и многие другие, были выразителями тех новых веяний и чаяний, которые подготавливали во французской жизни громы приближающейся великой революции. Накануне ее блестящая французская общефилософская и общественная литература в различных ее направлениях одинаково сильно подтачивала падающий феодальный режим. Монтескье, Вольтер, Руссо, бывшие далекими от социализма, Мабли, Морелли — представители социалистических идей, давали в сумме своих течений и идей то богатое наследство, которое было выдвинуто французской революцией не только в области политической, но и социальной жизни.

Грандиозный социальный переворот, произведенный великой французской революцией, в особенности в виде конфискации дворянских и церковных земель, был направлен против феодально-дворянского класса. Собственность этого последнего была лишена буржуазной революцией права неприкосновенности, но, конечно, победительница-буржуазия провозгласила вместе с тем принцип «неприкосновенности» частной собственности вообще. Социальное неравенство не только осталось, но, наоборот, нашло новое принципиальное обоснование. Социальная проблема осталась таким образом неразрешенной и в ходе развития французской революции вопрос «о богатых» и «бедных» был самым неразрешимым вопросом. Но по мере укрепления буржуазного характера революции он все более стал ставиться не как широкий социальный вопрос и разрешаться не в широких рамках общего социалистического переустройства, а в лучшем случае — в духе мелкобуржуазной идеи — раздела среди победителей имущества побежденного класса. Произошел быстрый общественный отбор и быстрое образование нового класса имущих, которым противостоял попрежнему класс бедноты, «санкюлотов», грозивших уже не буржуазной, а новой социальной революцией.

На этой почве в громе буржуазной революции возникают одновременно и попытки осуществления переворота и преобразования общественного строя на чисто социалистических началах. Если Марат и даже Дантон угрожали богатым новыми взрывами и восстаниями бедных, но не доходили до формулировки социалистических идей, то попытка осуществления их была произведена в знаменитом заговоре Бабефа. В 1795 г. Бабеф, после литературной агитационной деятельности, организует свой коммунистический «заговор равных» с целью свержения буржуазного правительства и коммунистического переустройства. Из «Манифеста равных» и из др. статей Бабефа, а также и показаний на суде — виден в общих чертах тот характер «коммунизма», который клял в основу общества Бабеф. Помимо чисто

политических террористических мер переходного периода, «заговор равных» стремился к уничтожению частной собственности, к общности земли и имущества. Государственное устройство представляется Бабефу в виде федерации коммунистических общин, с обязательным трудом, с общественной организацией производства и распределения, с осуществлением принципов полной уравнительности. Вообще, идеология Бабефа—идеология бедноты вообще с аскетизмом и уравнительностью, а не идеология пролетариата, как класса. Вот почему Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» указывают, что эта идеология была реакционна по своей сущности. Самая же попытка установить в буржуазной Франции такое коммунистически-бедняцкое устройство была, конечно, обречена на неудачу, хотя дело до восстания не дошло и Бабеф со своими участниками погиб на гильотине.

Все упомянутые идеи и движения народного, философского и революционного коммунизма выработывались в преддверии революции или в быстром развитии самой революции. Бурный революционный переворот часто ставил весьма остро социальную проблему, но не давал возможности ее осознать и осветить. К тому же социальные противоречия нового общества, только что вскрытые революцией, не давали еще материальных возможностей такого осознания исторического процесса. Феодально-землевладельческий строй был похоронен, но масса населения все еще была связана с сельскохозяйственным трудом, промышленность, в особенности во Франции, развивалась сравнительно слабо.

Тем не менее постепенно начинает намечаться новая черта грядущей эпохи—ее «индустриализм», т.е. развитие новых капиталистических форм промышленности. Для разрешения социального вопроса и для построения его перспектив открывается новый материал. Экономическая мысль, с одной стороны, пытается ставить социальную проблему уже на научную почву анализа исторического развития общественных форм, хотя, с другой стороны, все еще не может отказаться от старых «утопий», т.е. построения планов общественного переустройства не на основании данных о законах общественного развития, а на основании субъективных беспочвенных и общих соображений.

Таким образом, новейшая история социалистической мысли открывает эпоху «великих утопий». Во Франции этой эпохе почву подготавливает революция с ее острой постановкой общественной проблемы; в Англии—быстро развившийся новый фабрично-капиталистический строй, также быстро обостряющий социально-экономические противоречия. Но так или иначе, политическая и промышленная революция уже были пережиты. И новая эпоха социалистических исканий отличается в противоположность предыдущему периоду уже не революционными стремлениями, а мирным характером. Плеяда великих утопистов—С.-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн—уже не революционеры в духе Мелье, Бабефа, а мирные исследователи и мечта-

тели, стремящиеся не разрушить и переустроить, а постепенно преобразовать существующий строй.

Но главное значение этой эпохи развития социалистической мысли заключается в том, что она впервые подходит у этих представителей к научному разрешению вопроса. Они могут считаться истинными предшественниками научного социализма и во многих частях его догмы более или менее близко намечают научную его формулировку. Французский «утопический» социализм и в смысле своего социального идеала и разработки его научных проблем оказал весьма существенное влияние на научный социализм Маркса.

ГЕНРИХ СЕН-СИМОН (1760—1826).

На первом месте по научному значению среди французских утопических социалистов следует поставить первого «великого утописта» нового времени графа Генриха де-Рувруа Сен-Симона. Он представляет из себя на редкость красочную и оригинальную фигуру, которую могла создать только Великая революция. Потомок высшей аристократии, ведущий свой род от Карла Великого, С.-Симон получил блестящее воспитание и образование от лучших представителей тогдашней науки во главе с Даламбером и прочими видными французскими учеными эпохи Великой революции. Потомок «рыцарства», он обладал громаднейшим самомнением и вместе с тем экзальтацией. Еще в детстве, как рассказывает его биограф, Сен-Симон велел своему лакею будить себя ежедневно словами: «вставайте, граф, вас ждут великие подвиги!». Первоначально он эти подвиги искал, как подобает своему классу общества, во всевозможных проявлениях военной карьеры. Рано он был назначен в одну из войсковых частей, отправленных в Америку для поддержки восставших против Англии колоний. Затем он делается комендантом крепости Мец и здесь также проявляет себя как крупный деятель в военной области. Революция вносит, однако, резкий переворот в судьбу Сен-Симона — он лишается всего своего состояния. Вместе с тем он увлекается идеями революционными: он отказывается от графского титула и превращается в простого и бедного гражданина. Тем не менее революционная эпоха вместе с возникшей в то время спекуляцией всевозможных видов, привлекла Сен-Симона также и в область финансовых операций. Он занимается скупкой земельной собственности, спекулирует и наживает крупное состояние. Но здесь, вследствие своей наивности и широкой натуры, он вскоре проживает все состояние и вновь превращается в бедняка. В этот период своей жизни, еще до полного и окончательного поворота своей судьбы и разорения, он решил приобрести более широкое образование и устраивает, чередуя с пиршествами, научные диспуты и беседы с видными французскими философами и писателями. Эти пиршества и разгульная жизнь окончательно губят остатки его второго состояния, найжитого путем спекуляции, и он доходит до такой бедности, что поселяется

у своего бывшего лакея в маленькой комнате, получая от него самое жалкое содержание. Здесь Сен-Симон окончательно отказывается от своих прежних стремлений и решает посвятить себя изучению общественно-философских вопросов. Судьба, впрочем, не очень благосклонно продолжает относиться к нему: его последнее прибежище — лакей, который давал ему кров и пропитание, вскоре умирает, и Сен-Симон остается совершенно без всяких средств, влачит совершенно нищенское существование, обращается за помощью и милостыней к совершенно незнакомым лицам, не оставляя все же своих идей

Сен-Симон.

и дум об образовании, о философии и обществоведении. В 1826 г. он умирает на руках некоторых немногочисленных своих последователей, которые поддерживали его дух и материальное благосостояние в последние годы. Они образовали впоследствии ту школу сен-симонистов, которые явились продолжателями и развивателями его идей. Так как сам Сен-Симон оставил сравнительно мало печатных работ, то поэтому — так наз. «система сен-симонизма» в значительной степени является результатом творчества не самого Сен-Симона, а его учеников, и отличается от тех зачаточных идей, которые высказывал сам Сен-Симон.

Главнейшие сочинения Сен-Симона были написаны им еще во времена богатства и уверенности в своих силах. Последние же его сочинения написаны уже в то время, когда он находился в бедности и несколько разочаровался в жизни. Тем не менее, и эти сочинения носят характер полной экзальтации, полной веры в возможность преобразования всего общественного строя на выдвинутых им началах.

Сен-Симон в своих сочинениях является не столько экономистом-социалистом, сколько философом и социологом и только, может быть, на третьем месте экономистом, так что в этом отношении обще-идейное значение Сен-Симона оказывается гораздо более широким, чем влияние других социалистов-утопистов (Фурье, Оуэна), влияние которых ограничивалось более узкой сферой экономической жизни. Насколько велико влияние Сен-Симона как социолога, достаточно сказать, что один из виднейших социологов новейшего

времени, половины XIX века—Огюст Конт является ближайшим учеником и последователем Сен-Симона; все почти сочинения Конта написаны и все идеи выработаны или совместно с Сен-Симоном или непосредственно заимствованы у него. С другой стороны, значение идей Сен-Симона и влияние их на выработку экономических доктрин настолько велико, что, например, все основные идеи марксизма, в роде материалистического понимания истории, учения о классовом составе общества и классовой борьбе и другие, находят себе достаточно полное, хотя и несколько сумбурное, выражение у Сен-Симона.

Первой брошюрой, в которой Сен-Симон выступил со своею проповедью, были его «Письма обитателя города Женевы» (1802 г.). В них он впервые высказывает ту основную идею, которая впоследствии получила у него столь важное значение — именно учение о классовом составе общества, при чем свое учение о классах Сен-Симон, сообразно своему общему социологическому мировоззрению, сводит не исключительно к экономическому моменту, а к двум основным силам, которые он кладет в основу своих социологических построений. Как социолог, Сен-Симон в противоположность Марксу, является не монистом, а дуалистом, т. е. не сводит все к одной силе — материальной, как это делает впоследствии марксизм, а к двум силам: нематериальному фактору — к человеческому знанию и материальному — к экономике. Поэтому, в свое учение о классах и о классовом составе общества Сен-Симон кладет с одной стороны, признак экономический, а с другой — интеллектуальный.

Свои идеи о классовом составе общества, высказанные впервые в весьма туманной и непонятной форме в упомянутой первой брошюре, Сен-Симон продолжает развивать в дальнейших своих сочинениях — «Индустриальная система» (1821), «Катехизис промышленности» и «Новейшее христианство». В них он дает более законченное учение о классах общества, при чем это учение ставит уже в связь с историческим взглядом на общественное развитие. Человечество, говорит в своей «Промышленной системе» Сен-Симон, проходит в своем развитии три основных стадии. Первая стадия характеризуется господством теологии, как основным проявлением человеческого мирозерцания. Вместе с тем, в материальных проявлениях и формах существования структура этого общества характеризуется в эту эпоху господством духовенства в области духовной жизни и военных — в области материальной жизни. Вторая стадия, которую переживает человеческое общество, это стадия метафизическая. В области материальной жизни человеческого общества и форм его существования эта стадия характеризуется господством юристов, а в управлении — господством права — писанного закона. Наконец, третья стадия характеризуется господством точных наук и ученых в области человеческого мышления; в области же практической жизни — развитием промышленности и господством промышленного класса.

учеников и последователей, в особенности Базара и Анфантена. Эти два ближайших ученика Сен-Симона после смерти его сделали изложение его учения в сочинении «Изложение доктрины Сен-Симона», по которому более удобно и ясно, чем по запутанным писаниям самого Сен-Симона, можно изучить сущность его доктрины. Доктрина Сен-Симона, как ее излагают Базар и Анфантен, сводится, прежде всего, к критике идеи частной собственности, т.-е. того института, который является причиной того существования общества, которое представлено в пирамиде,—к массе рабочего класса и незначительному количеству тунеядцев во главе.

Экономист может критиковать частную собственность с двух точек зрения—с точки зрения целесообразности ее для производства богатства и его распределения, или с точки зрения справедливости и полезности ее. Доктрина Сен-Симона, как она представлена Анфантеном, критикует собственность с точки зрения тех экономических и социальных отношений, которые она влечет в современном строе. В этом отношении тот строй, который желают осуществить сен-симонисты, будет резко отличаться от существующего, с его наличием бездельников и тунеядцев. Этот будущий строй называется у Сен-Симона индустриализмом. Лица, способные к труду, будут получать здесь право на труд и вознаграждение соответственно своему труду и своей полезности обществу. При этом Сен-Симон сохраняет принцип частного дохода и принцип вознаграждения по заслугам т.-е. принцип индивидуальной оценки труда даже при общественном характере производства и распределения.

Обращаясь к вопросу о собственности, как она определилась в существующем обществе, Сен-Симон указывает, что основной грех ее в том, что право собственности дает возможность взимать премию с труда других, т.-е. право получать доход не трудясь. Собственность составляется из богатства, которое не служит для непосредственного употребления, и главными формами ее являются земля и капитал. Земля и капитал суть орудия труда, землевладельцы же и капиталисты — только хранители этих орудий, и их функции сводятся к распределению этих орудий между трудящимися, но за это они получают свой доход в виде процента на капитал и ренты. Таким образом, продукт труда должен распределяться не только между рабочими, но, при существовании права собственности на землю и капитал, также и между собственниками земли, в виде ренты на землю, и собственниками капитала, в виде прибыли на капитал. Рабочие же, лишённые орудий производства (собственности), попадают в эксплуатацию другого человека—не трудящегося, собственника орудий производства. Сен-Симон впервые выдвигает идею об «эксплоатации человека человеком», которая впоследствии особенно ярко была выдвинута научным социализмом и марксизмом, где она получила более законченное выражение в виде создания теории прибавочной ценности и присвоения этой прибавочной ценности землевладельцем и капиталистом. Сен-Симон считал, что в бу-

К 7-му
экономическому
принципу
т.е. и а
сен-симониста

дущем «индустриальном» строе в процессе распределения общественного продукта капитал будет получать свою известную долю, потому что прибыль частью зависит не от эксплуатации рабочего, а является платой за труд управления. Конечно, хозяин и управитель могут злоупотреблять этим правом,—и в этом смысле можно сказать, что рабочий эксплуатируется капиталистом, что, по мнению сен-симонистов, в настоящее время является неизбежною необходимостью. В будущем индустриальном строе этого не будет, и нетрудовой доход будут получать лишь те лица, которые будут оказывать общественному производству какие-либо исключительные услуги.

Отводя такое большое значение собственности в современном обществе и смотря на нее как на главнейший недостаток и главнейший источник общественного экономического неравенства, сен-симонисты направляют всю свою главную критику главным образом на частную собственность, указывая, что частная собственность на орудия производства влечет за собою крайнюю неравномерность и нерациональность распределения общественного дохода. Поэтому было бы более желательно передать орудия производства лицам более способным и умелым и распределять самое производство там, где чувствуется в нем наибольшая нужда. Поэтому сен-симонисты особенно сильно критикуют право наследования; оно по их мнению является главнейшим злом, так как закрепляет обладание орудиями производства за отдельными лицами даже при тех условиях, если они не обладают никакими способностями к процессу общественного производства. Поэтому при переустройстве общества прежде всего должно быть сосредоточено внимание на уничтожение права наследования и передаче его государству. Государство делается, по учению сен-симонистов, единственным наследником, который становится постепенно обладателем всех орудий производства, распределяющим их, сообразуясь с общественными интересами.

Особенно подробно и ярко идеи сен-симонистов ими самими были формулированы в кратком адресе, который был отправлен в 1830 году (после смерти Сен-Симона) к президенту Палаты депутатов. «Сен-симонисты—пишут они в этом адресе—отвергают систему общности благ, потому что это было бы нарушением первого из всех моральных законов, который состоит в том, чтобы каждый занимал положение по своим способностям и вознаграждение по своим талантам. Сен-симонисты требуют уничтожения привилегий по рождению... результатом которых является оставление на произвол случая распределения общественных выгод между ограниченным числом лиц и осуждение самого многочисленного класса на невежество и нищету. Они требуют, чтобы все орудия труда—земли и капиталы были соединены в один общественный фонд и чтобы они эксплуатировались—бы ассоциацией так, чтобы трудовая задача каждого была выражением его способностей и его богатство было мерою его дел... Они отвергают собственность постольку, поскольку она представляется привилегией на праздность—на право жить чужим трудом».

Таким образом требования сен-симонистов сводились к уничтожению частной собственности на все орудия производства, передаче их государству, которое должно руководить общественным процессом производства, распределяя работу каждому соответственно его способностям, а вознаграждение и богатство каждого определяя мерою его дел. Таким образом доктрина сен-симонистов является доктриной вообще государственного коллективизма, т.-е. такой организации общественного производства, которая признает идею частного дохода и идею неравномерности вознаграждения за труд и вводит вознаграждение «по заслугам», т.-е. по производительности труда, его целесообразности и важности. У каждого затем сохраняется право свободного распоряжения продуктом этого труда. Орудия же и средства производства сосредоточиваются в коллективной собственности государства.

Сен-симонизм не является, как сказано, доктриной исключительно экономической... Он явился вместе с тем основанием для развития идей социологических. С сен-симонизмом связана известная социологическая система Огюста Конта. Сен-симонизм является вместе с тем и философией истории, так как Сен-Симон и его ученики впервые высказали идею о материалистическом понимании истории. Сен-Симон был одним из первых ученых, который дал в своих сочинениях вполне законченное и блестящее экономическое истолкование причин Великой французской революции. Идея материалистического понимания истории у сен-симонистов не только сводилась к указанному пониманию развития экономического строя, но применялась ими и к пониманию и истолкованию отдельных институтов, например частной собственности. Доктрина Сен-Симона, критикуя учение о частной собственности классической школы, указывает, что самый принцип права частной собственности зависит от исторического развития общества. «Согласно общему предрассудку—говорится там—выходит, что какие бы революции ни происходили, они не отражаются на принципе частной собственности. В действительности, собственность есть социальное явление, подверженное, подобно всем, закону развития и изменения». Следовательно, собственность может быть понимаема и регулируема в разные эпохи различным образом. Действительно, в разные эпохи понимание частной собственности получало разные формы и, можно полагать, в будущем вступит в новую фазу. Вначале, благодаря институту рабства, собственность распространяется на все абсолютно, даже на людей. Затем понимание ее постепенно ограничивается, и право собственности на людей (рабство) исчезает, остается право собственности только на вещи. Право собственности на вещи является вначале таким же абсолютным, но затем выступает общественная власть и указывает те пути, которыми должно итти ограничение этого права собственности. Государство указывает различные направления, в которых право собственности может осуществляться, устанавливает порядок наследования, формулы и границы собственности.

идея
слова
из
с
неверно

Наконец, французская революция вносит дальнейшее изменение условий применения права собственности. Остается после этого сделать один, последний, шаг, именно—обеспечить за рабочими равно право собственности на орудия труда и сделать государство единственным наследником прав собственности на орудия общественного производства. Все общество—а не отдельные лица—будет наследовать накопленные общественные богатства («фонд общественного производства»). Так развивается идея права собственности, превращаясь из абсолютного права собственности (даже на людей) в право собственности на вещи и, наконец, переходя в право собственности всех на эти вещи в лице государства.

Кроме того значения, какое сен-симонизм имел в области социологии и философии истории, он получил еще особенное и, пожалуй, наиболее крикливое проявление в области общественных и религиозных течений. После смерти Сен-Симона школа сен-симонистов организовалась в виде замкнутого общества на подобие иерархической церкви, объединенной общим религиозным учением. Религиозные общины сен-симонистов приобрели вскоре в высшей степени шумное проявление и нелепые формы с уклоном в сторону театральности. Во главе этой религиозной общины или сен-симонистской церкви был поставлен «первосвященник» Анфантен, который стал совершать всевозможные религиозные таинства. В конце концов религиозная община сен-симонистов вызвала судебные преследования правительства и распалась. Но, конечно, по существу, они уже не имели никакого отношения к социалистическим доктринам сен-симонизма.

ШАРЛЬ ФУРЬЕ (1772—1837).

Среди представителей экономической мысли и утопического социализма Ш. Фурье представляет фигуру не менее красочную и оригинальную, чем Сен-Симон, хотя и совершенно другого типа. Малообразованный мелкий приказчик, проведший всю жизнь за прилавком, старый холостяк, живший в бедности где-то на чердаке, Фурье всю жизнь мечтает об общественном преобразовании всего мира, фантазирует о «лимонадных морях», об «анти-китах и антильбах», об увлекательности «страстей», о прелестях совместной жизни и труда в социалистическом строе. Понятно, что такая фигура и такой писатель не могли импонировать современникам, относившимся к Фурье в лучшем случае, как к малообразованному чудаку; не вызывал уважения Фурье и у некоторых историков экономической мысли, видевших в нем простого сумасшедшего человека (Дюринг).

И такое мнение станет отчасти понятным на первый взгляд при чтении сочинений Фурье. Его запутанные и непонятные писания часто наполнены такими нелепостями, которые часто представляются совершенно абсурдными. Его «космогония», т.-е. стремление исследовать не только область экономической жизни, но и вдаваться

в область мироздания, приводила его к таким, например, нелепым, но серьезным утверждениям, что при будущем развитии природы и общества море будет наполнено не соленой водой, а каким-то особым напитком в роде лимонада, что в море будут плавать анти-киты, которые будут помогать человеку, перевозя его с необычайной скоростью через океан; в пустыне будут жить подчиненные человеку ручные анти-львы, на которых будет ездить человек с большими удобствами и скоростью. Точно также и в области экономики Фурье задавался совершенно несбыточными планами, утверждая, например, что колоссальный долг Англии может быть погашен одними яйцами, которые будут получаться в его социалистической фаланстере. По способу изложения и терминологии Фурье наполняет свои произведения каббалистическими выражениями, которые настолько затемняют смысл его учения, что часто делали его посмешищем среди остроумных современников французов. Все это и вызвало к Фурье совершенно отрицательное отношение, как к сумасшедшему, а к его писаниям—как к бреду, который не имеет за собою никакого научного значения.

Тем не менее, несмотря на каббалистику и непонятную терминологию, в творениях Фурье заключаются такие глубокие мысли и идеи, которые по праву должны дать ему место среди крупнейших представителей экономической мысли. Насколько велико значение Фурье в области экономической мысли и экономич-

еской жизни, достаточно лишь сказать, что Фурье со своими фаланстерами и своею идеею производительных ассоциаций может считаться отцом производительной кооперации, которая в настоящее время является еще не вполне достигнутым венцом кооперативного движения. Достаточно сказать, что в области системы воспитания, которую проводит Фурье в своих фаланстерах, он является отцом той системы, которая в настоящее время известна под именем так называемой фребелевской. Фурье является также отцом того движения, которое получило в современной жизни значительное распространение в виде устройства так называемых городов-садов. Достаточно указать уже на эти явления

III. Фурье.

новейшей экономической жизни, которых Фурье был провозвестником, чтобы сказать, что он был не только сумасшедшим, но и мыслителем, который за много лет вперед предвидел возможность осуществления идей, которые только в настоящее время начинают осуществляться.

Но и помимо такой ценности идей Фурье для практической жизни, у него имеются гениальные научные подходы в вопросах экономической теории как в смысле критического анализа, так и в смысле создания положительной экономической системы. Во многих случаях—и в критической части и в положительных идеях—мы встретим у Фурье идеи, которые впоследствии нашли законченное выражение в научном социализме.

В основу построения своей системы Фурье кладет прежде всего критику современного экономического строя, но связывает ее с своей космогонией и с идеями общего мирового характера. По мнению Фурье, человек создан для счастья, и устройство всей его жизни должно быть направлено к тому, чтобы по возможности дать ему всю полноту этого счастья, как душевного, так и телесного. Это счастье должно заключаться в гармонии между умом и телом, интеллектуальным и телесным существованием. Поэтому, в противоположность другим представителям утопического социализма и коммунизма, которые стремились к подавлению страстей и ограничению своих потребностей, Фурье, наоборот, исходит из того, что все страсти должны быть удовлетворяемы. При этом, удовлетворение всех человеческих страстей и развитие всех стремлений, как интеллекта, так и тела, не может быть достигнуто без соответствующей материальной обстановки. Следовательно, в создании материальной обстановки, в создании богатства должен заключаться первый шаг для удовлетворения всех страстей человека и гармонии как ума, так и тела.

Что же сделано цивилизацией и современным строем для такого всестороннего и полного удовлетворения человеческих потребностей интеллекта и тела? По мнению Фурье, цивилизация не только не делает ничего для полноты такого человеческого развития, но, наоборот, она построена так, что страсти человека не могут быть удовлетворяемы, и гармония интеллекта и тела—морального и телесного развития—не может быть достигнута. Недостатки цивилизации, которые перечисляет Фурье сводятся прежде всего к неправильности организации всего производительного процесса и к неправильному распределению материального богатства, как источника счастья для человека. Фурье указывает на непроизводительную растрату труда—на существование массы непроизводительных классов и непроизводительных видов труда. Таков, например, труд женщины в мелком домашнем хозяйстве, тогда как потребности домашнего хозяйства могли бы удовлетворяться совместно в более крупных производительных центрах. В современном обществе имеется, по мнению Фурье, масса непроизводительных членов общества—военных, чиновников, «софистов и болтунов», ничего не делающих—масса лиц, за-

нятых постоянной борьбой с преступным элементом, который дошел до такого состояния, по мнению Фурье, не вследствие морально присущих им качеств, а как результат социальной организации. Таким образом, первый плод цивилизации—это непроизводительная затрата труда.

Другая неправильность и невыгодная черта в организации производственного процесса в современном обществе заключается в пространности мелкого хозяйства и мелкого производства как в области торговли, так и в производстве продуктов потребления. Фурье указывает на массу мелких парцелярных хозяйств, на которые разбито крестьянское хозяйство во Франции, когда каждый имеет небольшой участок земли, огораживает его забором или рвом и непроизводительно растрчивает на это свои силы. Если объединить все эти мелкие хозяйства в одно, то все процессы производства были бы гораздо выгоднее, так как можно было бы улучшить производство и избежать массы непроизводительных расходов.

Далее Фурье обращает внимание на отсутствие привлекательности труда в современном обществе. Труд в современном обществе представляется как нечто отталкивающее: мы трудимся не потому, что труд привлекает к себе, а вследствие крайней необходимости—только для того, чтобы получить пропитание. Между тем, по существу, труд должен привлекать, как здоровая трата нашей трудовой энергии. Поэтому целью будущего устройства общества должна явиться такая организация труда, чтобы труд не возбуждал отвращения, а был забавой и удовольствием, доставлял развлечение и наслаждение.

Таким образом, в результате всей своей критической части, Фурье приходит к заключению, что труд в современном обществе организован неправильно и в современной жизни нет гармонии. Фурье приходит к необходимости выяснить такой строй общества, где бы гармонически объединены были все отрасли труда и все процессы производства.

Приступая к положительной части своего учения, Фурье вместе с тем дает интересный исторический взгляд на развитие систем народного хозяйства, как на закономерное развитие в целях достижения гармонического состояния общества. По мнению Фурье, история общественного развития может быть разделена на отдельные стадии и периоды: детства, зрелости и старости. В настоящее время мы находимся лишь в первой стадии, т.-е. переживаем стадию детства и начала развития, при чем эту стадию детства Фурье подразделяет на семь периодов.

Первым периодом в истории социального развития человечества является эвдемонизм или райское существование, когда человечество жило в природном состоянии, когда благ природы и продуктов ее было достаточно для потребления, никто не нуждался в каком-либо усиленном труде, не было никакой конкуренции, никакой вражды между отдельными лицами при получении благ. Впоследствии, благо-

даря увеличению населения и уменьшению количества продуктов, предоставляемых человеку природой, человечество переходит к периоду войн, борьбы за существование оружием, периоду дикости. За ним следуют периоды: патриархата или варварства, когда появляется земледелие, изобретается главное орудие его—плуг, человечество приобретает оседлость, постепенно складываются классы общества.

Дальнейший после этого период Фурье называет периодом цивилизации, в котором, как он считает, и находится современное человечество. Этот период цивилизации характеризуется тем, что здесь процессы производства поставлены уже несколько более рационально и научно, чем в периоде варварства и дикости. Но тем не менее в этом периоде обострение борьбы за существование сказывается еще более сильно, чем в предшествующих периодах.

Цивилизация, по мнению Фурье, не есть конечная стадия развития человечества, а промежуточная, ведущая к следующему периоду гарантизма, а затем к периоду ассоциации, т.-е. такому общественному строю, где все процессы производства будут ассоциированы, урегулированы и будут находиться в гармонии между собой. Здесь Фурье дает блестящий анализ современной ему эпохи цивилизации, подмечая весьма тонко те черты существующего общества, которыми характеризуется развитие капитализма, с его стремлением к концентрации капитала, к увеличению размеров предприятий и к поглощению крупными предприятиями предприятий мелких. Вследствие этого период цивилизации не может еще достигнуть гармонии общественных интересов, так как весь процесс производства является неурегулированным.

Второй стадией перехода к ассоциации производства служит период «гарантизма», когда общественная власть начинает стремиться урегулировать процесс производства хотя бы частично путем законодательства (например, законодательство о труде, о распределении общественных продуктов и проч.). В этом отношении Фурье не только дает анализ и критику современных ему условий начала капиталистической эпохи, но замечательно, что он в сущности предвидит именно ту эпоху, которая наступила в наше время, в 70—80 годах прошлого столетия и характеризуется широким развитием социального законодательства, когда государство, как предвидит Фурье по отношению к своему периоду «гарантизма», решительно вмешивается в отношения между трудом и капиталом с целью эти отношения регулировать.

Конечной целью изучения общественного строя для Фурье является построение нового экономического быта, который должен наступить уже после периода «гарантизма». В этом новом периоде ассоциированного производства все общественные интересы и процессы будут находиться в гармоническом соотношении друг с другом. Этот новый строй рисуется Фурье как производительная ассоциация, т.-е. как производительная община, соединяющая в себе все производитель-

ные процессы в одной ячейке. Фурье останавливается в высшей степени подробно и любовно на описании создаваемой им общины («фаланстеры»), описывая с мельчайшими деталями всю внутреннюю жизнь ее и устройство.

В противоположность общинам, проектированным Кабе и Оуэном, община Фурье является не коммунистической общиной. В ней сохраняется частная собственность на продукты потребления и частное распоряжение своим доходом. В фаланстерах Фурье уничтожается только собственность на орудия и средства производства. Самый процесс производства покоится на общинном начале. Так как фаланстера представляет довольно крупную производительную ячейку (400 семей, т.-е. до $1\frac{1}{2}$ тыс. человек), мелкое хозяйство уничтожается. Таким образом, общины представляют крупные производительные ассоциации, в которых все производится сообща путем применения в качестве орудий производства машин, находящихся в собственности всей общины.

Что касается потребления и доходов от этого совместного производства, то распоряжение частным доходом всецело предоставляется отдельным лицам. Каждый получает и потребляет те продукты, какие хочет, без ограничения и вмешательства общины в процесс потребления. Но тем не менее Фурье не отказывается и от начала совместного потребления, говоря в своем описании фаланстеры, что несмотря на то, что каждый имеет право жить в собственном помещении и готовить свою пищу самостоятельно, тем не менее все члены общины—фаланги придут к заключению, что совместное потребление представляет гораздо больше выгоды, чем потребление отдельное, и все будут пользоваться не отдельными помещениями, кухнями и столовыми, а общей кухней и столовой и вести совместное питание.

Самый процесс производства урегулирован и организован в фаланстерах также оригинально. Фурье предоставляет значительную долю инициативы отдельным лицам, и за эту инициативу («таланты») эти лица получают вместе с тем особое вознаграждение. Все доходы от производительной деятельности общины делятся таким образом: $\frac{5}{12}$ —на вознаграждение труда, $\frac{4}{12}$ —на вознаграждение капитала и $\frac{3}{12}$ —на вознаграждение таланту и инициативе. Таланту, самостоятельности Фурье отводит обширное место в своих фаланстерах, предоставляя каждому члену свободу выбора занятий, свободу применять свои таланты в областях труда и производства, в каких пожелает. Только пользование орудиями производства ведется совместно.

Описывая весьма подробно устройство своей фаланстеры (это описание, конечно, не имеет никакого научного значения), Фурье считал возможным осуществление своих производительных ассоциаций в настоящее время. Впрочем, главным препятствием для осуществления этого преобразования он считал только недостаток материальных средств и потому долгое время ждал «миллионера», кото-

рый дал бы ему миллион для того, чтобы доказать возможность устройства мира на новых началах. Конечно, миллионер не приходил и никто не давал Фурье миллиона. Тем не менее, вера Фурье в правоту своей идеи и в возможность переустройства общества на новых началах не оставляла его.

Однако, вера Фурье заразила, если не миллионеров, то широкие слои общества и иногда даже состоятельных лиц. Хотя Фурье и не дождался миллионера, который бы дал ему миллион для осуществления его мечты, тем не менее все же идея создания кооперативных производительных общин не заглохла, а нашла себе попытку осуществления как в Америке, так и в Европе. В этом отношении Фурье является даже более счастливым, чем другие утописты, так как еще при жизни ему удалось видеть довольно удачную попытку осуществления его идеи. Фурье еще при жизни приобрел себе массу сторонников и среди них одного довольно состоятельного человека — Годена, фабриканта, который, увлекшись идеею устройства производительных ассоциаций, решил предоставить свою довольно большую фабрику для осуществления там производительной кооперации. Фабрика Годена была, конечно, далека от точного осуществления фаланстеры по образцу, начертанному Фурье. Тем не менее, она все же дала толчок и начало определенному общественному движению, которое впоследствии получило довольно широкое значение, именно в виде производительной кооперации и привлечения рабочих в качестве пайщиков, организаторов и хозяев производительного кооперативного предприятия. Годен преобразовал свою фабрику на началах, подобных акционерному обществу, так что отдельный рабочий как участник вместе с тем был заинтересован в успехе предприятия. Фабрика Годена существует до сих пор и пользуется большим успехом, являясь памятником идеи Фурье в области реальной экономической жизни. Но и помимо этой попытки практического осуществления, идеи Фурье сыграли колоссальную роль, в особенности во время французской революции, когда фурьеризм являлся одним из самых модных социалистических увлечений и сыграл громадную роль в делах развития идей французской революции.

Кроме осуществления идей Фурье Годеном во Франции, более значительные и интересные попытки были сделаны в Америке. Здесь проповедником и пропагандистом идей Фурье явился, главным образом, его последователь Брисбейн, которому в 40-х годах удалось сорганизовать ряд фурьеристских общин. Все они были устроены по типу и по основным принципам фаланстер, несколько лишь меньших размеров. Наиболее прочными и удачными оказались Брукская ферма, существовавшая 6 лет, Северо-американская фаланстера (12 лет), Нортгамптонская ассоциация (4 года) и Висконсинская фаланстера (6 лет). Несмотря на некоторый, более или менее значительный, хозяйственный успех, все эти ассоциации довольно скоро распались. В лучшем случае они могли достигнуть удовлетворительного хозяйственного положения фаланстеры и, следовательно, и участников, но и это не всегда бы-

вало. Часто оказывалось, что фаланстеры, имея в своей среде много образованных, интеллигентных и идейных людей, не имели, однако, людей, годных для физического труда и тяжелых работ. Хотя труд, таланты, инициатива и оплачивались по правилам Фурье, тем не менее труд все же не был так «приятен», каким предполагался он в фаланстерах Фурье. Но чем выше и идейнее был состав участников фаланстер, тем меньше, конечно, они могли удовлетворяться тем материальным благосостоянием, которое они получали в фаланстерах. Дело шло, конечно, не только об этом благосостоянии. Его они могли легко достичь и другими путями. Главной задачей представлялось распространение идеи ассоциации и завоевание ею капиталистического мира, а этого-то именно фаланстеры и не достигали. Они должны были бороться с окружающей их капиталистической стихией, а мечты о завоевании ее приходилось откладывать все более на отдаленный срок. Это обстоятельство и явилось причиной того, что общины распадалась часто даже не из-за хозяйственных неудач, а по добровольному соглашению участников.

Значение Фурье и фурьеризма, конечно, не в этих заранее обреченных на неудачу попытках. В отношении организации социалистического общества Фурье делает даже шаг назад сравнительно со старыми социалистами-утопистами, в частности Моором, отказываясь от государственного масштаба социализма и низводя его до общинного. Но главное научное значение Фурье в развитии экономической мысли—его, правда неумелый, историцизм, его критика капиталистического общества, его попытки установить закономерность общественного развития—все те идеи, которые в дальнейшем стали базой развития научного социализма.

РОБЕРТ ОУЭН (1771—1858).

Третьим представителем так называемых «великих утопистов» на-ряду с Сен-Симоном и Фурье был англичанин Роберт Оуэн. Роберт Оуэн происходил из среды простого народа. Он был сыном бедного ремесленника, но дальнейшая судьба его сложилась гораздо более блестяще и более благоприятно, чем таких неудачников, как Фурье. Еще в ранней молодости Р. Оуэн, вследствие успешности своего маленького промышленного предприятия, разжился и 18-ти лет уже имел довольно благоустроенную фабрику, в которой были применены некоторые усовершенствованные орудия производства в виде так наз. мюльных (прядельных) машин, только что тогда изобретенных, вследствие чего фабрика его пошла в ход и вскоре превратила Оуэна в крупного капиталиста. Уже 26-ти лет он становится одним из крупных фабрикантов Англии и вместе с компаньоном приобретает в Нью-Ланарке крупную фабрику, где начинает свои первые опыты в области социальных реформ.

Здесь, как предприниматель, Оуэн имел возможность познакомиться со всеми ужасами фабричной системы, от которых страдала

тогда Англия. Так, он встретился здесь с крайним развитием детского труда, который практиковался начиная с 5—6 летнего возраста, что сказывалось крайне неблагоприятно на физическом росте и здоровьи населения. Преступность была чрезвычайно развита и среди взрослых и среди детей.

Чтобы уничтожить такие бедствия и ужасы капиталистического производства, Р. Оуэн прежде всего обращает внимание на улучшение условий труда и сокращает рабочий день до нормы гораздо более низкой. Он обращает внимание на необходимость уменьшения применения детского труда и ограничивает его определенными нор-

Р. Оуэн.

мами, вводит обязательное посещение школы детьми среди фабричной работы, на что выделяются особые часы. В результате кратковременной своей деятельности в этой области Р. Оуэн достиг весьма крупных результатов. Фабрика его быстро меняет свой облик сравнительно с другими фабриками в этой местности. Этой своей деятельностью Р. Оуэн приобретает всемирную известность и славу крупного реформатора и благотворителя. Фабрика его становится местом паломничества для многих экономистов, публицистов и людей, интересующихся общественной жизнью, и даже для знатных лиц, которые посещают его фабрику с целью видеть реформы Оуэна.

В своей реформаторской деятельности Р. Оуэн не остановился, однако, лишь на благотворительности, но пошел далее. Изучая условия жизни рабочего класса, знакомясь с экономическими трудами ученых и проектами социалистов, Р. Оуэн стал увлекаться более широкими целями не только улучшить общее положение труда на фабрике, но и уничтожить коренные причины имущественного неравенства и возникновения бедности. В своем труде «Новый взгляд на общество или опыт о принципах образования человеческого характера» (1813—16 г.г.) Р. Оуэн высказывает впервые целый ряд новых мыслей, которые в дальнейшем были положены им в основу его реформаторской деятельности. В этом своем труде Р. Оуэн высказывает ту основную мысль, что образование человеческого характера зависит не от самого человека, а от внешних социально-эко-

мических условий, и что человек не может считаться ответственным ни за свои достоинства, ни за свои недостатки, так как он почерпает их из той среды, в которой живет и которая его воспитывает. Поэтому для того, чтобы устранить те или иные недостатки человеческого характера и организма и повысить интеллектуальную и моральную жизнь человечества, необходимо изменить общественные условия.

От кого же зависит изменение этих общественных условий и каким образом можно их изменить? Р. Оуэн прежде всего приходит к заключению, что изменение их зависит от руководящих классов общества, от управителей общества. Исходя из такого взгляда, Р. Оуэн начинает вести оригинальную агитацию среди высших представителей тогдашней Европы, предлагая им целый ряд социальных реформ и переустройство общества с целью улучшить условия существования и уничтожить контрасты богатства и бедности. Нужно иметь в виду, что Европа в то время переживала политическую реакцию в связи с победными войнами, которые вели тогда континентальные страны Европы против Наполеона. «Священный Союз», который объединил руководящие страны Европы, и был тем высшим политическим центром, к которому направил свои воззвания Р. Оуэн. Понятно, что здесь он не мог найти себе никакого отклика, и конечно с его стороны было большой идеализацией обращаться к представителям Священного Сюза с призывом улучшить положение рабочих и уничтожить контраст бедности и богатства. Поэтому его воззвания и адреса, с которыми он обращался к правителям Европы, не имели никакого результата и подвергались прямым насмешкам. Однако энергия его этим не была подорвана, и он продолжал стремиться воздействовать тем или иным путем на законодательство и общественное мнение и добиться изменения условий существования рабочего класса. Отчасти, впрочем, это ему удавалось. Под его непосредственным влиянием было заложено рабочее законодательство Англии, которая с 1817 года приступила к регулированию условий детского и женского труда и ввела так, называемый, «билль о детском труде». В этом отношении Р. Оуэн сыграл крупную роль.

Постепенно Р. Оуэн стал все далее и далее отходить от задач социального благотворителя и входить в роль крупного реформатора всего общественного строя, вначале еще не социалиста, но потом все более приближаясь к социализму. После неудачной попытки обращения к правящим классам, он приходит к мысли о необходимости создания коммунистических общин из мелких производителей. По его мнению, все общественное производство должно быть разделено на отдельные мелкие ячейки, отдельные мелкие общины, которые он называл кооперациями. Эти общины представляют из себя полугрунтоземельские, полупромышленные общины, как отдельные производительные единицы самодовлеющего характера, которые все процессы производства заключают в самих себе, т.-е. все нужды свои удовлетворяют собственным же производством. Все хозяйство

в таких общинах должно быть общее и должно представлять из себя более или менее крупную производительную единицу. Вместе с тем весь продукт, получаемый в общине, поступает в общее пользование и распределяется на равных для всех основаниях. В общинах сохраняется еще семейный строй, и семьи живут в отдельных домах, хотя, по мнению Р. Оуэна, для многих семей будет более выгодно жить в общих квартирах, в более крупных помещениях, так что постепенно в них должен установиться чисто коммунистический строй. Все продукты потребления предоставляются общиной. Питание происходит совместно путем устройства общих кухонь. Ведению общины принадлежит также воспитание и образование, общее и совместное для обоих полов.

Подобная организация общин, как крупных производительных и потребительных ячеек, должна, по мнению Р. Оуэна, всецело поглотить частный капитал вследствие тех выгод, какие должно представлять такое совместное, общее хозяйство. Поэтому Р. Оуэн считал, что для уничтожения ненормальных условий существования рабочих в современном строе и всех контрастов богатства и бедности, необходимо заняться насаждением таких «кооперативных общин», так как подобные общины вследствие их экономических выгод постепенно вытеснят весь частно-хозяйственный строй и все частное производство.

Выставляя свои предположения о преобразовании общества путем насаждения кооперативных общин, Р. Оуэн не ограничился лишь просто усиленной пропагандой идеи коммунистических общин, но и стал стремиться сделать попытку осуществить подобные общины. Еще в 1824 году, будучи уже довольно крупным капиталистом, он приобретает в Америке за 250 тысяч руб. одно благоустроенное имение («Нью-Гармонию»), куда и приглашает поселенцев для устройства там кооперативной общины. Кооперативная община Р. Оуэна вызвала первоначально среди некоторых кругов большое увлечение в особенности вследствие того, что Р. Оуэн сам затратил довольно значительный капитал на устройство этой своей общины. Обращение Р. Оуэна с призывом ко всем желающим поселиться на коммунистических началах в его имении было весьма успешно. Желающих поселиться было так много, что первоначально возникли трудности в размещении там всех приехавших. После устройства первой общины в 1827 г. через 3 года, вследствие обилия желающих, было устроено 20 кооперативных общин по тому же образцу, придерживающихся принципов коммунистических общин. Несмотря, однако, на такой первоначальный успех в устройстве общин, вскоре обнаружилось разного рода неурядицы. Так, прежде всего, оказалось, что в общинах, которые должны привлекать к себе людей самых разнообразных профессий (так как общины сами должны вырабатывать все продукты, необходимые для потребления), состав был довольно однообразный: сюда шли лица, может быть, идеально настроенные и заинтересованные коммунистической общиной, но часто не обла-

давшие никакими профессиональными знаниями и для общины бесполезные. С другой стороны, обнаружилась разница между различными слоями общины, какие наметились там—интеллигенцией и простыми рабочими. Вследствие этого осуществить то полное коммунистическое равенство, которое предполагал Р. Оуэн, не удалось. Поэтому вскоре после быстрого успеха оуэновских общин в С. Америке, их постиг крах. В 1828 г. большинство общин Оуэном были распущены, и, таким образом, опыт этот длился всего пять лет. Имение Нью-Гармония было передано участникам общины уже на началах обычной частной собственности.

Тем не менее, несмотря на такое крушение своей попытки осуществления коммунистических начал, Р. Оуэн не оставил своей кипучей деятельности, имевшей целью улучшение положения рабочего класса и изыскание новых путей для общественного преобразования. После того, как он пришел к заключению о невозможности при настоящих условиях устройства коммунистических общин, он останавливается на другой идее, с помощью которой стремится уничтожить бедность и имущественное неравенство.

Рассматривая условия существования тогдашнего капиталистического хозяйства и те потрясения, которые переживало оно вследствие часто повторяющихся кризисов перепроизводства, Р. Оуэн приходит к заключению, что главную болезнью капиталистического производства является переполнение рынка товарами при невозможности полного и правильного распределения и потребления этих товаров. Это он объяснял тем, что у населения не имеется достаточных покупательных средств для приобретения товаров и товары с развитием производства не находят себе потребителей. Чтобы избежать этих болезненных кризисов перепроизводства и увеличить размеры потребления, необходимо поднять покупательную способность населения. Каким же образом это возможно? Так как главным покупательным средством являются деньги, которыми не обладают рабочие, являющиеся, однако, главными производителями ценностей для рынка, то, по мнению Р. Оуэна, для устранения перепроизводства необходимо уничтожить это основное зло—деньги.

Таким образом, Р. Оуэн приходит к мысли о необходимости создания «рабочих бирж», т. е. таких учреждений, в которых были бы сосредоточены все процессы обмена продуктов отдельных производств между собою, без посредства денег. Каждый производитель, каждая община может приносить в эти рабочие биржи продукты своего труда и своего производства и получать с рабочих бирж те предметы, которые им необходимы, как потребителям, меняя таким образом продукты своего производства на продукты чужого труда. Увлеченный этой идеей, Р. Оуэн стал стремиться осуществить ее и, обладая значительными средствами, особенно после ликвидации своей попытки устройства коммунистической общины в Америке, сделал попытку устройства таких рабочих бирж. Но его рабочие биржи просущество-

вали два года, а затем их постиг такой же крах, как и американские кооперативные коммунистические его общины.

Причина этой неудачи Оуэна заключалась в той основной его ошибке, что он считал источником всего зла деньги, как орудие обмена, между тем как ясно, что все зло не в деньгах, как орудиях обмена, а в самом неурегулированном процессе производства, который оставался и при рабочих биржах Оуэна, так как и при существовании их каждый производил без соображения с общественными потребностями, стихийно. Поэтому, принося продукты свои на биржу, мелкий производитель часто не мог сбыть их, не найдя потребителя. Рабочие биржи стали переполняться продуктами, на которые не было спроса. Рабочие биржи вследствие этого быстро потерпели крах и были закрыты Р. Оуэном.

Тем не менее и эта неудача и явная ошибка Оуэна не остановила его. В поисках за новыми путями преобразования общества и уничтожения бедствий рабочего класса, придя к заключению, что устройство «кооперативных общин» при современных условиях недостижимо и что общины не могут выдержать конкуренции капиталистического производства, Р. Оуэн пошел по другому пути и здесь наткнулся на одну мысль, которая стала важнейшей его заслугой как реального экономического деятеля. Придя к заключению, что устройство коммунистических общин из лиц, не обладающих капиталом, простых рабочих, бедняков, невозможно, потому что они не могут организовать свои производительные ассоциации на рациональных началах и в таких крупных размерах, чтобы вытеснить частное капиталистическое производство, Р. Оуэн обратил внимание на то, что, не представляя из себя крупной самостоятельной силы, как производители, рабочие могут представлять из себя крупную силу, как потребители. Отсюда он пришел к заключению, что рабочих нужно объединять не на почве создания кооперативных производительных общин, а на почве обществ потребителей. Таким образом Оуэн пришел к идее образования потребительных общин, как таких ячеек, которые могут объединять наименее состоятельные слои населения—с целью объединения их в процессе потребления. Но, по мнению Оуэна, этим дело не должно ограничиться, так как потребительские общества должны явиться впоследствии толчком для объединения потребителей и в области производства. Ясно, что объединившись сначала в крупные потребительские единицы, рабочие могут затем начать обслуживать свои потребительские нужды путем устройства совместных производительных кооперативных общин. Эта идея, к которой Р. Оуэн пришел лишь к концу своей жизни и которую он сам оценивал не так высоко, как идею кооперативных производительных общин, явилась, однако, той идеей, которая впоследствии уже много позже выросла в широкое движение потребительской кооперации, охватывающее многие миллионы рабочих и представляющее из себя крупное социально-экономическое явление.

Таковы основные идеи Оуэна и важнейшие попытки его реформаторской деятельности по переустройству современного общества. Р. Оуэн, как социалист, является представителем так наз. «федералистического коммунизма», т.е. предполагает устройство общества на началах федералистических производительных ассоциаций и общин, при чем в этих общинах как все процессы производства, так и потребления объединены и организованы на коммунистических началах. Совокупность федераций общин объединяется в процессе обмена центральными органами, которые Р. Оуэну представлялись в виде рабочих бирж.

Каково же значение в истории экономической мысли и в развитии социалистических идей этих «великих утопистов»? Это значение их хорошо обрисовано Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте». «Авторы этих систем, говорят Маркс и Энгельс, прекрасно сознают существование антагонизма классов, а также элементов разложения внутри современного общества, но они не видят со стороны пролетариата никакой исторической самостоятельности, они не замечают присущего ему политического движения. Так как развитие антагонизма классов идет рука об руку с развитием промышленности, то они не могли видеть материальных условий освобождения пролетариата и бросились в поиски социальной науки, социальных законов, которые могли бы им создать эти условия. Общественная самостоятельность должна была таким образом уступить место деятельности их собственной изобретательности, исторические условия эмансипации—условиям фантастическим, постепенно развивающаяся организация пролетариата в класс—организации общества, сшитой из разных лоскутов ими самими. Будущая история человечества сводится для них к пропаганде и к практическому осуществлению их проектов общественного устройства.

Правда, занимаясь изобретением своих планов, они все же сознавали, что защищают прежде всего интересы рабочего класса, так как это класс наиболее страдающий. Вообще они видят в рабочем классе только класс, наиболее страдающий. Однако же, вследствие неразвитой классовой борьбы, а также вследствие своего собственного социального положения, они считают, что сами стоят выше всякого антагонизма классов. Они желают улучшения материальных условий жизни для всех членов общества, даже для самых привилегированных. Поэтому они неустанно зывают ко всему обществу безразлично, даже более того, они предпочитают обращаться к правящему классу. В самом деле, разве не довольно понять их систему, чтобы признать в ней наилучший из всех возможных планов, наилучшее из всех возможных обществ?

Поэтому, они отвергают всякую политическую деятельность, особенно же деятельность революционную, они стараются достичь своих целей мирными путями и пытаются расчистить дорогу новому социальному евангелию силою примера, прибегая для этого к скромным экспериментам, заранее осужденным на неудачу.

«Фантастическая картина будущего общества, нарисованная в то время, когда пролетариат еще недостаточно развит и видит свое собственное положение в фантастическом свете—эта картина соответствует первоначальному, инстинктивным порывам рабочих к полному преобразованию общественного строя.

«Но социалистические и коммунистические произведения заключают в себе также элементы критики. Они нападают на существующее общество в самых его основах. Поэтому в свое время они дали весьма ценный материал для пробуждения сознания рабочих. Их положительные предположения относительно будущего общества,—каковы: уничтожение различия между городом и деревней, уничтожение семьи, частной собственности, наемного труда, провозглашение социальной гармонии и превращение государства в простой административный механизм для заведывания производством—все эти положения указывают только на желание уничтожить антагонизм классов, антагонизм, который тогда только начинал развиваться, так что изобретатели систем были знакомы только с его первоначальными, неясными и неопределенными формами. Таким образом, их положение—чисто утопические по своему смыслу».

Литература. Кроме указанных выше общих сочинений:—Волгин, Очерки по истории социализма, 1923.—Морелли, Кодекс природы, пер. Волгина 1922.—Новицкий, Бабеф.—Буонароти, История заговора равных, 1923.—Поль Луи, История социализма во Франции.—Сен-Симон, Собрание сочинений, пер. под ред. Святловского, 1923.—«Изложение учения Сено Симона», под ред. Волгина, 1923.—Иванов, Сен-Симон и сен-симонизм, М. 1901.—Ш. Фурье, Избранные сочинения, с ст. Жиды, М. 1918.—Воловцов, Фурье. Опыт критического обзора учения. «Русская Мысль», 1892.—Бебель, Шарль, Фурье, СПб. 1900.—Оуэн, Об образовании человеческого характера, СПб. 1893.—Доллеан, Р. Оуэн, в библи. «Просвещения» М. 1906.—Либкнехт, Р. Оуэн, СПб. 1896.—Свентковский, История Утопии. М. 1910.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Начало рабочего движения и социализм первой половины XIX в.

Великая французская революция дала богатое наследство не только для буржуазного переустройства общества. На почве ее идей и поставленных ею вопросов вырос и новейший утопический социализм в лице его трех «великих утопистов». При отсутствии ярко обособившихся классовых интересов пролетариата в тогдашнем обществе и при невозможности поэтому обосновать на них свои идеологические предпосылки социалистического переустройства общества, эти социалисты-утописты оставались в сущности без твердой почвы в своих общественных планах. Они вытекали у них не из требований реальной жизни, не из требований и стремлений общественных групп и классов, а представлялись для них тем «открытием», которое делает гениальный мыслитель и которым благодарное общество может и должно воспользоваться для собственного блага. И если для этих социалистов-утопистов и фантазеров был совершенно ясен вопрос «для чего» нужен их социализм—для высшего блага всех и каждого в отдельности—то им самим очень смутно представлялось — «почему» он должен наступить. Правда, и у Сен-Симона, и у Фурье имеются попытки связать неизбежность социалистического переустройства общества с историческими законами общественного развития, но в этих исторических изысканиях их слишком много метафизики, каббалистики, чтобы они были научно обоснованными.

Вот почему социализм «великих утопистов» носил в сущности индивидуалистический характер, т.-е. не был идеологическим выражением классовых интересов и устремлений масс, а плодом их собственной чисто мыслительной деятельности. Вот почему этот социализм и самые его представители стояли в стороне от революционных движений и вообще от масс.

А между тем в условиях общественной и экономической жизни Европы того времени уже начинали назревать события и течения, ставившие во весь рост практическую проблему социального вопроса. В Зап. Европе после «промышленной революции» конца XVIII в. и после того, как изжиты были наполеоновские войны, уже в ясных очертаниях создавался, с одной стороны, класс промышленной бур-

жуазии, с другой—промышленного пролетариата. Только что выступавший на общественную арену промышленный капитализм тотчас же стал проявлять себя периодическими кризисами, приносившими для другой стороны, для пролетариата, все бедствия безработицы.

На этой почве с первых же десятилетий XIX в. в Зап. Европе, в особенности в Англии, начинает возникать впервые рабочее движение. Правда, оно еще не носит характера осознанного классового движения. Ни рабочие, ни их вожаки не могли понять сущности происшедших социальных сдвигов и перемен, наивно считая главным своим врагом и причиной бедствий машину, ту машину, которая сразу выбрасывала сотни и тысячи ставших лишними рабочих. Так возникло в Англии крупное и бурное движение так наз. «леддитов», рабочих—«разрушителей машин», по имени их предводителя Ледда. Стихийное и бессмысленное движение это могло обусловливаться только несознательностью рабочих и запрещением закона рабочих организаций, которые могли-бы урегулировать эти движения.

Однако рабочие были не одни в общественной борьбе. Новой промышленной буржуазии также приходилось еще завоевывать свои позиции в ее борьбе с земельной знатью. Чтобы приобрести себе союзников, буржуазия должна была идти на уступки и провести в 1824 году через парламент отмену закона, запрещавшего образование рабочих союзов. Вслед за тем, пользуясь теми же рабочими и угрожая даже рабочими восстаниями, английская буржуазия проводит в 1832 г. закон об избирательной реформе, укрепляющий положение буржуазии, как господствующего политически класса. Это было «безкровное» завоевание буржуазией своего политического господства.

То, что в Англии совершилось, таким образом, без революционного взрыва, во Франции потребовало революционного переворота. Англия в начале XIX в. стояла в стороне от общественно-политической реакции, охватившей всю Европу и особенно Францию после низложения Наполеона и с реставрацией Бурбонов. Не считаясь с «завоеваниями» Великой революции и с тем, что буржуазия уже прочно усвоила из нее, Людовик XVIII стал проводить определенную дворянскую реакционную политику, преследуя свободу веры, печать, запрещая общественные организации и т. п. Общественное движение чисто буржуазно-политического характера сначала стало концентрироваться вокруг парламентской борьбы при выборах 1830 г., а затем, с помощью рабочих, вылилось в июльскую революцию 1830 г.

Июльская революция, совершенная в три дня руками рабочих, не внесла, однако, никакого изменения в социальное положение рабочих и была использована всецело в интересах буржуазии. Свергнув в июльские дни руками рабочих Бурбонов, буржуазия завоевала себе политическую диктатуру, посадив на королевский трон своего ставленника, «буржуазного короля» Луи-Филиппа.

Таким образом почти в один год (1830—32 г.г.) в двух передовых западно-европейских странах политическая диктатура перешла

в руки крупной промышленной буржуазии. И в Англии и во Франции это было достигнуто с помощью рабочих и под их давлением. Можно поэтому считать, что до сих пор буржуазии и пролетариату было отчасти «по дороге». Но уже с этих пор пути их расходятся, и как для самой буржуазии, так и для пролетариата становится ясным, что их интересы противоположны и что очередная социальная схватка должна произойти уже между ними самими. 30-ые и 40-ые годы и являются эпохой подготовки и прелюдией к социально-политической борьбе, которая лишь в 1848 году приобретает определенно классовый и в то же время общеевропейский характер.

В Англии и Франции эта эпоха проходила при различных условиях. В Англии промышленный капитализм развивался колоссально быстрыми шагами. Мировое промышленное значение Англии быстро росло, что помогало английскому капитализму сравнительно легко переживать обычные кризисы, завоевывая после каждого кризиса все большие достижения. В этом поступательном движении капитализма, конечно, отчасти улучшалось и положение рабочих, а кроме того развивалось их классовое самосознание. Особенно ясно это выразилось в возникшем в Англии в 40-х годах движении «чартизма», (борьбы за хартию), т.е. в политическом движении радикально-буржуазного характера, выставившем требования всеобщего избирательного права, тайной подачи голосов, изменения границ избирательных округов и др.

Сначала движение носило чисто политический буржуазный характер, но когда к нему стали примыкать рабочие, оно получило в значительной мере социальную окраску. Правда, эти социальные требования рабочих не нашли себе точных и ясных формулировок. Они отчасти выражались в старых приемах разрушений фабрик, убийства фабрикантов, восстаний, отчасти в требованиях сокращения рабочего дня, общих мероприятий по улучшению положения рабочих, даже национализации земли.

Но вскоре самое движение это стало замирать. Английский капитализм шел быстро по пути своих мировых завоеваний, а с другой стороны, успевал давать рабочим некоторые улучшения их положения, в виде билля о 10-часовом рабочем дне, об отмене хлебных законов. Поэтому английское чисто революционное с социальным характером движение замерло и стало заменяться мирным движением тред-юнионизма. А вместе с тем в Англии надолго замерла и мысль о широкой социальной проблеме.

Очагом социальных экспериментов и социалистической мысли на долгое время становится Франция.

Утверждение июльской монархии Луи-Филиппа удовлетворило французскую буржуазию, но не могло, конечно, удовлетворить рабочих. Наоборот, та политика «обогащения», которая была провозглашена правящими классами, могла только крайне неблагоприятно отразиться на положении рабочих. Поэтому рабочее движение, свер-

гнувшее последних Бурбонов, после 1830 г. не затихло, а, наоборот, стало сильнее развиваться.

Так, в 1831—34 г.г. произошли два крупных восстания лионских ткачей, дважды жестоко подавленные правительственными войсками. Жестокая реакция заставляет рабочее движение уйти в подполье и здесь вырабатывать новые идеи революционного социализма. Одним из видных деятелей этого периода становится Огюст Бланки (1805—1881 г.). Бланки был так сказать «прирожденный революционер», с самых молодых лет и до конца своей жизни принимавший живейшее участие во всех революционных переворотах Франции этой эпохи и более половины своей жизни проведенный в тюрьмах. По своим воззрениям Бланки первоначально был исключительно политическим борцом и не подходил к социальным вопросам. Но июльская революция разочаровала его своими результатами для рабочих. Бланки начинает уже ставить перед собой социальный вопрос, хотя совершенно ясно не представлял себе ни его сущности, ни пути разрешения. Он останавливается на тактике образования тайных революционных обществ заговорщического характера, с целью подготовки вооруженного восстания и проведения диктаторской властью революционного правительства социального переустройства общества. Самая сущность этого переустройства была у Бланки не вполне ясна: он говорил о необходимости уничтожения капиталистов, банкиров, биржевиков, об уничтожении имущественных и родовых привилегий, но, повидимому, не стремился уничтожить самый принцип частной собственности. Таким образом, идеи Бланки были весьма близки к идеям Бабефа, но шли даже менее далеко, чем этот последний в своих принципиальных положениях. Для характеристики идей Бланки более важными являются не эти его принципиальные взгляды, а его революционная тактика (устройство революционно-заговорщических обществ с целью захвата власти и диктаторского проведения социалистического переустройства), получившая в революционную эпоху 30—40 годов и позже широкую известность под именем «бланкизма».

Однако, помимо этого направления революционно-заговорщического социализма в 40-х годах, во Франции не меньшее, если не большее значение получает другое направление «мирного» социализма. Если Бланки являлся преемником идей Бабефа, то социалистические идеи великих утопистов Сен-Симона и Фурье также нашли себе преемников в эту бурную и обостренную эпоху, особенно в лице двух деятелей—Луи Блана и Кабе. Ни тот, ни другой не были, в сущности, революционными деятелями, и только обостренная революционная эпоха втолкнула их, в особенности Луи Блана, в гущу революционных движений. Это не мешало им и, даже наоборот,—способствовало подойти к постановке и разрешению социальной проблемы не путем революционно-заговорщического переворота, а более «мирным» путем. Луи Блан разрешал путем государственной «организации труда», Кабе—путем мирного и постепенного перехода к коммунизму. И если

преследуемые и подпольные организации Бланки могли собрать у себя лишь небольшие группы рабочих, Луи Блан и Кабе, занимая легальное положение, могли свободно проповедывать свои идеи и на некоторое время стали, если не вождями рабочего движения, то провозвестниками нового социального устройства, в которое верили рабочие.

ЭТЬЕН КАБЕ (1788—1856).

Э. Кабе представляет из себя довольно типичную фигуру той переходной эпохи, когда после неудачной революционной вспышки побеждает реакция, но когда в общественной мысли и в народных массах продолжается период усиленных исканий и брожений, продолжается внутреннее созревание новой революционной эпохи. Старые пути кажутся уже неверными, новые еще не найдены; старые силы разбиты и исчерпаны, новые еще не сформировались. Поэтому часто такие попытки и искания принимают форму неопределенных, расплывчатых, «утопических» проектов, которые, однако, иногда могут привлечь даже не единичных мечтателей-интеллигентов, а массы рабочих.

Э. Кабе был сыном бедного рабочего-бочара, но получил хорошее образование. Достигнув степени доктора прав, он занялся адвокатурой. Вместе с тем он принимал живое участие как в политической, (в качестве левого депутата в парламенте), так и литературной жизни Франции 40-х годов, основав, между прочим, левую газету радикально-народнического уклона «Народник» (Le Populaire). Среди этой политической и литературной деятельности Кабе неоднократно подвергался преследованиям со стороны реакционного правительства июльской монархии. Дважды судимый за свои оппозиционные выступления, Кабе был приговорен к 2 годам тюрьмы, но бежал в Англию.

До сих пор Кабе был далек от социализма. Но в Англии он знакомится с учением Т. Моора и настолько увлекается его идеями, что сразу становится социалистом и коммунистом. Здесь в Англии он

Э. Кабе.

в 1840 г. пишет свое знаменитое произведение «Путешествие в Икарию», типичный социалистическо-утопический роман. Получив в том же году возможность вернуться во Францию, он издает свой роман вместе с рядом пропагандистских брошюр («Как я стал коммунистом» и др.), а с 1841 г. возобновляет издание своей газеты, но уже с чисто коммунистическим уклоном «мирного», однако, характера. В законченном виде свое коммунистическое учение Кабе излагает в своем романе, сделавшим на некоторое время его имя чрезвычайно популярным среди парижских рабочих и вообще парижского населения.

Основным исходным пунктом для построения системы коммунизма у Кабе, является критика существующего строя. Он останавливается на существующих имущественных отношениях, в которых видит главное зло современного общественного и политического строя и уничтожение которых является главной задачей нового устройства общества. Главным злом, от которого страдает человечество и откуда, как из «ядовитого яйца», выползали все бедствия,—это неравенство имущественных отношений. Наибольшим злом является право собственности, право «владеть, распоряжаться и пользоваться для собственных прихотей своим имуществом». Отсюда деньги, как всеобщее олицетворение ценностей и богатства, стали являться отображением центрального зла современного строя. Отсюда возникает общее стремление добывать возможно больше денег и золота. В современном обществе все пути для этого являются позволительными.

Это центральное и коренное зло современного общества Кабе и стремится искоренить новым общественным устройством. В своем романе «Путешествие в Икарию» он описывает переустройство общества из прежнего состояния неравенства имущественных отношений, показывая, как революционным путем общество преобразуется и стряхивает с себя прежние путы, превращаясь в общество коммунистическое.

Кабе изображает страну, народ который жил на счастливом острове Икарии и раньше имел обыкновенное устройство, со всеми недугами и бедами современного общества. Когда страдания народа дошли до крайнего предела, тогда посредством революции, заговора в духе якобинства и бланкизма, во главе с одним из местных жителей, Икаром, составляется партия, которая захватывает власть и, в конце концов, преобразует политический и социальный порядок. Икар,—сын каретника, впоследствии сделавшийся священником,—изучая условия существования того общества, среди которого жил, а также изучая вообще социальные науки, пришел к заключению, что вся беда современного общества заключается в частной собственности и в неправильном производстве и распределении общественного дохода. Счастливый случай делает Икара из бедняка богатым человеком. Богатство свое он употребляет на тайную пропаганду учения общности имущества. Когда он образовал вокруг себя определенную партию, он совершает переворот, свергает тирана и избирается

диктатором. Он издает манифест к народу, в котором описывает все блага коммунистического строя. Народ восторженно принимает манифест. Новый строй постепенно, в течение 50 лет, окончательно утверждается в Икарии. Этот строй и описывается в романе Кабе в виде впечатлений от путешествия по Икарии английского лорда Карисдаля, от имени которого Кабе знакомит нас с последствиями политической и социальной революции.

Прежде всего, Икария представляется единым государством, в котором государственная власть управляет всеми процессами производства и потребления. Государство разбито на отдельные провинции и города. Кабе самыми фантастическими чертами описывает все прелести этой страны. Природа здесь настолько богата и труд настолько производителен, что для общества требуется минимальное количество усилий для того, чтобы получить максимальное количество благ. Вместе с тем техника чрезвычайно высока, и большая часть работ производится машинами. Все здесь отличается высшей степенью роскоши: везде блестит золото, серебро, драгоценные камни, хрусталь, которые покрывают дома снаружи и изнутри. Конечно, нравственный уровень в этом обществе настолько высок, что такие драгоценные украшения в публичных местах открыто стоят и не подвергаются расхищению, ибо, как говорит Кабе, «разве нация станет обворовывать свой дворец?» На дворце позолоченная крыша, везде в нем позолоченные статуи, везде золото и серебро, драгоценные камни. С такою же, можно сказать, наивностью и болтливостью Кабе описывает мельчайшие детали внутренней жизни этого коммунистического государства. Всюду, где путешествует лорд Карисдаль, он видит великолепно, по целесообразному плану и последнему слову науки, устроенные дома, везде образцовые удобства и т. п.

Как же организован в Икарии самый процесс производства и экономическая жизнь? Богатства природы, развитие техники и максимальное применение машин, а также целесообразное устройство и организация всего общественного процесса производства, способствуют, конечно, минимальному количеству человеческого труда для того, чтобы достичь такого высокого богатства. При этом все граждане обязаны трудиться одинаково в известных отраслях труда, при чем мужчины вступают в работу 18-ти лет, девушки 17-ти, и работают мужчины до 65 лет и женщины до 50. Рабочее время — летом 7 часов, зимою — 6 часов, при чем женщины первоначально справляются с домашним хозяйством (каждой семье дается особая квартира), а затем идут в мастерские, где при самых гигиенических условиях заняты предназначенным, по собственному вкусу выбранным, трудом. Вследствие применения в крупных размерах машинного труда, производительность его весьма велика. Все продукты, которые получаются при таких условиях производства, поступают в распоряжение государства, и последнее, согласно потребностям и нуждам граждан, распределяет эти продукты производства между всеми гражданами. Характер потребностей ограничивается и регулируется

в том смысле, что государство не обязано приспособляться к индивидуальным вкусам отдельных лиц, а все продукты изготавливаются одинаковые на всех. Например, одежда изготавливается всем одинаковая, по образцам одного покроя, установленным национальным собранием (законодательными палатами), при чем, однако, для женщин делается некоторое отличие, а именно — во избежание монотонного однообразия — блондинкам разрешается один избранный цвет платья, брюнеткам — другой, но не более. Кроме того, так как затруднительным представляется делать платья все одного размера, когда люди бывают различного роста и толщины, — а между тем, необходимо, чтобы и в этом отношении потребности удовлетворялись механически и одинаково, — Кабе остроумно устраняет это неудобство тем, что делает платье из эластической ткани, вследствие чего, несмотря на однообразной покроя, может подходить и для больших и для маленьких, толстых и тонких.

Такое же урегулирование государством потребностей вводится не только во внешние условия жизни, но так же и в условия моральной жизни, науки, печати, воспитания и т. п. Воспитание, например, в Икарии — общее для всех, при чем как образование, так и собственно воспитание производится совместно для мальчиков и для девочек и направлено не только на физическое воспитание, но вместе с тем и на духовное развитие. Далее, каждый человек может выбирать себе профессию в зависимости от собственной склонности, и в этом отношении еще при воспитании дети могут уже обнаруживать свои склонности. Но при такой свободе направления своих талантов все научное образование и литературная деятельность требуют известной санкции со стороны государства. Писать книги и научные исследования может всякий, но печатаются и распространяются только те книги, которые республика признала достойными и которые пройдут через известное одобрение со стороны государственных органов. Одобренные государством книги печатаются во многих тысячах экземпляров государством и посылаются во все библиотеки для всеобщего распространения, тогда как книги, признанные вредными, уничтожаются: «Так Икарийцы — в заключение говорит лорд Карисдаль — очищают поле науки для беспрепятственного труда новых поколений». Так же поставлена и периодическая пресса.

Таково в общих чертах устройство общества, по Кабе, в его государстве Икарии. С экономической стороны интересным представляется тот основной пункт его учения, что здесь государство из одного общего центра управляет всеми процессами производства и потребления и регулирует все эти процессы в области материальной и духовной.

Кабе, написавший свое «Путешествие в Икарию» в 1840 г., т.-е. до революции 1848 г., вернувшись во Францию при наступлении несколько больших свобод, начинает вести усиленную пропаганду идеей коммунизма. В виду того, что французское общество, и в осо-

бенности рабочие, находилось в периоде самых настойчивых исканий нового строя, разочаровавшись в буржуазной революции,—проповедь Кабе об устройстве счастливого коммунистического государства начинает пользоваться большой популярностью, встречая восторженный прием и находя массу сторонников как среди рабочих, так и интеллигентных классов. Кабе решаете начать движение для осуществления своего коммунистического государства в Америке. В 1847 году, т.-е. еще до революции, он выпускает воззвание: «Идем в Америку», в котором приглашает всех недовольных существующим строем и ищущих более счастливой жизни—ехать в Америку и основать там коммунистическое государство. Это воззвание первоначально вызвало восторженный прием, и в 1848 году из Франции отправляется первый корабль с «икарийцами» для основания в Америке коммунистической колонии. Вслед за этим, еще раньше, чем этот корабль прибыл к берегам Америки, уже разразилась революция, также с попыткой осуществления социалистических идей в самой Франции. Хотя этот взрыв французской революции отвлек внимание рабочих от планов Кабе, но тем не менее не отвлек самих «икарийцев» от осуществления своей коммунистической общины. Первая такая община была образована первоначально в штате Айова на тех началах, какие описывал Кабе, в составе около ста человек. Вследствие того, что Кабе собрал путем пропаганды довольно значительные суммы во Франции, то спустя несколько лет община эта обладала довольно значительным имуществом, около 1 миллиона рублей, и хозяйственным благоустройством. В этой общине не было, конечно, той роскоши, тех украшенных золотом и драгоценными камнями роскошных дворцов, как в Икарии. Это были скромные домики—общие помещения, кухни, общий зал для собраний и увеселений. Тем не менее, довольно строго здесь придерживались идеи икарийского коммунизма, как описывал их Кабе, конечно, без утопических и неосуществимых черт. Просуществовав до 1877 г., эта община стала, однако, распадаться вследствие некоторых разногласий по вопросу о том, допустимо-ли и возможно-ли существование частной собственности? Так как значительная часть «икарийцев» стала приходить к заключению, что частная собственность, в особенности на предметы потребления, допустима, и стала проявлять стремления к отступлению от полного коммунизма, то от общины отделилось около половины членов ее, которые основали «Новую Икарию», просуществовавшую довольно долго, именно до 1895 г., когда она, по единогласному решению ее членов-участников, была прекращена. Таким образом, несмотря на явную утопичность попытки осуществления коммунистической общины в среде и в безконечной стихии капиталистического общества, икарийские общины пользовались все-же известным успехом. «Новая Икария» оказалась одною из наиболее долговечных коммунистических общин, просуществовав около 50 лет.

Каково же было общественное и научное значение икарийского коммунизма? Как видно из изложенного, «Путешествие в Икарию

представляет типичный утопический роман в подражание Моору. Но если Моор в свое время не мог создать ничего более научного, то для середины XIX в. можно было ожидать и требовать более научного подхода к разрешению социальной проблемы. Поэтому собственно научного значения «Икария» Кабе, конечно, не имеет. Тем не менее, в истории общественной мысли она занимает известное место с характерными для нее чертами, отличающими Кабе как от Моора, так и Фурье, согласно духу и экономическим условиям его времени.

Коммунизм Кабе—все еще «мирный» коммунизм, хотя он идет через политическую революцию в духе бланкизма; самое же наступление коммунистического строя происходит постепенно в течение 50-летнего переходного периода. Далее, в отличие от Фурье, Кабе—государственник, т.-е. предполагает организацию коммунизма в масштабе государства. Во внутреннем строе общества Кабе сохраняет семью, нерасторжимый брак, религию, правда с уклоном только морального характера, в чем Кабе обнаруживает дань буржуазным требованиям и предрассудкам своего времени. В условиях организации производства для коммунизма Кабе характерно признание громадного значения машин, которое сам Кабе мог наблюдать в английской промышленности. Это машинное производство позволяет Кабе более легко разрешить вопрос, оставшийся неразрешимым для других утопистов, как Моор и Фурье, которые для повышения массы труда в обществе должны были прибегать к рабству или к детскому труду. Наконец, по своему общественному значению коммунизм Кабе характерен тем, что это была первая попытка проведения его в жизнь через самих рабочих, первая попытка чисто рабочего коммунистического движения.

ЛУИ БЛАН (1811—1882).

Луи Блан происходил из интеллигентной среды и, получив хорошее образование, стал заниматься свободной публицистической деятельностью. В 1838 году он основал свою газету демократического направления, получившую довольно значительный успех. Здесь он и начинает печатать ряд своих статей по рабочему вопросу, которые делают его имя популярным среди рабочих. В 1840 г. он издает отдельную брошюру «Организация Труда», которая приобретает колоссальный успех также особенно среди парижских рабочих. Эта книга собственно и определила не только дальнейшую известность, но и судьбу всей дальнейшей жизни Луи Блана. Хотя в последующие годы он выступил с гораздо более обширными и даже, пожалуй, более талантливыми трудами (История Французской революции, в 12 томах, История десяти лет (1830—40 г.г.), но не эти книги, а первая его небольшая брошюра сделали ему его славу, сделали его одно время кумиром рабочих, членом правительства и организатором «национальных мастерских». Будучи более публицистом и ученым, чем революционером, Луи Блан, однако, выносятся рабочим движением в первые

ряды, и ему выпадает на долю сделать попытку осуществления своих социалистических планов не в узкой и искусственной обстановке, не в Америке, как делали последователи Фурье и Оуэна, а в центре Франции, в Париже, в широком государственном масштабе.

Значение Луи Блана и причина его огромного влияния заключались в том, что он выдвинул идею, которая давно назрела и носилась среди французских рабочих—идею «организации труда» (термин, который Луи Блан заимствует у Сен-Симона и пускает в широкую среду рабочих). Эта идея и становится лозунгом революционного движения 1840 года.

Луи Блан исходит из той мысли, что причиной всех социальных и экономических бедствий рабочего класса является конкуренция—эта «карикатура на свободу». Для того, чтобы избежать ее гибельности для рабочего класса, необходимо перейти от того принципа индивидуализма, на котором основывается весь хозяйственный строй общества, к принципу противоположному — к ассоциации. Такая идея, собственно говоря, не представляется новой, потому что уже ранее сенсимонисты, Фурье, Оуэн и кабетисты, все исходили из идеи ассоциации. У Луи Блана идея ассоциации ставится даже в более узкие формы. Может быть, поэтому-то идея Луи Блана оказалась более близкой массам рабочих, чем менее понятные идеи других социалистов-утопистов. Луи Блан, действительно, не ставит свою новую социальную систему ассоциации в связь с общими философскими идеями, а ставит вопрос на чисто реальную практическую почву.

Л. Блан.

Ассоциация должна явиться одной из ячеек, которые должны обнять специализированных рабочих в определенной отрасли производства для преобразования всего будущего строя путем все большего и большего, в дальнейшем, разрастания таких же новых ячеек ассоциированных рабочих. Объединенные путем ассоциаций в определенные группы по отраслям производства, рабочие берут в свои руки все процессы производства и вместе с тем получают ту прибыль, которая до сих пор поступала в виде прибыли частному предпри-

нимателю. Таким образом рабочие получают «полный продукт труда». Известная часть прибыли, конечно, отчисляется на покрытие расходов по капиталу, на образование постоянного капитала, который необходим для развития производства и дальнейшего его улучшения.

Таким образом, идея Луи Блана сводилась к совершенно простой и реальной организации, в высшей степени доступной для понимания самых простых рабочих. Достаточно только было устроить общественные мастерские—первые ячейки таких рабочих ассоциаций—и дело преобразования общества было бы поставлено на правильный путь. По плану Луи Блана, все рабочие «с известной гарантией порядочности» должны иметь право поступать в эти общественные мастерские, где каждый получает право на труд и право на полный продукт труда, за исключением из этого продукта расходов на производство. Заработная плата должна быть одинаковой для всех рабочих данного предприятия. Чистая прибыль должна быть распределена: на основную часть, которая поступает на заработную плату рабочим, прибыль на капитал для организации и расширения предприятия; затем часть прибыли предназначается на организацию общественной взаимопомощи, т.-е. на страхование, пенсии для стариков, всевозможные мероприятия по поддержанию неработоспособных и т. д.

Общественные мастерские с подобного рода организацией должны, по мнению Луи Блана, явиться ячейками реорганизации всего общества. Условия организации производства и промышленности в таких ассоциациях будут, по мнению Луи Блана, настолько выгодны, что никакое частное предпринимательство не в состоянии будет существовать рядом с ними. Поэтому современное частное индивидуалистическое хозяйство исчезнет, а с ним вместе уничтожится конкуренция—главная причина и источник всех бед для рабочего класса.

Но как же могут возникнуть такие ассоциации и общественные мастерские? По мнению Луи Блана, государство должно само приняться за организацию таких мастерских, так как это требуют интересы общества. В дальнейшем, всем этим отдельным ассоциациям останется только слиться в одно общее ассоциированное производство, вместо современного частно-правового, лишаящего рабочих полного продукта труда.

С практическим осуществлением своей идеи ассоциации Луи Блан выступил в февральскую революцию 1848 г., когда он сделался вождем парижских рабочих. Рабочие под влиянием идей Луи Блана потребовали от правительства образования общественных мастерских и издания законодательного акта об ассигновании для этого капитала из государственных средств. Луи Блан вместе с рабочим Альбером были по требованию рабочих включены в состав правительства для осуществления идеи общественных мастерских. Поэтому уже в марте 1848 года было ассигновано свыше миллиона франков на общественные мастерские. Вначале они приобрели большую по-

пулярность среди французских рабочих, но вскоре потерпели совершенный крах. Оказалось, что они не могли вместить все то количество рабочих, которое стало притекать к ним, и не могли обеспечить рабочему того, что является основной идеей самого существования общественных мастерских ассоциированного производства—т.-е. права на труд. Уже в марте 1848 г. они привлекли до 21.000 рабочих, а чрез несколько месяцев количество рабочих общественных мастерских дошло уже до 100 тысяч, при чем количество это было настолько избыточно, сравнительно с имеющимися средствами, что рабочие стали заниматься нецелесообразным и непроизводительным трудом, и, в конце концов, даже низкая заработная плата не могла быть им обеспечена. Первоначально плата была назначена в 2 франка, а потом, когда общественные мастерские потерпели крушение, рабочие были совершенно распушены. Таким образом попытка осуществления ассоциированного производства оказалась даже более эфемерной, чем попытки других социалистов-утопистов, общины которых все же насчитывали до 50 лет существования, тогда как мастерские Луи Блана просуществовали всего несколько месяцев.

Эта неудача не отнимает, однако, у Луи Блана места, как одного из видных представителей «корпоративного социализма», т.-е. устройства общества по принципу организации рабочих корпораций, которые владеют и организуют производство в различных отраслях. Другая отличительная черта планов Луи Блана—требование им помощи для такого преобразования от государственной власти. Ни Сен-Симон, ни Оуэн, ни Фурье не связывали обыкновенно идеи своего преобразования общества с какими-либо вспомоществованиями и активной помощью со стороны государства. Наоборот, Луи Блан требовал от государственной власти ассигнования средств и помощи для преобразования общественного строя на началах ассоциации. Ясно, что в этой основной идее Луи Блана, также как в идеях «государственного социализма», впоследствии развитых Лассалем, лежала совершенно ошибочная мысль, столь же далекая от реальной действительности, как и утопии Кабе, Оуэна и Фурье. Современный государственный порядок основан на принципах индивидуализма и частной собственности; следовательно, он представляет собою диаметрально-противоположное идее ассоциации, и буржуазное государство не может пойти в серьезной и значительной степени на какую-либо попытку преобразования общества на началах социалистической ассоциации. А если бы оно и пошло, то это было бы лучшим доказательством того, что идеи ассоциации, в сущности, далеки от коренного преобразования. Поэтому, хотя буржуазное правительство 1848 г., в котором участвовал сам Луи Блан, под давлением парижских рабочих пошло на ассигнование миллиона на организацию общественных мастерских, но, очевидно, оно заранее предполагало, что из этого не произойдет коренного крушения частноправового строя. Наоборот, оно смотрело на попытку осуществления мастерских как на прием, с помощью которого оно хотело отучить рабочих от

«социалистических экспериментов» и доказать им бесплодность всяких планов этого рода.

ВИЛЬГЕЛЬМ ВЕЙТЛИНГ (1808—1871).

Идеи революционного социализма и коммунизма, выработавшиеся в 30—40 годах преимущественно во Франции, находили себе отражение и в других странах, в том числе и в Германии. Хотя Германия того времени представлялась страной более отставшей в экономическом отношении, чем Франция, однако и здесь рабочее движение уже стало проявлять себя. Развитие машинного производства порождало безработицу, понижало заработную плату, вызывало забастовки и прямые восстания, в роде восстания силезских ткачей в 1844 году.

В этих условиях идеи французского и английского социализма находят себе удобную почву для распространения. Так же, как и во Франции они прежде всего прививаются и вызывают подражание среди некоторых интеллигентских и мелкобуржуазных кругов, живших несколько в более благоприятных условиях, чем рабочие, но и не примыкавших к господствующим классам. Одним из первых представителей этого германского социализма является Вильгельм Вейтлинг.

Вейтлинг, происходивший из низов народа, по профессии портной, самоучка, с ранних лет прошел тяжелую школу жизни. Эмигрировав в молодости во Францию, он познакомился здесь с господствующими социально-политическими направлениями и примкнул к тайным организациям Бланки. В дальнейшем Вейтлинг все более отдается революционной, организационной и пропагандистской деятельности, встречаясь на этой почве с Бакуниным, Прудоном, Марксом и др. деятелями и неоднократно подвергаясь со стороны правительства Швейцарии, Франции, Германии высылкам и преследованиям. Успех пропагандистских сочинений Вейтлинга настолько вскружил ему голову, что он стал страдать манией величия, мессианства, а когда на этой почве он не нашел себе последователей и разорвал с своими прежними друзьями, он разочаровался в своей деятельности, эмигрировал в Америку, где и умер.

Сочинения Вейтлинга, написанные им в лучший период его жизни и составившие ему имя, были: «Человечество, как оно есть и каким оно должно быть» (1838 г.) «Гарантия гармонии и свободы» (1842 г.), «Евангелие бедного грешника» (1845 г.). В этих сочинениях Вейтлинг выступает, как социалист и пропагандист нового коммунистического устройства общества, без строгого и точного представления как о самом устройстве, так и о путях его достижения. Не будучи сколько-нибудь образованным человеком Вейтлинг механически и неясно соединял идеи, почерпнутые им от бланкизма, фурьеризма, кабетизма, добавляя иногда к ним и доводы евангелия и библии.

Тем не менее, как теоретик социализма, Вейтлинг стоит выше своих предшественников-утопистов. Характерные его черты в том, что для своих социалистических достижений он апеллирует не к правительствам, не к богатым и власть имущим, как делали до сих пор Оуэн, Фурье, Луи Блан, а к рабочим массам, от организации и революционной деятельности которых он ожидает общественного переустройства.

Вейтлинг является таким образом первым германским социалистом-революционером, на идеях которого впоследствии возникло германское революционное рабочее движение. В этом отношении влияние Вейтлинга сказалось не только как пропагандиста, но и как организатора. Основанный им среди германских рабочих «Союз справедливых» превратился впоследствии в «Союз коммунистов», для которого Маркс и Энгельс написали свой «Манифест коммунистической партии».

Литература. Кроме указанных общих сочинений: Горев, Ог. Бланки 1921 г.—Люкс, Э. Кабе и икарыйский коммунизм. в изд. «Просвещения», — А. Геллер Икарыйцы. Спб. 1906.—Чернов. Луи Блан, 1906.—Поль Луи, Французские мыслители и писатели XIX в. 1905.—Вейтлинг, Евангелие бедного грешника. 1907.—Его же, Человечество. 1906.—Калер, Вильг. Вейтлинг. М. 1919.—См. также Маркс, Классовая борьба во Франции и Общественное движение во Франции.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

X Прудон и анархизм.

Как мы видели из предыдущей главы, общественное движение к половине XIX в. начинает приобретать все более определенный рабоче-социалистический характер. Однако, как самое движение, так и создающаяся на почве его идеология не приобрели еще определенно выраженного классово-пролетарского характера. Питаясь своими идейными корнями еще в том наследстве, которое оставила великая французская революция, эти движения 30—40 годов, делаясь все более «социалистичными», пытаются в полной мере использовать для своего социализма государство, то обновленное революцией государство, на знамени которого было написано «свобода, равенство и братство» и которое еще не успело слишком разочаровать строителей «мирного» социализма. Конечно, это разочарование наступило довольно скоро, но все же здесь еще не было принципиального отрицания государства, а только искание его лучших форм, предположение, что даже при буржуазном государстве возможно социалистическое строительство и что само государство может помогать и содействовать этому социалистическому строительству. Таков был, например, преимущественный характер социализма Луи Блана, а также Кабе, для которых их социалистическое строительство рисовалось в рамках и при общении с государственной властью. Таким образом это направление пошло в дальнейшем по линии «государственного» социализма и признания социализмом государства, как важнейшего момента социалистического строительства.

Однако, на-ряду с этим направлением в то же время стало вырабатываться и другое направление, также имевшее идейные корни в великой французской революции, но воспринявшее от нее другие стороны ее идейного наследства. Этой новой стороной идейного богатства конца XVIII в., перешедшего по наследству к XIX в., явилась идея индивидуализма и свободы личности. Вообще говоря, эта идея имела наименьшее значение в развитии социалистической идеологии. Наоборот, она отчасти даже противопоставлялась социализму, как основная идея буржуазной идеологии, положенная поэтому в основу экономической теории классической школы и либерализма вообще.

Все же, однако, и в истории социалистической мысли мы встречаемся с некоторым определенным и оригинальным уклоном—сочетания идеи индивидуализма и свободы личности, т.-е. основных идей либерализма, с идеями социализма. Это течение в социалистической мысли и вылилось в законченное направление или даже особую школу, так наз. анархизма.

Анархизм, также как и собственно социализм, не представляет из себя одно лишь экономическое учение. Анархизм есть также и целое философское миросозерцание, и ярко отраженное общественное движение и экономическая доктрина. Поэтому к числу «анархистов» можно причислить не менее разнообразных людей и мыслителей, чем и к «социализму», в широком понимании этого слова, и насчитать не меньшее число «направлений», чем мы видели собственно в социализме. Сюда принадлежат такие, например, представители «литературного» анархизма, как Маккай, Ж. Грав, О. Мирбо, Тэккер; «христианского» морального анархизма, как Л. Толстой; индивидуалистического анархизма, как М. Штирнер и, наконец, коммунистического анархизма, как Годвин, Кропоткин, Бакунин; несколько особо стоит, так наз. «мутуалистический» анархизм Прудона. Оба последних направления, как не ограничивающиеся только обще-теоретическим, философским и моральным утверждением высшего значения личности и отрицанием всякого насилия над ней со стороны государства, а вырабатывающие на этой почве определенные планы социально-экономического переустройства общества,—можно назвать социально-экономическим анархизмом. В дальнейшем мы и остановимся исключительно на этом направлении анархизма, как наиболее близко соприкасающемся с историей развития экономической мысли.

Анархизм, как социально-экономическое учение, как сказано, представляет из себя оригинальное направление социально-экономической мысли половины прошлого столетия, возникшее, как сочетание идей либерализма с идеями социализма. Либерализм XIX в. преклонялся перед личной свободой, отрицал государственное вмешательство в личную жизнь, отрицал вообще государство, как орган стеснения свободы. Социализм, исходя из теории эксплуатации, отрицал собственность, видел в ней наиболее могущественное орудие этой эксплуатации.

Анархизм сочетал обе эти идеи—отрицание собственности и отрицание государственной власти, но шел даже далее социализма и либерализма в этом отрицании. Даже крайний либерализм признавал за государством хотя бы одну функцию—охрану личной безопасности. Анархизм отрицает и эту функцию государства, считая, что «безопасность государства—это безопасность собственников для атак против неимущих».

Социализм, в свою очередь, передавал государству руководство хозяйственной жизнью, производством и распределением. Анархизм категорически отрицает эту функцию государства в виду признанной неспособности к административной и хозяйственной деятельности.

Государство вообще—природный притеснитель, а государство, обладающее хозяйственной властью—тем более. Государство, — говорит Бакунин—«то сумма отрицаний индивидуальных свобод», это «кладбище, где умирают и закапываются все проявления индивидуальной жизни». Оно является органом разращения как управляемых, так и управляющих, оно всегда зло—будь это абсолютная или конституционная монархия, демократическая или аристократическая республика. Конечно, современное государство — не только притеснитель вообще, но специально притеснитель владеющими не владеющих, т.е. орган собственников для эксплуатации неимущих. Но не только современное государство, но всякая вообще государственная власть в принципе—зло и отрицание свободы. Поэтому-то, например, «свобода без социализма,—как говорит Бакунин,—это привилегия, несправедливость, а социализм без свободы—рабство, дикое состояние».

Но не только государство является таким органом притеснения и ограничения свободы. И такие институты, как семья — также несовместимы с индивидуальной свободой; современный брак с его непреложными обетами связывает навсегда будущую волю человека, и поэтому он должен уступить место свободному союзу мужчины и женщины, как единственному совместимому с достоинством человека.

Что же должно лежать в основе такого общежития, лишенного всех элементов и органов принуждения? Только одна власть, одна сила—обязательна для людей. «Владычество разума» Прудона, «власть науки», т.е. авторитарная власть разума и науки—вот что только и может лежать в основе совершенно свободного безгосударственного общества. «Мы признаём, — говорит Бакунин, — абсолютную власть науки; перед лицом естественных законов у человека остается только одна возможная свобода—это познать их и все больше их применять». В этой вере в силу естественных, очевидных и непреложных законов, познаваемых наукой и разумом, анархисты оказываются родственными по духу физиократам: так отразился рационалистический оптимизм конца XVIII в., с его верой в «разумного человека» на анархистах середины XIX в.

Итак, общество свободных людей, совершенно автономных, не признающих за собой никакой принудительной власти и подчиняющихся только непреложному закону разума и науки—таков идеал человеческого общества.

Анархизм, как социально-политическое течение, в своих основах базируется на философии анархизма, как на признании высшей ценности—человеческого «я», и единственной реальности—этого индивидуального «я». Если «я» единственная реальность, то всякая коллективность и ее проявления—в виде государства, нации, семьи, общества—исчезают. Они теряют право надо мной, и «я» становится совершенно свободным. Для этого «я» все дозволено, поскольку этим достигается то, что «я» желаю. «Я решаю о моем праве, вне меня его нет... Возможно, это неудобно другим. Это их, а не мое дело;

им остается только защищаться» (Штирнер). Только такая свобода может быть положена и в основу социального преобразования общества. «Чтобы искоренить пауперизм, не говорят плембу: подожди, пока какое-нибудь учреждение справедливости сделает тебе подарок во имя общности; а он говорит ему: наложи свою руку на то, что тебе нужно, и возьми» (Штирнер). Общество, с точки зрения Штирнера, есть не что иное, как «союз эгоистов», из которых каждый говорит другому: «я ничего не хочу признавать в тебе, я ничего не хочу уважать в тебе, я хочу пользоваться тобою».

Такие идеи, нашедшие себе крайнее выражение у Штирнера, не разделяются, конечно, всеми представителями анархизма, тем более социально-политического. Придя к идее разрушения всякого общества и общественных форм принуждения, другие представители анархической мысли останавливаются перед перспективой этой войны «всех против всех» и признают, наоборот, возможность полного мира в безгосударственном обществе.

Старейшим представителем такой идеи анархического мира является Годвин (1756—1836 г.). Последователь Руссо и поклонник идеи господства разума, Годвин в то же время отвергает всякие помехи для развития индивидуальных способностей и прежде всего — государство. Государственные законы и учреждения, каково бы ни было их содержание, главное зло. В области экономической Годвин различает три вида права собственности, или точнее, три принципа распределения благ. Современное государство применяет принцип распределения, основанный на частной собственности, т.-е. имущие классы получают законное право распоряжаться трудом и продуктом труда других лиц. Другой принцип состоит в предоставлении каждому продукта его труда (право на полный продукт труда современной экономии). Это, собственно, принцип социализма, более совершенный, чем первый, но все же не вполне совершенный. Наилучшим принципом распределения является тот, по которому каждый получает право на те продукты, которые ему нужнее и доставляют ему больше благополучия, чем всякому другому. Другими словами, всякий получает и владеет всем, что ему нужно. Отрицая, таким образом, всякого рода собственность, Годвин, однако, отбрасывает и все формы и принципы социалистического государства — распределение благ какой-либо общественной или государственной властью; он отвергает общий труд, общественные органы производства и распределения, общественные магазины, совместное хозяйство и совместное потребление. «Право каждого на все» не превращается, однако, у Годвина в войну всех против всех. Для осуществления такого свободного строя необходимо полное перерождение человеческой психики, нравственности и т. п. Годвин — враг всяких насилий и революционных переворотов. Только перерождение человечества в духе альтруизма даст прочную основу такому строю, при котором каждый готов отказаться от осуществления своего права на вещь и имущество в пользу другого, если этому последнему оно нужнее, чем ему са-

тому. К тому же и условия техники в это время будут таковы, что достаточно будет ничтожнейших человеческих усилий, чтобы удовлетворить все потребности человечества.

Это, конечно, утопия. Как реально, в условиях реальной экономической жизни, осуществить идеалы анархизма? На это и отвечают анархические экономические системы, и прежде всего система Прудона.

ПЬЕР-ЖОЗЕФ ПРУДОН (1809—1865).

Если непременно признаком анархической догмы считать идею насильственного революционного переворота и свержения власти, а признаком социалистической доктрины—общность имущества,—Прудона нельзя причислить ни к анархистам, ни к социалистам. Сын небогатого пивовара, впоследствии корректор типографии и сам владец небольшой типографии, Прудон принадлежал скорее всего к мелкобуржуазной среде и, по своему общему миросозерцанию и морали, не возвышался много над нею. Он не проповедывал ни насильственных переворотов, не видел в захвате и низвержении власти способа к общественному преобразованию. В то время никто, как Прудон, не высказывал более резко отрицательных взглядов, даже в бранной форме, относительно социалистов. «Общность имущества—есть религия нищеты»—говорит Прудон. — «Социализм—ничто, ничем не был и ничем не будет». «Прочь от меня, коммунисты,—посылает им брань Прудон,—я чувствую к вам отвращение». И тем не менее, тот же Прудон выдвинул знаменитую фразу—«собственность есть воровство», и вся его система все же принадлежит к системам анархического социализма.

В чем же этот социализм Прудона? Сам он говорит, что своей системой он стремится «между частной собственностью и коммунизмом воздвигнуть иной мир». Как социалист он и начинает поэтому с критики собственности. Но в этой критике он не желает идти к построению каких либо утопий на подобие распространенных в то время коммунистических утопий Кабе, Р. Оуэна и др., происхождение которых он объясняет «неизлечимую глупостью социализма». Он ищет реальных возможностей и осуществлений нового строя и... создает свою новую утопию.

Что такое собственность и почему она воровство? Прудон разбирает теории собственности и вскрывает их несостоятельность. Юристы создали для оправдания собственности теорию первого завладения. По этой теории, чтобы добывать средства для существования, человеку нужны орудия и средства производства, в том числе и земля. Вначале никому не принадлежащая, она захватывается для производства всяким, кто может—и в результате в обществе нарождается класс имущих и неимущих. Но право завладения оправдывает собственность только на мелкие участки, которые обрабатываются собственным трудом; но чем же санкционируется крупная собственность? Экономисты видят в собственности продукт труда.

Но почему же тогда в собственности находится не продукт труда, а самое средство производства—земля? Таким образом, существующие теории не оправдывают существование собственности.

Стоя, как социалист, на точке зрения трудовой теории ценности, Прудон считает производительным только труд и только этот последний считает источником богатства и дохода. Следовательно, если землевладелец или собственник получает из своей собственности доход, то этот доход может иметь только единственный источник—труд. Труд кого? Конечно, не собственника, а трудящегося. Доход собственника—нетрудовой доход, отнимаемый собственником от трудящегося, получающего неполный продукт своего труда.

Отсюда «собственность есть воровство» и только в этом смысле. Не вообще собственность, как принцип, а только собственность, дающая нетрудовой доход. Мелкая, трудовая собственность сюда не входит. Здесь, следовательно, особенно ярко и вскрывается мелкобуржуазный характер идей Прудона.

Как же уничтожить это постоянно продолжающееся воровство? Приступая к своей положительной программе Прудон подвергает резкой критике социалистов и их проекты. Социалисты хотят на место частной собственности поставить общность собственности, на место конкуренции и индивидуального труда—ассоциацию и организацию труда, на место имущественного неравенства—коммунистическое равенство.

Прудона все эти проекты не удовлетворяют. Социализм и коммунизм приводит к рабству, всякая государственная организация—притеснитель. Наоборот: «свобода—вот моя система»—воскликает Прудон. Равенство коммунистов может привести только к рабству; слабый и ленивый стали-бы жить на счет сильного и прилежного. Прудон стремится создать систему, которая покоилась бы не на таком принципе равенства, а на «эквивалентности услуг», когда осуществляется принцип, гласящий: «делай для других то, что желаешь, чтобы тебе делали другие». Нетрудовой доход собственника не покоится на такой эквивалентности услуг и поэтому он незаконномерен, но не самая собственность, свобода распоряжения

П.-Ж. Прудон.

своим трудом и заработным доходом. Следовательно, положительная система преобразования общества должна покоиться на уничтожении нетрудового дохода, не затрагивая самого принципа собственности и свободы хозяйственной деятельности.

Когда Прудон писал свое сочинение «Что такое собственность» (1840 г.), ему, повидимому, еще самому не ясен был положительный выход из поставленной проблемы. Его изыскания в этом направлении еще туманны и в следующей главнейшей его работе: «Система экономических противоречий или философия нищеты» (1846 г.). Эта работа носит еще критический научный характер и является наиболее ценной из работ Прудона. Прудон после критики собственности переходит в этой работе к критике экономических институтов и категорий.

Прежде всего он рассматривает вопрос о ценности. Со времени А. Смита различают ценность потребительную и меновую. Каково их отношение? Увеличение запасов предметов увеличивает их полезность, потребительную ценность, но уменьшает их меновую ценность; это первое противоречие. Оно могло бы быть разрешено, если только предметы стали бы обмениваться пропорционально труду, затраченному на их производство. Тогда бы рабочий стал получать столько продуктов, сколько он создал, т.-е. исчезла бы эксплуатация капиталистом рабочего. Социальная история и есть история борьбы за разрешение этого противоречия—борьбы за осуществление трудового принципа меновой ценности.

Другие экономические категории являются только дальнейшим развитием основного противоречия. Например, разделение труда и машины должны бы вести к повышению производительности труда и к накоплению богатства. В действительности же это ведет только к дальнейшему порабощению и обеднению масс, вследствие существования нетрудового дохода и эксплуатации. Прудон подробно останавливается на социальных последствиях введения машин, на вытеснении машиной рабочего, на губительном действии машины на организм рабочего и т. п.

Далее Прудон указывает, что такое развитие машин и капиталистической техники приводит к новому противоречию—капиталистическая монополия, основанная на здоровом принципе свободной конкуренции, приводит к своей противоположности—к господству сильного капитала и поглощению им мелкого и слабого. Разбирая далее другие противоречия капиталистического строя, Прудон приходит к заключению, что все эти противоречия разрешимы лишь после разрешения основного противоречия меновой ценности, когда продукты будут обмениваться по их трудовой ценности.

«Экономические противоречия» являются только критикой капиталистического строя. Только в следующей своей работе, в соч. «Résumé» социального вопроса (1849 г.), Прудон приходит к созданию положительной программы. К тому времени был уже проделан и неудачно закончен целый ряд социалистических опытов, как наследие

революции 1848 года. «Право на труд», «организация труда в социальных мастерских», «рабочие ассоциации» — все эти формулы и лозунги, которые пытался осуществить Луи Блан и которыми увлекся одно время и Прудон, были разрешены историей. Его мысль останавливается на новой утопии, которую он признает единственной реальной возможностью.

До сих пор обращали внимание на производство и пытались реформировать его условия. Нужно же обратить внимание на механизм обмена и преобразовать его.

Из всех видов капитала и собственности наиболее тяжелым видом для трудящихся являются деньги. Все виды капитала предлагаются на рынке в виде денег, и, если уничтожить право нетрудового дохода с этого вида капитала, уничтожились бы все остальные. Нетрудовой доход возможен потому, что у трудящегося нет земли, орудий, инструментов. Если бы он имел капитал — деньги, он мог бы их приобрести и избежать эксплуатации. Следовательно, нужно только предоставить трудящемуся возможность иметь этот капитал, т. е. предоставить «даровой кредит».

Такой кредит организовать нетрудно. Нужно образовать банк, который стал бы выпускать кредитные билеты, «бонны обращения», не под какие-либо капиталы, которых у него не будет, но под обеспечение сдаваемых производителями в банк товаров. Чтобы эти бонны циркулировали, как деньги, и являлись бы источником кредита, необходимо, чтобы все товаропроизводители принимали эти бонны. Производители получают бесплатный кредит и капитал для организации предприятий. Уничтожится имущественное неравенство, нетрудовой доход. Самое правительство исчезнет, так как не нужен будет этот орган экономического принуждения и порабощения.

Отсюда видно, что идея банка Прудона до некоторой степени близка с идеей банка Р. Оуэна. Но банк Р. Оуэна есть социалистический банк, выпускающий «бонны труда» по трудовой ценности произведенных товаров. Банк же Прудона выпускает «бонны обращения», основанные на частно-торговых сделках производителей.

Судьба обоих банков была одинакова. Прудону, впрочем, не удалось сделать даже попытку к осуществлению его. Луи-Филипп раньше открытия банка арестовал Прудона, посадил его в тюрьму, и банк не осуществился.

Научное значение Прудона, конечно, не в этом утопическом проекте дарового кредита. И даже не в крылатой фразе о собственности. Прудон сделал крупный вклад в науку своей критикой экономических категорий и противоречий существующего капиталистического строя. В этом отношении, хотя К. Маркс и подверг жесточайшей критике систему экономических противоречий Прудона, тем не менее последнему принадлежит право на многие научные мысли и многие указания на эти «противоречия», которые впоследствии легли и в основу системы Маркса. Другие его идеи сближают его с анархизмом и делают его духовным отцом социально-политического анархизма.

Из других представителей этого последнего можно указать, главным образом, русских — Бакунина и Кропоткина, и французов — Реклю и Ж. Грва. Первый из них может считаться основателем учения политического анархизма. Преклонение перед индивидуализмом, стремление к свободе, освобождение от гнета всякой власти идет у них гораздо дальше, чем у Прудона. В экономической доктрине они также расходятся с Прудоном и даже между собою. Бакунин — коллективист-социалист, требующий, после уничтожения государства, передачи орудий труда в собственность ассоциаций, где каждый участник будет получать вознаграждение пропорционально труду. Кропоткин — анархист-коммунист, передающий в общую собственность не только орудия труда, но и все вообще предметы потребления. У всех у них общество таких свободных коммунистов увенчивается господством разума и науки, как единственной силы, подчиняющей индивидуумы.

Литература. Кроме указанной выше общей литературы: Прудон, Что такое собственность. 1907. — Маркс, Ницета философии. — Жуковский, Прудон и Луи Влан. 1866. — Стеклов, Прудон отец анархии. — Горев, Бакунин и Бланки. — Диль, Социализм, коммунизм, анархизм. — Кропоткин — Клуб и воля. 1919. — Штирнер, Единственный и его собственность. СПб. 1907. Кульчицкий, Современный анархизм. СПб. 1907. — Эльцбахер, Анархизм. 1905.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Научный социализм.—Родбертус и Лассаль

Время 30—40-х годов в Зап. Европе, особенно во Франции, было эпохой созревания и подготовки идей социализма, а также поисков мер и путей проведения их в жизнь. Однако, результаты этих исканий оказались очень мало удовлетворительными как в отношении выработки принципов и начал социализма, так и в отношении практического осуществления их.

Причиной этого явилось то обстоятельство, что в общественной и экономической жизни Европы еще не созрели, хотя уже быстро назревали, условия, могущие стать базой для победы и закрепления идей социализма. Промышленный пролетариат, хотя и быстро формировался, но численно все еще представлял очень небольшую величину, подавляясь в общественном своем значении массой мелкой буржуазии ремесленного типа и примыкавшей к ней деклассированной интеллигенцией. Политические и отчасти социальные интересы этой мелкой буржуазии временно совпадали с интересами промышленного пролетариата, почему в господствующих идеологических течениях и создавалась описанная выше смесь направлений, невыкристилизованность и противоречивость идей, то заговорщицко-бунтарский, то мирно-религиозный характер проповеди социализма. При таких условиях чисто социалистические движения приобретали неопределенный характер, оставались без вождей и, естественно, не могли иметь того результата, который от них ожидался. Вообще, это был период лишь зарождения новых классовых формаций и новых идей в недрах старого общества, не могущих еще получить сколько-нибудь господствующего значения и, наоборот, уступавшим первое место другим господствующим классам.

В этом отношении положение передовых стран Зап. Европы было, однако, различно. В Англии класс крупной промышленной буржуазии сформировался раньше других стран и раньше же других стран он сумел, отчасти опираясь на революционные движения и интересы промышленного пролетариата, отвоевать себе политическое господство, компромиссно поделив власть с феодально-помещичьим классом. Поэтому радикально-буржуазное, однако с социалистически-рабочим

уклоном, движение чартизма быстро исчерпало себя, буржуазия достигла победы и политического преобладания. Пролетариат, конечно, не добился осуществления своих социалистических стремлений и, наоборот, благодаря быстрому росту и успеху английской промышленности, надолго приобрел «мирный» характер, используя то относительное улучшение положения, которое давал развивающийся капитализм. Таким образом, в английском рабочем движении надолго укрепилось «мирное» тред-юнионистское направление, хотя в другой части пролетариата, менее обеспеченного и всегда подверженного риску безработицы и капиталистических кризисов, продолжал накапливаться горючий материал.

Во Франции положение было в значительной степени иное. Революция 1830 г. окончательно свергла феодально-помещичий режим, насильственно насажденный реставрацией. Успехом, достигнутым с помощью рабочих, воспользовалась, однако, крупная буржуазия, финансовая аристократия ее. После июльской революции 1830 г. французская буржуазия была уже заинтересована не в революциях, а в порядке. И если в самом буржуазном классе существовали еще политические и экономические противоречия, то именно в смысле стремления к экономическому господству другого прогрессивного крыла буржуазии — промышленной буржуазии, как мелкой, так и средней.

Господство и хозяйничанье крупной финансовой аристократии не удовлетворяло уже прогрессивным требованиям промышленного развития Франции. Французская промышленность быстро развивалась, но она представлялась далеко не так сконцентрированной, как в Англии, почему в экономическом господстве был заинтересован класс промышленной, но более мелкой буржуазии. Этим интересам совершенно не соответствовала экономическая политика правящего класса, которая разоряла мелкую промышленность. Она не соответствовала также и интересам промышленного пролетариата, как ремесленного, так и фабричного типа.

Таким образом, в общественных движениях Франции после 30-х годов до известной степени совпадали интересы как средней и мелкой промышленной буржуазии, так и промышленного пролетариата. Но, конечно, поскольку первая стремилась к политической власти в своих интересах, а второй — к социальному переустройству всего общества, постольку буржуазия становилась злейшим противником своего недавнего союзника — рабочих. И поскольку пролетариат не смог за этот период неопределенных исканий ни выработать себе законченной классовой идеологии, ни создать объединяющей и руководящей организации, ни получить соответствующих задачам эпохи твердых вождей — постольку он к моменту поднятой им борьбы оказался и неорганизованным и лишенным понимающих положение вождей.

В этом и заключается вся трагедия бурного 1848-го года с его февральской революцией, передавшей власть в руки демократической

промышленной буржуазии, с его мартовскими и апрельскими демонстрациями во имя радикальных социальных реформ, и с его июньскими кровавыми днями—во имя защиты этих социальных требований («права на труд» в «национальных мастерских»). Все эти требования кровавым образом разбились о лозунг «порядка», провозглашенный всей об'единенной буржуазией и поддержанный пулями генерала Кавеньяка.

Со времени революции 1848 г. французская промышленная буржуазия получает то, что Англия получила несколько лет раньше: экономическое признание и господство. С этих пор промышленное развитие Франции пошло более быстрыми шагами. Что же касается промышленного пролетариата, то, получивши в 1848 г. неизлечимые раны от своей революционной борьбы, он получил вместе с тем от развивающегося промышленного капитализма как возможность несколько экономически залечить эти раны, так и возможность классового сплочения и осознания своих классовых интересов.

Наконец, в Германии положение получает особый и отличный, как от Англии, так и от Франции, характер. Германия представлялась страной, наиболее отсталой как в политическом, так и в экономическом отношении. Она не была даже об'единена в единое государство, не имея и национального единства. У власти находился еще класс феодально-помещичьего дворянства, и формирование промышленно-торговой буржуазии только намечалось. Недостаточно развит был и класс промышленного пролетариата, еще больше, чем во Франции, носивший мелко-ремесленный характер.

Поэтому революционное движение 1848 г., охватившее тотчас после февральской революции во Франции все немецкие государства, приняло здесь значительно иной характер. Хотя и здесь единственной активной революционной силой выступил пролетариат, однако самое движение приобрело более раздробленный характер, часто с национальной окраской. Поэтому, прежде всего оно могло быть гораздо легче подавлено и оказалось еще более безрезультатным, чем во Франции. Правда, буржуазия успела добиться некоторых требуемых ею политических свобод и успела расчистить арену для своего экономического развития, хотя власть попрежнему осталась в руках бюрократически-дворянского правительства. Непосредственно же рабочее движение не смогло ни строго формулировать своих требований, ни защитить их и было совершенно задавлено.

Тем не менее и в Германии революция 1848 года имела колоссальное значение, несмотря на последующую глухую политическую реакцию. Она принесла возможность экономического развития и промышленного капитализма, вместо прежнего землевладельческо-патриархального строя. Быстрота этого капиталистического развития Германии дала также и толчек для развития и классовой организации германского пролетариата, который поэтому прошел свой исторический путь гораздо быстрее, чем в Англии и Франции, и после реакции 50-х годов оказался уже в авангарде мирового пролетариата.

Таким образом, после революций 1848 г. в общественных движениях Европы обнаружился и стал совершенно ясным целый ряд новых явлений, до тех пор совершенно скрытых или едва обрисовывавшихся. Прежде всего, несмотря даже на политическую реакцию 50-х годов, и особенно с изживанием промышленного общеевропейского кризиса 1847—1848 г.г., европейский индустриальный капитализм начинает идти быстрыми шагами по этапам своего типического исторического развития в сторону как быстрой экспансии, так и глубокой своей концентрации. С одной стороны, весь мир начинает все более и более захватываться капиталистической гегемонией, с другой стороны, в нем самом начинают происходить глубокие процессы концентрации и централизации капитализма, победы крупного капитализма.

Промышленные интересы западно-европейских стран в своем течении попадают в одно русло с капиталистическими интересами Сев.-Американских Соед. Штатов и др. стран, чему особенно способствует открытие грандиозных калифорнийских и австралийских золотых рудников. Индустриально-денежный капитализм приобретает мировой характер, черпая со всего мира живительные источники для своего небывалого развития.

Но вместе с тем все это способствует коренному изменению условий и на другом полюсе капиталистического общества. Те же обстоятельства, которые вызвали гигантский рост капитализма, порождают и другое явление—столь же быстрый рост промышленного пролетариата, резко обособляющегося от других классов общества по своим экономическим интересам и общественным стремлениям. Если пролетариат 30—40 годов и по своему экономическому положению и по своим идеологическим стремлениям часто сливался с массой мелкой буржуазии, то теперь, резко от нее обособленный, он вырабатывает и свою общественную тактику и свою общественную идеологию. Эта идеология начинает опираться не на отвлеченный, утопический идеал, а на изучение законов общественно-экономического развития, принимая характер общественной материалистической философии и интернационального классового движения. Эти черты в развитии экономической мысли находят себе законченное выражение в том направлении, которое со второй половины XIX в. становится господствующим в виде научного социализма вообще и в особенности марксизма.

В чем же заключается сущность этого нового течения социально-экономической мысли «научного социализма» в отличие от разнообразных рассмотренных выше форм социализма, носивших все же преобладающий характер «утопизма»?

Конечно, провести резкую и определенную грань между системой «научного» социализма и так. наз. «утопическим социализмом» — невозможно. Мы видели, что во многих типичных «утопических» системах, как Фурье, Сен-Симона и др., можно обнаружить важные и глубокие научные подходы и выводы. Поэтому, вообще говоря, это деление следует считать весьма условным. Тем не менее, «уто-

пический» и «научный» социализм, как этапы развития социалистической мысли, отличаются определенными чертами.

Так, прежде всего, в построении своего общественного идеала социалисты-утописты исходили большею частью из идеалистических интересов—морали, общего блага, возвеличения личности, даже требований религии—и этот идеал строили на абстрактных предположках, вытекающих из этих идеалистических требований. Будущее общество представлялось для них высшей гармонией всех интересов, но это общество, ни его гармония не связывались исторически и социологически с современным капиталистическим обществом. Оно было внеисторично так же, как внеисторично было капиталистическое общество у классиков: у этих последних гармонично было общество настоящего, у утопистов—общество будущего. Это будущее гармоничное общество для них—результат творчества гения-преобразователя, мирного или революционного. Поэтому утописты, даже те из них, которые настроены чисто коммунистически, являются всегда индивидуалистами в том смысле, что главная роль в преобразовании общественного строя, в руководстве им и вообще во всей жизни настоящей и будущей отводится ими отдельным лицам, индивидуальности вообще. Поэтому-то все социалисты-утописты представляются, в сущности, далекими от народных масс и народных движений. Даже, например, Кабе, который в свое время пользовался наибольшей популярностью среди массы рабочего населения Парижа и имел среди рабочих до 10 тысяч последователей, стоял сравнительно изолированно в своем общественном движении. Попытка осуществления Луи Бланом реальных задач, выдвинутых непосредственно рабочим движением 1848 года, заставила его отвлечься от идей утопического социализма, хотя все же не превратилась в чисто революционное и классовое движение рабочих масс.

Поэтому утопический социализм представляется в высшей степени важным, как движение идеологическое (особенно, например, Фурье, Сен-Симон), но не имеет столь же важного значения в области общественных движений. Главнейшая заслуга утопического социализма в истории общественной мысли состоит в критике современного капиталистического строя. В этой области научный социализм является лишь последователем и развивателем идей утопического социализма.

В противоположность утопическому, научный социализм является системой не идеалистического, а материалистического настроения. Он исходит в своих воззрениях и прогнозах общественного преобразования не из умозрительного социального идеала, а из реального исторически и социологически обоснованного социального предвидения. Это социальное предвидение достигается историческим и критическим изучением капиталистического общества, его возникновения, законов и путей его развития. Вместе с тем стимулом преобразования существующего строя становится не творчество отдельных лиц, не творчество «гения-преобразователя», а заинтересованность

всей массы рабочих в общественном преобразовании, коллективное творчество их. Этот лозунг и был формулирован в известном положении Маркса, что дело освобождения рабочих может быть делом рук лишь самих рабочих. Поэтому-то, если утопический социализм, не будучи строго научной доктриной, был все же чисто «кабинетным» учением, научный социализм, при всей строгости как чисто научной доктрины, теснейшим образом связан с широкими общественными движениями социально-политического и чисто революционного характера. Вместе с тем и большинство представителей «научного» социализма, во главе с К. Марксом, были не только «кабинетными» учеными, но еще более—революционными борцами. Впрочем, как чисто научная экономическая доктрина, научный социализм имел последователей и среди таких далеких от революционной деятельности ученых, как весьма реакционно в политическом отношении настроенный К. Родбертус-Ягетцов.

Таким образом, научный социализм в преобладающих своих чертах, в противоположность утопическому социализму, может быть характеризован как научная экономическая система критического, материалистического, исторического и революционного характера, т.-е. как социологическая система исторического материализма.

После этих общих замечаний остановимся на отдельных наиболее крупных в истории экономической мысли представителях научного социализма.

КАРЛ РОДБЕРТУС-ЯГЕТЦОВ (1805—1878).

К. Родбертус-Ягетцов (Karl-Johann Rodbertus von Jagetzow) представляет из себя интересную фигуру в области социалистических учений в том отношении, что он, с одной стороны, является безусловно одним из крупных теоретиков научного социализма, с другой стороны,—по своему социальному положению и по политическим воззрениям, стоит чрезвычайно далеко от социализма.

Как экономист-теоретик, Родбертус представляет, несомненно, одно из крупных имен в истории политической экономии. По методу его исследования, по силе его абстрактного мышления и глубине теоретической мысли Родбертуса часто, и не без оснований, сравнивают и ставят на одном уровне с Рикардо. Вагнер, например, называет Родбертуса «Рикардо социализма». Тот же Вагнер сравнивает Родбертуса с Марксом, считая, что, как теоретик, Родбертус по яркости, выпуклости и ясности своих идей должен быть поставлен даже выше Маркса. Конечно, это мнение Вагнера имеет специфическую подкладку. Сочинения Родбертуса прошли сначала совершенно незамеченными даже в немецкой литературе, отчасти именно потому, что, как теоретик-социалист, Родбертус шел в значительной степени вразрез с господствующей в Германии школой. Но когда «Капитал» К. Маркса не только перевернул все основы буржуазной политической экономии, но вместе с тем стал еванге-

лием для социалистических движений, то немецкая литература и сам Вагнер и обратили внимание на Родбертуса. У него они нашли, с одной стороны, многие те же теоретические положения и предпосылки, что и у Маркса, но без тех «опасных» социологических выводов, которые делались Марксом. Вот почему был «открыт» Родбертус и после забвения его стали даже рекламировать.

Это обстоятельство, конечно, совершенно не умаляет значения Родбертуса, а, наоборот, позволяет объективно его оценить. Как теоретик-экономист и социалист, Родбертус, как сказано, представляет крупную величину, но в то же время Родбертус значительно более слаб в своих социологических обобщениях и изысканиях.

В этом отношении не может быть и сравниваема широта социологических обобщений К. Маркса, глубина его социологических предвидений и построений с той сравнительно узостью и часто неправильностью в постановке социальной проблемы, которую мы видим у Родбертуса.

Причину такой двойственности Родбертуса, как теоретика-экономиста и социолога, можно объяснить тем обстоятельством, что он по своему социальному положению был совершенно далек от социализма и от его практических выводов и построений. Поэтому, подходя к экономическим и социальным проблемам с чисто абстрактной точки зрения, абстрактно анализируя явления экономического строя, Родбертус

К. Родбертус.

остается на должной высоте. Но как только он подходит к разрешению всей социальной проблемы в целом, ему недостает широты социологических обобщений и он останавливается на полдороге.

Родбертус был крупный землевладелец. Отец его был профессором Римского права в одном из германских университетов, и сам Родбертус готовился к профессуре, и только целый ряд обстоятельств оторвал его от этого намерения и превратил в обыкновенного прусского помещика, враждавшего в обществе прусских юнкеров. Хотя он и не сочувствовал им в их социально-политических стремлениях и программах, но все же его взгляды обнаруживают значительное влияние той социальной среды, где он жил. Будучи крупным поме-

щиком, Родбертус в политическом отношении был тесно связан с поместными классовыми интересами и в прусском ландтаге сидел одно время среди правых представителей прусского поместного класса.

Хотя впоследствии он разошелся с правыми партиями и прикнючил к либеральной, затем к радикальной, тем не менее все же его связь с политическими либеральными и радикальными элементами была также сравнительно кратковременна. Родбертус, в конце-концов, совершенно отходит от политической жизни и с 1836 года, т.-е. с 31 года жизни, замыкается вполне и почти безвыездно в своем имении. Здесь-то, в деревенской глуши, он и пишет наиболее важные теоретические свои сочинения, в которых приходит к ряду важных социальных обобщений и выводов, тогда как от практической политической и социальной деятельности он отходит все далее и окончательно с нею разрывает. Поэтому-то его теории и обобщения не получают такого жизненного значения, как, например у Маркса, а многие весьма важные сочинения были изданы после смерти. Попытки Родбертуса выступить на арену политической жизни не создали ему ни имени, ни популярности, хотя его теоретические выводы были правильны. Поэтому во время своей жизни Родбертус пользовался небольшой известностью, и его первое сочинение, содержащее в себе блестящий теоретический анализ основных элементов капиталистического общества, не только не получило значительного влияния, но даже не было замечено научной литературой. И только впоследствии, когда на его чисто социалистического характера теоретические положения обратил внимание Лассаль (который был с ним в большой дружбе) и их популяризировал, желая на них обосновать свою практическую деятельность, только тогда, хотя и не надолго, Родбертус подходит к общественной деятельности, но все же не вовлекается в нее. Так, Лассалю, несмотря на все свои усилия, не удалось привлечь Родбертуса в активные члены организованного им «Всеобщего германского рабочего союза». Родбертус сам в 1842 г. основывает «Общество о нуждах рабочего класса», но остается в стороне как от радикально-социалистического движения, возглавляемого Лассалем, так и от мелкобуржуазного — возглавляемого Шульце-Деличем. Поэтому, в своем «Открытом письме к комитету немецкого рабочего ферейна в Лейпциге» он отрицательно высказывается и относительно шульце-деличевских ассоциаций кооперативного характера, и относительно лассалевских ассоциаций с государственной помощью. Точно также Родбертус отрицательно относится и к политической части программы Лассала (всеобщее избирательное право), считая, что рабочие должны, в первую очередь, обратить внимание не на политический, а на разрешение социального вопроса. Вместе с тем он отказывается также участвовать и на знаменитом съезде в Эйзенахе в 1872 г., называя социализм «катедр-социалистов» — «социализмом сахарной водицы», а их съезд — «в высшей степени комичным» и «эйзенахским болотом». Насколько смутны были его социально-политические воззрения, видно хотя бы из того, что он,

с одной стороны, мечтал о какой-то «партии будущего—монархической, национальной и социальной», а, с другой стороны, писал, что «поскольку социал-демократическая партия является чисто экономической, я всей душой принадлежу к ней», и под конец жизни даже вел переговоры о своей кандидатуре в парламент от германской с.-д. партии.

При таких условиях понятно, что Родбертус не мог сделаться не только вождем какого-либо крупного общественного и рабочего движения, но даже и духовным отцом его, несмотря на то, что в своих теоретических построениях он примыкал к социализму.

Первой работой Родбертуса, написанной им еще в молодости в 1837 году являлись «Требования рабочих классов» (Die Forderungen der arbeitenden Klassen), которая, однако, не была напечатана «Аугсбургской газетой», куда была послана, и появилась лишь после смерти Родбертуса в 1885 г. Затем в 1842—70 гг. Родбертус пишет и издает целый ряд трудов преимущественно по вопросу земельному, по ипотечному кредиту, кризисам, а также чисто-исторические изыскания. Наиболее замечательными его сочинениями в области теоретических проблем политической экономии являются знаменитые «Социальные письма к Кирхману»—четыре письма, где Родбертус в оригинальной эпистолярной и довольно трудно читаемой форме излагает свои основные теоретические воззрения. Первые три письма были изданы им в 1850—51 гг., самое же важное, четвертое—«Капитал», было издано лишь после смерти в 1884 году. Из чисто исторических работ замечательны его «Исследования в области национальной экономики классической древности».

В чем же сущность теории Родбертуса и в чем состоит его социализм, от которого, как от общественного движения, Родбертус был так далек по своему социальному положению и по своим социальным симпатиям?

В своих взглядах на современное общество и его социальные отношения Родбертус исходит из того взгляда, что общество представляет из себя определенное хозяйственное единство, своего рода хозяйственный организм, отдельные части которого функционируют по принципу разделения труда. Вследствие этого создается известная неразрывная связь между отдельными членами этого общества, так что благосостояние и экономическое существование одного человека зависит в современных условиях не от него одного, а от целого ряда лиц и выполнения ими определенных социальных функций. Такое общество не может существовать иначе, как путем разделения труда, путем выполнения целого ряда совокупных социальных функций всеми лицами, занятыми в процессе общественного разделения труда. Эти функции, столь важные для существования современного общества, состоят: во-первых—в самом производстве хозяйственных благ и в приспособлении этого производства к потребностям, во-вторых—в сохранении производительных сил на уровне

имеющихся ресурсов и, в-третьих—в справедливом распределении полученных хозяйственных благ.

Как же эти функции выполняются и где лежит их источник? Те функции, которые выполняются в современном обществе на основе разделения труда, в классической школе считались зародившимися самопроизвольно, врожденными человеку, как бы существовавшими *eo ipso*. Родбертус смотрит на социальные функции общества совершенно с другой точки зрения. Он считает, что характер социальных функций в обществе является следствием исторического развития общества. Не всякое общество и не всегда имело совокупность этих функций, так выполняемых, как выполняются они в настоящее время. Первое отличие современного общества от других форм общества и от общества первобытного состоит в том, что современное общество отличается совершенно особым характером приспособления своего производства к общественному потреблению. В современном обществе, в противоположность обществу, не основывающемуся на разделении труда, производство определяется не социальными потребностями, а по «действительному спросу, выраженному в деньгах». Поэтому современное хозяйство определяет размеры производства, которое необходимо организовать в данном обществе путем выражения спроса на эти товары в виде денег. Наоборот, в первобытном обществе спрос и потребление регулируются иным образом — непосредственно, в недрах самого производящего хозяйства, почему между производством и потребностью там нет никакого посредствующего явления в виде спроса, выраженного в деньгах. Это обстоятельство, по мнению Родбертуса, имеет в высшей степени важные последствия для современного строя, потому что раз производство определяется не социальной потребностью, а измеряется путем спроса, выраженного в деньгах,—то результатом подобного соотношения спроса и предложения является современное разделение общества на владеющих и не владеющих деньгами, бедных и богатых. Поэтому же в современном обществе производитель, т.-е. лица, участвующие в процессе производства и руководящие им, заинтересованы не в удовлетворении социальной потребности данного общества, а в «доходности» и рентабельности своего производства, т.-е. не в том, чтобы производить именно то и в таком количестве, как это определяется социальными потребностями, а то, что наиболее выгодно и что дает наибольший доход. Таким образом, стимулом современного производства является стремление к увеличению прибыли, извлекаемой из производства, т.-е. частноправовой принцип хозяйства.

Другая функция современного общественного производства — это сохранение его на уровне имеющихся определенных производительных ресурсов. На выяснении ее Родбертус подробно не останавливается, указывая, что эта функция также удовлетворяется на основании частноправового принципа, т.-е. не с помощью определенной общественной организации, а отдельными предпринимателями, заботящимися о том, чтобы в их производстве имелось соответствие между

производством и воспроизводством, т.-е. между теми материальными затратами на производство и получаемым от этих затрат продуктом производства, из которых часть должна выделяться на восстановление средств производства.

Наконец, третья функция—справедливое разделение того продукта, который получается в результате процесса общественного производства. Как же происходит при настоящих условиях распределение общественного продукта? Необходимо, чтобы это распределение было справедливым. Это требование является основной социальной проблемой, которую должно себе поставить всякое общество на основании, конечно, тех или иных принципов, которые являются выразителями этой справедливости. Что же представляет из себя это «справедливое распределение» и как оно осуществляется в настоящих условиях? Справедливым распределением Родбертус считает такое, в котором каждый производитель и каждое действующее лицо, участвующее в производстве, получает полный продукт своего труда; справедливое распределение—это право на полный продукт своего труда. Однако действительность, говорит Родбертус, не знает существования распределения на основании полного продукта своего труда: и рабочий и производитель в современном обществе не получают полного продукта своего труда. Современное общественное распределение выдвигается в три элемента: прибыль, заработную плату и ренту. Что же из себя представляют эти три элемента общественного распределения продукта и в чем их сущность?

Родбертус прежде всего останавливается на вопросе о ренте.

Рентой Родбертус называет вообще нетрудовой доход, который получается без непосредственного труда лица, участвующего в производстве, в силу известных имущественных, т.-е. частноправовых отношений. Родбертус указывает, что рента в таком смысле, как нетрудовой доход вообще, является исключительно понятием, созданным вследствие известных юридических и правовых имущественных отношений. Рабочая плата, рента, земельная рента и прибыль на капитал существуют лишь потому, что существуют известные общественно-экономические отношения между лицами, соединенными узами разделения труда в одно общество. Итак, рента представляет из себя известный вид и часть общественного дохода, получаемого без собственного труда, исключительно в силу обладания известным имуществом. Ренту, следовательно, Родбертус понимает как вообще нетрудовой доход, отличаясь тем от других экономистов, которые под именем ренты рассматривают только поземельный доход.

Каким же образом возникает этот нетрудовой доход? Стоя на точке зрения трудовой ценности, т.-е. того взгляда, что ценность создается лишь трудом, Родбертус приходит к заключению, что рента, как всякий доход, является результатом труда, но труда, очевидно, другого лица, т.-е. не лица, получающего ренту, а того лица, которое непосредственно участвует в создании ценности, но передает этот доход другим, которые в создании этой ценности не участвуют. Для

того, чтобы получилась такая рента, необходимы следующие условия. Во-первых, не может быть ренты, если труд создает меньше того, что требуется для поддержания жизни и существования рабочего и его семьи. Для возникновения ренты, следовательно, требуется создание известного излишка, т.-е. прибавочного продукта, против того количества благ и ценностей, которые необходимы рабочему для поддержания его существования. Во-вторых, рента не может быть, если не имеется общественных учреждений, лишающих рабочего всего или доли этого избытка и передающих его другим, лично не работающим. То обстоятельство, что рабочий может добыть этот избыток, основание свое имеет в хозяйственных причинах, повышающих производительность труда. То же обстоятельство, что этот избыток созданного рабочими продукта частью или целиком отбирается и передается другим—основывается на положительном праве и силе принуждения.

Каковы же те институты, которые создают возможность существования такого нетрудового дохода? Рассматривая их с исторической точки зрения, Родбертус указывает, что эти институты резко менялись на протяжении истории, но сущность их оставалась всегда одна и та же. Первым и наиболее видным институтом является рабство и крепостничество, когда прибавочный продукт, который создают рабы и крепостные, присваивается землевладельцем-помещиком и рабовладельцем. Это присвоение ясно и очевидно. Крепостные крестьяне работают три дня на себя, для поддержания своего существования, и три дня—для создания прибавочного продукта в виде барщины—на своего владельца. Рабы же целиком отдают свой труд рабовладельцам, и последние выдают рабам только «корм», т.-е. количество продуктов, необходимых для жизни. Поэтому в рабстве факт присвоения прибавочного продукта является открытым и явным. Но и рабство возникает, как показывает Родбертус, только на известной стадии производительности труда, так как мы можем представить себе такое положение, когда производительность рабского труда настолько мала, что раб выработывает только на свое прокормление и само рабовладение существовать не может. Разницы между рабством, когда присвоение прибавочного продукта труда является совершенно открытым, и между присвоением прибавочной ценности в других социально-юридических условиях—в сущности нет, так как по существу получается то же самое явление—присвоение прибавочной ценности труда лицами не трудящимися с помощью юридических и социально-экономических институтов. Поэтому, рабочий, получивший вследствие современных экономических и юридических институтов юридическую свободу, сравнительно с рабством и крепостничеством, не получил, однако, тех экономических условий, с помощью которых он мог бы получить полный продукт своего труда. Такое положение вещей и должно привести к тому, что рабочий принужден пользоваться только частью продукта своего производства, т.-е. получать тот же «корм», как и раб, а остальную часть

должен отдавать собственнику. Поэтому Родбертус и говорит, что «если труд достаточно производитель и если существует право собственности на землю и капитал, то неизбежно и само собой должно произойти то, что рабочий будет получать только часть своего рабочего продукта, остальная же поступит в пользу землевладельца и капиталиста». Таково возникновение вообще нетрудового дохода или вообще ренты, в противоположность заработной плате, которую получает рабочий за свое участие в производительном процессе.

Каким образом нетрудовой доход при современных условиях разделяется на свои отдельные виды, т.-е. на прибыль и на земельную ренту? Родбертус рассматривает этот вопрос распределения нетрудового дохода также с помощью исторического метода. Он указывает, что в древнем обществе нетрудовой доход не распределяется на отдельные элементы, как в современном распределении. В древности все имущество представляло определенную и единую имущественную массу, и весь доход с нее представлялся единым нетрудовым доходом. Так было у патриция-рабовладельца, который, обладая имуществом, вследствие отсутствия разделение труда, получал единую ренту. Современное общество построено в самых основах своего производства иначе, и весь нетрудовой доход распределяется между отдельными классами, а самый производительный процесс ведется не для удовлетворения непосредственных потребностей производителя, а для обмена и удовлетворения общественных потребностей—для продажи. Поэтому, вся общественная производительность построена на разделении труда, которое и является причиной того, что в процессе распределения общее понятие единого нетрудового дохода, как такового, делится на отдельные элементы—прибыль на капитал и земельную ренту.

При условиях разделения труда все современное общественное производство, по мнению Родбертуса, может быть разделено на две особые группы производственных функций—на производство сырья и переработку его в продукт. Поэтому и единый нетрудовой доход также делится на нетрудовой доход, получаемый землевладельцем при производстве сырья, и доход, получаемый фабрикантом при переработке этого сырья в продукт. Каким же образом определяются размеры этих двух видов нетрудового дохода и в какой пропорции делится единый нетрудовой доход (за вычетом средств существования рабочего) между отдельными классами? Для определения величины доли этих доходов (прибыли на капитал и земельной ренты) Родбертус также исходит из принципа трудовой ценности. Хотя современное общество основано на разделении труда и на обмене произведенными продуктами, но труд все же остается единственным определителем ценности. Следовательно, продукты должны обмениваться и в этих условиях производства пропорционально их трудовым ценностям. Если трудовая затрата в двух стадиях производства—в производстве сырья и в переработке его в продукт—равны, то и те части, которые получают землевладелец и капиталист, должны быть одинаковы.

На самом деле условия производства в действительности несколько иные, не дающие возможности обращения хозяйственных благ пропорционально их трудовым ценностям.

Дело в том, что для капиталиста-фабриканта, перерабатывающего сырье, необходима затрата известного капитала на покупку этого сырья, тогда как для землевладельца нет необходимости в покупке сырья, потому что оно производится непосредственно в хозяйстве. Следовательно, капиталы, затраченные капиталистом и землевладельцем, в сущности не одинаковы. Представим себе, что в общем процессе народного производства имеется продуктов сырья на 10 тысяч единиц трудовой ценности; предположим, что переработка этого сырья на фабрики требует также 10 тысяч единиц труда. Если предположить, что имеется определенное количество нетрудового дохода в общем процессе производства, то доход этот должен одинаково распределиться между сельским хозяином, производителем сырья и капиталистом-фабрикантом, производящим обработку этого сырья. Но капиталист должен истратить 10 тысяч на покупку сырья и 10 тысяч на его переработку, следовательно истратить всего капитала на 20 тысяч, тогда как сельский хозяин должен затратить капитал только в 10 тысяч. Количество же нетрудового дохода на эти неравные доли капитала одинаковы: например, по 1.000—как с 10 тыс. капитала землевладельца, так и с 20 тыс. капитала фабриканта. Но, по закону равенства прибылей, не могут существовать несколько различных норм прибыли на один и тот же капитал, т.-е. что землевладелец не может получить на 10 тысяч капитала больше прибыли (по 1.000 с каждых 10.000), чем капиталист при производстве обрабатывающей промышленности (получающий по 500 с каждых 10.000). Поэтому излишек прибыли при производстве сырья поступает не в руки предпринимателя, который занят переработкой сырья, а—землевладельца. Таким образом получается тот избыток дохода, который получает землевладелец, не как участник производительного процесса, а лишь как обладатель земельной собственности. Отсюда и возникает земельная рента, как особый вид нетрудового дохода.

Отсюда же видно, что понятие ренты вообще, по Родбертусу, резко отличается от того понятия ренты которое было установлено Рикардо. Родбертус не отрицает возможности ренты, в смысле разницы плодородия участков, как это утверждает Рикардо. Но вместе с тем Родбертус указывает, что, кроме этой дифференциальной ренты, может быть рента абсолютная, т.-е. участок земли даже самый плохой должен давать ренту, как известный избыток, «сверх прибыль», сравнительно с той прибылью, которая получается при производстве фабрикаторов.

Из сказанного ясно, что теория Родбертуса представляется оригинальной трактовкой вопроса о ренте. Тем не менее она не соответствует действительному положению и не может считаться правильной. Дело в том, что фактически не существует принци-

пиальной разницы в затратах капитала на приобретение сырья и на переработку его фабрикантом. Эта разница имеется и на всех стадиях: постепенного движения продукта и постепенной его переработки, потому что не только сырье перерабатывается в полуфабрикат, но и этот последний может перерабатываться в фабрикат, и, наконец, еще этот последний может потерпеть какую-либо дальнейшую переработку и приобрести какую-либо новую ценность. Следовательно, если земельная рента, как нетрудовой доход, является результатом разницы капитала, затраченного на производство сырья, и капитала, затраченного на производство промышленного продукта, то нужно предположить, что существует много рента, т.-е. рента должна получаться не только на стадии получения сырья, но и, например, фабрикантом пряжи—сравнительно с фабрикантом ткани, и фабрикантом ткани—сравнительно с фабрикантом готового платья. Ибо, при всяком последующем движении и обработке, всякий следующий производитель должен затратить больший капитал на приобретение обработанного полуфабриката или материала для дальнейшей его обработки. Естественным следствием этого было бы существование целого ряда рент, как отдельных частей нетрудового дохода. Таким образом, теория ренты Родбертуса не может считаться правильной.

В тех же «Письмах к Кирхману» Родбертус касается другого вопроса распределения—о заработной плате. Он приходит к выводу, что заработная плата, как доля трудящихся классов, представляет из себя долю постоянно уменьшающуюся и падающую сравнительно с долей не работающих классов, которую последние получают в виде нетрудового дохода. Поэтому Родбертус утверждает, что заработная плата является всегда простым «кормом», как он прежде выдавался рабам, т.-е. простым *minimum* средств существования, ибо хотя производительность труда повышается, но вместе с тем падает расценка этого труда, т.-е. заработная плата,—и рабочий получает все меньшую долю участия в общественном доходе.

Поэтому положение рабочих Родбертус окрашивает пессимистическими чертами, считая, что хотя денежная заработная плата может повышаться, но реальная заработная плата стремится к постоянному относительному уменьшению. Это постоянное уменьшение доли рабочих в общественном доходе становится постоянным патологическим явлением современного капиталистического строя. Действительно, если рабочий получает все понижающуюся долю общественного продукта и если продукт все менее и менее находит себе потребителей, то ясно, что капитализм должен время от времени переживать более или менее длительные болезненные состояния—от невозможности реализовать свой продукт. Покупательная сила большей части общества, т.-е. рабочих, уменьшается по мере развития производительности, получается ценность, не находящая покупателей (товарное перепроизводство), хотя бы потребности массы населения не удовлетворены, благодаря постоянному понижению заработной платы.

Итак, кризисы перепроизводства, по мнению Родбертуса, органически связаны с самой сущностью современного капиталистического строя, являются его конституциональной болезнью. Поэтому эти кризисы могут быть излечены только общим преобразованием общественного строя, которое даст ему иные условия распределения и производства и иные юридические институты. Здесь Родбертус подходит таким образом к вопросу: насколько хозяйственно нецелесообразен и неправомерен вообще нетрудовой доход и насколько правомерна или неправомерна та частная собственность, которая является источником этого дохода. Родбертус далек от того, чтобы класть свои выводы в основу какой-либо социальной, а тем более политической программы. Тем не менее, он приходит к строго логическим выводам, что вся сущность разрешения социального вопроса— в разрешении этой основной проблемы, — проблемы имущественных отношений: частной собственности на землю и орудия производства и их справедливого распределения, и что без разрешения этой основной социальной проблемы собственности никаким другим путем социальную проблему разрешить нельзя.

Провозглашая столь определенно и резко сущность социальной проблемы, но стоя в то же время далеко от активной политической деятельности, Родбертус не опасался, однако, определенно-отрицательно высказываться по поводу социально-экономических программ и планов тех партий, которые не могли возвыситься до такого правильного разрешения социальной проблемы. Так, например, он резко отрицательно выступал против так наз. «катедр-социалистов», не могших возвыситься в своих программах до отрицания института частной собственности и приходивших к компромиссным программам о необходимости лишь некоторых социальных реформ и изменения социальных институтов, без уничтожения основы современного капиталистического общества—частной собственности. Поэтому, хотя Родбертус сам был крайне умеренных политических убеждений, он резко отзывался об этих «катедр-социалистах», не могущих привести к радикальному излечению современного общества. Но в то же время он резко относился к Лассалю за его участие в политической борьбе, считая, что разрешение социального вопроса заключается не в политических формулах, а в основном пункте социального вопроса— в имущественных отношениях и в уничтожении права собственности.

В связи с этим Родбертус ставит вопрос о том, каким образом может быть перестроено современное общество и какое отношение мы должны иметь к этому переустройству. Для Родбертуса не было собственно противоречия в том, что он придерживался умеренных политических воззрений и был в жизни аполитичным при крайности его социально-экономических взглядов. Для него социализм был исключительно теоретической проблемой, научной догмой, и в ней он оперировал со всей силой своего логического ума. Социальное движение было для него исторической проблемой. Он смотрел на современный капиталистический строй, как на историческую хозяйственную

форму, которая в своем развитии должна пройти ряд круговоротов и должна подлежать дальнейшему преобразованию согласно определенным законам этого развития.

Поэтому он вполне примыкает к социализму, как догме, но тем не менее не считает необходимым вести какую-либо определенную политическую борьбу для немедленного его осуществления. «Современное общество, говорит он, уже вполне и целиком попало в коммунистический поток, но все же я не рассчитываю на уничтожение земельной и капитальной собственности в ближайшем будущем. Противоположные экономические и правовые убеждения, могущество интересов, связанных с земельной и капитальной собственностью, интеллектуальное и моральное состояние как господствующих классов, так и рабочих, делают невозможным еще на много десятков лет крушение столь глубоко коренящихся социальных институтов».

Аполитичность Родбертуса тем не менее не давала ему возможности закрывать глаза на неправомерность современных юридических институтов и расслоение общества на бедных и богатых. Много места в своих трудах посвящая вопросу о значении бедности и богатства, Родбертус указывает, что современное устройство общества можно представить в виде пирамиды, в основании которой лежат рабочие классы, а на вершине ее стоит небольшая кучка капиталистов. Такое строение пирамиды делается все более и более тягостным для существования современного общества. Рассматривая вопрос о социальном составе современного общества, Родбертус, например, указывает, пользуясь трудами статистиков Бакстера и Колькуна, на те изменения, какие произошли в структуре этой пирамиды в английском обществе в течение нескольких десятилетий: она стала более невыгодной для работающих классов и привела к обострению борьбы между ними. В основании пирамиды лежит многочисленный класс пауперов — безработных: число их—до 3 милл. душ, не имеющих никакого дохода; это резервная армия, которую держит современный капитализм. Далее—довольно обширный класс работающих, которых Родбертус изображает на диаграмме в виде муравьев; число их 10,9 милл. с доходом в 324 милл. фунт. Далее следуют около 2¹/₂ миллионов душ с небольшими доходами всего около 192 милл. фунт. Далее следует надстройка в виде средних классов, в числе всего 178 тыс. с общим доходом в 87,7 милл. фунтов, и вся пирамида увенчивается громадным золотым мешком, которым владеют крупные капиталисты и землевладельцы английского общества, всего 133 тыс. с общим доходом до 210 милл. фунтов.

Таково значение Родбертуса, как социолога и как экономиста. Из сказанного видно, что его социологические выводы, имея известную важность для его времени, все же не идут далее довольно примитивных и до некоторой степени наивных изображений состава современного общества, как это сделано в описанной пирамиде. Поэтому, как социолог, Родбертус не дал ничего нового и важного.

Все значение Родбертуса—как теоретика и экономиста, и в этом отношении он внес крупный вклад в экономическую науку.

Но, кроме того, Родбертус составил себе крупное имя в области экономической истории и исторической теории. Как историк, Родбертус представляет также довольно крупную величину в том отношении, что он один из первых обратил внимание на изучение экономической жизни с точки зрения исторического метода, не в смысле простого накопления исторических фактов, как это было в исторической школе, но в смысле обобщения их и возведения их в историческую закономерность и создания теории экономического развития. Так, изучая древний хозяйственный строй, он впервые создал учение о «стадиях развития» хозяйственной жизни и подробно охарактеризовал ту первую стадию, которая получила название по его терминологии «ойкосного» хозяйства и в которой еще не имелось разделения труда, ни процесса общественного обмена, ни в денежной, ни в натуральной форме. Всеми этими своими историческими изысканиями Родбертус впервые дал возможность более прочного обоснования исторического взгляда на экономическое развитие и более широкого, чем это сделано было исторической школой.

Литература. Родбертус, Косвещению социального вопроса. Письма к Кирхману. Письмо 1,—перевод Давыдова, 2-е и 3-е—перевод Соболева.—Родбертус, Капитал, 4-ое соц. письмо к Кирхману. СПб. 1906.—Зибер, К. Родбертус-Ягетцов Юрид. Вестн. 1881.—Плеханов, Экономическая теория К. Родбертуса-Ягетцова, в сборнике «За двадцать лет». СПб. 1906.—Родбертус, Исследования в области национальной экономики классической древности, Яросл. 1880—87 г.

ФЕРДИНАНД ЛАССАЛЬ (1825—1864).

Рассмотревши учение Родбертуса, как типичного—чисто «кабинетного»—представителя научного социализма, перейдем теперь к совершенно иному типу германского социалистического мыслителя и деятеля, каким представляется Ф. Лассаль. Его жизнь и творчество уже не были так оторваны от общественной и политической жизни Германии, а, наоборот—все социально-политические события германской жизни 50—60 годов нельзя рассматривать вне деятельности Лассалья.

В Германии после революции 1848 г. наступила, как везде в Европе, полоса политической реакции. В экономическом отношении, однако, эта эпоха была временем значительных успехов капиталистической промышленности, а вместе с тем и увеличения численности фабричного пролетариата. Однако долгое время ни в германском обществе вообще, ни среди рабочих не наблюдалось сколько-нибудь заметных движений. Общественно-политическое оживление начинает замечаться только после 1857 года, который был отмечен во всей Европе сильным промышленным кризисом. Это обстоятельство, вместе с возникшей отсюда безработицей, явилось причиной как назревания чисто экономического, рабочего, движения, так и политического движения среди буржуазии. В политическом отношении это была эпоха подготовки

образования германского государственного единства под гегемонией прусского «бронированного кулака», милитаризованного прусского помещицкого юнкерства. Если сюда прибавить, что отзвуки недавней французской революции 1848 г. все же не были задавлены реакцией и рабочее движение в Англии и Франции стало принимать международный характер,—станет ясным, насколько сложны были общественные и политические отношения в Германии того времени.

К этой эпохе главным образом и относится деятельность первого и замечательнейшего общественного борца за интересы рабочего класса и его организатора, а вместе с тем и блестящего популяризатора социалистических доктрин—Фердинанда Лассалья.

Блестящий оратор, человек кипучей энергии, талантливый организатор, Лассаль приобрел известность и оставил крупное имя не столько в области развития экономической доктрины, сколько в социально - экономическом движении. Его научные изыскания внесли немало нового в науку; и в частности его теоретические экономические воззрения мало чем отличаются от более могучего теоретического ума Маркса. В области же агитационной литературной деятельности, по своему блеску и популярности среди германских рабочих, Лассаль стоит отчасти даже впереди Маркса. Основанный Лассалем в 1863 году «Всеобщий союз германских рабочих» является началом теперешней социал-демократической организации Германии. Пламенный политический борец, Лассаль сыграл крупную роль в немецком общественном движении, и только кратковременность его политической деятельности (прерванной смертью на дуэли) явилась причиной некоторой непрочности результатов деятельности Лассалья.

Ф. Лассаль.

В области науки Лассаль оставил после себя след отчасти исследованиями чисто юридическими (по наследственному праву), отчасти философскими (ранняя работа о философии Гераклита). Из них обнаруживается, что Лассаль по своим философским воззрениям примыкал к распространенному тогда в Германии философскому направлению Гегеля и Фихте, не производя еще в этих течениях немецкого

идеализма того превращения в материализм, как это было сделано Марксом.

В области собственно экономических воззрений доктрина Лассалья мало чем отличается от Маркса, воспринимая в то же время весьма близко, с одной стороны, идеи французских социалистов, с другой стороны—их практические попытки осуществления принципа ассоциации.

Так же, как Родбертус и под его влиянием, Лассаль в основу своих историко-экономических воззрений кладет принцип частной собственности и историческую необходимость ее постепенного уничтожения. Этот принцип частной собственности обуславливает и характер концепции государства: при господстве принципа частной собственности складывается «буржуазное» государство, без частной собственности—получается «истинная» концепция государства, концепция государства рабочего класса. Последнему должна принадлежать важнейшая роль в деле преобразования общественного и государственного строя. Если до великой французской революции руководящей общественной идеей и руководящим общественным классом было землевладение; если после великой революции и до 1848 г. наступила эпоха господства буржуазии и буржуазных свобод, то теперь, после революции 1848 г., наступает эпоха преобразования общественных отношений. У буржуазного государства главная цель—охранять свободу и собственность отдельных лиц. Этого было бы достаточно, если бы действительно все были одинаково сильны, умны, культурны. Так как этого нет, то роль государства, как «ночного сторожа» свободы и собственности, в сущности сводится к допущению эксплуатации сильным слабого. Роль «истинного» государства должна быть иной. Человек остается слабым, пока он одинок. Единение создает ему силу, а государство является олицетворением этого единения. Государство должно, таким образом, вмешаться в индивидуальную экономическую и социальную борьбу отдельных личностей и взять на себя осуществление высших целей—высшей культуры человечества.

Отсюда вытекают и два дальнейших вывода как теоретических, так и практических в деятельности Лассалья. Смотри так на государство, он выставляет два основных требования в своих политических и экономических программах. Во-первых—чисто политическое требование всеобщего избирательного права, чтобы рабочие могли оказывать непосредственное влияние на ход и работу государственной машины. Во-вторых—экономическое вмешательство государства в область труда и, в частности, создание государством субсидируемых общественных мастерских. В разработке вопроса о последних Лассаль просто копирует проекты Луи Блана. Рабочий класс только тогда может надеяться улучшить свое положение, освободиться от эксплуатации капиталом и от «железного закона заработной платы», когда частное предпринимательское хозяйство будет заменено коллективистическим. Организацию этих коллективных предприятий государство должно взять на себя.

Из сказанной характеристики видно, насколько идеи Лассаля, по крайней мере практически, мало отличались от идей Луи Блана. Тем не менее, в связи с требованием политических прав, с блестящими ораторскими и политическими талантами Лассаля, его роль среди германских рабочих была безусловно более значительной, чем роль Луи Блана во Франции. Его влиянию и популярности в частности способствовала его бурная полемика с другим довольно видным тогдашним деятелем Германии—Шульце-Деличем. Последний в противоположность Лассалю проповедывал среди германских рабочих и ремесленников не идею производительных ассоциаций при помощи государства, а идею кредитных коопераций на основах самопомощи. Против этих-то идей основателя немецких ссудо-сберегательных товариществ и направил свое бурное красноречие и сарказм Лассаль, предостерегая рабочих от увлечения этими мелкими «мещанскими» попытками медленно достигнуть благополучия путем самопомощи, вместо достижения политических прав и общего улучшения своего положения. Будущее показало, что в среде мелкой буржуазии победителем остался Шульце-Делич, хотя упреки Лассаля в уклоне к «мещанству» были вполне справедливы. В политической же деятельности поле битвы осталось за Лассалем, так как требования всеобщего избирательного права стало требованием и необходимой предпосылкой всякой, не только политической, но и социально-экономической программы. В этом—главное значение Лассаля, являющегося представителем «государственного» социализма и соединяющего экономическую концепцию вмешательства государства с политическим требованием реформы избирательного права.

Литература. Лассаль, Сочинения, 1—3. Спб. 1905.—Бернштейн. Очерки из истории и теории социализма. Спб. 1902.—Гумплович. Ф. Лассаль, Спб. 1906.—М а й с к и й. Лассаль. 1923.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Карл Маркс и марксизм.

К. Маркс родился 5 мая 1818 года, в г. Трире, Рейнской обл. Он происходил из интеллигентной и состоятельной семьи. Отец его был адвокатом, человеком широко образованным, воспитанным на передовых философских и политических учениях конца XVIII в. Поэтому К. Маркс еще с юных лет стал знакомиться с произведениями великих мыслителей и поэтов XVIII века. Поступив в берлинский университет, он стал увлекаться изучением философии и тогда же примкнул к прогрессивному философскому течению Германии того времени, к кружку так наз. «левых гегельянцев». Первоначально, далекий от революционной среды и движений, К. Маркс предполагал посвятить себя научной карьере и готовился к профессуре. Но уже в студенческие годы К. Маркс стал все более примыкать к тому оппозиционному политическому движению, которое в то время стало развиваться среди немецкой интеллигенции и которое все более стало отталкивать К. Маркса от какой-либо официальной связи, хотя бы и в виде ученого, с господствующим тогда в Германии реакционным политическим строем. Одним из решающих поводов к разрыву К. Маркса с прежними своими предположениями о карьере официального ученого была отставка от преподавания в университете его друга, молодого приват-доцента Бруно Бауэра, которого прусское правительство преследовало за его политические взгляды.

Поэтому по окончании университета К. Маркс отдается литературной деятельности и с 1842 г. становится сотрудником, а затем и редактором «Рейнской Газеты». К. Маркс в это время не был еще социалистом и стоял лишь в рядах радикальной буржуазной оппозиции. Тем не менее прусское правительство уже тогда не могло переварить яркой политической литературной проповеди К. Маркса и в 1843 г. закрыло «Рейнскую Газету». Вследствие этого К. Маркс переезжает во Францию и здесь начинает усиленно изучать экономические науки вообще и в частности французских социалистов. К этому времени знакомится и сходится со своим будущим другом Ф. Энгельсом, тогда также эмигрантом. С этих пор К. Маркс становится уже убежденным социалистом, окончательно выработавшим

философские, общественные и экономические основы своей социалистической системы. Преследуемый правительством, К. Маркс переезжает из Франции в Брюссель.

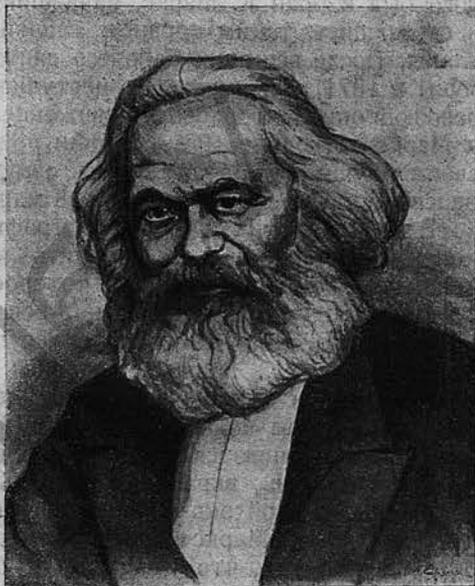
Уже в брюссельский период своей жизни К. Маркс издает ряд блестящих экономических работ ярко выраженного общественно-философского направления; такова, напр., его «Нищета философии», ответ на «Философию нищеты» Прудона, «Наемный труд и капитал», а также в 1847 г. знаменитый «Манифест коммунистической партии».

После февральской революции во Франции Маркс едет во Францию, а затем после революции в Германии вновь возвращается на родину уже законченным социалистом и революционером, тотчас же становясь во главе крайнего социалистического движения и защищая интересы пролетарской революции в возобновленной «Новой Рейнской Газете». Эта деятельность Маркса была, однако, весьма кратковременна, так как в Германии наступила реакция, начались преследования, и Маркс переехал сначала в Париж, а затем в 1849 г. в Лондон, где и остался до конца жизни (1883 г.).

Этот лондонский период жизни Маркса был самый тяжелый, но и самый плодотворный. Тяжелый,—как в общественном смысле, потому что долгое время это был период самой гнетущей реакции, так и в личном для Маркса смысле, так как семья Маркса испыты-

вала в это время крайнюю нужду, а затем К. Маркс потерял и свою жену. Тем не менее все эти несчастья несколько не подломили громадную силу воли и дух К. Маркса. Он попрежнему продолжает свою гениальную научную работу, оставаясь в то же время общепризнанным духовным вождем международного рабочего движения.

Здесь Марксом написаны его блестящие исторические работы «18 брюмера Л. Бонапарта» (1852 г.), «Революция и контр-революция в Германии» (вместе с Энгельсом, в 1851 г.; кроме ранее написанной в виде статей в «Новой Рейнской Газете» — «Борьба классов во Франции»). В 1859 г. появляется «Критика политической эконо-

К. Маркс.

мии», а в 1867 г. I том «Капитала». Остальные томы этого замечательнейшего произведения только более или менее вчерне были закончены Марксом и были изданы после его смерти: II т.—Энгельсом в 1885 г., III т.—им же в 1894 г. и, наконец, «Теория прибавочной стоимости» в 1904 г.—Каутским.

Занятый этими научными трудами и работая целыми днями в лондонской библиотеке, К. Маркс, однако, не оставлял и своей широкой общественно-революционной работы. После периода общественной европейской реакции с половины 60-х годов наступает вновь оживление рабочего движения как в Англии, так и на континенте Европы. В 1864 г. в Лондоне образуется «Международная ассоциация рабочих», так наз. «Первый Интернационал», в генеральный совет которого был избран К. Маркс, начавший играть там руководящую роль и сделавшись, таким образом, главой международного рабочего движения. После вспышки рабочего движения во время Парижской Коммуны в 1871 г. и вместе с наступившей реакцией, вновь затихает революционное и рабочее движение, распадается «Интернационал», и Маркс последние 10 лет жизни принужден отдаться исключительно своим научным работам, борясь с нуждой и болезнью. Он умер, сидя за своим письменным столом, 18 марта 1883 года.

В этих кратких и сухих биографических сведениях невозможно, конечно, сколько-нибудь отразить как величие личности Маркса, так и то громадное влияние, которое имел он на все современное ему и последующее общественно-революционное движение. И в дальнейшем изложении мы остановимся поэтому лишь на экономической догме учения К. Маркса, оставляя в стороне его общественную деятельность и его значение в общественно-революционном движении Европы, тем более, что марксизму вообще, в широком его понимании, посвящаются в настоящее время особые курсы, и здесь необходимо лишь вкратце изложить систему К. Маркса в связи с общей системой экономических учений.

Значение К. Маркса в истории экономической науки определяется обыкновенно тем, что он является основателем «научного» социализма. Этим он обычно противопоставляется «утопическому» социализму Фурье, Оуэна, Сен-Симона, Кабе и др., для которых социалистическое переустройство общества обуславливалось требованием их социалистического идеала, а не необходимостью исторического развития. Правда, к «научному социализму» можно уже причислить и социализм Родбертуса и отчасти Лассаля. Но у Лассаля вообще не было сколько-нибудь самостоятельной научной разработки экономической доктрины. У Родбертуса же его экономическая доктрина была совершенно оторвана от общего социологического и философского мировоззрения, не говоря уже о практическом движении социализма.

Наоборот, социализм Маркса представляет из себя строго-научное синтетическое мировоззрение, имеющее законченное обоснование и философское, и историческое, социологическое и экономическое.

В подобного рода синтезе социализм Маркса получает исключительно важное и особое значение в истории экономической и социологической мысли, получая, как законченная система, название «марксизма».

В дальнейшем мы и ограничимся краткой характеристикой этих сторон научной системы Маркса. Философские и социологические воззрения Маркса сводятся, главным образом, к так наз. «материалистическому пониманию истории» или к «экономическому материализму». Будучи в молодости учеником и последователем известных философов-идеалистов, в частности Гегеля, Маркс заимствовал основные философские воззрения и методологию у своих учителей, но, как он выражается, «поставил на ноги» перевернутую у Гегеля вниз головой его идеалистическую философию.

С точки зрения гегельянской философии, вся жизнь и вся история человечества есть не что иное, как процесс развития, осуществление во внешних формах идеи, идеального содержания. Этот процесс совершается диалектически, т.-е. через переходы к противоположностям и через соединение противоположностей—через тезис, антитезис и синтез. Другими словами, гегелевская философия рассматривала мир жизненных явлений диалектически, т.-е. в процессе развития, в движении, в причинной исторической связи, а не в изолированном, застывшем виде. Этот закон диалектического развития по Гегелю представляется универсальным, т.-е. приложимым ко всем явлениям.

Однако Маркс с диалектической идеей идеалистической философии Гегеля соединил материализм Фейербаха и французских философов XVIII века. Недостатком материалистической философии XVIII века являлось отсутствие идеи развития, т.-е. непрерывного, закономерного происхождения новых форм жизни из старых. Другая слабая сторона материалистических учений заключалась в том, что они распространяли свой материализм лишь на явления природы, не касаясь явлений общественного порядка. Первый вопрос—о применении идеи развития в области биологии был разрешен Дарвином в его «Происхождении видов». Второй вопрос—о применении материалистической философии в области общественного развития—Марксом. Маркс, заимствовав у Гегеля его диалектический метод, вложил в него не идеалистическое, а материалистическое содержание.

По Марксу, мир вообще и, в частности, мир общественных явлений движется также «противоположностями» и примирением их в синтезе, но этот процесс не есть осуществление идеального содержания, а, наоборот, в нем лежат причины чисто материальные. Основанием всех социально-исторических перемен человеческого общества является материальный фактор, развитие материальных, экономических «производительных сил». Развитие этих «производительных сил» обуславливает и все дальнейшие условия политической, культурной жизни общества, его психологии, морали и т. д. Лучшее всего это «материалистическое понимание истории» выражено в знамени-

том месте предисловия к «Критике политической экономии», которое приводим полностью.

«В отправлении своей общественной жизни люди вступают в определенные, неизбежные, от их воли независимые отношения,— производственные отношения,—которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил. Сумма этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания.

«Не сознание людей определяет формы их бытия, но, наоборот, общественное бытие определяет формы их сознания. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, среди которых они до сих пор действовали. Из формы развития производительных сил эти отношения делаются их оковами.

«Тогда наступает эпоха кризисов... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне старого общества» («К критике полит. экономии», предисловие).

Итак, вся общественная история зиждется по развитию материальных производительных сил. Но что такое самое понятие «производительной силы»? У Маркса мы не встречаем, как это часто бывает у него и в других случаях, точного и однообразного определения этого понятия, что вызывает необходимость толкований и обуславливает массу недоразумений и противоречий. Иногда Маркс понимает под производительной силой только средства производства и обмена, иногда придает этому термину более широкое значение, называя «производительной силой», напр., революционный рабочий класс. Различные толкования этого понятия встречаем поэтому и у толкователей Маркса — Энгельса, Каутского и др., которые часто расширяют понятие «производительных сил» до полной расплывчатости. Наиболее близко к концепции самого Маркса стоит понятие производительной силы, как совокупности средств производства и обмена, т.-е., в конечном счете, общественной техники. В этих-то производственно-технических условиях и в их изменениях и необходимо искать ключ к пониманию хода исторического развития.

Такова основа и первопричина исторического процесса общественного развития. В чем же заключается его содержание? Материалистическое понимание сводит его в конечном счете к так наз. «классовой борьбе». «История всех бывших до сих пор обществ была до сих пор историей борьбы классов». («Манифест»). Производственные условия современного общества объединяют отдельных лиц, участву-

ющих в производстве, по их положению в нем в качестве представителей труда или капитала, в обособленные группы на основе общности экономических интересов всех лиц, принадлежащих к той или другой группе. Эти группы и составляют понятие класса. А так как экономические интересы отдельных классов противоположны и антагонистичны, то и история общества сводится к истории борьбы классов.

Но что же такое класс, как известная производственная группировка общества? Здесь мы снова встречаемся с отсутствием у Маркса точной формулировки. Классом иногда Маркс называет только рабочих и буржуазию; иногда также помещиков, мелких крестьян, земледельческих рабочих и т. д. Самое число классов, в характеристиках Маркса, доходит до 5—8. Несмотря на эту встречающуюся у Маркса неточность терминологии, согласно духу основной его концепции необходимо признать, что Маркс принимает в абстракции существование в современном обществе лишь двух классов — рабочих и буржуазии. Существование этих двух классов обуславливается той же основной предпосылкой — решающим значением производственных отношений. Противоречивый характер современных капиталистических отношений создает только два основных класса: рабочих, лишенных орудий производства и капиталистов, собственников этих средств производства.

Этим обуславливается и характер классовых отношений у Маркса. Эти классовые отношения характеризуются антагонизмом и подчинением. Они вытекают из лишения рабочего орудий труда и производства и необходимости поэтому продавать свою рабочую силу лицам, обладающим этими орудиями производства.

Как видно из сказанного, учение о классовом составе общества у Маркса не является совершенно новым учением. Правда, оно совершенно отрицает оптимистические и либерально-индивидуальные концепции классической школы, с их учением о «единстве» классовых интересов. Но и идея противоположности классовых интересов все же, как мы видели, довольно глубоко внедрилась уже у некоторых социалистов-утопистов, в частности у Сен-Симона.

Перейдем теперь к экономической системе К. Маркса. На отдельных частях ее нам неоднократно приходилось останавливаться в курсе теории политической экономии, так что здесь только вкратце сведем уже известные положения марксовской экономической теории по отдельным ее проблемам.

Необходимо прежде всего указать, что, излагая свою экономическую систему, К. Маркс совершенно далек от того, чтобы рисовать фантастические проекты экономического устройства будущего социалистического общества, как это делали социалисты—утописты. Наоборот, он занят исключительно изучением и анализом строения капиталистического общества, но в этом анализе Маркса гораздо более социализма, чем во всех фантазиях Фурье, Оуэна и С.-Симона, вместе взятых. Изучая и анализируя экономику капиталистического

*См. за
у Маркса*

общества, Маркс вместе с тем устанавливает и законы его развития, т.-е. непреложную историческую необходимость превращения его в новое социалистическое общество.

Естественно поэтому, что вместе с тем К. Маркс не устанавливает каких либо абстрактных, абсолютных и вечных законов и не анализирует абстрактные экономические положения, как то делали классики, а лишь реальные, конкретные явления капиталистического общества. «Богатство общества, в котором господствует капиталистический способ производства, состоит из несметного накопления товаров. Наше исследование начинается поэтому с элементарной формы этого богатства, с анализа товара». (Капитал, гл. I). Так начинает К. Маркс свое знаменитое исследование.

Анализ товара приводит К. Маркса к основной проблеме политической экономии, к проблеме ценности. Но, как видно из сказанного, самая постановка этой проблемы у К. Маркса совершенно иная, чем у классиков или, особенно напр., у австрийской школы. Маркс не трактует понятие ценности, как абсолютное, вне времени и пространства понятие. Он рассматривает это понятие в неразрывной связи с ее конкретной в капиталистическом обществе формой—с товарной формой.

«Товар—прежде всего вещь, которая своими свойствами удовлетворяет какую-нибудь из человеческих потребностей». Эта способность товара удовлетворять какую-либо потребность обуславливается свойственными данной вещи химическими, физическими и пр. качествами; они лежат в основе полезности вещи и ее потребительной ценности; они же образуют «вещное содержание богатства». Но «в той общественной форме, которую мы только и будем рассматривать, они в то же время образуют естественное основание меновой ценности».

Меновая ценность является прежде всего количественным отношением, в котором обмениваются один товар на другой. В процессе обмена встречаются самые различные товары и обмениваются в известных количествах друг на друга. Так, 10 аршин холста обмениваются на 1 сюртук, на 1 кварталер пшеницы, на X унций золота. Телесно все эти товары различны, несравнимы; каждый из них имеет совершенно отличную от другого потребительную ценность. Но раз они обмениваются друг на друга и между ними в известных пропорциях ставится знак равенства, то ясно, что между ними есть что-то общее. Этим «общим» не могут быть их химические, физические и т. п. свойства; все эти свойства у них совершенно различны, да и не могут не быть различны, так как только поэтому они и обмениваются. «Товары, как потребительные ценности, прежде всего различны по качеству, а как меновые ценности они могут быть только различны по количеству и не содержат, следовательно, ни атома потребительной ценности».

Отбрасывая, след., эти качественные свойства товара, не могущие лечь в основу их меновых оценок и отношений, мы можем найти

только одно свойство, общее всем товарам, что они—продукты человеческого труда. При этом, если для получения каких-либо конкретных потребительных ценностей (стол, дом, пряжа) требуется конкретный же труд (столяра, плотника, ткача), то в товаре, в меновой его ценности все эти конкретные формы труда также исчезают. В товарах остается только то, одно и общее всем им свойство, независимое от конкретных форм, что все они являются продуктом человеческого труда вообще, абстрактного человеческого труда.

Итак, труд, абстрактный человеческий труд, как затрата человеческой энергии, является единственной субстанцией и единственным мерилом меновой ценности.

В процессе обмена сталкиваются товары самых разнообразных химических, физических и т. п. свойств; но эти товары, являясь потребительными ценностями, конкретно совершенно различны и несравнимы. Единственной основой уравнивания их в процессе обмена является труд, одинаково присущий, в абстрактной форме, всем товарам. Ценность есть, таким образом, «кристаллизованный труд», «сгусток труда».

В чем же заключается процесс труда, как процесс создания ценности в товарном обществе и какова его социальная сущность? Процесс труда в современном капиталистическом обществе характеризуется: 1) тем, что наемный рабочий лишен средств производства и принужден продавать свой труд предпринимателю; 2) что эти орудия производства находятся у предпринимателя на началах частной собственности; 3) что продажа и наем труда происходят в свободных формах, не как при рабстве и крепостничестве. Капиталист, обладающий средствами производства, покупает также и рабочую силу и пускает ее в процесс производства. В этом процессе орудия производства только лишь переносят ценность свою на новые продукты, но не создают никакой новой ценности. Новую ценность создает только труд; это свойство труда составляет сущность всякого производительного процесса везде и во все эпохи. В чем же заключается капитализм, как особая форма производства? Капиталист, приобретая орудия производства и рабочую силу, оплачивает их на рынке по их действительной стоимости полностью. Рабочую силу он оплачивает заработной платой. Что такое заработная плата? Это рыночная цена труда. Чем же определяется эта цена? Она, как и цена всякого другого товара, определяется ценностью воспроизводства этого товара. По отношению к рабочей силе это будет ценность средств существования рабочего и его семьи. Капиталист, оплачивая рабочему заработную плату, оплачивает полностью рыночную цену труда, но в условиях капиталистического производства этот способ расплаты приводит к важным последствиям. Предположим, что на воспроизводство средств существования рабочего требуется 5 час. работы. Но нанимая, по условиям найма, рабочего на целый день, капиталист заставляет работать его не 5 час.,

а 10 час. Таким путем сверх «необходимого» продукта для воспроизводства рабочей силы, равного заработной плате, рабочий создает еще «прибавочный продукт», идущий в пользу капиталиста. Возникает так наз. «прибавочная стоимость», как результат капиталистического способа производства, результат эксплуатации капиталистом наемного труда. Тайна, почему капитал, приложенный в производстве, может как бы создавать новые ценности, разоблачена,— говорит Маркс. Вместе с разрешением этой экономической проблемы разрешается и та социальная загадка, каким образом и почему владеющий, состоятельный класс живет за счет класса неимущего. Она заключается в возможности, благодаря частной собственности на орудия производства, эксплуатации капиталом рабочего, т.-е. человеком же другого человека.

Что же такое капитал? Классики считали, что капитал—это накопленный в средствах производства труд, что это вообще средства, производства, сырье и т. д. Но каким же путем эти средства производства, мертвые его материалы приобретают способность давать приращение ценности? Классики этого не могли объяснить. Получалось, что капитал—это ценность, создающая, в силу каких то особых своих свойств, новую ценность, это «курица, несущая золотые яйца». Вскрытие тайны создания прибавочной ценности разоблачает нам и то, что сам по себе капитал не обладает никакой «самопроизводящей» силой. Но вследствие возможности конденсировать и нанимать для использования в производстве рабочую силу капитал приобретает громадную роль в современном производстве. Благодаря собственности на средства производства, капиталист получает возможность, нанимая рабочего и уплачивая ему лишь рыночную стоимость рабочей силы, весь произведенный избыток продукта и ценности, присваивать себе.

Другими словами, капитал, как средство производства, не создает никакой новой ценности, и присвоение прибавочной ценности капиталистом происходит не вследствие каких-либо особых свойств капитала, а благодаря наличности определенных правовых и имущественных институтов частной собственности. Каков же характер и положение капитала в процессе производства и какова тенденция развития капиталистического производства?

Здесь мы приходим к следующей историко-экономической концепции Маркса. Закон капиталистического развития, по Марксу, состоит: 1) в концентрации капиталистического производства; 2) в централизации капитала. Капитал начал свою экономическую жизнь с разгрома мелкой собственности, с поглощения мелкого некапиталистического производителя—ремесленника. Введение машин и быстрый прогресс техники давали капиталистическому производству и капиталисту, как собственнику усовершенствованных средств производства, настолько неоспоримые преимущества, что дешевый продукт крупного машинного производства окончательно вытеснил мелкое производство. Чем крупнее производство, чем большей мощи

машина применяется в производстве, тем более успешно идет повышение производительности. Поэтому тот же процесс поглощения мелких производств более крупными, который происходил на заре капитализма при поглощении им ремесленного производства, идет и в настоящее время: крупный капитал поглощает мелкого капиталиста; происходит концентрация производства.

Другое явление—централизация капитала. По условиям современной техники и преимуществам крупного производства, мелкий капитал самостоятельно вообще существовать не может и поэтому мелкие капиталы мелких собственников стремятся аккумулироваться, соединиться в один более крупный капитал, чтобы организовать одно крупное производство. Маркс только намечил и предвидел этот процесс, так как в то время он еще не мог видеть того блестящего развития процесса аккумуляции капиталов, который в настоящее время находит себе осуществление в развитии грандиозных акционерных компаний, трестов, синдикатов и т. п. К чему же приводит централизация и концентрация капитала и может ли она вывести капиталистический строй из присущих ему противоречий? Конечно, возможность централизации и концентрации составляет большой успех капитализма, так как он чрезвычайно повышает производительность. Но зато, чем больше повышается эта производительность и техника капиталистического производства, тем более обостряется внутреннее и общее противоречие всего капиталистического строя, «противоречие между организованностью производства на каждой отдельной фабрике и анархией общественного производства в целом». Капиталистическое производство постигают периодически повторяющиеся кризисы, как конституциональная, хотя и перемежающаяся болезнь всего капиталистического хозяйства. «В кризисах находит себе крайнее выражение противоречие между обобществленным производством и капиталистическим присвоением. Товарное обращение моментально прекращается; средства обращения, деньги, делаются препятствием к обращению; все законы товарного производства и товарного обращения становятся на голову. Экономическая коллизия достигает своего апогея: способ производства встает против способа обмена, производительные силы—против способа производства, который их создал».

«То обстоятельство, что общественная организация производства внутри отдельных фабрик развилась до такой степени, что делается несовместимой с развивающейся рядом с нею анархией производства в обществе,—это обстоятельство делается осязательным и для самих капиталистов, благодаря сильной концентрации капиталов, совершающейся во время кризисов вследствие разорения многих крупных и, еще более, мелких капиталистов. Весь механизм капиталистического способа производства перестает функционировать под тяжестью им самим порожденных производительных сил. Он не может всю массу средств производства превратить

в капитал. Они лежат без употребления, и именно поэтому промышленная резервная армия должна оставаться безработной.

Таким образом, во-первых, капиталистический способ производства доказывает собственную неспособность к дальнейшему управлению производительными силами, и, во-вторых, эти производительные силы сами требуют, с возрастающей энергией, устранения противоречия, освобождения их от капитализма и фактического признания их, как общественных производительных сил. (Анти-Дюринг, стр. 155).

Рассмотрение капиталистического развития естественно должно было привести Маркса к разрешению вопроса о том, каково же будущее этой преходящей социально-экономической формы капитализма? Маркс выдвигает здесь ряд положений и «законов», объясняющих и обосновывающих то «саморазрушение», которое неизбежно должно постигнуть капиталистической строй.

Неизбежность и историческая необходимость этого «саморазрушения» капиталистического общества вытекает из тех «противоречий» капиталистического строя, которые присущи ему не в качестве временных и изживаемых затруднений, а в виде постоянной неизживаемой болезни капиталистического общества, как классового общества, основанного на противоречии классовых интересов труда и капитала.

К числу этих явлений капиталистического общества, выливающих в неразрешимые противоречия, относится вопрос о населении, который Маркс формулирует как один из «законов» развития капиталистического общества и накопления.

В капиталистическом обществе, по самым социально-экономическим условиям его существования, имеется всегда известное перенаселение, т.-е. избыток населения сравнительно со средствами существования. Это перенаселение — не тот естественный, физиологический закон, как у Мальтуса. По Марксу, — это лишь социальный закон, обусловленный известными социальными причинами и отношениями капиталистического общества. Капитализм, со свойственной ему цикличностью хозяйственной жизни и повторяющимися периодами повышенной конъюнктуры и кризисов, не может существовать без резервной армии рабочих. Он то притягивает, то отталкивает массы рабочих, сообразно оживлению или сокращению производства. Маркс насчитывает три вида и три основных причины капиталистического перенаселения: текучее, скрытое и стационарное. Текучее перенаселение обуславливается неодинаковым спросом со стороны капитала на различные возрастные группы рабочих, и преимущественный спрос, при машинном производстве, на труд малолетних, почему с достижением известного возраста рабочий постоянно попадает в армию безработных. Скрытое перенаселение обуславливается постоянным притоком рабочих к городам из деревни, где всегда имеется известный избыток населения. Стационарное перенаселение — это постоянная армия хронических безработных, не находящихся

возрастает бедность, гнет, порабощение, унижение, эксплуатация; но увеличивается также и возмущение рабочего класса, который постоянно возрастает и постоянно обучается, объединяется и организуется самим механизмом капиталистического производства. Монополия капитала становится помехой тому способу производства, который развился вместе с нею и под ее влиянием. Сосредоточение средств производства и обобществление труда достигают такой степени, что они не могут долее выносить свою капиталистическую оболочку. Она разрывается. Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторов экспроприируют!» (Капитал, т. I, гл. 24).

Таково научное завершение экономической системы К. Маркса, а вместе с тем и научный прогноз — преобразование капиталистического общества в социалистическое. Только здесь Маркс кончает свой анализ и вплотную подходит к проблеме будущего строительства. Но далее уже начинается не экономическая, собственно, доктрина Маркса, а его социальное и революционное строительство, рассмотрение которого выходит из рамок нашей задачи. Значение же собственно экономической доктрины К. Маркса, как научное, так и общественное, совершенно не сравнимы ни с какой другой научной системой. Являясь непосредственным отпрыском классического дерева, в особенности Д. Рикардо, как в отношении методологии, абстрактности мышления, так и многих отдельных проблем (ценности, заработной платы, ренты и др.), Маркс пошел, однако, несравненно дальше в смысле углубления социальной сущности всех этих вопросов. Разорвав с натурализмом классиков и придав всему своему учению историческо-общественную постанковку, Маркс не только сделал неизмеримо большой шаг в чисто научной проблеме, но своей теорией дал научное обоснование социально экономическому движению конца XIX в. и начала XX в., явившись поэтому их истинным апостолом. Поэтому-то значение социализма К. Маркса совершенно иное, чем, напр., социализма Фурье, С. Симона, Оуэна. Провозгласив, что «дело освобождения рабочих должно быть делом рук самих рабочих», Маркс связал свою научную доктрину с массовым общественным движением, «революционизировал» свои научные выводы. Научная догма слилась таким образом с практическими задачами революционного движения конца XIX в.

Но это обстоятельство оказало существенное влияние на дальнейшее развитие доктрины марксизма. Если у Маркса обе эти стороны представляли одно неразрывное целое, то в школе Маркса и у его даже ближайших последователей положение стало значительно меняться. Революционные эпохи 1848 — 70 годов были изжиты, наступила эпоха реакции и «мирного сотрудничества» с буржуазным обществом на почве легальной парламентской деятельности. Отпала, казалось, значительная часть революционной стороны учения Маркса, а вместе с тем стала подвергаться «пересмотру» и собственно научная сторона экономической доктрины Маркса.

С другой стороны, по понятным причинам, научная доктрина Маркса не могла найти себе официального признания и со стороны представителей официальной буржуазной экономической науки. Со стороны представителей буржуазной экономической науки он вызывал сначала полное игнорирование, а затем яростные нападки, особенно со стороны все более укреплявшейся австрийской школы. Внутри же самой школы также началось не дальнейшее развитие и углубление доктрины, а ее пересмотр. Результаты такого положения оказались конечно крайне неблагоприятными для дальнейшей разработки и развития марксистской доктрины. Собственно после трудов Маркса—Энгельса до сих пор в этой области сделано чрезвычайно мало. Очевидно, что, как идеологическое обоснование воззрений негосподствующего класса, она могла получить развитие лишь тогда, когда этот класс стал, наконец, господствующим.

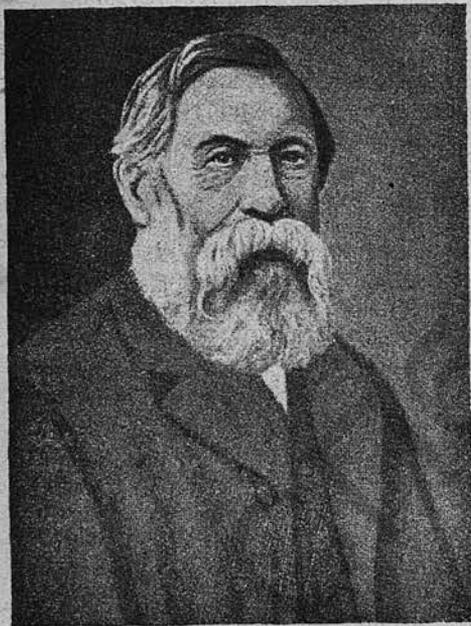
Школа Маркса и ревизионизм.

Марксизм, как определенное направление научного мышления и научная доктрина, имел гораздо более широкое влияние, чем собственно на учеников Маркса, на его школу. Его влиянию подвержены не только представители вообще социалистической школы, но и многие экономисты, далекие от социализма, как Зомбарт, Брентано, Лексис и мн. др. Собственно же к школе Маркса нужно отнести тех представителей научного социализма, которые являются дальнейшими разработчиками его учения.

Из них на первом, конечно, месте необходимо поставить скорее даже *alterego*, чем ученика и последователя Маркса, Ф. Энгельса. Ближайший друг, помощник и сотрудник Маркса в его литературной и общественно-революционной деятельности, Ф. Энгельс не является вполне самостоятельным творцом теории марксизма. Но только рядом с громадным научным значением Маркса имя Энгельса кажется менее значительным. Вообще же в теории марксизма и даже в некоторых сочинениях Маркса трудно отделить то, что является творчеством собственно Маркса и что принадлежит Энгельсу, так как некоторые работы написаны были ими совместно; некоторые, раньше приписывавшиеся Марксу, впоследствии оказались принадлежащими Энгельсу; наконец, Энгельсу принадлежит окончательная редакция и обработка изданных уже после смерти Маркса его II и III томов «Капитала». Из собственных работ Энгельса, кроме мелких газетных статей в «Нов. Рейнской газете», наиболее замечательными являются «Очерки политической экономии», написанные еще ранее знакомства с Марксом и намечающие уже многие положения, впоследствии сделавшиеся основой марксовой теории; далее, «Положение рабочего класса в Англии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Революция и контр-революция в Германии» (приписывавшееся ранее Марксу) и, наконец, главное политическое и теоретическое сочинение Энгельса—«Анти-Дюринг».

Все эти сочинения Энгельса теснейшим образом связаны с доктриной марксизма, составляя ее неразрывное дополнение, дальнейшее углубление и развитие.

К числу других ближайших учеников и сотрудников Маркса, помимо вождей и организаторов германской социал-демократии (Бебеля, Либкнехта, Ауэра, Зингера, Фольмара), принадлежат также такие теоретики публицисты, как Каутский, которому после смерти

Ф. Энгельс.

Энгельса осталось для доработки и издания литературное наследство К. Маркса в виде набросков «Теории прибавочной стоимости». В разработке экономической доктрины марксизма наибольшее значение имел Каутский, который вначале вместе с Либкнехтом и Бебелем являлся представителем и охранителем «ортодоксального» марксизма как в теории, так и в политической деятельности. С 90-х годов, однако, в германской социал-демократии и в германском марксизме возникает новое течение, ставящее себе задачей не углубление и дальнейшее развитие учения Маркса, а его пересмотр, «ревизию». Этот пересмотр возник сначала на почве практической деятельности и политических программ германской с.-д. партии, преимущественно среди

южных деятелей партии, в Баварии, Бадене, где была сравнительно слабо распространена крупная обрабатывающая промышленность и, наоборот, преобладало крестьянское земледельческое хозяйство. На этой почве местные партийные вожди, во главе с Фольмаром, стали все более отклоняться от чистопролетарской программы и требовать включения в партийную программу также положений, касающихся интересов крестьянства. Такая защита мелкобуржуазных слоев немецкого крестьянства приводит к требованиям и других «реформ» в области партийной политической деятельности, в частности, к признанию необходимости сотрудничества с другими политическими буржуазными партиями.

В области собственно научной разработки марксовской доктрины это направление политического «реформизма» нашло себе наиболее

законченное выражение у таких главнейших представителей научного «ревизионизма», как Э. Бернштейн, Давид и др. Бернштейн в конце 90-х годов выступил с целым рядом статей, брошюр и книг, в которых подвергал подробно «пересмотру» все почти части научной системы Маркса (особенно в своей книге «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie» 1899, на которую возражал Каутский в своем «Анти-Бернштейне» — «Bernstein und das socialdemokratische Programm»—1899.

«Пересмотр» начался прежде всего с установленных Марксом законов развития капиталистического общества, в смысле роста концентрации капиталов, обострения классовой борьбы. По мнению ревизионистов, предсказания Маркса в этой области, в смысле усиления классовой розни и все большего классового расслоения капиталистического общества, не оправдались. Маркс строил свои теории преимущественно на фактах наиболее обостренной эпохи 1848—70 г.г., тогда как последующее развитие обнаружило такие явления, которые опровергают мнение Маркса. Достаточно указать на одну кооперацию, значение которой было совершенно неправильно оценено Марксом. Точно также такие явления, как развитие акционерных обществ, свидетелем чего был Маркс, приводили, по мнению ревизионистов, не к расслоению общества и обеднению масс, а наоборот. С ними открывалась возможность мелких сбережений и производительного их употребления, благодаря чему массы малоимущего населения оказывались заинтересованными в капиталистическом строе. Положение рабочих вообще не ухудшается, а, наоборот, вопреки «теории обнищания» Маркса, улучшается. Да, эта теория, говорят ревизионисты, стоит в противоречии со всей концепцией Маркса, ибо, если развитие капиталистического общества приводит пролетариат к одичанию и невежеству, то нельзя от такого класса ожидать возможности переустройства всего общества на новых началах. История развития социального законодательства в наиболее передовых странах,—Германии, Англии,—также не вяжется с прогнозом Маркса. Поэтому, говорят ревизионисты, нет оснований ожидать ту социальную катастрофу и то «крушение» капиталистического строя, которое предсказывал Маркс. Фактически жизнь развивается не в сторону обострения и углубления классовой борьбы, а в сторону ее смягчения, в сторону легальной, мирной деятельности вместо революционной, в сторону необходимости проведения в жизнь важных, хотя-бы и мелких социальных реформ, а не «восстания», не революции против капиталистического общества, ради нахождения социализма. Это стремление к легальному реформаторству есть непосредственная цель и задача, ибо, говорит Бернштейн, «движение—все, конечная цель—ничто».

В частности Давид (в своем знаменитом сочинении *Sozialismus und Landwirtschaft*, 1903) останавливается специально на рассмотрении применения доктрины Маркса к области сельского хозяйства и приходит к заключению, что это последнее особенно резко отличается от хода

экономического развития, установленного Марксом. Здесь уже совершенно нет концентрации даже в тенденции, так как развивается—и должно, в силу особенностей сельского хозяйства, развиваться—мелкое хозяйство, побеждающее крупное.

В дальнейшем «пересмотр» углубляется не только в сторону «законов развития» капиталистического общества, но и чисто научных основ доктрины, включая и основную ее часть, в виде трудовой теории ценности. По мнению ревизионистов, и эта доктрина Маркса должна быть пересмотрена, так как она у самого же Маркса находится в противоречии с другими частями его учения, именно с учением об установлении цен (знаменитое «противоречие» между I и III томами «Капитала»). Притом, эта теоретическая предпосылка вовсе не является исключительно необходимым фундаментом марксово учения, так как без значительных противоречий с общими основами и стремлениями социализма она могла бы быть заменена знаменитой теорией «предельной полезности».

Таким образом, «ревизионизм» действительно не оставлял «камня на камне» от учения Маркса как в области революционно-политической деятельности, так и в чисто научной доктрине. Тем не менее, этот «пересмотр» все же происходил под флагом «социализма», как дальнейшее «улучшение» учения Маркса. Нет надобности здесь подробно останавливаться на известных из теоретического курса политической экономии доказательствах, что такое «улучшение» доктрины Маркса в сущности совершенно уничтожало ее, и, критикуя так Маркса, социалисты-ревизионисты в сущности переходили в лагерь буржуазной демократии. Ясна вместе с тем и причина зарождения ревизионистских идей, как идей так наз. «мелкобуржуазного» социализма, как промежуточного движения слоев общества, отчасти расходящихся в своих стремлениях и интересах с быстрым и грандиозным ростом капиталистических крупных организаций, но вместе с тем далеких и от революционной борьбы, и идеологии промышленного пролетариата. Этим «кризисом марксизма» и заканчивается, в сущности, развитие как практически-политической, так и научной догмы марксизма в германской общественной и экономической мысли. Но рассмотрение этого и последующего периода уже выходит из задач и рамок нашего курса.

Литература о Марксе и марксизме чрезвычайно велика, в особенности русская за последние годы. Кроме упомянутых в тексте сочинений Маркса и Энгельса, а также упомянутых выше общих сочинений о социализме,—Ф. Меринг. К. Маркс, история его жизни. 1920.—Верлин. К. Маркс и его время. 1906.—Каутский. К. Маркс и его историческое значение. 1908.—Д. Гильом. К. Маркс и Интернационал. 1921.—Беер. К. Маркс, его жизнь и учение. 1923.—Д. Спарго. К. Маркс. 1924. По теоретическим вопросам марксизма из более старых: Зибер. Д. Рикардо и К. Маркс. 1897.—Финн. Экономическая система Маркса. 1919.—Гильфердинг. Вем-Баверк, как критик Маркса. 1921.—Рязанов. Маркс и Энгельс. 1923.—Рязанов. Очерки по истории марксизма. 1923.—Т. Григоровичи. Теория стоимости у Маркса и Лассаля. 1923.—Рубин. Очерки по теории стоимости Маркса. 1923.—Плеханов. Основные вопросы марксизма. 1923.—См. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. 1923.

**СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ
ТАБЛИЦА.**

Периоды.	Общая характеристика эпохи.	Техника и экономика.	Общественно-революционные движения.
Конец XV в. и XVI век.	Начало торгового капитализма и апогей сеньориально-поместного хозяйства.	Открытие Америки 1492. Открытие прямого пути в Индию 1498. Торговое преобладание Испании и Португалии. Открытие серебряных рудников в Боливии 1545. Наплыв золота в Европу и «революция цен». Франция. Развитие сеньориального режима. Англия. Начало «огораживания» и крупного землевладения. Апогей ремесла.	Крестьянские революционные движения на почве усиления поместного режима. Восстания крестьян: в Германии 1525, во Франции 1600, в Англии 1549.
XVII век.	Расцвет торгового капитализма и зарождение мануфактур.	Торговое преобладание Нидерландов и борьба их с Англией. Начало торгового развития Англии. Образование Ост-Индской комп. 1602. Образование Вест-Индской комп. 1622. Учреждение Английского банка 1694. Развитие пастбищного хозяйства и начало шерстяных мануфактур в Англии. Франция. Расцвет сеньориального режима и зарождение мануфактур. Развитие торгового флота и колониальных владений. Германия. Расцвет крепостного хозяйства.	Революция в Англии 1688.
XVIII век до Великой Французской революции.	Эпоха мануфактур и кризис сеньориально-поместного хозяйства.	Англия. Расцвет мануфактур. Разложение аграрного строя и пауперизация сельского населения. Изобретение прядильной машины 1765. Франция. Финансовые операции Ло 1720 Отмена цехов 1776. Развитие мануфактур. Германия. Расцвет крепостного хозяйства.	Борьба за земельную реформу 1780. Объявление независимости Соед. Штатов 1779. Генеральные штаты и начало революции 1789.

Социально-экономическое законодательство.	Социалистические утопии и научные доктрины.	Экономические доктрины.
Законодательство Елизаветы об ученичестве в Англии 1562.	Вожди народного социалистического движения: Ф. Мюнцер 1490—1525. И. Лейденский 1510—1535. Социальная утопия Т. Мор 1478—1545. Ф. Кампанелла 1568—1639.	Меркантилизм. В. Стаффорд 1581. О. Чайлд. Б. Даванцати 1529—1606. Ж. Боден 1530—1596.
Навигационный акт Кромвеля 1651.	Покровительств. таможенные тарифы во Франции 1664—1667 г.	Т. Мен. 1571—1641. «Рассуждение о торговле Англии 1609—1621. «О богатстве Англии» 1664. Реакция против меркантилизма. Деллей Порт 1644—1691. Рассуждение о торговле 1690. Французский меркантилизм. Кольбер 1619—1683.
	Идеологи «народного социализма» во Франции: Ж. Мелье 1664—1729. Веррас д'Алле «История сверамбов» 1675.	Д. Юм 1711—1776. Основание классической школы. А. Смит 1723—1790 и «Богатство народов» 1776. Физиократизм. Ф. Кене 1694—1774 «Экономическая таблица» 1758. Тюрго 1727—1781.

Периоды.	Общая характеристика эпохи.	Техника и экономика.	Общественно-революционные движения.
Конец XVIII в. и до 1815 года.	Эпоха буржуазной революции во Франции и промышленного переворота в Англии.	Англия. Промышленная революция и начало фабричной промышленности. Падение цехов и домашней промышленности. Изобретение машин: прядильной Гаргривса 1770 г., Аркрайта 1771 г., мюльной Кромптона 1779 г., механического станка Картрайта 1785 г., паровой машины Уатта 1777 г. Усовершенствования в металлургии 1780 г. Накопление крупных капиталов. Окончательное исчезновение крепостничества и развитие пауперизма. Франция. Падение сеньориального режима и сословного строя. Германия. Освобождение крестьян и выкуп земель.	Движение «ледитов» (разрушителей машин) в Англии 1810—16. Стачка ткачей 1812 Учредительное собрание и Национальный Конвент 1791.
С 1815 по 1830 год.	Эпоха европейской политической реакции и промышленного кризиса.	Англия. Торговое и промышленное преобладание Англии. Усиление огораживания и сел.-хоз. кризис. Быстрый рост городов. Первая жел. дорога 1826. Первый промышленный кризис 1817—1825. Франция. Экономический застой и реакция.	Реставрация Бурбонов 1815. Священный союз 1815.
С 1830 по 1848 год.	Первые попытки завоевания власти буржуазией и подготовка рабочего движения.	Англия. Осуществление принципов экономической свободы. Закрытие Ост-Индской компании и свобода торговли 1833. Промышленный подъем 1833—34 г. и кризисы 1836—39 гг. Франция. Начало грюндерства и предпринимательства 1830. Германия. Начало торгово-промышленного подъема.	Движение чартистов 1830—40 г. Июльская революция 1830 и свержение Бурбонов. «Буржуазная монархия» Луи Филиппа. Подготовка рабочего движения.

Социально-экономическое законодательство.	Социалистические утопии и научные доктрины.	Экономические доктрины.
Начало фабричного законодательства в Англии 1802. Революционный раздел земель во Франции 1790.	Бабеф 1760—1797 и «заговор равных» 1795. Сен Симон 1760—1827. Фурье 1772—1837.	Расцвет классической школы. Рикардо 1772—1823. Мальтус 1766—1834.
Падение хлебных цен и закон Питта 1815. Закон о фабрич. раб. 1819. Закон о свободе союзов 1824.	Р. Оуэн 1771—1858 и его деятельность в области социального законодательства. Фурьеризм во Франции.	Школа Рикардо-Мальтуса. Ж. Б. Сэй (1768—1832) и популяризация классической школы во Франции.
Избирательная реформа в Англии 1832. Освобождение негров 1833. Народная Хартия 1838. Законодательство о труде 1839—42. Отмена хлебных законов 1846. Германский Таможенный Союз 1834.	Аграрный социализм. Д. О'Конор. Организация социалистических общин Оуэна. Заговорщицкий социализм О. Бланки 1805—1881. Утопический социализм Кабе (1788—1856), «Путешествие в Икарию» 1840.	Ф. Бастиа 1801—1850 и упадок классической школы. С. Сисмонди 1773—1842 и оппозиция классической школе. К. Тюнен (1783-1850).

Периоды.	Общая характеристика эпохи.	Техника и экономика.	Общественно-революционные движения.
С 1848 по 1870 год.	Диктатура национальная буржуазии и начало рабочего движения.	Англия. Расцвет английского промышленного и торгового господства. Отмена Навигационного акта 1849. Таможенная реформа 1860. Открытие золотых россыпей в Калифорнии и Австралии 1850. Развитие жел. дор. и банков. Начало морского парового транспорта 1861. Изобретение парового плуга 1849. Кризисы в английской промышленности 1847, 57, 66 гг. Франция Начало господства промышленной буржуазии. Германия. Экономическое объединение Германии.	Революция 1848. Революция 1848.
С 1870 по 1900 год.	Начало империалистической эпохи в капитализме и международный характер рабочего движения.	Всекапиталистич. страны Европы и Америки. Прорытие Суэцкого канала 1869 г. Прорытие Панамского канала. Развитие мировой торговли. Расцвет колониальной политики. Усиление эмиграции из Европы. Финансовый капитал. Развитие мирового трестирования промышленности.	Франко-прусская война и политическое объединение Германии 1870—71. Парижская Коммуна 1870.

Социально-экономическое законодательство.	Социалистические утопии и научные доктрины.	Экономические доктрины.
Признание тред-юнионов 1869. Организация общественных мастерских. Борьба за избирательную реформу.	Государственный социализм. Луи Блан 1811—82. Лассаль 1824—64. Бланкизм во Франции. Мелкобуржуазный социализм Прудона (1809—1869). Вейтлинг 1808—1871. К. Маркс (1818—1883) и научное обоснование социализма и международного рабочего движения. 1-ый Интернационал 1864.	Д. С. Милль 1806—1873. Возникновение исторической школы в Германии. Лист 1789—1846. Рошер 1817—1894. Гильдебранд 1812—1878. Книс 1821—1898.
Развитие социального законодательства в европейских странах.	Эпоха марксизма и укрепление социал-демократии. Ревизионизм в Германии. Синдикализм во Франции. Нов. тред-юнионизм в Англии.	„Союз социальной политики“ и Эйзенахский съезд. Вагнер, Шмоллер, Шенберг, Шефле и другие. Австрийская школа. Менгер, Бем-Баверк, Вальрас, Джевонс, Кларк и др.

СНБГУ

Оглавление.

	Стр.
Введение.	5.

ЧАСТЬ I.

Буржуазные экономисты.

Глава I. Меркантилизм.	10
„ II. Физиократизм	22
„ III. Классическая школа	36
А. Смит	41
„ IV. Классическая школа	62
Р. Мальтус	64
Д. Рикардо.	71
„ V. Последователи классической школы в разных странах	90
Ж.-Б. Сэй.	92
К. Тюнен.	95
Г. Кэри	99
Ф. Бастиа.	101
„ VI. Критика и оппозиция в классической школе	109
Дж. Ст. Милль.	111
С. де-Сисмонди	116
„ VII. Историческая школа	124
„ VIII. Возрождение абстрактной экономики.	140
Психологическая школа	145
Математическая школа	147

ЧАСТЬ II.

Социализм.

Глава I. Общее понятие и системы социализма.	153
„ II. Утопический социализм XVI-XVII в.в.	164
„ III. Социализм революционной эпохи и великие утописты	173

	Стр.
Сен-Симон.	177
Ш. Фурье.	184
Р. Оуэн.	191
Глава IV. Начало рабочего движения и социализм первой по- ловины XIX в.	199
Э. Кабе.	203
Л. Блан.	208
В. Вейтлинг.	212
" V. Прудон и анархизм.	214
П. Ж. Прудон.	218
" VI. Научный социализм.	222
К. Родбертус.	228
Ф. Лассаль.	240
" VII. Карл Маркс и марксизм.	244
Школа Маркса и ревизионизм.	257
<i>Приложение.</i>	
Синхронистическая таблица	261

Рабочее Издательство „ПРИБОЙ“.

Проспект 25-го Октября, 52.

Ленинская библиотечка.

Отдельные сочинения В. И. ЛЕНИНА.

- Вып. 1. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения . . . 40 к.
» 2. Шаг вперед, два назад (кризис нашей партии) (печ. сл. изд.). . . 30 к.
» 3. Две тактики социал-демократии в демократ. революции (печ.) . . . 30 к.
» 4. Империализм, как новейший этап капитализма . . . 30 к.
» 5. Государство и Революция . . . 30 к.
» 6. О Марксе и марксизме . . . 20 к.
» 7. Очередные задачи Советской власти . . . 15 к.
» 8. О продовольственном налоге . . . 10 к.
» 9. О кооперации . . . 10 к.
» 10. От Русской революции к мировой (письма к иностр. раб.) (печ.) . . . 7 к.
» 11. О религии . . . 40 к.
» 12. Уроки Ильича . . . 50 к.
» 13. Что такое дружба народа . . . (печ.) . . . 50 к.
» 14. Империалистическая война и раскол социализма . . . (печ.) . . . 50 к.
» 15. Детская болезнь «левизны» в коммунизме . . . (печ.) . . . 50 к.
» 16. Пролетарская революция и ренегат Каутский . . . (печ.) . . . 50 к.
» 17. О национальном вопросе . . . (готов. к печ.) . . . 50 к.
» 18. На пути к Октябрю . . . (готов. к печ.) . . . 50 к.
» 19. Последние речи и статьи . . . (готов. к печ.) . . . 50 к.
» 20. Крестьянство и революция в России . . . (готов. к печ.) . . . 50 к.

Кроме того, вышли следующие книги и о ЛЕНИНЕ:

- Г. Зиновьев.**—В. И. Ленин (его жизнь и деятельность).—Два доклада на Пленуме Ленинградского Совета. Стр. 62. р. 15 к.
Л. Каменев.—Ленин и его партия. (печ.) . . . 40 к.
А. Гильбо.—Ленин (описание его жизни. Перевод с французского). Книга иллюстрирована. Стр. 164. 1 р. — к.
Г. Зиновьев.—По пути Ильича (политич. отчет ЦК XIII Съезду РКП (б)). р. 35 к.
В. Быстрицкий.—Ленин, как материалист-диалектик (печ.) . . . 15 к.
С. Канатчиков.—Ленин и крестьянство р. 20 к.
Биография Ленина—в датах и числах р. 25 к.
30 августа 1918 года (Материалы к годовщине покушения на В. И. Ленина). р. 25 к.
Л. Булгакова.—Материалы к биографии В. И. Ленина (1917 — 23 г.—Указатель трудов Ленина и литературы о нем за тот-же период). Стр. 296. 1 р. 50 к.
И. Сталин.—О Ленине и ленинизме (лекции, читанные в Свердловском Университете). р. 35 к.
Спутник Ленинца.—Пособия для сокращенных партшкол (сборник материалов). (печ.) . . . 116 к.
Хрестоматия по ленинизму.—Пособие для совпартшкол, кружков ленинизма и самообразов., ч.ч. I и II. Стр. 292 и 352. (печ.) . . . 116 к.
„На могилу Ильича“.—Сборник статей, характеристик и пр. Стр. 116. р. 60 к.
„Об Ильиче“.—Сборник истпарта, статьи и материалы.—162 стр., с рисунками р. 80 к.